Мы на земле,
где вы живете...

ЗЕМЛЯКИ

Нижегородский альманах

Выпуск сороковой (№ 1, 2026)

«КНИГИ»
Нижний Новгород
2026

УДК 821.161.1(082)
ББК 84 (2 Рос-Рус)6 я43

З53

Главный редактор *О.А. Рябов*
Шеф-редактор *А.И. Иудин*
Составители *А.И. Иудин, О.А. Рябов*

Общественная редколлегия:
В.Н. Безденежных, Н.А. Бенедиктов, С.А. Горин, Е.Н. Крюкова, З. Прилепин, В.И. Седов, Г.В. Щеглов, Е.Р. Эрастов

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ ООО «КНИГИ»
Адрес редакции и адрес издателя: 603057, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги». Тел. (831) 412-16-04
E-mail: zemlyaki-nn@yandex.ru
Рукописи не рецензируются и не возвращаются

З53 **Земляки**. Нижегородский альманах. Выпуск сороковой (№ 1, 2026). Составители: А.И. Иудин, О.А. Рябов. – Нижний Новгород: издательство «Книги», 2026. – 480 с.

В очередном выпуске альманаха наряду с произведениями известных писателей представлены наиболее интересные тексты молодых авторов – как наших земляков, так и из других регионов Российской Федерации и зарубежья.

В отдельных рубриках – публицистика, материалы по истории края, воспоминания, обзор новых книг писателей-нижегородцев, ироническая поэзия и проза, а также произведения для семейного чтения.

Альманах зарегистрирован в Управлении Роскомнадзора по Нижегородской области.
Свидетельство о регистрации: ПИ № ТУ 52-0246

© Иудин А. И., Рябов О. А. Составление, 2026
© Издательство «Книги», 2026

ISBN 978-5-94706-304-2

СОДЕРЖАНИЕ

Нижегородский почерк

Марина СОЛОВЬЕВА
МАЛЬВИНА ИЗ МОРГА 6
Дмитрий БИРМАН
СИСТЕМА 78
Александр ЛОМТЕВ
КУБА – ЛЮБОВЬ МОЯ… 88
Светлана ЛЕОНТЬЕВА
ЗИМА В ГИПСЕ. 95
Владимир ЛЕБЕДЕВ
ДОЖЖИК-ОТ УШЁЛ! 102
Ольга КОСОВА
КОРЗИНКА С ГРИБАМИ 108
Пётр РОДИН
ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ 114
Татьяна ДУБРОВСКАЯ
ЧУДОТВОРЕЦ. 117

Лирический портрет

Евгений РАЗУМОВ
ДА И ВСЯ-ТО СУДЬБА НА КЛОЧКЕ ЛИСТА... 122
Владимир РЕШЕТНИКОВ
МНЕ БЫЛО МИНУС ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ... 127
Наталия ЮРКЕВИЧ
НЕ ХОДИТ ВРЕМЯ ДОРОГОЙ РОВНОЙ... 132

Из свежей прозы

Елена ГОФМАН
МЕДВЕЖИЙ ОСТРОВ 136
Александр ЮДИН
ЧУХЛОМСКАЯ БЫЛЬ 160
Светлана ЛУКАШ
КАРЬЕРА АНЖЕЛИКИ 184
ПОСЛЕДНЯЯ ПАМЯТЬ 189
Владимир КУЗИН
СОБАКА, НА КОТОРОЙ НЕ ТАЯЛИ СНЕЖИНКИ . . . 194
ЛЕНКА-ПЕНКА 202
Татьяна ПОПОВА-БОРИСОВА
БАБУШКА 205

Рустам МАВЛИХАНОВ
FRÜHLING IN PARIS 210
Сергей МОСКВИТИН
СКАЗКА НА НОЧЬ 213
Людмила ТОБОЛЬСКАЯ
ЗНАКОМСТВО 217
ГОСТЬ 219

Лирический портрет

Алексей ОСТУДИН
СМОТРИ, ФИГУРУ РЕЧИ НЕ ЗЕВНИ... 221
Эльвира КУКЛИНА
СОРВИСЬ, КАНОТЬЕ, – И КАТИСЬ МОСТОВОЙ!.. . . . 225
Надежда КНЯЗЕВА
ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ АВГУСТА... 230

Из будущих книг

Александр ЦИБЕРКИН
ТОНЬКА 233
Олег СУХОНИН
КОРОТКИЙ МЕТР БОНЧА. *Главы из повести* *283*

Стихи по кругу

Мария ПРОКОФЬЕВА 306
Иван МАЛОВ 307
Елена ГАЛИАСКАРОВА 308
Виктор ЛЯПИН 309
Надежда БЕСФАМИЛЬНАЯ 310
Валерий МУХИН 312
Андрей АЛЬПИДОВСКИЙ 314
Валерий ФОКИН 315
Юрий ТУБОЛЬЦЕВ 316
Наталья ОСТАФИЙЧУК 316
Сергей ЖЕНИХОВ 317
Александр РЫЖКОВ 317
Екатерина ГРУШИХИНА 319

Публицистика

ЗВЕЗДА В ЗЕНИТЕ
Беседа с писателем **Борисом ЛУКИНЫМ** – отцом солдата, погибшего при освобождении Мариуполя 320

Театр

Николай ПАВЛОВ
«НА ДНЕ» В 1902 ГОДУ 343

Далекое — близкое

Михаил ЧИЖОВ
УГОЛКИ НИЖНЕГО. ГРЕБЕШОК 370
Александр ЛУШИН
ТАЙНЫ АПТЕКАРСКОЙ СЕМЬИ ЭВЕНИУСОВ 389
Виктор ШИМОЛИН
Я ВСПОМИНАЮ ДОМ СТАРИННЫЙ...
Образ поэта Максима Богданович
в работах фотографа Максима Дмитриева 399
Марина ГОРЕВА
ЧТО ПОТЕРЯЛА «РОССИЯ» 407

Книжная полка

Александр ГРАДУСОВ
СЛОВАРЬ ЖИЗНИ
О книге Н.Ю. Русовой «Дама сдавала в багаж…» 411

Русский смех

Иронические стихи
Сергей ШУСТОВ 418
Игорь ШВЕДОВ 422
Эдуард КУЗНЕЦОВ
РАЗРЫВ, РАЗВОД... 425

Семейное чтение

Олег ВИЗЕР
ТАЙСОН 438
Альберт ЮСУПОВ
СКАЗКИ 466
Стихи для детей
Юлия ПИСКУНОВА 476
Мария ПРОКОФЬЕВА 477
Нина НОСОВА (ПРЫТКОВА) 479

Марина СОЛОВЬЕВА

МАЛЬВИНА ИЗ МОРГА

Вступление

Мечта о работе в реанимации не оставляла меня со студенческой скамьи. Я увлекся этой специальностью в начале девяностых, как только впервые попал в операционную. Все следили за точными движениями хирурга, а я не отводил глаза от анестезиолога, дающего наркоз. Он шутил, о чем-то рассказывал, выполняя при этом свою работу легко, будто играючи. И так случилось, что именно в этот раз, во время плановой операции, у больного случилась остановка сердца.

Всю нашу группу немедленно выпроводили из оперблока. И только я волей случая остался – в последний момент мне в руки кинули тройник-удлинитель и велели срочно воткнуть его в розетку. А потом про меня просто-напросто забыли. И я увидел почти мгновенную магию превращения неспешного врача-юмориста в собранного профессионала, спасающего жизнь, висящую на волоске. Отсутствие даже намека на панику. Тишина, прорезаемая спокойным твердым голосом, отдающим команды. Ни одного лишнего движения, ни единой напрасно потраченной секунды, ни одного бесполезного слова. Лаконичность во всём – такая работа. И хирурги, стоящие в стороне, с приподнятыми руками в испачканных кровью перчатках...

Когда сердечный ритм был восстановлен, я, оглушенный и потрясенный, все еще сидел на корточках около розетки. Долго не мог прийти в себя от увиденного. Анесте-

зиолог уже снова шутил, хирурги оперировали, а я понял, что хочу заниматься только этим.

Посещал студенческий кружок, подрабатывал в палате интенсивной терапии медбратом, постоянно крутился среди анестезиологов-реаниматологов, впитывая в себя, как губка, разные истории спасения сложных больных. Все это мне безумно нравилось. Я получал удовольствие от ощущения, что действую в слаженной команде, особенно когда пациента, балансирующего между жизнью и смертью, удавалось вытащить с того света, причем не без моей помощи. Во внимании и тщательности выполнения врачебных назначений мне не было равных. Если я дежурил, коллегам было спокойно. Именно так они говорили, и думаю, не без оснований. В интернатуру попал легко, поскольку давно уже стал в этом кругу своим. Место, на которое очень рассчитывал, вот-вот должно было освободиться.

А дальше началась пора сюрпризов… На вакантную должность взяли сынка какого-то профессора из медакадемии, вежливо напомнив мне: в институт я поступал по целевому направлению из конкретного района. Увы, это действительно было так, хоть к тому району я никакого отношения не имел и с рождения жил в городе. Однако конкурс в год моего поступления оказался запредельным, а вот для целевиков он был куда лояльнее. Родители бросились поднимать старые связи. Помог одноклассник отца, работавший тогда в администрации отдаленного района. Все получилось – я стал студентом, напрочь забыв о ЦРБ в поселке со странным названием Чудь, куда я вовсе не планировал ехать, поскольку отцовский приятель заверил, что этот вопрос обязательно решит.

Однако к моменту окончания мной института, он поменял не только работу, но и место жительства. А это означало, что теперь я должен был в этот район вернуться и отработать там три года. Я и не предполагал, что это обязательство настолько серьезно, и нельзя отмазаться. Но услышав сумму, которую нужно вернуть в случае отказа, смирился. В конце концов, нет ничего страшного в том, что придется на три года засесть в ЦРБ самого далекого

и богом забытого района области, да ещё и с таким названием. Всё равно это шанс набраться опыта, стать настоящим врачом, благо связи имеются, и с кем посоветоваться тоже есть.

А в выходные можно рвануть в город к родителям и старым друзьям. Двести пятьдесят километров – не расстояние, когда имеется собственный транспорт. Не новая, но крепкая и всё ещё модная машина модели «Форд Скорпио» цвета «мокрый асфальт», досталась мне почти чудом от покидающего страну соседа-еврея. У него оставалось совсем мало времени до отъезда и пришлось сбавить цену до вполне адекватной. Иномарки в то время только-только появлялись и были не просто дефицитом, а чудесной невидалью и баловством одновременно. От предчувствий и возможности обладания таким авто «в зобу дыханье сперло». Родители, глядя на мои страдания, решили поучаствовать в покупке и добавить мне недостающих денег.

С тех пор машина была моим главным аргументом состоятельности и разумного пижонства, служила верой и правдой, провоцируя на путешествия, вызывая восхищение и естественное чувство зависти у окружающих. Если же к форду приплюсовать мою одержимость врачебной профессией, веселый нрав, высокий рост и весьма симпатичную внешность, имеющую, по мнению знакомых барышень, отдаленное сходство с Аленом Делоном, то видимых причин для беспокойства у меня не было. Впереди мелькало только прекрасное светлое будущее, пусть и в условиях далекой деревни.

Глава 1

Однако главное потрясение ожидало меня в кабинете главного врача центральной районной больницы Петра Петровича. Оказалось, что анестезиолог-реаниматолог, прослуживший последние лет тридцать заведующим отделением, внезапно передумал уходить на пенсию. И поэтому взять меня работать по специальности не представляется возможным. Но и уехать я тоже не могу, так как должен больнице и государству три года своей жизни.

– Да не переживайте вы так, Илья Александрович! – маленький и кругленький главврач с блестящей лысиной по-отечески похлопал меня по плечу. – Специально для вас придерживаю одно свободное местечко… патологоанатома. Тихо, спокойно, никто на ваших руках точно уже не умрет. Поработаете, освоитесь, мы к вам приглядимся, вы к нам привыкнете, а там как Бог даст. Может, еще и уходить с этого места не захотите!

Он неуместно хихикнул, потом икнул и с видом волшебника ловким движением выхватил из горы раскиданных на столе бумаг, ту самую, предназначенную для меня – направление на курсы первичной специализации.

Спустя положенное время, я снова стоял перед главным врачом, сжимая в руках документ, позволяющий мне работать патологоанатомом. Опущу все мысли и страдания, посетившие меня за это время. Я был собран и настроен решительно, повторяя про себя, как мантру: «пройдет и это». Каждую секунду каждой клеточкой своего организма я чувствовал, что это не мое, но противиться бесполезно. Нужно терпеть и ждать перемен, потому что просто привыкнуть к новым реалиям невозможно.

Как я упомянул выше, село носило красивое и интригующее название Чудь. Местные поговаривали, что просто так подобные названия не даются. И связано это не только с чудесами, здесь иногда происходящими, и точно не с местными чудаками. Старики с удовольствием и вполне серьезно рассказывали легенды о мифическом народе, ушедшем когда-то жить под землю вместе со своими сокровищами. А ещё про живой дух болота, испытывающий людей на прочность. Слушать их было занятно.

Места здесь оказались по-своему красивые, хоть и топкие. Низкорослые деревья с причудливо изогнутыми корявыми стволами и выпирающими наружу корнями, будто искали хоть какую-то опору в зыбкой почве. По лесу разбросаны озера с торфяными, похожими на бархат берегами и черной водой, как в зеркале отражающей небо. Кто-то назвал их «глазами земли», и это было очень похоже на правду. Густой воздух с запахом влажного мха, терпкого багульника и сладковатой гниющей клюквы пьянил и убаюкивал.

Устроился я недалеко от больницы. Снял угол у бабки Параскевы, она просила себя так называть. Жили мы дружно, хоть дома я бывал не так часто. Хозяйка моя считалась в поселке главной среди местных старушек и вечно встревала в какие-то деревенские разборки, находя приключения на свою голову. Ко мне относилась тепло и снисходительно, уважая за профессию и делая скидку на еще относительно нежный возраст своего квартиранта. У Параскевы из родственников никого не было, и она с удовольствием взялась меня опекать и подкармливать, воодушевленно рассказывая местные новости и разбавляя их душещипательными историями с историческими справками о селе Чудь.

Где правда, а где вымысел, я даже и разбираться не хотел. Слушать рассказы Параскевы под чаек с наколотым специальными щипцами коричневым сахаром было приятно. Она это чувствовала и ловила кураж, смешно причмокивая одной стороной рта. Бабка варила самогон и ловко реализовывала его постоянным клиентам, умела гадать и сушила на сеновале непонятные травы. К удивлению окружающих, мы ладили с ней и были вполне друг другом довольны.

На мое счастье умирали в больнице не так часто. Иногда вызывали на криминальные трупы, и я работал в одной бригаде с милицией в качестве судмедэксперта, но это было даже интересно и первое время напоминало кино. Случалось это не так часто, обычно во время отсутствия их штатного специалиста. Я постоянно находился в состоянии боевой готовности, изучая новую специальность почти с нуля. В свободное время ходил на третий этаж в реанимацию и просто дышал знакомым воздухом, получая удовольствие от привычной для себя обстановки. Вскоре я устроился туда поддежуривать медбратом, поскольку это не возбранялось, а с хорошими кадрами была напряжёнка.

Единственным человеком, который по-настоящему скрашивал мое больнично-деревенское существование, была медсестра Варенька. Худенькая, ростом чуть выше среднего, с осанкой и походкой балерины, пшеничными волосами, гладко собранными в высокий и туго закручен-

ный пучок, открытой длинной шеей и серьезными глазами цвета жженого сахара. Такого цвета продавали на рынке леденцы в форме петушков. Мне мама в детстве такие покупала. И я подолгу ходил со сладким подарком в руках, пытаясь поймать фигуркой солнечный луч. Если это удавалось, петушок начинал играть невероятной палитрой красок, повсюду раздавая блики.

Заглянув впервые в эти девичьи глаза, я сразу провалился в давно забытые теплые ощущения. Не обратить внимания на Вареньку было невозможно. И я, конечно, обратил при первой же нашей встрече. Она сдавала мне дежурство. Мы разговорились, и сразу стало понятно, для чего я здесь. Варенька брала суточные дежурства в реанимации и еще подрабатывала медсестрой в терапии. И хотя в реанимации мы часто находились в противофазе, сменяя друг друга на посту, это не мешало нам пересекаться. Очень скоро я понял, что влюблен.

А через месяц мысли о женитьбе стали посещать меня при каждом взгляде в леденцовые глаза. Мы гуляли, взявшись за руки, по осеннему угрюмому лесу, тонущему в моховых подушках, наслаждались свежим воздухом с горьковатой ноткой увядания, слушали монотонный хор лягушек, вздыхающий шелест камыша и целовались, тщательно скрывая на людях наши зарождающиеся отношения. Так хотела моя возлюбленная, и я не думал противиться. Значит, так надо. Деревня же.

Длинный и тощий заведующий отделением анестезиологии и реанимации с необычным для деревенского жителя русской глубинки именем Соломон Петрович быстро понял, что я неплохо разбираюсь в профессии, и вскоре стал перекладывать на меня часть совсем не медсестринской работы. Он оказался родным братом главного врача, хоть поверить в это было трудно. Казалось, объединяли их только безграничная уверенность в важности собственных персон и лысые головы.

Не помню, кто именно, глядя на нас троих, первым произнес фразу: «Пузырь, Соломинка и Лапоть». Про Пузыря и Соломинку все было ясно. А вот Лаптем сделали меня.

Да и фамилия моя Плетнев к такой кличке будто сама подталкивала. С тех пор меня редко называли по-другому. Сначала кликуха вошла в обиход при общении персонала между собой, а потом ко мне так стали обращаться в открытую.

Я не возражал. Приехать в глухой район, устроиться на место, где никто не мог удержаться последние лет десять, и выполнять работу, не вызывающую ничего кроме отвращения, за мизерную зарплату голой ставки? Лапоть и есть Лапоть.

Глава 2

В моем подчинении находился санитар Прохор. Ему было тридцать восемь, но регулярное употребление разведенного медицинского спирта добавляло лет и заметно отражалось на его и так-то своеобразной внешности. Выглядел он, мягко скажем, не очень. Говорили, в детстве в лесу мальца поломал медведь и он чудом выжил. После случившегося надолго онемел, выдавая лишь нечленораздельные звуки. Потом начал говорить, но с сильным заиканием. Его нельзя было назвать инвалидом, однако сильная сутулость спины и шея, заметно склоненная в правую сторону, наводили на мысли о незалеченной травме.

Но на отекшем его лице – голубые кукольные глаза. Красивейшие глаза Мальвины из сказки. От такого несоответствия становилось не по себе. Как оказалось, его так между собой и называли: Мальвина из морга. Он трудился на этом месте давно и ничего не боялся, ловко передвигая трупы своими сильными руками. Эти его руки на фоне субтильного тела сразу же бросались в глаза. Они были жилистыми, мускулистыми и непропорционально длинными. Крупные широкие ладони напоминали лопаты. От него всегда попахивало алкоголем. Разница была лишь в интенсивности этого винно-водочного аромата.

Причем, чем пьянее был Прохор, тем легче разговаривал и смелее становился. Откуда-то появлялась неожиданная дерзость, а в ярких глазах вспыхивали веселые огоньки-чертики. В его жизни случались женщины. И не так уж

редко. Приводил он их прямо сюда, в морг, о чем я был заранее предупрежден в первый же рабочий день. О дальнейшем я сразу запретил себе думать. Мой санитар неплохо ориентировался и в работе патологоанатома. На первом же трупе он встал напротив и, ловко орудуя инструментами, помогал при вскрытии. Он не обращал внимания на мои предательски дрожавшие руки и только приговаривал:

– Д-давай, давай, Илюша, не д-дрейфь! Т-ты же не Лапоть, а п-пато-логоанатом!

Таких санитаров никогда не встретишь в городе, да и не позволят им ничего взять в руки, кроме половой тряпки. В районе – другое дело, особенно в девяностые и при дефиците кадров, когда месяцами задерживали зарплату, а вереницы медиков резво пополняли ряды новоявленных бизнесменов. Прохор был насмотренный и наученный моими предшественниками, он многое на себе тащил. И это реально облегчало работу. Даже удивительно, что на этом месте никто надолго не задерживался.

Моя жизнь протекала между отделением реанимации, расположенным на верхнем этаже больницы, где я хорошо владел навыками профессии, но выше должности медбрата прыгнуть не мог, и моргом внизу, где властвовал голубоглазый санитар Прохор-Мальвина, а я был заведующим, мало в чем сведущим. Такой вот каламбур и ухмылка. Нет: гримаса и перекошенная злобная морда судьбы.

Крыло здания, где располагался морг, имело свой отдельный вход с улицы, а также дверь прямо из холла больницы, ключи от которой мне вручили сразу для быстрого движения между отделениями. Получалось, что сначала я изо всех сил пытался вернуть к жизни пациента в реанимации, прилагая для этого все знания и умения. За это время человек переставал быть для меня чужим: мы переговаривались, а если состояние позволяло, то могли и пообщаться на самые разные темы.

В реанимации, как в преисподней, все будто на финишной прямой. Все голые, мужчины и женщины в одном помещении, питание не предусмотрено. Родственники остаются за чертой, через которую не пробраться. Навещать

не разрешено. А дальше – как повезет. Или как Всевышний распорядится. В случае неудачного исхода проводить патологоанатомическое исследование тела умершего тоже предстояло мне. А это уже совсем другое ощущение, чем вскрывать незнакомого человека. Не получается отстраниться, хочешь не хочешь, а пропускаешь эмоции сквозь себя. И они начинают рвать душу на части.

Привыкнуть к этому сложно. А если умерший – житель поселка или близлежащей деревни, тогда предстоят еще и похороны. И тебе обязательно нужно идти. Так положено. Нет, никто не будет осуждать или ругать. К медикам в районе относятся с большим уважением. Раз не смогли спасти, значит, вмешалась Божья воля. Но уж на похоронах ты присутствовать обязан. И ты будешь там почетным гостем, ведь старался же, просто не получилось по разным причинам. На поминках посадят в центр стола, будут подкладывать еды и следить, чтоб рюмка не опустела.

Когда я впервые прошел этот путь со своим первым пациентом – молодым крепким парнем – от его поступления в реанимацию до поминок, не мог спать недели две. Он был прооперирован по поводу гангренозного аппендицита. Сам запустил, долго терпел и не обращался за медицинской помощью. В итоге, воспаленный отросток лопнул, а содержимое вышло в брюшную полость. Хирурги занимались с ним долго, да и потом делали все возможное: промывали через дренажные трубки, кололи антибиотики… Но развитие перитонита остановить не могли. Перевели в реанимацию.

Этот парень-студент приехал к родителям на каникулы. Учился в художественном училище и был очень увлечен своей творческой профессией. Он устроился рабочим сцены в театре, пересмотрел все постановки, рассказывал, что и как нужно обязательно поменять в декорациях спектаклей с его точки зрения. У него загорались глаза и даже отступала боль, когда он начинал об этом говорить. Парень мечтал стать художником-оформителем, очень переживал, что опаздывает к премьере, где помогал рисовать задник и что-то еще. Его лихорадило последние три дня, температура зависла на цифре 40 и никак не хотела снижаться.

Он умер на моем дежурстве, когда я менял ему капельницу. Несколько раз глубоко вздохнул с долгим перерывом, а потом затих. И я замер, не понимая, что же делать дальше. И только капельница методично продолжала свою работу, заливая бесполезные лекарства в уже начавшую спадаться вену.

На вскрытии мы обнаружили забытые хирургами салфетки. Мальвина вытащил сразу два скомканных куска марли, пропитанных кровью и гноем, и пронзил меня взглядом своих лазурных глаз, вмиг обратившихся в холодные льдинки. Это то самое ЧП в мире медицины, ошибка и трагедия, когда вся дальнейшая судьба врача зависит от патологоанатома, хоть ему всего двадцать четыре и это первый год его работы.

В заключении я написал все как было, а уже через двадцать минут был вызван к главному врачу. Туда же прибежали хирурги, уверенным шагом зашел заведующий реанимацией Соломинка. Ревущие выкрики шатали стены. Гнев Пузыря струился жаром раскаленной плиты. Пухлые влажные щеки пылали, а маленькие глаза почти исчезли в складках разъяренного лица. Он так размахивал короткими толстыми руками, что рисковал прилюдно лопнуть. Страсти кипели, но почему-то по итогу все претензии предъявлялись мне. Все в один голос настоятельно требовали убрать из заключения информацию про обнаруженные салфетки.

– Парню уже не помочь, а проблемы у больницы и у коллег точно будут, – главный врач перешел на леденящий душу шепот и приблизил свою побагровевшую голову так близко, что я смог в мельчайших бисеринках рассмотреть испарину на его гладкой лысине. Массивное тело напряглось и замерло.

– Там сильно кровило, еле-еле затампонировали! Мог бы вообще на столе остаться! – оправдывались хирурги, хватаясь кто за голову, кто за сердце. – Да и без этих салфеток он бы все равно умер. Там же настоящий разлитой перитонит после перфорации аппендикса.

– Ваша забытая марля лишила его последнего шанса на жизнь! – медленно произнес я. – А он талантливый был, в театре работал, художником стать мечтал…

– Так. Заключение переписать! Все, что здесь обсуждалось, пусть тут и останется. Хирургам – последнее китайское предупреждение. Лишил бы вас премии, да и так денег почти не платят! – главврач издал звук, похожий на хрюканье, и протер носовым платком вспотевшую лысину. – Все по местам. Работаем!

Я медленно писал новую бумагу под немигающим взглядом ярких синих глаз. Мальвина ничего не говорил, только поглядывал на меня исподлобья. Рядом лежало молодое крепкое тело идеальных пропорций, которому не суждено стать востребованным, а может быть, даже гениальным художником-оформителем театральных постановок. Можно было, конечно, упереться за правду и противопоставить себя коллективу. Но что бы это дало? Сегодня ищешь справедливость, завтра работу. Потом судебные разборки, ненависть местных жителей к врачам, живущим тут же по соседству? Парня не вернуть. А вот дальнейшую жизнь испортить можно, причем сделав ее невыносимой не только для хирургов, но и для самого себя.

На поминках мы с Мальвиной напились. Он до своего обычного вечернего состояния, а я до чертиков с безумной головной болью, ночной рвотой, прерывистым и тревожным сном алкоголика. Каждый час я просыпался и припадал сухими губами к графину с водой, потом снова погружался в смутную дрему.

Открыл глаза от сильного холода. У меня зуб на зуб не попадал. Я намотал на себя сползшее одеяло и вышел на крыльцо. Светало. Вдалеке среди голых веток просвечивал красным всплывающий солнечный шар. Подставив лицо навстречу остужающему ветру, я прикрыл глаза, и стало чуть легче… Зачем я тут? И как со всем этим жить дальше?.. Вот и у меня открылось свое собственное кладбище пациентов. Рядом хрустнула ветка, я вздрогнул. Передо мной, слегка покачиваясь, стоял Мальвина.

– Чего, совесть мучает? – спросил он. – Или усопший приходил за объяснениями?

– Просто не спится, голова болит. В этой смерти нет моей вины. Парня очень жалко. Перебрал чего-то вчера, – пробормотал я, присев на ступеньки.

Мальвина опустился рядом, распространяя вокруг ощутимый даже мной запах перегара, и обхватил склоненную голову своими большими руками, напоминающими клешни.

– Ты теперь до конца жизни будешь этот случай вспоминать и задавать себе вопрос, правильно ли поступил, – его голос задрожал и следующую фразу он выдал каким-то чужим голосом, почти фальцетом: – Почему ты заключение переписал, почему всё убрал про эти чертовы салфетки? Врачебная ошибка, которую замолчали и слили в унитаз, обязательно повторится! И это будет уже твоя вина.

Глава 3

Мальвина резко тряхнул головой, больно схватив мое запястье, и повернулся лицом. Только вместо ярких синих глаз и знакомого облика, я увидел бледное, искаженное мучительной гримасой лицо похороненного накануне парня. И запах, я вдруг понял, что он тоже стал другим… Сладковатый запах мертвого тела и никакого перегара.

Я дернулся от неожиданности и с криком проснулся, резко подскочив на кровати. Трясло мелкой дрожью, будто по телу пропустили ток. Я сжал в кулаки влажные холодные ладони, но и это не помогло – пальцы тоже предательски подрагивали. В дверь заглянула испуганная хозяйка в длинной ночной рубашке, выцветшей от множества стирок, со старой шалью на плечах. Ее длинные волосы цвета пепла были распущены и прикрывали морщинистое лицо, оставляя снаружи только крупный нос. Наверное, так выглядят постаревшие русалки.

– Совсем ты, милок, от давешних происшествий головушкой тронулся. Может, похмелишься? Легче станет, проверено!

Я отрицательно помотал головой и медленно поднялся.

– Дурной сон увидел. Будто Прохор пришел сюда и …

– Так не приснилось. Был он, за фанфуриком под утро приходил…

Голова моя закружилась. Не хватало воздуха, словно в легкие закачали едкий сладковатый запах формалина,

к которому я в последнее время вроде бы начал привыкать. А сейчас он стоял в горле комом. Пытаясь осмыслить услышанное, я снова почувствовал холод и беспомощно оглянулся в поисках одеяла. Оно валялось слишком далеко от кровати, около входной двери. Как оно могло там оказаться? Опять затошнило, и я опустил голову на подушку под озабоченным взглядом бабки.

– А подраться-то когда успел?

Крючковатый палец указывал на мою руку. На запястье красовался свежий смачный кровоподтек.

Первым человеком, которого я встретил утром за пределами дома, был главный врач. Пузырь нарезал круги вокруг моего форда, оставленного накануне во дворе больницы из-за предстоящих поминок. Он был сама доброжелательность, смешанная с отеческим теплом. От вчерашних баталий не осталось и следа. Огнедышащий дракон разом превратился в просветленного буддийского монаха.

– Отличная машинка у тебя! Продавать не планируешь?.. Я себе давно ищу что-то подобное, – он с внезапной резвостью молодого оленя сделал еще один забег вокруг автомобиля и со знанием дела постучал ногой по колесу. Его тело перестало казаться грузным, теперь оно выглядело основательным и неожиданно подвижным. И даже длинный белоснежный халат, туго натянутый на круглый живот, казался лишь частью его чистого и доверительного образа.

– Да сам недавно приобрел. Даже накататься еще не успел, – ответил я после недолгой паузы.

– Свою ласточку продавать планирую. Неплохой жигуленок, один цвет чего стоит! «Красный перец» называется. По великому блату доставал. Кстати, можем и поменяться с доплатой. Хочу что-то более статусное.

Я отрицательно помотал головой.

– Ну, если вдруг надумаешь, ты всегда знаешь, к кому обратиться! – Пузырь тихонько хрюкнул и ухмыльнулся, заставив подняться к вискам тяжелые щеки.

Воспользовавшись хорошим настроением начальника, я решил поднять вопрос, мучивший меня всю ночь.

– Петр Петрович, разрешите мне уйти с должности патологоанатома. Не мое это. Страдаю. Дайте хоть полстав-

ки анестезиолога-реаниматолога, могу совмещать врачебные и медсестринские обязанности в одно время. Готов выходить по сменам то доктором, то медбратом.

Взгляд Пузыря мгновенно потух, глазки превратились в щелки и снова потерялись в толстых щеках. Он выпрямил спину, насколько это было возможно при таком животе, и молча поспешил по срочным делам. А я отправился на дежурство в реанимацию.

В палате среди трубок и мониторов лежала хрупкая девушка. Ее тело, утонувшее в больничной простыне, было отмечено лишь легким рельефом. Голова замотана бинтами, заходившими на глаза. Мертвенно-бледная, почти прозрачная кожа с восковым отливом на скулах, сухие потрескавшиеся губы. Лицо без возраста. Она лежала без движения и напоминала сломанную фарфоровую куклу.

Я взял в руки историю болезни. Ей всего восемнадцать. Привезли ночью. В сумерках ехала на велосипеде. Сбита неизвестным транспортным средством. Сколько пролежала на обочине – непонятно. Мимо проходил загулявший Прохор, он и притащил ее на руках в больницу. Черепно-мозговая травма. Внутричерепная гематома. Слепота центрального характера. Ночью сделали трепанацию, чтобы выпустить кровь и уменьшить отек мозга.

Всю ночь девушка в бреду с кем-то разговаривала, сообщила мне Варя, сдавая дежурство. Вытащив из сумки большой кусок яблочного пирога, присыпанного сахарной пудрой, она протянула его мне и стеснительно улыбнулась. Кабинет наполнился пряным ароматом корицы.

– Возьми, чаю попьешь, как будешь посвободнее. Сама испекла, вроде неплохо получилось.

Я заступил на вахту, накидывая в голове план лечения. В последнее время моя работа выстраивалась именно так. Я расписывал, что нужно делать, потом шел к Соломинке за подписью, разрешающей действовать. Все дальнейшие манипуляции проводил тоже я. Заведующий не возражал, даже наоборот, приветствовал такую схему работы.

Трудно было представить, что этот усталый, высушенный временем человек, когда-то был большим фанатом своего дела. Он смотрел на меня тусклыми глазами цвета

выгоревших на солнце васильков, внимательно по нескольку раз читал мой опус, иногда добавлял что-то к лечению и деловито ставил подпись. Соломинке было шестьдесят три. Вроде бы не так много, но на переднем крае он оттрубил почти сорок лет. Неудивительно, что работа превратилась для него в бесконечный монотонный конвейер тяжелых больных, балансирующих на грани между жизнью и смертью. Мне казалось, он просто от всего устал. Надоели истерики родственников, молодые врачи с их неуместным энтузиазмом, который он обычно гасил одним жестким замечанием.

Большинство пациентов не помнят врача анестезиолога или реаниматолога. Они знают, кто их оперировал, и благодарны хирургу. А того, кто давал наркоз или вытаскивал с того света, – не помнят или не придают этому значения. Состояние тяжелое, сознание часто спутанное, сложно удержать в голове лица людей в белых халатах, да и вообще понять, где ты и кто ты. Еще во время учебы в институте мне неоднократно доводилось слышать от старших товарищей, что реанимация – работа на передовой, где трудно долго держаться с полной отдачей. Выгорают люди или становятся злостными циниками.

Семь лет – рубеж. Дальше нужно уходить: вставать на наркозы, заниматься анестезиологией в нормальном плановом режиме, идти обучать студентов и ординаторов. Соломинка же отпахал свои сорок лет без права на расслабление, но уходить на пенсию категорически не хотел, вернее, активно собирался, а в последний момент передумал. Говорил, что работать тут – его привычка. Потом после паузы добавлял слово *дурная*. На самом деле просто нужно было на что-то жить. И я не мог его за это осуждать.

Глава 4

Прокрутившись все утро вокруг поступившей девушки, я немного выдохнул. Состояние стабилизировалось, отек мозга пошел на убыль, появилась реальная надежда, что зрение восстановится. Из морга позвонил Мальвина и сообщил: у нас поступление. Утром из района привезли

два трупа. Говорил он в своей обычной манере, ничем не напоминая о событиях прошедшей ночи. В шумной утренней суете я и сам как-то отошел от этих смутных впечатлений. Приснится же такое! Ну конечно, дурные сны на фоне стресса и алкоголя. Вывод очевиден – надо меньше пить.

Ближе к обеду я спустился в морг, чтобы посмотреть сопроводительные документы вновь прибывших и решить, когда лучше делать вскрытие. В воздухе висел густой запах формалина, пробивающий на слезы. Мальвина развалился в моем кресле, вытянув ноги и облокотившись на обшарпанный письменный стол. Перед ним стояла большая чашка с крепкой чайной заваркой, оставляющей на внутренней поверхности не отмываемые коричневые разводы. Рядом на металлическом столе лежал труп с натянутой на голову простыней, крупными обнаженными ступнями и волосатой родинкой на большом пальце. К щиколотке привязан номерок. Все как положено.

– П-похоже, суррогатом к-каким-то отравились оба. Второй т-тоже у нас. В п-подвале охлаждается. Нашли их только через неделю, п-пахучие! Пришлось нашим «освежителем» воздуха восп-пользоваться, не обессудь! – Мальвина ухмыльнулся и развернул пакет с толстым куском яблочного пирога, припорошенного сахарной пудрой. Корицей не пахло, но я точно знал – она там есть.

Думаю, про наш подвал, который мы мило называли холодильной камерой, стоит рассказать отдельно. Находился он прямо под моргом, и вела туда вечно влажная, не просыхающая дверь. Три крутые, почти вертикальные ступеньки вниз – и неожиданно вместительное помещение с тусклой лампочкой под потолком и навечно спертым воздухом. Крохотная смешная форточка в верхнем углу напоминала о призрачной связи с миром живых.

На стенах собирались и медленно стекали капли воды, оставляя за собой мокрые слезные полосы. В разные стороны разбегались извилистые трещины, напоминающие паучью сеть. Они проникали в толстые разноцветные слои старой краски и выглядели издалека хорошо продуманной абстракцией. В подвале всегда было холодно: и зимой,

и летом. Но эти струйки не замерзали даже в лютый мороз. «Стена Плача» рыдала без перерывов. Сначала подвал хотели приспособить подо что-то другое и множество раз пытались ремонтировать. Но, поняв бесперспективность затеи, бросили. Позже отдали в распоряжение морга. Мальвина складывал трупы прямо на пол, иногда подстилая клеенку. Запах стоял омерзительный, но что было делать? Моя новая профессия и все, что с ней связано, пахли именно так.

К вечеру девушка в реанимации пришла в себя. Ее звали Наташей. После смены повязки на голове я наконец-то увидел ее темные глаза, обрамленные густыми короткими ресницами. Она беспомощно моргала и медленно, морщась от боли, поворачивала голову.

– Сколько пальцев? – негромко произнес я.

– Два-а…

Она ответила правильно. Потом почти шепотом продолжила:

– А где парень, со мной рядом лежал? Он меня поддержал. Всю ночь проболтали.

– Да ты одна тут находилась. Не было больше никого. Просто приснилось, бывает такое после наркоза, – я проверил подключичный катетер.

– Странно, всего лишь сон… А как по-настоящему. Он мне очень помог. У него тоже сильно болело, а потом прошло. Интересный человек. Художником скоро станет. Про театр много рассказывал. Вот на этом месте лежал! – Наташа ткнула пальцем в соседнюю кровать, пустовавшую уже несколько дней.

Я вышел на улицу, пытаясь все осмыслить и улавливая в своем сердечном ритме непривычные экстрасистолы. Темнело. Подошел к двери морга, но сил войти туда не было. Присев на ступеньки, достал сигареты, купленные накануне, и затянулся. Когда-то в институте я покуривал между парами. Это добавляло доверительности в общение с коллегами-студентами, делая нас если не друзьями, то уж точно единомышленниками. Потом, после знакомства на цикле хирургии с ампутированными конечностями злостных курильщиков, я резко бросил. Но вот опять потянуло.

– Что, ч-черти сниться еще не начали? – появился Мальвина в грязном потрепанном халате.

– Начали…

– Это н-нормально. Внимания не обращай, если не хочешь спиться и с-себя потерять. И н-не рассказывай н-никому, если не хочешь моей судьбы. Принимай как д-данность. Все души тут толкутся, п-пока пристанище себе не найдут. Это факт. Особенно н-неустроенные, н-недовольные. Которые не могут смириться с н-несправедливостью их ухода. Веди себя т-так, будто в этом нет н-ничего особенного.

– А что с твоей судьбой не так?

– Все не так, если т-ты еще не заметил! – Прохор захохотал, сверкнув синим глазом, – Меня, увы, н-никто не предупреждал, к-как я тебя сейчас. Вот я и п-пошел рассказывать про свои видения-сновидения главному. Пузырь раз меня послушал, второй, а п-потом отправил к психиатру. А это непростое дело – д-доказывать, что ты не чокнутый.

– Да оба они одного поля ягоды! Что Пузырь, что Соломинка! Не могу с ними общего языка найти! – вставил я.

– Разберешься еще. А Соломинку не т-тронь. Профессионал он. Мать мою когда-то с т-того света спас, выходил буквально. В районе ведь сложнее работать, здесь нет т-таких возможностей, как в городе. И для того, чтобы справиться с проблемой, н-нужно знать и уметь очень м-много.

Я кивнул в ответ, доставая новую сигарету.

– А после столкновения с п-психиатрами я-то слабину дал и выпивать начал, чтобы обиду и напряжение снять. Ну, и все покатилось, п-понеслось. Я ведь фельдшер по образованию и н-начинал неплохо. А т-теперь вот имею, что имею! – он вытер руки об халат и улыбнулся, показав щербатый рот. – Может, первого ж-жмурика сегодня отработаем? Ты наверху уже закончил?

Позади меня хлопнула дверь, сообщая, что Мальвина удалился в помещение. Глубокая затяжка вызвала легкое головокружение. Если утром я на алкоголь даже смотреть не мог, то сейчас захотелось выпить чего-нибудь покрепче. А это точно дурной знак и плохой прогноз. Я настолько глубоко погрузился в думы на эту тему, что даже

не заметил, как рядом присел мужчина лет сорока с немного одутловатым лицом и густыми темными волосами с проседью. Он стрельнул сигаретку и, будто читая мои мысли, спросил:

– Как вы тут работаете? Наверное, все время на выпивку тянет?

От вопроса меня прорвало, и я стал рассказывать совершенно незнакомому человеку очень личные вещи: и про не случившееся место в реанимации, и про долбаный морг, и про упертого главного врача и, конечно, о разногласиях с ним. Мужик внимательно меня слушал, сплевывая прямо на ступеньки, и задавал вопросы, провоцирующие на дальнейшие эмоции. От общения заметно полегчало.

– Не нужно тебе тут оставаться, не выдержишь и молодым уйдешь. И пить тебе не надо, не твое это, – он тяжело встал, отряхнул штаны и направился к двери морга. – Да и отравиться можно. Столько сейчас появилось суррогата…

От последнего слова я вздрогнул.

– А вы кто? Чей-то родственник?

Мужчина не ответил, скрывшись за дверью. Последнее, что я увидел – выглядывающая из-под его коротких штанов босая крупная нога с волосатым родимым пятном на большом пальце. И бирка с номером. По спине медленно покатился обжигающий ручеек пота. Я вскочил, но голова поплыла так, что качнуло обратно.

Снова сел, пытаясь прийти в себя. Медленно поднялся, цепляясь за перила, и проковылял внутрь. Сильный запах формалина привел в чувство. Я приблизился к трупу и сдернул простыню. Темные волосы с проседью, немного опухшее лицо, крупная родинка на ноге.

– С-совсем плохо тебе? Ну ты и Лапоть! Нужно было еще утром опохмелиться! – Мальвина уверенными движениями раскладывал инструмент. – Д-давай я все сам сделаю, а ты потом просто подпись поставишь. Не д-дрейфь, Илюха, справлюсь!

Резкий приступ тошноты вынес меня на улицу. Едва успел добежать до ближайшей березки, как меня вывернуло наизнанку. Казалось, еще чуть-чуть – и я умру прямо тут, рядом с моргом. И тащить недалеко. Мальвина спра-

вится: быстренько вскроет, выпотрошит и все в протоколе правильно напишет. Только подпись поставит уже кто-нибудь другой.

Глава 5

В окне главного врача горел свет. Не помню, как я туда добрался, наверное, ноги сами нашли дорогу, без подключения головы.

– Неужели надумал машинку продать? – с хитрым прищуром поинтересовался Пузырь, убавив звук телевизора со знакомой мелодией сериала «Санта-Барбара» и сосредоточенно всматриваясь в мое лицо.

Я отрицательно покачал головой, безуспешно пытаясь сглотнуть слюну в пересохшем рту.

– Не могу я работать патологоанатомом, хоть убейте! Плохо мне, понимаете? Да и Прохор рассказывал…

– Да что вы все этого санитара слушаете! Тоже мне, нашли сказочника из морга! – он проворно выскочил из объятий своего удобного кресла, оставив на сиденье вмятину, точно повторявшую очертания его пятой точки. – Вялотекущая шизофрения у него, на учете в психушке состоит. Мало тебе этого?.. Еще что-нибудь секретное рассказать? Я на твое обучение государственные деньги потратил. Так вот иди и отрабатывай!

«Вялотекущая, вя-ло-текуща-я, шизо-френия, шизофрения, как и было сказано…» – постукивало в голове, приноравливаясь к ритму шагов. Музыка из «Санта-Барбары», накрывавшая вдогонку, становилась все громче и подхлестывала все сильнее. Тогда у меня что?.. Манифестная форма? Впервые возникшая спонтанно или на фоне стресса? Хорошо, что я ничего не рассказал Пузырю про себя, вовремя вспомнив совет Мальвины.

Бабка Параскева, едва увидев меня, заохала, запричитала, перекрестилась и тут же ринулась в сени за святой водой. Тщательно опрыскав меня со всех сторон, она начала читать молитвы, наполняя пригоршню водой и поливая мне на голову. Потом заставила меня наносить воды из колодца, затопила баню. Заварила в большом ковше

разных пахучих травок, вручила веник, толстую старинную телогрейку, чтобы не простудиться после мытья, и с Богом отправила меня париться, проинструктировав, что и в какой последовательности надо делать.

Это спасло и воскресило. Когда я вошел в сени румяный и обновленный, в дом меня Параскева не пустила. Натянула мне на ноги старые валенки и заставила улечься прямо в теплом зипуне на старый сундук, чтобы «отпыхнуть и тепло баньки по телу погонять». Силы вернулись. Я переоделся в сухое и стал совсем как новый. Параскева поставила на стол сковороду жареной картошки, достала маринованных грибов, соленых огурчиков, настрогала замороженного чесночного сала и налила мне стопочку своего фирменного клюквенного самогона.

– Ты не боись, сделай глоточек. У меня настойка мягонькая. Чувствуешь, приятно обжигает? Как Христос по нёбушку прошел!

Меня окончательно отпустило и расслабило.

– Слишком близко к сердцу, милок, ты покойников принимаешь. Бывает и чудь в селе Чудь. Нельзя так. Все мы рано ли, поздно там будем. У всех одна дорога. Сначала яйцо, потом цыплёнок, потом курица и – новое яйцо. Душа, она ведь по кругу ходит, только тела сменяет. В одном поживет. В другое перейдет. Если в своей семье хорошо жилось, старается тут же остаться и своего младенчика дожидается, чтобы вселиться. А если плохо было, то не вернется в этот круг больше, по другому пути пойдет. Вот у меня нет никого в этой жизни, а к тебе я прикипела. Будто сынка мне Боженька на старости лет послал. Так и знай, я точно буду стараться в твою семью войти, даже если ждать долго придется! Узнаешь меня, когда я приду к тебе маленькой девочкой?.. – Довольная Параскева причмокнула уголком рта и поднялась с легким хрустом в коленках.

– Нет там ничего, не придумывай!

– Наверняка никто ничего не знает, конечно… Но что-то подсказывает, права я! – и она подложила в мою тарелку новую порцию хрустящей картошки с салом.

Работал я много, загрузив себя так, чтобы времени свободного не оставалось совсем. Не понимал, куда его тра-

тить в этой глуши. Вылезал из больницы только на ночлег, да и то если не было дежурства. Бабушка Параскева точно знала график моих ночных смен и к возвращению готовила общий ужин. На улице холодало, вечные дожди и слякоть мешали нашим с Варенькой прогулкам. Все чаще приходили ностальгические мысли о городе с кафешками, где можно погреться, попивая маленькими глоточками новое лакомство – обжигающий горячий шоколад.

Но все это было где-то далеко и для меня, теперь настоящего деревенского жителя, представлялось пределом мечтаний. Я чувствовал, что скучаю по широким асфальтированным улицам, по яркому ночному освещению, дискотекам, удобствам городской квартиры и, наконец, по родителям, с которыми лишь изредка перезванивался, не имея привычки писать письма. Реальность же моя, как и прежде, включала реанимацию, морг, чертоги бабки Параскевы и резиновые сапоги, облепленные комьями земли, для перемещения по поселку, поскольку ездить на машине было особо некуда.

Я переживал за наш роман с Варенькой, который, не имея должного развития, мог запросто зачахнуть. Приглашать в морг это неземное создание мне даже в голову не приходило. Позвать к Параскеве, вызвав лишние разговоры и непонимание, тоже не мог, а месить грязь, бродя в лесу под дождем, уже порядком надоело.

Варенька проживала вместе с какой-то дальней родственницей в самом центре поселка. Этот маленький домик с яркой красной крышей так и назвали – «красный дом». Ее родители умерли, когда девочка была еще совсем маленькой. Воспитывалась она в детском доме, о чем вспоминать не любила и все разговоры на эту тему сразу пресекала. К себе Варя не приглашала, да и наши отношения продолжала скрывать во избежание лишних деревенских сплетен.

Мы, конечно, виделись и постоянно общались на работе. А когда совпадали дежурства, могли долго просиживать за бесконечными чашками чая, не в состоянии оторваться друг от друга. Говорили о пациентах, обсуждали медицинские вопросы. Могли молча слушать дождь, сравнивая

его музыку то с ноктюрном Шопена, то с каким-нибудь бодрым маршем, или читать стихи, мечтая об общем будущем. Мы даже обсуждали воспитание детей, причем считали это само собой разумеющимся.

Впереди маячили ноябрьские праздники, и мы с Варенькой решились на совместное путешествие в город. Я предупредил родителей, сообщил друзьям, организовал через однокурсников билеты в театр на «Спящую красавицу». Очень хотелось показать ей свои любимые места и сводить именно на этот балет, где главная героиня очень напоминала ее саму. Мы чувствовали себя заговорщиками, переглядываясь и перемигиваясь в предвкушении поездки, а в любую свободную минуту обсуждали наши планы.

Глава 6

В реанимацию почти одновременно поступили два пациента: молодой парень лет двадцати, сорвавшийся со строительных лесов и получивший множественную сочетанную травму, и женщина семидесяти лет с острым панкреатитом. Парень был очень тяжелый, без сознания, его привезли сразу после операции. А женщина бодрилась и пыталась шутить, хотя обычно с таким диагнозом мало кто шутит. Боли, как правило, сильнейшие. Пациенты лежали рядом на соседних кроватях. Варя поставила между ними ширму с натянутой плотной клеенкой, чтобы хоть как-то разделить пространство.

– Ой, какая расцветочка веселенькая! – голос женщины оказался молодым и звонким.

Да и саму ее никак нельзя было назвать бабушкой. Хорошо прокрашенные волосы в мелких кудряшках химической завивки, гладкое бледное лицо, а главное – улыбка, никак не вяжущаяся с тяжелым диагнозом. Милая интеллигентная дама звалась Бэлой Владиленовной.

– Вот ведь сама себе беду накликала, – не унималась она. – Я в городе живу, сюда к сестре на юбилей приехала. Вяленого байкальского омуля ей привезла. Мне его знакомые из Иркутска специально для торжества прислали.

Большущий, жирненький… А как он пах! Но я терпела, ни одного кусочка не отщипнула, чтоб попробовать. А как сели за стол, так и налегла. Жадность фраера сгубила, говорят же! Расплата настигла незамедлительно! – Ее лицо слегка поморщилось, и она медленно повернулась на бок, стараясь не делать лишних движений рукой с торчащей в вене иглой от капельницы. – От вашего лечения полегче стало, вот спасибочки! У меня ведь побаливало иногда, да не так сильно. А кто в моем возрасте сразу мчится ко врачу? Почти никто.

– Голод, холод и покой! – я положил пузырь со льдом ей на левый бок.

За ширмой послышались вздохи, стоны и сухой кашель. Начал приходить в себя парень после операции.

– Ты в реанимации, под контролем врачей. Волноваться не стоит, самое страшное уже позади, – сказал я и присел рядом на кровать. – У тебя было внутреннее кровотечение. Хирурги с этим справились. Сломана рука, фрагменты кости сопоставили и наложили гипс. С ногой похуже – сложный перелом. Вот эти железки с кольцами, винтиками-шпунтиками – аппарат Илизарова, и он с тобой надолго, пока все косточки на место не встанут и не срастутся. Как к тебе можно обращаться?

– Дм-митрий! – прошептал парень сухими губами после паузы.

– Добро пожаловать в реанимацию, Митя! – тут же прозвучал из-за ширмы ангельский голос Бэлы Владиленовны.

Парень перестал стонать и как-то сразу подсобрался. Можно было бы сказать приосанился, если б ситуация была немного другой. Но точно включился.

К вечеру Митя окончательно пришел в себя, и пациенты общались уже как старые друзья.

– Бэла – это из Лермонтова? В честь его героини назвали вас таким чудесным именем? Я так и представляю: высокой, тоненькой, черноглазой. Сколько вам лет? Шестнадцать, семнадцать или побольше?

– Скоро сто, Митенька!

– Бэлочка, мне больно смеяться! Варя, ей правда скоро сто?

– Сто точно не скоро! – развеселилась Варенька, поддерживая интригу.

– Слушай, я не помню, чтобы люди в подобном состоянии так балагурили, – обратилась она уже ко мне, войдя в комнатку персонала. – Одного только вчера по кусочкам собрали, у второй с анализами беда. Разница в возрасте полвека, а чирикают, не замолкая, как два воробушка.

– И одному Богу известно, что с ними будет дальше. – В дверь бесшумно проскользнул Соломинка.

Выглядел он как-то не очень. Узкое, вытянутое лицо землистого оттенка, острые скулы, впалые щеки. Я подмигнул Вареньке, подхватил свою сумку и отправился домой, где меня ждали вкусный ужин и бабушка Параскева с новостями и рюмочкой густой сливовой наливки.

Утро следующего дня я начал с морга. Было прохладно и тихо, все как положено. Стук собственных шагов звонко отдавался в моей голове, напоминая сухие щелчки. Зачем я здесь?.. За-чем, за-чем, за чем?

Вопрос, который возникал в последнее время все чаще. Почему живу не своей жизнью? Просто временные трудности? Пройдет и это! Пройдет ли «это»? Надо бы купить мягкие тапочки, чтоб не провоцировать дурацкие фантазии и гасить неприятные звуки.

Послышался тихий свистящий хрип, и я остановился. В голове снова понеслось, мысли будто сорвались с цепи… По спине побежали уже привычные, острые как иголки мурашки. Меня в очередной раз накрывало ощущение, когда страх – не эмоция, а физическое состояние, с которым я не могу справиться. Обрывки логики терялись, а воображение в панике заставляло сердце стучать предательски громко. Странный звук повторился, причем в этот раз показался оглушительным и… живым. Я решительно толкнул дверь и вошел в секционную. На железном столе спал Мальвина, издавая басовитые вздохи-всхлипы, напоминающие смесь храпа с художественным свистом.

– Ты меня с ума сведешь! – с облегчением выдохнул я и ткнул его в бок. – Неужели места другого не нашел, чтобы поспать?

– Если где захотелось в-вздремнуть, там и надо это сделать. Д-для здоровья. Все остальное – п-предрассудки. Живых бояться надо, а эти не тронут, – санитар приподнялся, свесил ноги и посмотрел на меня внимательными яркими глазами. – Ты их еще с-слышать не начал?

Я равнодушно пожал плечами, однако внутренне съежился.

– У меня это тоже не с-сразу началось. После смерти отчима. Его сюда привезли. Мы вместе с одним из твоих предшественников вскрывали. Про отца мама н-никогда не рассказывала. Мне было десять, когда она к отчиму переехала и замуж за него вышла. Страшный человек оказался, ревнивый и жесткий, а когда алкоголь в рот попадал, то берегись, если, конечно, получится. Но всегда был при деньгах. Я-то у них всего раз и гостил. С первых минут н-начал его раздражать. Вечером, когда я уже в постели лежал, он начал выяснять отношения с мамой, хотел знать имя моего отца. Ну а потом вытащил меня из кровати за ухо с такой силой, что хрящ сломал, и полез с кулаками на маму. Я, мальчонка, п-пытался ее защищать, но он меня так швырнул… позвоночником, о край комода. Потом еще ногами от него получил. Утром мама отвезла меня назад к бабушке, там я и остался. Спина болела страшно, руками двигать не мог. Разрыв мышц шеи с одной стороны. Позже стал горбик расти. Я здесь однажды рассказал байку про в-встречу с медведем, так все ее друг другу и передают. Людям такой разворот событий показался интересным. Только не медведь это был, а человек… И заикание мое – оттуда. Почему мама от него не ушла, не знаю. Думаю, боялась. У него были связи с криминальным миром. А в новогоднюю ночь отчим опять разбуянился и сильно толкнул ее. Мама ребенка ждала, уже срок подходил. Упала неудачно, ударилась, кровотечение началось. Пока довезли до роддома, пока врачей собрали… Сам знаешь, что такое попасть на прием в новогоднюю ночь. Не спасли. Начался ДВС-синдром, когда одновременно и тромбы образуются и кровь не свертывается. На всю жизнь эти три буквы запомнил. ДВС! Когда Демоны – Высшие Силы. Я так в детстве расшифровывал. Когда шансов нет, и даже боженька бессилен.

Мальвина сокрушённо тряхнул головой и, нервно передернув плечами, соскочил с секционного стола, продолжая рассказ:

– Отчим в бега рванул. Долгие годы ни слуху ни духу. А потом нашли его – замерзшего недалеко отсюда. Зима суровая в тот год была. Он в-выпил и уснул. Ни наказания, ни раскаяния. То ли судмедэксперта на месте не было, то ли патологоанатом наш там подрабатывал, как ты сейчас. Короче, привезли сюда. Из «подснежников». Нашли же весной, когда снег таять начал. Я сразу узнал это ненавистное лицо с застывшим оскалом. И вот лежит это чмо тут. Потрепанное подгнившее тело. Голое, жалкое, уже не опасное ни для кого. Делай с ним что хочешь… А ничего уже и не хочешь. Поздно. Умер. И с-смерть легкая. Я сколько лет мечтал его найти, вынашивал, так сказать, планы мести. Накрыло меня тогда капитально. Когда отчима увезли, потянуло лечь на его место, прямо на этот вот железный стол, чтоб почувствовать себя по ту сторону жизни. Улегся я, глаза закрыл. И к своему удивлению, даже вырубился на несколько минут. Тут же привиделась вся сцена пьяного скандала с матерью, всё в деталях, как будто опять там побывал. Или кино посмотрел. С тех п-пор и началось. Много чего вижу и чувствую, слышу последние мысли и знаю про незавершенные дела умерших, которые их волновали. Будто перехватываю их последний сгусток энергии. Я стал «отмеченным» человеком. Поначалу дар этот с ума сводил. Потом привык. Бывает, получаю информацию, о которой лучше не знать. Алкоголь – единственный способ з-заглушить голоса мертвых. Вот и глушу. Мы же здесь будто на меже между двумя мирами находимся. То в одну сторону качнет, то в другую. Нормально это! А может, банальная шизофрения? И прав наш главный врач? – Его лицо растянулось в хитрой ухмылке. – Помнишь девочку, которую я на обочине нашел и в больницу ночью притащил? Машина ее красная сбила, не остановилась даже. Жигуленок только газу прибавил. Как наяву это увидел. Думал, погибнет прямо у меня на руках. На перепутье она побывала. Но выжила. Не дрейфь, Илюха, и мы п-прорвемся!

Я вдруг осознал, что во время своего рассказа Мальвина почти не заикался.

– Что-то Пузырь в последние дни пешком ходит. Не обратил внимания? – Он ловко спрыгнул, протер руки какой-то тряпкой и вывалил из пакета в тарелку круглые мясные шарики: – Угощайся!

– Тефтели? – спросил я на автомате.

– З-зразы, тушеные с морковкой. Рекомендую! – Мальвина той же тряпкой вытер грязную вилку и опустил ее в тарелку.

Я сделал усилие, чтобы справиться с подкатившим к горлу комком тошноты. Отрицательно мотнул головой и быстрым шагом отправился на третий этаж.

Глава 7

Разделенные ширмой, Митя с Бэлой Владиленовной мило ворковали, обсуждая то поэзию Сергея Есенина, то его личную жизнь. Говорила в основном Бэла, стихи читала она же. А Митя жадно внимал, лишь изредка вставляя свои комментарии.

– Стихи всегда лечат и отвлекают, – мурлыкала дама нежным голоском. – Это говорю тебе я, твой личный контролер по выздоровлению!

– А я постоянно торопился, не успевал, всё бежал куда-то. Зачем, спрашивается? Теперь вот доскакал до такой долгой остановки, что даже пошевелиться не могу.

– Ты напоминаешь мне человека, потерявшегося в метели. Замер, а куда дальше – не знаешь. Значит, так нужно. Пауза для переосмысления. Главное, что ты в реальности, герой! Жизнь не в движении, а в моменте. Вот – в этом.

– В моменте нашего разговора через ширму, девочка Бэлочка?

– Точно так. В нашем разговоре через эту прекрасную цветастую ширму. С бабушкой Бэлой.

Варя с Соломинкой пили чай в небольшой комнатке персонала с большим окном для наблюдения за пациентами. Я вошел, плотно закрыв за собой дверь.

– Любви все возрасты покорны! Или переубедите меня в обратном?

– А мы их так и называем – влюбленыши, – Варенька посмотрела долгим леденцовым взглядом.

– Мите гораздо лучше. Если так пойдет, переведем в общую палату через пару дней, – тихо добавил Соломинка, подперев рукой голову.

– Принесли свежие анализы мадам Бэлы? – поинтересовался я, располагаясь за столом и наливая себе чая.

– Принесли, – ответил он. – Ничего хорошего. Вроде шутит, но ей с каждым днем объективно хуже. В животе жидкость скапливается. В соседнем районе аппарат УЗИ появился. Думаю, туда отправить, пусть посмотрят. Хирурги скоро должны подойти, будем принимать совместное решение по дальнейшим действиям.

– Ты голодный? – Варенька, не дождавшись моего ответа, достала из сумки судочек.

– Зразы в морковке?

– Как у тебя так получается? – Варенька удивленно развела руками.

– Так сегодня куда ни глянь, кругом зразы-заразы!

Тошнота снова подкатила.

– Молодец, Варвара, всех подкармливает! – Соломинка тяжело поднялся и открыл форточку. – Душновато здесь. Пойду воздухом подышу.

Я налил в большую чашку горячего чая, взял из вазочки баранку и откинулся на стуле. По потолку палаты реанимации весело прыгал солнечный зайчик. Сделав обжигающий глоток, я подошел к стеклянной перегородке. Бэла лежала на боку, поджав ноги. В руках у нее поблескивало маленькое зеркальце. Она ловила им солнечный луч, пробивающийся в окно между тяжелыми косматыми тучами, и направляла на потолок.

– Вот хулиганка! Чего только не увидишь в нашей реанимации!

Митя крутил головой, пытаясь угнаться за веселым лучиком и о чем-то восторженно говорил.

Но царившее с утра солнечное умиротворенное настроение сменилось в один миг. В форточку стремительным черным комком влетела птица и стала метаться по палате. Варенька схватила полотенце и бросилась ее выгонять.

– Не трогайте, пусть сама уйдет. Плохая примета. Это она за моей душой прилетела, – голос Бэлы Владиленовны дрогнул.

Птица уселась на ширму и уставилась своими черными глазами-бусинами на женщину, медленно поворачивая голову то в одну, то в другую сторону и не опуская взгляда.

Не знаю, сколько это длилось: минуту, пять, пятнадцать? Варенька, как под гипнозом, тихо опустилась на стул, стоящий в углу. Мой чай успел основательно остыть, когда птица наконец взмахнула крыльями и бесшумно вылетела на улицу.

Через минуту палата наполнилась привычными звуками. Вернулся Соломинка, пришли хирурги, начался осмотр Бэлы и обсуждение анализов. Появился сильный запах антисептиков, лекарств и тройного одеколона. Живот пациентки был заметно вздут, скапливающаяся в брюшной полости жидкость подпирала диафрагму. Из-за этого становилось все труднее дышать. Бросались в глаза несвойственные ей успокоение и отрешенность, будто вся только недавно фонтанировавшая энергия улетела вместе с птицей.

Митя молчал, прислушиваясь к происходящему за ширмой. Соломинка отправился договариваться с УЗИ. Хирурги принялись откачивать жидкость. После всех манипуляций Бэла свернулась калачиком и закрыла глаза, отстранившись от суеты. Лицо ее осунулось, заострилось и приобрело желтушный оттенок. Митя что-то спросил, но она не ответила. Тогда Митя попытался еще, однако Варенька на него строго цыкнула, и он замолчал.

Ночью Бэлы не стало. Это случилось в мое дежурство. Перевезти ее сразу в морг не было возможности, и она осталась в реанимации до утра. Накрыв тело простыней, я поставил в известность ответственного дежурного по больнице. Удивительно, что я оставался так спокоен. И даже смог задремать на маленькой тахте в нашем закутке для медперсонала.

Разбудил методичный стук. За окном, в темном квадрате ночи, сидела вчерашняя птица и четко, последовательно, словно отбивая такт, долбила клювом в стекло.

– Впусти меня назад! И-лю-шень-ка, открой форточку! Холодно!

Спутать голос Бэлы было невозможно. Но звучал он приглушенно, переходя в тоненький дребезжащий старческий полушепот. Слова неестественно растягивались и зависали в тишине без ответа. Я не мог заставить себя встать. Опять этот сковывающий ужас начал заползать под кожу, мешая нормально дышать. Птица продолжала бить в окно с нарастающей яростью. И вот оно затрещало и посыпалось. Звук разбивающегося стекла заполнил все пространство.

Я подскочил на тахте и понял, что только сейчас проснулся. Было раннее утро и тишина, давящая на уши. Появился край солнечного диска, дающий ровный холодный свет. На своем месте, прикрытая простыней, точно в таком же положении, как и накануне, лежала Бэла. Появился едва заметный, но сразу узнаваемый запах. На всякий случай я позвонил в морг. Ответил сонный голос Мальвины. Он ночевал на рабочем месте и обещал забрать труп в ближайшее время. Я потянулся и медленно подошел к окну. Солнце поднялось еще выше. На его ярком фоне отдаленные силуэты голых деревьев казались ажурным траурным кружевом.

Взгляд споткнулся о трещину и скол на стекле. Я резко отпрянул от окна, сделав шаг назад. Вчера ничего этого не было. Это точно. Наверное, просто случайный камушек или ветка дерева. Я больно ущипнул себя за ухо, проверяя, что не сплю. Не спал. И по-прежнему находился на третьем этаже, куда вряд ли долетит камень. Деревьев поблизости тоже не было.

Вскрытие показало рак головки поджелудочной железы. Признаки хронического панкреатита тоже были. Возможно, жирный омуль действительно спровоцировал и ускорил клинику процесса, который возник уже давно.

Шансов на жизнь у Бэлы не было. Разбросанные по брюшине метастазы это подтверждали. Митю в этот же день перевели в общую палату. О кончине подруги ему не сообщили. Сказали, что перевели в другую больницу, где есть аппарат УЗИ для контроля за состоянием ее здоровья. Решили, так будет лучше.

Глава 8

Я отправился домой почти бегом. Это была моя отдушина, место, где я мог укрыться и почувствовать себя в безопасности. Сам не заметил, как скромное жилище Параскевы стал называть «домом».

Проснулся ночью от легкого едва ощутимого движения воздуха. Не ветра, не сквозняка – именно движения, словно кто-то выдохнул прямо мне в лицо пылью, сушеными травами и анисовыми каплями. Я открыл глаза, дернулся от неожиданности и замер.

Надо мной седым косматым облаком висело нечто, тяжелое и бледное, напоминающее тесто. Мир в моей голове лихорадочно пытался собраться из обрывков сна и непонятной реальности. Я различил и паутину морщин, и тусклые белки глаз, и мягкие стекающие вниз складки кожи, переходящие в щеки и опущенные уголки губ. Все это придавало лицу застывшее выражение укоризны. Сердце заколотилось отчаянно, на пределе, напоминая попавшую в капкан птицу. Автоматически я отметил нарушение ритма…

– Всю ночь стонешь да мечешься! Не заболел ли, милок? – раздался знакомый мелодичный голос наклонившейся надо мной бабки Параскевы.

– Напугала ты меня! – хрипло ответил и на всякий случай отодвинулся подальше.

– А ты меня! – Бабушка выпрямилась, быстро приняв привычный облик. Лицо расправилось, складки и морщинки нашли свое место, седую лохматость устранило легкое движение руки. – Пойдем завтракать. Я блинов у пыла нажарила! На сале, с хрустящей корочкой, как ты любишь. Вставай, все равно не уснешь уже.

В избе было еще темно, но свет Параскева не включала. Раздавался треск поленьев в печке, по стенам гуляли загадочные тени. Слышались тихие шорохи. Бабушка задержалась перед образами, что-то пошептала и несколько раз перекрестилась. Это был уют деревенского утра. На столе возвышалась горка горячих, еще дымящихся блинов, стояли плошки со сметаной и с разогретым сливочным

маслом. В стакане – холодное топленое молоко из погреба с коричневой узорчатой пенкой.

– Повезло мне с тобой, Параскева! За одни только запахи, от которых можно с ума сойти, обожаю тебя! – воскликнул я, позабыв обо всем на свете и уплетая блин за блином.

– Совсем загнал ты себя! Все ждешь, когда жизнь изменится? А жизнь-то хочет, чтоб ты изменился! Вот и не пляшет у тебя ничего, и нервишки уже пошаливают! Погряз в своем морге, не каждый там выдержит. Спать вот уже нормально не можешь.

– Мерещится мне постоянно чего-то, – решился поделиться я. – Путаюсь, где сон, где явь. От этого меня и колбасит.

– Не ты первый, не ты последний. «Чудь» наша любит почудить. Слышала я от людей разное. Придумывают, кто во что горазд. Но на месте больницы раньше церковь стояла, а вокруг кладбище старое. Места у нас топкие, болотистые, с подземными пустотами. Когда больничку строить решили, долго выбирали, где же ее разместить. Церковь-то к этому времени совсем заброшенная была, одни стены и сохранились. Да и от кладбища мало что осталось. А участок вроде прочный, проверенный. Вот и поставили тут здание лечебницы нашей. Когда бульдозерами землю выравнивали, все кости наружу и повылазили. И это факт. Сразу понятно было, что грех большой творится. Нельзя мертвых тревожить…

Шел на работу, пытаясь осмыслить услышанное. Издалека заметил, как к больнице подъехала хорошо знакомая, покашливающая и гремящая ржавая буханка с выцветшей облупленной надписью: «Скорая помощь». Начались суета, движение, вытащили каталку с пациентом.

Я тоже ускорился. Из больничных дверей выскочил Соломинка. От его медлительности и вечной утомленности не осталось и следа. Длинное поджарое тело преобразилось. Он двигался крадущимся, но стремительным шагом крупного хищника, мягко перескакивая через ступеньку. Плечи подняты, голова втянута, ни капли паники, ни секунды простоя.

Когда приблизился, уже шли реанимационные мероприятия. Я незамедлительно включился в процесс. На земле лежал молодой парень лет семнадцати-восемнадцати. Рыжий, бледный, с синюшными губами. Глаза полуприкрыты, светлые беззащитные реснички. Выпил какую-то гадость из-за несчастной любви. Остановка сердца. Возможности донести до реанимации нет, дорога каждая секунда. Соломинка отдавал сухие четкие команды. Мы по порядку качали сердце, пытаясь его завести. Один дышит рот в рот, другой качает, потом меняемся. Все без результата. На долю секунды я замешкался. Показалось, что продолжать уже бесполезно, и тут же получил болезненный тычок в бок от заведующего.

Из отделения притащили адреналин, атропин, преднизолон, реанимационную сумку, которой почему-то не оказалось в скорой. Дышим, качаем, вливаем… Руки немеют. Пот градом. Голова кружится от чрезмерного вдувания воздуха… Есть ритм. Завели. Парня на каталку и – летим на лифте к себе наверх. Мое сердце в очередной раз колотится так, что я его слышу. Руки предательски подрагивают.

– У меня в двадцать лет тоже сердце постоянно грозилось выскочить. То от любви, то от беспокойной работы, – хитро подмигнул заведующий. – Теперь выскакивает колено. Даже когда чихаю!

– Кто придумал… отправить реанимацию на третий этаж? Не довезем! – заставляю себя говорить медленнее, чтобы восстановить дыхание.

– А ты бы хотел расположить ее внизу, напротив морга? – ухмыляется Соломинка. – Налево пойдешь – в морг попадешь. Направо пойдешь – есть шанс, не умрешь… Или о себе любимом заботишься, чтоб легче бегалось между отделениями, а?

В отличие от меня, трясшегося и вибрировавшего всеми клетками, он был спокоен и чувства юмора не терял. Никогда раньше я не видел его таким, как в этот день. И даже не подозревал, что он может так преображаться в экстренных ситуациях. Соломинка словно занырнул в привычную для себя среду и чувствовал себя там как рыба

в воде. Сконцентрированный профессионал, скупой на лишние движения.

С моих глаз будто завеса упала. Пришло понимание, что вся работа отделения, которую он здесь выстроил, находится полностью под его контролем. И меня, так сильно гордившегося своими умениями, он просто ненавязчиво направлял и поправлял только в существенных моментах, давая возможность самостоятельно делать то, что считал обычной рутиной.

– Чем он отравился? – Мы наконец-то добрались до отделения.

– Выпил раствор аконита. Из милого семейства лютиковых. Наружно – лечит, а внутрь – калечит. Сильнейший яд. Паралич дыхания, остановка сердца. Обычно все заканчивается через час-два от момента отравления. Каждая минута на счету, поэтому не расслабляемся!

Не помню, сколько мы провозились с парнем. Промывали желудок, капали, подключили к кардиомонитору и к аппарату искусственной вентиляции легких. Соломинка был генералом, а я солдатом, признающим его профессиональное первенство.

С этого дня я смотрел на него другими глазами, прислушивался и приглядывался, ловил советы, которые раньше пропускал мимо ушей. Наши усилия дали результат. Парень держал давление и отключиться больше не пытался. На следующий день к вечеру его сняли с аппарата.

– Ну и нафига вы меня спасли? Кто просил-то? Верните меня обратно! – запричитал пациент, лишь только пришел в себя. – Жить не хочу и не буду. Все равно что-нибудь с собой сделаю, поняли вы?

Парень безостановочно стонал и ругался, то вставляя в свою речь угрозы, то повышая голос до крика.

– Как зовут? – Соломинка подошел к нему ближе.

– Лёва, – парень на секунду замешкался и моргнул длинными рыжими ресницами. – Березкин.

– Так вот, Лев Березкин, будешь орать и мешать работать, привяжем, а в рот – кляп воткнем, – спокойно отреагировал Соломинка.

– Тогда потом под суд пойдете, – взвизгнул рыжий пациент. – Все пойдете как миленькие!

– Не пойдем. Агрессия как следствие гипоксии мозга. Обычное дело здесь, в реанимации. Все присутствующие под этим подпишутся, – Соломинка присел на стул, взял в руки газету «Спид-инфо» и тихонько присвистнул, раскрыв ее на выдержках из «Камасутры».

– А у меня действительно гипоксия? – парень заметно разволновался.

– Не факт! – заведующий, не поднимая глаз, перевернул шуршащую страницу. – Скорее гормоны атакуют, если решился руки на себя наложить.

– Кто вы такие, чтоб распоряжаться моей жизнью?! Решать, что мне нужно?! Даже умереть спокойно не дали! Не останусь тут ни секунды, – он проворно перелез на тележку с колесиками. – Увозите меня отсюда, иначе в окно выпрыгну!

Пришлось прикрутить его ремешками к каталке. Соломинка велел кольнуть успокоительного и удалился на оперативку к главному врачу.

Все остальные крепкие слова проклятий в адрес персонала выслушивал уже я. И в какой-то момент терпение подошло к концу.

– Жить не хочешь, черт с тобой! Твой выбор! – Я быстрым движением отсоединил капельницу. – Будешь донором органов, не пропадать же такому хорошему материалу. У нас очередь на почки, а сердце твое прямо сегодня и пересадим. По анализам полное совпадение вплоть до группы крови с нуждающимся пациентом. Не бойся, больно не будет, обещаю!

Врал я самозабвенно и убедительно. А парень заорал еще громче, обвиняя всю медицину и меня лично. Я уверенно толкнул тележку к выходу. Лифт приехал незамедлительно.

– Куда? – вежливо поинтересовался вечно дремлющий лифтер Петрович и даже привстал.

– В морг! – отвечаю я.

– Кто ты вообще такой? – выдохнул побледневший на глазах парень.

– Ентоть?.. Патологоанатом наш, – без эмоций вставил Петрович.

– Увидимся на вскрытии, – добавил я холодно.

У дверей морга решимость и смелость слетели с парня окончательно. Заметно нервничая, он сообщил, что был не прав и только теперь понял, как нужно вести себя в отделении реанимации. Я не ответил. От былой его воинственности уже ничего не осталось. Только усилием воли я не дал слабины и прокатил его до секционной. Для закрепления результата.

Специфические запахи щекотали ноздри. Мальвина был в своем репертуаре и возлежал на столе. При нашем приближении он открыл глаза и резко сел.

– Н-нет свободных мест, ждите! – негромко выдохнул он. В стенах морга его голос отозвался эхом.

Мальвина просто пошутил, но на неподготовленного парня это подействовало магически. Истерика закончилась в один миг. Парень замолчал, крепко сжав кулаки и как-то неестественно вытянувшись. Крупная дрожь, с которой он никак не мог справиться, отстукивала четкий ритм. Лев сразу превратился в маленького несчастного котенка. Я прекрасно понимал, что сам психанул и слегка перегнул палку. Однако шоковая терапия, назовем ее так для облегчения моей совести, подействовала.

Обратно мы катились в полном молчании. К возвращению Соломинки пациент смирно лежал в своей кровати, был вежлив, доброжелателен и не привязан. Заведующий с удивлением посмотрел сначала на него, а потом с молчаливым вопросом на меня.

– Я все объяснил. Левушка все осознал. Для лучшего запоминания закрепили правильными примерами.

Рыжий молча кивнул, подтверждая мои слова.

– И нет желания прыгать с третьего этажа? – Соломинка в задумчивости почесал нос. – И яд повторно пить не будешь?

Парень отрицательно замотал головой: не будет.

– Гадость пить он теперь точно бросил. Хорошо, что успел сделать это еще при жизни! – уверенно добавил я и заговорщицки подмигнул рыжему.

Глава 9

Настал долгожданный день поездки в город. Мы стартовали ранним утром, когда поселок еще спал. Я подхватил Вареньку на выездной дороге. Увидел ее издалека, но узнал не сразу. Вместо привычной дутой куртки горчичного цвета и мальчишеской кепки оттенка горького шоколада, которая очень шла к ее глазам, на Вареньке мешком болталось серое мышиное пальто с большими плечами. Возможно, даже модное, но потерявшее в массивных складках свою хозяйку. Вид ее ног, втиснутых в неуклюжие сапоги на высокой платформе, напряг меня еще сильнее. А пушистый берет ядовито-розового цвета уничтожил последние остатки привычной милоты.

Варенька юркнула на переднее сидение и повернулась ко мне. Брови были подведены неровной черной линией. На губах – непривычно яркая розовая помада с катушками, на веках голубые тени, слипшиеся в складках то ли от частого моргания, то ли от накрапывавшего дождика. Варя постаралась. Любимое лицо было старательно «улучшено», а весь внешний вид вызывал откровенное разочарование.

– Вот и я! – девушка улыбнулась, сняв и встряхнув свою мокрую барби-шапку. По плечам разлетелись длинные волосы, закрученные мелким кудрявым бесом. Варенька расстегнула пальто, показав длинные бусы из крупного пластикового жемчуга на леопардовом платье.

– И я. Вот! – выдавив ответную улыбку, я усилием воли сдержал желание немедленно остановиться, чтобы заплести Варваре привычную косу и срочно умыть. Именно Варваре, потому что назвать это чудо-юдо Варенькой, мой язык не поворачивался.

Можно было бы сказать, что мы провели два чудесных дня в моем родном городе, если бы не этот новый образ, вызывавший у меня настоящее отторжение. Я будто смотрел на эту девушку со стороны, и здесь, в городских условиях, она совершенно терялась.

Мы гуляли по улицам, заходя в кафешки, посетили кино и запланированный балет. На встречу с моими институтскими

друзьями не пошли, я отменил ее, придумав какую-то несущественную причину. Побоялся острых языков и комментариев. Поужинали у родителей и остались у них ночевать. Мама постелила Вареньке в моей комнате. Я проводил ее до двери, чмокнув в мягкую щечку, а сам вернулся на кухню к своим.

Разговоры тянулись до глубокой ночи. Только сидя тут, среди родных людей, я почувствовал, как сильно соскучился и по родителям, и по привычной обстановке, и по общению, которого не ценишь, когда все рядом.

– Надеюсь, у тебя ничего серьезного с этой девочкой? – поинтересовалась мама, когда я засобирался идти спать на диван в большой комнате.

– А тебе она не понравилась? Она обычно выглядит по-другому. Варя очень милая…

– Да кто же спорит! Милая деревенская девочка. Но совсем не твой вариант, уж поверь мне!

Отец молча кивнул в подтверждение маминых слов. Я понял: они давно все обсудили, а мне подали под конец как десерт, когда сил возражать уже не было.

Мы возвращались домой, нагрузив багажник сетками с продуктами, какими-то банками с соленьями, бутылками с густым яблочным соком. Маме постоянно казалось, что я не доедаю и не досыпаю. Она не слушала мои возражения, а рассказы про хлебосольную Параскеву будто вообще выкинула из головы. Машина уже была забита под завязку, когда она притащила еще и зеленый клетчатый плед из шерсти ягненка в прозрачной упаковке и кинула его на сиденье.

Я был доволен поездкой. Встреча с близкими людьми восстановила и даже прибавила сил, а город развлек и вдохнул энергии. Варенька сняла свой леопардовый кошмар и в дорогу надела знакомые старенькие джинсы. Она сидела рядом и заплетала волосы с остатками кудряшек в привычную косу. Пазлы возвращались на свои места, складываясь в милую сердцу картинку.

Стартовали вроде бы не поздно, но коварный ноябрь неумолимо, исподтишка забирал день. Небо густело, а солнце напоминало бледную выцветшую монету

за свинцовым стеклом туч. Оно уже не грело, а лишь немного подсвечивало унылый мир голых деревьев и черной грязи. Незаметно подкрались сумерки. Они накрывали серой вуалью и ползли, захватывая все больше пространства и стирая контуры домов.

Неожиданно машина начала кашлять и спотыкаться… Я сбросил скорость, но это не помогло. С бензином все было нормально, и это единственное, что я смог определить точно. Остальная диагностика мне, автолюбителю с мизерным стажем, была тогда недоступна. Я мало что понимал в машинах и поломался впервые. Съехав с трассы, остановился возле указателя «Гнилужинск».

– Да, звучит многообещающее! – попробовал я пошутить, но получилось не очень…

– Ничего особенного, весь наш район на болотах живет, вот и название такое, – пояснила Варенька. – Это километрах в пятидесяти от нас. Знаю я эти места, бабушка моя недалеко отсюда жила когда-то, автобус тут ходит. У тебя завтра отгул, а я вообще-то с восьми работаю.

Она грустно вздохнула. Мы дошли до остановки с расписанием рейсов. В нашу сторону шел автобус в семь утра. Настроение сразу улучшилось.

Густой и влажный воздух обволакивал ледяной сыростью. Она проникала под одежду, пробирая до самых костей. Еще какое-то время я изображал бурную деятельность в поисках причины поломки машины, потом отступился. Нужно было искать ночлег.

Ранние сумерки растягивали вечер в бесконечную томительную пытку. Казалось, время остановилось. А хотелось его непременно скоротать и согреться. Ночь пришла буквально за минуты, накрыв все вокруг непроглядной темнотой. Мы добрались до закрывавшегося местного магазинчика и с удовольствием нырнули в теплое и светлое помещение, где пахло хлебом.

– Никто тут ничего на ночь не сдает, – заявила пергидрольная продавщица в потертом фартуке с оторванным карманом, окинув нас цепким оценивающим взглядом. – Я бы вас пустила в соседский дом. Хозяйка – моя родственница, в отъезде, только там… света нет.

– Конечно, мы согласны! – я вытащил кошелек и, не торгуясь, отсчитал названную ей сумму.

Мы лежали в темном чужом помещении, тесно прижимаясь друг к другу голыми телами. Все произошло очень быстро, как само собой разумеющееся. Было тепло, но Варенька постоянно пыталась натянуть на себя одеяло. Я нашептывал ей в ухо разные милые глупости, а она тихонько смеялась и целовала мои глаза в темноте. Незаметно усталость сморила окончательно, и мы провалились в сон…

Я бежал по бесконечному коридору морга, обливаясь холодным потом, и никак не мог найти выход. Пытался догнать Вареньку и не мог. Она всё удалялась и удалялась от меня, ни разу не оглянувшись. Я видел, как хрупкий силуэт женской фигурки исчез в холодном потоке безжалостного света. До меня еще долетали отзвуки шлепающих босых ног по плиточному полу, но саму девушку я уже не видел.

– Варенька-а-а, ну, подожди-и!

Почему она убегает? Почему босая? И зачем нужен такой жуткий свет?.. Тот самый свет в конце тоннеля? Морга? Почему она там и раздета?

Послышался тихий царапающий звук. Открыв глаза, я выдохнул: всего лишь сон. Темень непроглядная. А царапают мыши, всего лишь мыши. Рядом мирно посапывала Варенька, не собираясь никуда убегать. Однако к скрежету добавилось пыхтение, смешанное со стонами. Наверное, собака, не иначе. Но неприятно. Я обнял спящую девушку покрепче и провалился в очередное странное беспамятство.

Проснулись мы почти одновременно, еще не до конца понимая, где же находимся. Чувствую, рот пересушен, а голова влажная. Открыл глаза. Прямо передо мной на стене иконы. Много икон. Штук сто, не меньше. И каждая тщательно обернута новогодней мишурой так, что свободного места нет. Только сотня скорбных лиц в неуместных блестках разноцветной фольги взирали на нас со стены, пронизывая взглядами укоризны.

Я медленно повернул голову к окну. Первые лучи солнца, густые как мед, пробивались сквозь щели ставень, выхватывая из полумрака странные детали. Большое зеркало над старым облупленным комодом и еще одно, поменьше, над трюмо, плотно завешены черной тканью. Воздух неподвижен и густ. Вкрадчивый, едва уловимый, но до боли знакомый сладковатый запах. Может, опять мерещится?

В центре комнаты, на вытертом до дыр ковре, две табуретки. Такие обычно подставляют под гроб. Забыли убрать или, наоборот, только приготовили? Фотография пожилой женщины с презрительно сжатыми губами-ниточками и маленькими глазками-буравчиками, устремленными на нас… Луч, пробравшийся сквозь ставень, высветил портрет, как свеча в поминальнике, вместе с резной деревянной рамой и траурной лентой.

– Мне кошмары снились! – почему-то шепотом произнесла Варенька, прижимаясь ко мне. – Всю ночь кто-то в дверь скребся. Сначала думала, ржавые петли разгулялись. Потом какие-то звуки добавились, то ли свист, то ли... Ну, как обрывки старинной мелодии, мне в детстве бабушка пела, когда навещала в детдоме. Прямо пытка звуковая из воспоминаний вперемешку с реальностью. Будто не одни мы тут были.

– Здесь умер кто-то. Думаю, вот эта самая бабушка с портрета. Не удивлюсь, если на этом диване все и случилось. Они даже убраться не успели, сдали домишко при первой возможности. И ставни закрыли. И свет спецом вырубили.

Я вскочил и нажал на выключатель – без результата. Запрыгнув на табурет, докрутил до упора лампочку. Она незамедлительно вспыхнула благодарным желтым светом, подчеркивая всю неоднозначность обстановки нашего ночного убежища.

Собирались почти бегом. Свежеокрашенная дверь мечтательного небесно-голубого цвета была сильно исцарапана снаружи. Неровные борозды причудливо прорезали краску до бледной древесины. Никаких сомнений, что следы свежие, не было.

Я посадил Вареньку на утренний автобус и отправился на поиски кого-то, кто лучше меня разбирается в машинах. На душе было мерзко и слякотно. Отдыха как не бывало. Опять навалилась безумная усталость. Я не хотел возвращаться туда, где мне плохо. Все во мне протестовало. И даже новая ступенька в наших с Варенькой отношениях не очень радовала. Что-то шло не так. Не было ни вспышек молний, ни звуков фанфар, не прокручивались снова и снова сладостно-щекотливые моменты.

Все обыденно и уже немного скучно. В голове заезженной пластинкой снова и снова звучали материнские слова про невыразительную деревенскую девочку, а перед глазами возникали безвкусица леопардового платья и помада цвета бешеной фуксии, будто свет клином на них сошелся. Нервы были на пределе.

Мимо проезжал раздолбанный грузовик, и я без особой надежды вскинул руку. Но на этот раз повезло. Парень-водила оказался толковым: вывернул свечи, прочистил их, подкрутил, успев задать при этом тысячу вопросов про мою иномарку. Потом нежно погладил ее капот и даже не взял денег за помощь.

Глава 10

До поселка Чудь я добрался уже без сюрпризов. Машина ехала мягко, позволяя сфокусировать мысли, разобраться в себе и в собственных ощущениях. Припарковавшись у самого дома, я вошел в сени, нагруженный съестными припасами. На сундуке, в полной послебанной экипировке, включающей небезызвестный зипун и шапку, возлежала Параскева, свесив к полу тоненькие, согнутые в коленях ножки в огромных старых валенках. Из комнаты на полную катушку раздавалась знакомая каждому мелодия «Санта Барбары», сообщающая об утреннем повторе вчерашней серии.

– Что еще случилось? – Я кинулся к бабушке, бросив мешки и пакеты.

– Вернулся, спаситель мой. Вернулся, Илюшенька! – подала дрожащий голос Параскева. – Вчера так спину

скрутило, когда воду таскала… Но смогла еще баньку истопить, думала ты к вечеру обернешься. Сама попарилась, чтоб полегчало. Ан нет. До сундука добралась вот, и все. Встать не могу... так со вчерашнего вечера и валяюсь тут. Это все потому, что крест в бане оставила.

Еле-еле, с оханьем и аханьем, я переместил Параскеву на свой диван. Он был ниже и жестче ее привычного лежбища с перинами и высокими подушками.

– Это радикулит. Нерв ущемился. А ты еще и напарилась, только отек усилила, – сообщил я после осмотра. – Будем лечиться.

В коробке с лекарствами я раскопал нужные таблетки и разогревающую мазь. Натер бабушке спину, завернул в пуховый платок и только после этого внес родительские дары в дом. В этот день приготовлением еды занимался я, благо мама с провизией подсуетилась очень вовремя. Параскева постоянно благодарила за такие заботы то меня, то Господа, а когда я накрыл ее новеньким клетчатым пледом, то и вовсе прослезилась. Оставленный в баньке крестик никак не давал моей хозяйке покоя, и я метнулся туда.

Парная выглядела истерзанной. На усыпанном сухими листьями полу, как после побоища, валялся облезлый веник и пустые тазы. Я быстро нашел висящую на гвоздике пропажу и помчался назад.

– Ты что, бесов из себя выколачивала?

– Пыталась…

– Не вышли?

Параскева в ответ лишь скромно пожала плечами.

Ужинали в комнате, рядом с диваном. Я соединил две табуретки и накрыл их клеенчатой скатеркой. Получился небольшой импровизированный столик, уместивший все самое вкусное. Не зажигая яркого света, потихоньку подтапливал печку, подкидывая то березовые, то еловые дровишки. Они негромко потрескивали, а по комнате плыл запах хвои. Дверь топки оставалась приоткрытой для тяги, и мерцающий отсвет огня плясал тенями по стенам, ложился теплыми бликами на пол. Уютная обстановка и вкусный ужин способствовали задушевным беседам.

– А может, женить тебя? – Параскева даже оживилась от такой мысли и сразу начала размышлять вслух, перебирая всех подходящих невест. Я ухмылялся, но не возражал, видя, что это ее отвлекает и даже доставляет удовольствие. Очень быстро она добралась до Вареньки. – Хорошая девочка, работящая, но сирота. Мать в родах погибла. А дом крепкий у ней. А уж если руки приложить…

– А что ещё с мамой ее случилось?

– Да замуж неудачно вышла. С деньгами мужик, вроде справный, а как выпьет – беда. Прямо под Новый год это случилось. Уж на сносях Марта была. Необычное имя для этих мест. Не наша она, из другого села взял… За мной прибежали, когда у нее кровотечение началось. А что я могу? Хозяин и сам испугался, потом вовсе пропал после всего этого. Думаю, ударил жену, а она не удержись да и упади неудачно. Пока машину искали да в больницу везли, много времени прошло. Новый год же. А девчушка выжила. В детском доме росла, а потом сюда вернулась, в родительский.

Я вспомнил, что уже когда-то слышал нечто подобное. Мысли в моей голове зашевелились, пытаясь уцепиться за что-то важное. Хотелось нащупать, поймать ускользающую ниточку и размотать остальной клубок. Осенило в один миг.

– Варя – сестра Прохора?

Параскева в раздумьях причмокнула одной стороной рта. Я повторил вопрос.

– Не выставляют они свое родство, хоть от народа трудно утаивать такие вещи. Кто-то все равно что-нибудь узнает или догадывается. Отцы у них разные и фамилии – тоже. У Прохора по матери, у Вари по отцу. Не подкопаешься.

– А зачем эти тайны мадридского двора? – От такой неожиданной новости я не смог усидеть на месте и подошел к окну.

– Трудно это, наверно, быть сестрой Мальвины из морга. Отпугивает он людей. Может, Варвара стесняется. Или сам Прохор не велел рассказывать. Я и сама только по случаю узнала. Когда Марту отправляли в больницу, она

мне про мальчонку и шепнула. Переживала очень за него. А он с матерью ее жил в другом селе. Не близко и не далеко. Но люди ж везде. Глаза зоркие до чужой жизни, а языки длинные.

Я маршировал из угла в угол по крохотной комнате. Почему она мне не сказала? Я же делился с ней очень личными размышлениями, в подробностях описывал выкрутасы Мальвины. Иногда откровенно насмехался или спрашивал совета, но всегда был откровенен. Слишком откровенен. Я ей доверял. А о чем она думала, когда поддерживала эти разговоры?

Мне стало не по себе. Будто испачкался. Может, и не живет с ней никакая родственница?.. Скорее всего, там и ночует брат. Из-за него она скрывает наши отношения? Может, стоит проследить за ними? Только нужно ли это? Мне – точно нет. Вот такая получалась игра в одни ворота, без шансов на другие правила.

Я неторопливо шел на работу. Было свежо и сухо. Пахло влажной древесной корой и прелой листвой, которая тихо шуршала под ногами. Партитура осеннего утра. Погода располагала к размышлениям. А проблем у меня за последнее время скопилось немало. Параскеве за ночь лучше не стало, и я перед уходом сделал ей новокаиновую блокаду, благо у запасливой бабушки нашлась и ампула с лекарством и пузатый стеклянный шприц.

На лавочке перед больницей сидел рыжий Лев Березкин с сеткой оранжевых апельсинов в руках и улыбался. На фоне калейдоскопа листьев, горящих ярким рыжим огнем, он вписывался в эту осеннюю картину чрезвычайно органично. Рядом сидела юная барышня опять-таки в рыжем пальто и тоже улыбалась. Они нежно держались за руки.

– Илья Александрович, у нас все хорошо. Мы просто неправильно поняли друг друга! – Парень привстал и помахал рукой. И девушка тоже мне помахала.

Я улыбнулся в ответ. Подумалось: вот это юное создание, именуемое Левушкой, хотел наказать свою очаровательную подружку собственной смертью. И тогда все было бы совсем по-другому. Слава богу, случилось вот так.

Я толкнул дверь морга и сразу же наткнулся на Мальвину.

– У нас т-труп с субботы лежит. Привезли по скорой, но даже в отделение поднять не успели, умерла в приемном п-покое. П-пойдем п-поработаем, родственники должны ее забрать сегодня.

На столе лежала старая женщина с растрепанными седыми волосами. Вроде бы ничего особенного: заострившийся нос, тонкая линия губ, будто втянутых внутрь, глубокие поперечные морщины на лбу. Во всем облике сквозило что-то надменное. И не оставляло ощущение мимолетного знакомства. Я отвернулся, потом снова пристально посмотрел на лицо, обрамленное седыми прядями. Стоп-кадр на долю секунды. И – физическая боль, как от удара в под дых. Я узнал женщину с вчерашнего портрета.

– Из Гнилужинска привезли. С тобой все в порядке?.. Можем начинать? – Мальвина внимательно прощупал меня синими глазами-ледышками.

Кивнув в ответ, я подошел ближе. Под ногтями усопшей виднелась ярко-голубая краска оттенка небесной лазури. Накануне утром я определил этот цвет как «мечтательный».

Глава 11

Подходя вечером к дому, я обнаружил очередь из старух, ожидавших меня на лавочке. Утренняя блокада настолько впечатлила Параскеву, поднявшуюся с дивана после одного-единственного укола, что она на радостях собрала подружек. Бабки в терпеливом ожидании мирно переговаривались. На земле стояли корзинки с яйцами, банки с вареньем, грибами и прочими натуральными продуктами.

У каждой была своя любимая болячка и бутыль с новокаином в руках, которую после недавних событий они принимали за панацею. Их неторопливый разговор крутился вокруг выбора наилучшего цвета для гроба. И ни одной из них эта тема не казалось странной. Захваченные острой дискуссией, они не сразу заметили мое приближение.

– Белый гроб для приличных женщин, а лиловый для распутных! – подвел я итог разговору и тихонько ткнул пальцем в грудь рядом стоящей бабульки. – Какой выбираете?

Бабка растерялась то ли от вопроса, то ли от моего внезапного появления.

– Ей лиловатый! – ответила за нее Параскева под общий хохот подружек. Они уже начали движение со своими банками в мою сторону.

– О, нет! Мои хорошие, приходите в больницу. Там сделаю все, что смогу!

– В морг приглашаешь? Даже не думай! – заскрипели и затряслись от смеха старушки-веселушки. – Успеем еще!

– Как же им лечиться-то? – Параскева вмиг посерьезнела. – Устали уже воду по утрам перед телевизором заряжать. Одна цельное корыто поставила и потом два часа в нем лежала. И всё без толку – простудилась только. Машет, машет руками господин модный целитель Чумак-чудак, а толку-то нет. Хоть поначалу все разные небылицы рассказывали: и того вылечил, и эту воскресил. А ты – настоящий.

Бабки покинули двор только после проведения долгого консультативного приема и разъяснительной беседы.

– Если попаду к тебе когда-нибудь, меня не вскрывай! Пообещай, потрошить не будешь! – произнесла посерьезневшая Параскева, когда за бабками наконец-то закрылась калитка и мы остались вдвоем.

– Зуб даю! Но нужно нейтрализовать Мальвину.

– Вот и нейтрализуй. А меня не трогай.

– Тогда дома умирай, а не в больнице. В этом случае старых не вскрывают.

Я раскрыл местную газету, всем видом показывая, что не хочу продолжать этот дурацкий разговор. Раздел «Объявления» был моим любимым и там частенько можно было выудить что-нибудь интересное. Сейчас я блуждал между покупками-продажами и предложениями сдачи в аренду:

– «Продается гроб. Новый, красивый, белый. Причина продажи: не понадобился», – я не мог не прочитать

это вслух. – Да что за место здесь такое, куда не сунься – все одно и то же. Чудно, однако!

Параскева пробормотала в ответ что-то невразумительное и забрала из моих рук газету.

К вечеру действие блокады закончилось. Спина у Параскевы снова стала болеть, но уже не так сильно. Меня больше беспокоил появившийся кашель – результат ее экстремальной ночи на сундуке в холодных сенях после бани. Снова уложив бабушку на диван под клетчатый плед, я натер ей поясницу растопленным маслом с солью по ее же рецепту, а сам перебрался на печку.

– Уходить тебе надо из этого морга. Забирает он твою энергию. Нельзя, чтоб смерть становилась обыденностью. Разрушает это. Да и вообще уматывать отсюда нужно, пока себя вовсе не потерял. Не твое это. Вот Соломинку когда еще в город приглашали, на хорошую должность. Не поехал. Думаю, всю жизнь жалел об этом. Тогда громкое событие случилось, про него даже в газетах писали, и не только в местных. Я сохранила статью-то эту. Женщине в кардиологии плохо стало. Остановка сердца. Сразу качать ее начали, искусственное дыхание, массаж сердца. Все без толку. А аппарата, что сердечко заводит, не было, забыла, как называется…

– Дефибриллятор?

– Во-во, точно. И времени тоже не было, жизнь секундами измерялась. Так он ее сердце завел через шнур от розетки электрической, разрядом тока. Смелый. Тогда еще и аппаратуры-то нормальной в больничке не было. И специальность его – реаниматолог – только появилась. Мы его *спасателем* звали.

– Расскажи еще про Соломинку. Я ведь его не сразу принял. Думал, он такой же вредный, как брат его.

– Да оба они неплохие. Я их в парнях хорошо помню. И в молодости они на Пузыря и Соломинку совсем не походили. Оба стройные, красивые, только ростом и отличались. Старшего Соломоном назвали, где только откопали родители имя такое. Но он ему всегда соответствовал: спокойный, рассудительный. Как говорят, соломоново решение. Младший – Петька. Дерганый, вечно чего-то доказы-

вал, мечтал вырасти когда-нибудь в Петра Первого. И оба круги нарезали вокруг одной барышни – нашей местной красотки Надюхи. Пузырь влюбился, а Соломинка потому, что никого лучше тут не было. Выбрала Надюха Соломона. В деревне шутили, мол, он ей встретился, а она ему подвернулась. Однако женились и до сих пор живут. А Пузырь всё пытается её убедить, что ошиблась она в выборе. Главным врачом стал, знакомства повсюду, лучший дом в поселке.

– Почему же Соломинка не уехал? Лучший вариант для него был бы.

– Кто ж его знает. У каждого свои кости в подвале.

– В смысле скелеты в шкафу?

– Ну, если тебе так больше нравится. А жену брата своего Пузырь до сих пор любит. Вот что хочешь со мной делай, а видно это невооруженным глазом. Так и не женился поэтому, хоть бабенки вокруг до сих пор вьются! – Параскева сильно закашлялась. И это мне совсем не понравилось. – Я вот чего подумала. Дом мой на тебя переписать надо. Будет у тебя своя жилплощадь. Сюда из города хоть на лето можно приезжать.

– Все. Остановись. Устал я от этой смертельной темы. Очень устал. Давай лучше сироп от кашля принесу!

Глава 12

На следующий день я встретил Вареньку в вестибюле больницы. Так получилось, что после возвращения из города, я ни разу ее не видел. График дежурств стоял все эти дни в противофазе, болезнь Параскевы напрочь меня отвлекла от событий трехдневной давности. А неожиданные новости про родство моей девушки с санитаром Прохором принесли разочарование и как-то сразу усложнили наши отношения.

Я не мог найти оправдания тому, что узнал об этом не от нее. В голове все чаще всплывали критические замечания и обрывки фраз родителей по поводу Вареньки. Не хотел соглашаться с этим, но их слова вспоминались постоянно. Я стал смотреть на нее глазами родителей и уже ничего

не мог с собой поделать. Деревенский говорок, нелепая одежда, ограниченные темы для разговоров и, как оказалось, полное непонимание моего любимого балета. Варенька задремала на «Спящей красавице»! Для меня это было совершенно необъяснимо и неприемлемо. Все многократно прокручивалось внутри меня под разными углами и в разных ракурсах.

Я мысленно разговаривал с ней, планируя задать при встрече тысячу вопросов. А когда увидел – расхотел. Никакие разборки не добавляют в отношения искренности, если ее нет изначально. К тому же, любые выяснения так или иначе коснулись бы и Мальвины. Я его немного побаивался, но уважал. А еще меня постоянно сопровождало легкое чувство брезгливости при общении с ним. Вообще все внутри сопротивлялось, не желая объединять их, таких разных, вместе. Их даже ставить рядом не хотелось.

Я наткнулся на Вареньку в вестибюле больницы. Не ожидая меня увидеть, она вздрогнула.

– Там Соломинку привезли. Ночью ему плохо стало, но в больницу ехать отказывался, думал, пройдет. Инсульт. Все отделение на ушах, только им и занимаются. Консультантов из города вызвали. Главный врач работать спокойно не дает, постоянно крутится в реанимации. И жена Соломинки тоже там! – Варенька выглядела очень уставшей и бледной. Никаких лишних вопросов не задала. Я в ответ только кивнул и устремился на третий этаж.

Соломинка лежал на кровати, неестественно длинный и прямой, напоминавший вытянутую струну или, оправдывая свою кличку, сухую хрупкую соломину, готовую надломиться от любого резкого движения. Его рост, дающий реальные преимущества в обычной жизни, сейчас подчеркивал всю трагическую беспомощность. Почти прозрачная кожа с проступающей паутинкой вен имела цвет восковой бумаги. Черты лица обмякли, а уголок рта безвольно опустился. Он был без сознания.

А вокруг кипела жизнь. Попискивали мониторы, тихо шипел кислород, менялись капельницы и врачи, обсуждались планы лечения. Среди всей этой непривычно нервной обстановки реанимационного отделения, в углу, сжавшись

в комок, сидела седенькая женщина с короткой неровной стрижкой. Я не сразу понял, что это жена Соломинки, когда-то ставшая яблоком раздора между братьями. Маленькая, полная, с расплывшимся лицом, потерявшим былую красоту. Она не плакала, сидела неподвижно, вцепившись руками в свою простенькую сумочку. Женщине разрешили навещать мужа в любое время. И она решила вообще не уходить. А это здорово мешало работать. Частые набеги Пузыря тоже не заряжали позитивом. Он, не стесняясь, орал на всех, внося суматошную неразбериху. А мне виделось, что таким образом он показывает свою значимость перед этой пожилой невыразительной женщиной.

Спокойнее стало только к вечеру, когда кто-то из медсестер уговорил жену Соломинки уйти домой, отдохнуть. Я присел на диванчик, прикрыл глаза. Усталость была такая, будто все это время безостановочно разгружал мешки.

Из дальнего темного угла донеслось надрывное покашливание. Я вспомнил, что днем вроде бы еще кого-то привозили, но занимались пациентом другие сотрудники... Я был сосредоточен на заведующем. Кашель повторился. Взяв в руки историю болезни, я подошел ближе.

Пациент все еще лежал на каталке, почти не занимая места, и напоминал смятый изношенный свитер, забытый за ненадобностью. Телосложение карлика, искривленный позвоночник, короткие скрюченные конечности и морщинистое лицо делали его похожим на древнего очень уставшего гнома. Сколько же он тут лежит? И почему до сих пор на каталке, укрытый собственной одеждой? Делали ему вообще хоть что-то за этой суетой? Я аккуратно взял на руки маленькое усохшее тельце и переложил на кровать.

– Ты специально ко мне пришел? – голос его оказался высоким и певучим.

Я кивнул в ответ. И стал читать его историю болезни. Ревматизм с пятнадцати лет. Больное сердце. Поступил с ревматическим плевритом – воспалением оболочек, покрывающих легкие и грудную клетку изнутри. Боли, усиливающиеся при вдохе. Одышка. Температура под сорок. Доставлен четыре часа назад из дома престарелых.

И никаких назначений. Похоже, к нему так никто и не подходил за всё это время. И молчал же!

Я приложил к его исхудавшей спине, похожей на вопросительный знак, мембрану стетоскопа и услышал жесткий звук трения плевры. Переставил на область сердца. Скорее всего присутствует и порок, такие шумы просто так не возникают. Еще раз пробежав глазами по истории болезни, я нашел упоминание о миокардите в анамнезе. Мои предположения подтверждались. Дело плохо. И совсем не обследованный. Сколько ему лет? Сорок пять? Быть не может. Я подумал, все восемьдесят.

– Полечишь меня? – он беззащитно, по-детски улыбнулся, показав широкий беззубый рот.

Я опять кивнул.

– Хорошо-то как. Вот спасибо! Ломит у меня все тело. Сильно ломит. Я терпеливый да и привык уже. Но сегодня уж очень болит. Дышать не могу.

Сделал ему обезболивающее и поставил капельницу с антибиотиками. Он не стонал, ни о чем не просил. Только смотрел на потолок, сжимая маленькие узловатые руки, и очень тихо поверхностно дышал, будто боясь кого-то потревожить. А может, просто ограничивал движения грудной клетки, стараясь уменьшить боль.

Соломинке в это время стало хуже. Дежурный врач ушел в обход по больнице, и я действовал по своему усмотрению, пока не стабилизировал состояние заведующего. По всем признакам инсульт был ишемическим, когда просвет сосуда забивается тромбом и нарушается питание участка мозга. Идет выпадение функций, за которые этот участок отвечает. Чем раньше начато лечение, тем больше шансов и меньше последствий. Мы лили препараты, пытаясь растворить этот проклятый тромб, контролируя каждый вздох Соломинки. В реанимацию тихо зашел Мальвина и присел неподалеку от меня.

– Тебе-то чего не отдыхается?

В ответ он только пожал плечами.

– Представляешь, Соломинку, оказывается, в город звали работать, на хорошую должность. После того, как он пациентке сердце от розетки завел. От таких предложений

не отказываются. А он почему-то не поехал, тут остался. Вот почему? – мне просто хотелось выговориться, и я не ждал никаких ответов.

– Из-за моей матери. Это ее он с того света вернул. И влюбился.

Я не знал, что сказать, но смутные догадки уже зашевелились.

– Отец это мой, – произнес Мальвина в подтверждение моих мыслей. – Мне иногда кажется, мама второй раз замуж вышла, чтобы быть к нему поближе. Бабушка мне все рассказала, когда постарше стал. И он про меня знал, и я про него. Но вида не показывали. Жили как в параллельных мирах. Не смог он тогда жену оставить, хоть детей в браке и не получилось. Наверное, это называется никому не нужной порядочностью. А могло бы все быть по-другому. И мы все трое были бы здоровы и счастливы. Мама родилась с врожденным пороком сердца. В то время эти операции не особо практиковались. А уж в нашей глуши и подавно. С возрастом болезнь прогрессировала. Ее оперировали в городе уже после моего рождения, и все прошло удачно. Всю жизнь на разжижающих кровь таблетках. Рожать врачи запрещали, что в первый раз, что во второй…

В темном углу раздались хрипы. Мы оба бросились туда. Хрупкое тельце издавало булькающие звуки.

– А… ты – кто? – просипел карлик, вглядываясь в лицо санитара.

– Я из морга, – ответил Мальвина, явно растерявшись.

– А я еще не умер! – с усилием прошептал человечек одними губами. – Подождешь немножко?

Я положил свою руку на его, пытаясь нащупать пульс. Под пальцами барабанило в бешеном ритме. Стук предельного напряжения на грани грядущей тишины. Карлик аккуратно освободил руку и положил горячую сухую ладонь поверх моей. Глубоко вздохнул и закрыл глаза. Потом еще один очень глубокий вдох и улыбка. Он так и остался лежать среди белых простыней с этой благодарной улыбкой.

– Как его звали? – Прохор посмотрел на меня своим васильковым взглядом. И я вдруг понял, что у Соломинки глаза такого же оттенка.

– Не знаю. – Я открыл историю болезни: – Мышкин Виталий Агафонович. Почти как у Достоевского. Что-то есть у них общее.

Мальвина легко взял его на руки, перенес на каталку. Накрыл с головой и вывез в коридор.

Глава 13

Спать я не мог, только глаза прикрыл, откинувшись на спинку дивана. Опять этот конвейер. Только что человек улыбался и надеялся, а уже забрали и увезли. Дальше вскрытие, холодный погреб – и все по кругу. Есть Мышкин, и нет Мышкина. Конечно, шансов с самого начала почти не было. А если бы сразу начали лечение? Были бы?.. Никто не придет разбираться и спрашивать про него. Никто не заметит его ухода. Умер и умер. Маленький, никому не нужный человек. А внутри всё сжимается. Можно было бы побороться, сделать хоть что-то еще для Мышкина и своей совести. Не в то время привезли тебя, брат. И не к тому доктору ты попал…

Соломинка был стабилен, но дышал за него аппарат искусственной вентиляции легких, когда-то им же сюда и доставленный. Меха то сжимались, то разжимались. Звук то громче, то тише: размеренный, шипящий, бесконечный.

Ручка двери скрипнула, повернулась, прорезав привычные звуки, и застыла. Я смотрел на нее, понимая, что находиться в таком положении она может только если ее кто-то держит снаружи. Мальвина ушел, забрав Мышкина в морг. Тогда кто? Скрип половицы, тихий стук, пауза и щелчок. Ручка вернулась на место.

Я быстро встал и выглянул в коридор. Никого. Только на полу виднелись мокрые следы маленьких ступней.

Сдав утром дежурство, отправился в патологоанатомическое отделение. Сил не было. Вскрытие можно было отложить до следующего дня, но хотелось облегчить душу. Одно успокаивало: Соломинку я передал с рук на руки следующей смене без отрицательной динамики.

Мы работали быстро и молча. Сердце маленького гнома Мышкина напоминало потерявший всякую форму ис-

трёпанный мешочек, которое больше трепыхалось, чем качало кровь. А потом устало. И перестало биться. Жидкость в плевральной полости поджимала легкие, не давая дышать. Шансов его спасти не было.

Параскева хлопотала на кухоньке, замотанная крестнакрест пуховым платком. И это меня порадовало. Она вынула из печки чугунок щей с куриными потрохами и картошку в глиняной миске, залиту́ю молоком и жирной сметаной. В деревне ее так и называли, «залита́я картошка». И ничего вкуснее придумать было невозможно.

– Принеси-ка из сеней грибочков солененьких. Они там в ведре под лавкой стоят, булыжником сверху притопленные. Груздей сегодня попробуем!

– По какому поводу праздник и настроение? – Я притащил грибов, а Параскева достала бутылочку с наливкой.

– Два важных дела сделала. Моя душенька спокойна. Со старым домом вопрос решила, никто тебя отсюдова не прогонит теперь. И с новым – тоже определилась.

– Загадочная ты моя! – Я взял в руки рюмочку и подумал, что в последнее время алкоголь занимает в моей жизни все больше места. – Ладно, старый дом твой знаю, про новый уточни.

– А ты сходи в сарайку. Заодно оттуда и дров захвати! – Параскева интриговала меня с самым невинным видом и, кажется, получала от этого огромное удовольствие, подевичьи искрясь и сияя. Однако томление в ожидании неизвестно чего не было моим коньком, и я решительно двинулся в указанном направлении. Дверка сарая поддалась сразу и легко отворилась. В центре, прямо на пути, стоял большой гроб, обтянутый белым гофрированным бархатом с металлическим крестом на крышке. Таких я никогда раньше не видел.

– Как увидела, сразу поняла – мой! Великоват немного, но не мал же, – рядом со мной возникла Параскева. – Я таких и не видела раньше.

Она слово в слово озвучила мои мысли:

– И бархат настоящий! Целый день кручусь-верчусь, потом приду сюда и поглажу его! Подружки обзавидовались –

уже все друг за дружкой сюда на смотрины приходили. Я и платье похоронное поменяла на новое, чтоб к лицу было. Пакетик с одежкой в шкафу на верхней полке лежит, пойдем покажу.

– Купила! По объявлению! – застонал я и, повернувшись к бабушке, готов был ее заругать. Но споткнулся на полуслове. У нее было такое счастливое безмятежное лицо, что разубеждать было бессмысленно. Я только покрутил пальцем у виска и велел срочно идти в тепло.

Кашель Параскевы усугублялся день ото дня. Выворачивал ее наизнанку, не давая спать. Она заваривала какие-то травы, а я велел начинать пить антибиотики. Лучше не становилось. Параскева снова слегла с высокой температурой.

– Нужно в больницу. Для начала рентген, а там посмотрим. – Я сделал все, чтоб придать голосу строгости, не терпящей возражений.

– Не-ет. Помирать дома надо, иначе к тебе под нож попадешь! – Параскева причмокнула одной стороной рта и отвернулась, всем видом показывая, что разговор окончен.

Я принес из больницы все необходимое и начал делать антибиотики инъекционно, по часам прибегая из больницы. Но толку не было. Дело стало приобретать серьезный оборот.

– Все, Параскева, это уже ни в какие рамки! Жареным пахнет. Собирайся! – скомандовал я.

Она не ответила. Горячая, пульс частит, лежать трудно, и она в полусидящем положении. Глаза закрыты. Реакции нет.

Я не стал больше ничего обсуждать. Завернул ее в одеяло, нацепил шапку и валенки, взял на руки и засунул на заднее сидение машины.

Через полчаса Параскева лежала в реанимации под капельницей и с кислородной маской на лице. Рентген незамедлительно выдал вердикт: пневмония, тяжелая. Без затемнения только верхушки легких, ими и дышит. Лечение расписали немедленно, главное успеть. Я стал жить в больнице, а из реанимации почти не отлучался, проклиная себя, что не настоял и не привез ее раньше.

Они пришли в себя почти одновременно: Соломинка и Параскева. Обоим стало лучше. Заведующий уже дышал самостоятельно. А к моей любимой бабушке вернулась способность комментировать происходящее и вставлять – по делу и без – критические замечания. Это напомнило пробуждение королевского дворца в моей любимой сказке «Спящая красавица».

В реанимацию тут же потянулись люди поздороваться и повидаться с Соломинкой. Пришла его жена. Опять зачастил Пузырь. Все это мешало и безумно раздражало. Параскева дрожащим голоском вворачивала немудреные колкости, веселя присутствующих. А Соломинка молчал, улыбаясь правой стороной рта. Говорить он почти не мог, больше мычал. И то только когда лишние люди выходили.

Варю в эти дни я, конечно, встречал. Мы чуть смущённо улыбались друг другу, старательно делая вид, будто между нами ничего не произошло. Но я больше не звал ее на свидания, оправдываясь перед собой то тяжелым состоянием близких мне людей, то бесконечными всегда срочными делами. А Варенька вопросов не задавала. Только иногда я ловил на себе ее долгий леденцовый взгляд.

Она была по-прежнему мила. Я с удовольствием пил с ней чай, угощаясь плюшками и болтая на отстраненные темы. И не хотел ничего большего. Может, когда-нибудь потом?.. Но точно не сейчас. Я взял паузу на осмысление. Решил, что это нужно для нас обоих. Хотел было сказать ей об этом, а потом передумал. Она ни о чем не спрашивала, зачем же мне начинать?

В кабинет к главному врачу меня вызвали по телефону через секретаря.

– Заведующий реанимацией работать больше не сможет. Кого поставить на его место пока думаю, но свободная вакансия врача-реаниматолога появится в ближайшее время. Предлагаю ее тебе, с условием, что не бросишь совмещение в морге. Жизнь есть жизнь. А работа есть работа. Время на «подумать» – неделя.

Пузырь был краток и очень деловит. В ответ я только неопределенно кивнул головой и тут же удалился.

В реанимации что-то происходило. Это я понял, когда из отделения выскочила Варенька и помчалась в неизвестном направлении, лишь махнув мне рукой. «Что-то с Соломинкой», – стрельнуло в голове, и я влетел в палату.

Заведующий лежал на своем месте с осознанным напряженным взглядом. Персонал столпился вокруг Параскевы. Я бросился туда. Ее глаза были полуприкрыты тонкими, как лепестки, веками, а губы поджаты.

– Остановка. Ни с того ни с сего. Рассказывала чего-то смешное. Вроде на поправку пошла, и вот! – речь дежурного реаниматолога была крайне сумбурной. – Сделали все, что могли. Фиксируйте смерть. Отпусти ее, Лапоть! Хорошая бабка была. Просто время ее пришло.

Я рухнул в кресло. Голова отказывалась работать. Кто-то что-то говорил, успокаивал, но я ничего не понимал. Чувствовал только, что воздух становится невероятно тяжелым и густым, как сахарный сироп, не давая мне нормально дышать. Молча вышел на улицу.

Через какое-то время подошла Варенька и сказала: нельзя так долго стоять на сильном ветру раздетым. А я не ощущал ни ветра, ни времени. Пачка сигарет в руке, которую купил только утром, оказалась пустой…

Вошел в секционную. Параскева уже лежала на железном столе, глаза плотно закрыты. Мальвина сидел на стуле рядом с приготовленным инструментом и ждал команды.

– Вскрытия не будет. Протокол оформлю, нужный диагноз поставлю. Ее надо обмыть и привести в порядок. Одежду я принесу.

Мальвина кивнул и, подхватив худенькое тельце на руки, спустился в наш «холодильник». На железном столе остались запотевшие пятна, похожие на серебристые тени. Как последнее тепло покинувшей тело души, отданное безразличному металлу. Я подошел ближе в надежде, что мне показалось. Не показалось. На холодном столе, как прощальные слезки, мерцали мелкие капельки, тающие на глазах. Скоро их не станет. Стол вытрут тряпкой, и он снова засияет стерильной пустотой, готовый принять новое тело и новую историю…

Мне сложно объяснить причину своего дальнейшего поступка. И непосредственно в тот момент, и спустя долгое время тоже. Меня просто потянуло. Непреодолимо потянуло. И я лег на этот железный постамент, не в состоянии противостоять странному желанию. Отключился сразу. Это был даже не сон: провалился в черную яму и время остановилось.

Когда пришел в себя, почувствовав знакомый запах перегара, увидел Мальвину, склонившегося надо мной. Не вздрогнул и не стал ничего объяснять. Просто встал и пошел домой за похоронной одеждой для Параскевы.

Глава 14

С того момента я и начал слышать их: стоящих у черты смерти или недавно умерших. Если я находился рядом с усопшим, в голову лезли чужие диалоги, обрывки фраз и мыслей. Поначалу разобраться с этим было сложно, а не сойти с ума – еще сложнее. Тянуло выпить и забыться, как делал Прохор. Я слышал их голоса, и от этого невозможно было ни убежать, ни спрятаться. Рассказать кому-то тоже было нельзя.

Бархатный гроб Параскевы поставили по центру комнаты ее деревенского дома. Бабушка лежала в белом платье, на голове – ажурный платок тонкой вязки, и напоминала добрую фею-крестную. Лицо разгладилось, а губы замерли в легкой улыбке. Мне показалось, что на ее щеках играет легкий румянец. Мальвина постарался. Кажется, никогда в жизни эта простая женщина не выглядела так хорошо, как в последний день своего земного пребывания.

Я понимал, она заблаговременно примеряла на себя этот образ, продумав все заранее. Подружки-старушки жались по углам, не в состоянии осмыслить ее внезапный уход и этот неожиданный королевский образ. Я был в непонятном оцепенении, скорее даже – отстранении от всего происходящего, наблюдая за всем, включая себя самого, будто со стороны. Наверное, сработал какой-то внутренний механизм защиты.

– Я всем довольна, спасибо тебе, голубчик! Все как надо сделал! – откуда-то в голове возник задушевный голос Параскевы. Я даже оглянулся от неожиданности. – И бабкам за мной теперь точно не угнаться. Вон как загрустили. И второго такого гроба в нашей округе не найти. Накрутили мы им хвосты!

Я внимательно посмотрел на Параскеву. Она лежала неподвижно и улыбалась краешками губ. Ей определенно удался ее последний выход.

– «Там нет ничего, Параскева!» – ее голос стал издевательски гнусавым, явно изображающим меня. – Есть, Илюшенька. Представь себе, есть!

Я даже улыбнулся в ответ, и стало легче. Как же мне будет трудно без нее!

– И не нужно тебе тут без меня оставаться. Уезжай. Гиблое место погубит. Невозможно это долго выдержать: привезли, вскрыли, увезли. И опять, и снова…

Следующий день я начал с посещения главного врача.

– Ну, принял решение? Переходить в реанимацию надумал? Или сразу на должность заведующего проситься пришел? – Пузырь развалился в своем массивном кресле, как сытый кот.

– Продавать машину собрался. Если ваше предложение в силе, то я готов. И вот мое заявление об уходе.

– Может, поменяемся? Хорошая у меня машинешка, красная, приметная. А уехать не получится. Не отпущу. Напомнить, что больница тебе целевое направление давала на поступление? Значит, обязан три года отработать! – Пузырь взвизгнул, а его живот в распахнутом белом халате заколыхался, как студень. – Еще и на патологоанатома выучили. Первичную специализацию тоже мы оплатили! Посмотри договор. Придется деньги возвращать, и немалые!

– Вы девушку на велосипеде сбили и уехали, не остановились даже. Прямо правым крылом и зацепили. Теперь вот быстренько починили, и как будто не было ничего. А я все видел. Если бы не мой санитар Прохор, который ее сюда потом притащил, погибла бы девчонка!

Решение блефовать пришло незамедлительно. И сработало.

– Что… ты несешь? – Пузырь снова взвизгнул, но уже менее убедительно. Я посмотрел на его наливающееся кровью лицо и понял: мои слова попали в точку. Это выглядело так, будто кто-то одним движением перерезал провод от блока питания. Мгновенное отключение. Его расслабленное и вальяжное тело даже не изменило позы, но застыло, превратившись в памятник. Памятник его совести. Живыми оставались только засуетившиеся глаза, бегающие, как перепуганные тараканы от включенного среди ночи света. Он молча подписал мое заявление, даже не заставив отрабатывать положенные две недели. На следующий день оформили куплю-продажу машины. Эти деньги я и внес за свое обучение, возместив все потраченное на меня в соответствии с договорами.

– Я знал, что уедешь! – Мальвина воспринял новость спокойно. – Ты птица другого полета, это сразу чувствуется. Иное у тебя предназначение. А здесь все уже сделал. Чему можно было – научился. Параскеву похоронил достойно. И Соломинку спас.

Он замолчал, а потом, будто решившись, продолжил:

– Если начал слышать то, чего не слышал раньше, и потому бежишь, оставь это своей тайной. Сначала спать не будешь, потом с душами разговаривать начнешь, но привыкнешь. Ко всему привыкают. Только не делись ни с кем, а то могут и шизофрению припаять. И нормальной жизни тогда уже не будет. К врачу с таким диагнозом никто не пойдет, – он усмехнулся, подмигнув мне ярко-синим глазом. – Останется одно – вернуться сюда и сменить меня на санитарской должности. Поскольку с моим алкогольным анамнезом вряд ли я долго протяну.

Думаю, мое вытянутое лицо выглядело несколько обескураженным, и Мальвина громко рассмеялся, пробуждая в стенах морга подобие эха. Понять, когда он действительно шутил, а когда надо мной глумился, было трудно. Простились мы хорошо. Оба понимали, что вряд ли увидимся еще когда-нибудь.

Я стоял на крыльце больницы и курил. Вещи собраны, дом закрыт, ключ спрятан в положенное место над дверью.

Я пытался его кому-нибудь отдать, но оказалось – некому. Весь день накануне валил мокрый снег, а порывы ветра гудели в трубе голодным зверем. Погода свирепствовала и швыряла в окна остроугольные градины.

К утру все успокоилось. Принарядившиеся в ледяные доспехи деревья словно извинялись за вчерашнее, а в проблесках солнца медленно оседала сверкающая снежная пыль. Я ждал Варю и издалека заметил ее черную шубку и белую детскую шапку с пушистым помпоном. Она тоже меня заметила и ускорила шаг.

– Я ждал тебя, чтобы попрощаться. Уезжаю… – Я дотронулся до ее прохладной руки. Показалось, что она вздрогнула. – Ты такая замечательная, красивая и обязательно найдешь свое счастье. Давай без обид, но…

– Когда так говорят, обычно собираются обидеть!

– Да пойми ты, при всем желании…

– А если так говорят, значит, желания нет вообще.

– Я пытался быть рядом с тобой, но – разные мы. Слишком разные. У меня много причин для отъезда, и они совсем не в тебе. Просто не судьба.

– «Пока человек не сдается, он сильнее своей судьбы», – произнесла она, не глядя на меня.

– Почитываем Ремарка? Похвально! – Я крутился как уж на сковородке и хотел как можно скорее закончить этот трудный разговор: – Если попадешь в город или соберешься поступать в медицинский – звони! Помогу, чем смогу!

Она смотрела на меня, а точнее – в меня леденцовыми глазами. Солнце, посылавшее свои блики из-за туч, превращало их в ослепительный янтарь. Лицо бледное, ни кровинки. Яркие глаза на белом полотне. И эта несуразная шапка с помпоном. Как вспышка для фото на память.

– Не нужно всего этого, – Варенька запнулась. – Все нормально. «Любовь не терпит объяснений. Ей нужны поступки!»

– Да ты серьезно взялась его проштудировать? – я приподнял и поцеловал ее руку-ледышку, немного съежившись под немигающим взглядом.

– Ну надо же с чего-то начинать! Там много ответов на мои вопросы.

– Теперь понимаю, почему ты не задавала их мне. Старина Ремарк взял это на свои плечи и, кажется, справился! – Я, как мог, лихо присвистнул и очень громко рассмеялся. Получилось фальшиво. То ли от этого дурацкого смеха, то ли от совсем неуместной лихости.

Эпилог

Много лет спустя, уже будучи доктором медицинских наук и заведующим кафедрой в Медакадемии, я попал в места своей боевой юности. Те самые, откуда когда-то поспешно бежал, не выдержав жестких условий и «предложенных» обстоятельств. Никто и никогда не упрекал меня в этом, но сам с собой я старался быть честным.

Сказать, что я обо всём случившемся сильно жалел, не могу. Наверное, поступил правильно. И все в моей жизни сложилось как надо: состоялся в любимой профессии; встретил прекрасную мудрую женщину, много лет назад согласившуюся стать моей женой; а умница-дочка совсем недавно подарила нам славную внучку Полинку. Что еще нужно человеку на новом юбилейном рубеже?

Однако воспоминания о далекой юности, собственной слабости и о том сложном решении, принятом в порыве, оставляли ощущение какой-то незавершенности. Теперь это называют модным словом «гештальт» и призывают его непременно «закрыть». Меня пригласили на выездное совещание в те края. И я сразу, без малейшего промедления, согласился, хоть родные планировали на один из этих дней крещение внучки. Решил, что смогут обойтись и сами. Меня всегда туда тянуло. Как преступника на место преступления. Но не было причины просто так взять и поехать. А теперь появилась.

Сопровождать меня по местам боевой славы вызвался молодой доктор – местный анестезиолог. Ему было лет тридцать пять, но все старшее поколение врачей, выросшее в эпоху Коммунистической партии и ее Генерального секретаря, называло парня исключительно по имени-отчеству – Леонид Ильич. Не забудешь и точно не спутаешь. За разговором выяснилось, что Леня является и моим

учеником. После института он проходил специализацию на нашей кафедре и часто бывал на моих лекциях.

Прогуливаясь по улочкам поселка, разросшегося за прошедшее время до размеров небольшого провинциального городка, поскольку на окраине построили неплохой санаторий с лечением торфяными грязями, мы с удовольствием общались, обмениваясь мнениями по нашим профессиональным вопросам. Парень был хорошо подкован, эрудирован и с видимой легкостью перескакивал на любые другие темы. Я же с трудом узнавал прежде знакомые места, но до дома Параскевы добрался без подсказок. Дворик сильно зарос, крыша изрядно просела, а перекошенная калитка не закрывалась, надрывно скрипя при каждом дуновении ветра. И всё-таки дом выглядел еще на удивление крепким!

– Почему тут никто не живет? Дом почти в центре, да ещё и сад какой! Только почистить бы все нужно! Избушка еще держится, а крышу можно и поменять, – сказав это, я пробрался поближе и заглянул в окошко.

– Так у бабушки наследник есть. Где-то в городе проживает. Так и не приехал ни разу. Одно время бомжи сюда повадились, но соседи замки поменяли. С тех пор приглядывают за домом, траву окашивают да яблоки по осени собирают.

От этих слов внутри меня зашевелился клубок воспоминаний и даже начал потихонечку разматываться. Я стоял, уставившись в темное окно и пытаясь привести мысли в порядок. Потом достал телефон и включил фонарик, направив его в глубину дома. Пол местами провален, но все как будто на своих местах. На старом рваном диване виднелся клочок зеленого клетчатого пледа.

Леня проводил меня до заброшенного здания старой больницы. Парк большой, разросшийся, с деревьями, которые сложно обхватить обеими руками. А вот больничка показалась мне реальным призраком из кирпича и тоски, вернее того, что от нее осталось.

– ЦРБ давно отсюда переехала. Как начал край здания под землю уходить, так за неделю новое помещение на-

шли и всех перевезли. Я сам из этих мест. Удобно, конечно, когда больница была под боком. Комплекс в районном центре, где вы сегодня выступали, уже значительно позже построили.

– А я ведь здесь работал в молодости. Интересное место и странное…

– Про непонятные вещи многие рассказывали. И врачи тут недолго держались, особенно патологоанатомы. Всё им мерещилось что-то. Старики рассказывали, что кладбище на этом месте раньше было. С этим видения и связывали. А ларчик открывался гораздо проще: топкая местность, выхлопы болотного газа и карстовые пустоты, где он накапливался. Сначала стала проседать та часть здания, где морг когда-то находился. У них в подвале помещение было для трупов, так там стена никогда не просыхала. Она и обвалилась. – Леонид показал то место, которое мне и без него было хорошо известно. – Там потом всё плотно свежим грунтом засыпали и вроде как проблему ликвидировали. Но восстановлению больничка после этого уже не подлежала. Да и кто рискнет что-то снова строить на этом месте? И рушить до конца не стали, на это тоже средства нужны. Так и стоит как памятник ушедшей эпохи. Мальчишки на развалинах в войнушку играют. А клинические проявления от болотного газа: головокружения, изменение сознания, сердцебиение – у всех примерно одинаковые отмечались. Болото ведь как живой организм функционирует, постоянно делает вбросы закиси азота. А это тот самый наш «веселящий газ», который раньше использовался при наркозе. Плюсом он вытесняет кислород. Отсюда еще и гипоксия со всеми вытекающими.

– А из сотрудников тех лет кто-нибудь еще остался? – поинтересовался я.

– Бывший главный врач жив. Давно не работает, конечно, но ещё вполне бодр. Я у него купил когда-то свою первую машину – старенький «Форд Скорпио» цвета «мокрый асфальт», долго она меня выручала. Дядя Прохор, в здешнем морге трудился, тоже живой. Теперь вот кладбище сторожит, много лет уже.

– Интересно было бы с ним повидаться. И могилку моей хозяйки Параскевы Ивановны навестить.

– Да мы, собственно, в ту сторону и двигаемся…

На низкой лавочке у входа на деревенское кладбище перед железной будкой сидел сутулый жилистый старик с крупными ладонями.

– Дядя Прохор, вот человек из города приехал, работал когда-то в наших краях. Профессор, доктор наук, между прочим. С тобой хочет пообщаться. Может, вспомнишь его?..

Прохор не ответил.

– Вы поговорите пока, а я своих навещу! Все ведь тут похоронены, – он оставил меня рядом с Мальвиной, а сам неспешным шагом отправился по тропинке вглубь кладбища.

Дул легкий освежающий ветерок, солнце протискивалось между туч, словно подсматривая за нами в щелку. Кладбище располагалось на пригорке в большой березовой рощице, хоть я точно помню, что раньше никаких деревьев тут не было. Выросли. Долго же меня не было.

– Ну и д-долго молчать будем? – прервал меня знакомый хриплый голос.

– Неужели узнал?! – воскликнул я удивленно.

– Да не сильно изменился ты, Ил-люшенька! Только живот отрастил. А в глазах в-все та же вечная паника!

– Расскажешь про людей, с которыми я работал? Ничего про них не знаю.

Мальвина окинул меня цепким взглядом, сорвал травинку и сунул себе в рот.

– Про к-кого тебе интересно? Соломинка умер лет через пять после первого инсульта. П-повторный удар случился. У нас тут уже закрыли больницу, его отвезли в новую. А там п-помочь не смогли. Жена его жива, частенько сюда приходит. Болтаем с ней иногда. Хорошая т-тетка оказалась… Пузыря на п-пенсию отправили сразу, как только здание аварийным признали. Еще ладно не пострадал никто, когда обвал случился. Чувствует он себя неплохо, но рядом н-нет никого. Жена Соломинки ему иногда помо-

гает. Но к нему так и не переехала, хоть звал он ее долго и упорно, она рассказывала. Сам-то чего ни разу не п-приехал? Параскева же на тебя дом еще при жизни переписала?

– Она что-то говорила об этом, но я и значения особого ее словам не придал. Ты расскажи лучше, как Варенька. Замужем?.. Дети?

Я не мог не спросить про нее. Мои воспоминания о том времени никогда не обходили Варю стороной. Во мне жило скребущее чувство вины. Как-то неправильно все получилось. Надо было по-другому, тоньше, потому что и сама она – другая. Разговор наш прощальный получился невпопад, а мое желание вырваться отсюда незамедлительно затмило тогда все остальное.

– Умерла Варвара в родах, – сухо сообщил Прохор, мгновенно прервав мои воспоминания. – Кровотечение, как у матери когда-то. ДВС-синдром, несвертываемость. Сказали, генетическое что-то. Давно это было… Все они там недалеко друг от друга лежат. И Параскева твоя – тоже там. За могилками я присматриваю. Видишь, голова Лёнчика мелькает, вот и иди в ту сторону.

Тропинка петляла между березок. Все могилки ухожены, с веселыми кустиками бархатцев-жизнелюбов у оградок. Я не торопился. С деревянных крестов на меня смотрели узнаваемые лица местных жителей из прошлой жизни, встречались пациенты. Я постоял возле улыбающегося Соломинки, посидел у Параскевы. Сложно объяснить, почему ее уход повлиял на меня тогда так сильно. Мы и знакомы-то были месяца четыре, не больше. Это были первые похороны близкого и дорогого мне человека. Кажется, даже уход родителей, случившийся позже, я перенес более спокойно.

Только могилу Вари я всё никак не мог найти и отправился к Лёне для уточнения. Он сидел на окрашенной лавочке внутри аккуратной оградки и курил. А с портрета на мраморном памятнике прямо на меня смотрела Варенька. Леденцовые глаза на безупречно белом чуть нахмуренном лице. Такой я запомнил ее в день нашей последней встречи. Не хватало только шапки с помпоном. И надпись:

«Пока человек не сдается, он сильнее своей судьбы». Кажется, это Ремарк. Та самая цитата. Во рту пересохло.

– Это мама моя, – заметив меня, улыбнулся Леонид. – Правда, красивая? А надпись как наказ для меня оставлен. Когда становится трудно, прихожу сюда и читаю. Конечно, давно наизусть знаю, но снова читаю. И легче становится!

Я молча кивнул, а внутри все сжалось в комок. Вдох-выдох, вдох-выдох. Начал про себя отсчитывать до десяти. Резкий порыв ветра привел в чувства. Березы зашумели, заскрипели, будто обсуждая только что полученную новость.

– Дождь, наверное, будет! – Лёня задрал голову кверху. – Ишь как ветер разгулялся, даже деревья качает.

– И жизнь нас вот так же качает, – выдохнул я. – А отец? Жив твой отец?

Губы не слушались. Я впился глазами в дату смерти на памятнике, а в голове сразу включился калькулятор.

– Про отца не знаю ничего. Мама так никому своей тайны и не открыла. Дядя Прохор мне про нее много рассказывал.

Мы возвращались вместе. Молчали. Уже на выходе у ворот меня окликнул Мальвина.

– А я ведь з-замечал, как вы с Варварой в гляделки играли. – Он медленно приблизился. – Потом п-поездка эта ее странная к какой-то новой подруге. Если б сам не увидел, что она одна на автобусе вернулась, не поверил бы ее рассказкам. Я и после за вами обоими присматривал какое-то время, каюсь, но ничего п-подозрительного не обнаружил. А потом – на тебе, беременность. И сразу с-сказала, что рожать будет. Она сына Лёнькой мечтала назвать. А отчество уже я дал. Уж б-больно хорошо звучит: Леонид Ильич. Один я мальчонку вырастил. П-помереть боялся, пока его не подниму – вот и п-пить бросил. Еще пришлось доказывать наши с ним родственные связи!

Мальвина смачно сплюнул и с непривычной для него нежностью посмотрел на Лёню.

– После Вариной смерти перестал я их слышать. Ну, ты п-понимаешь, о чем я… То ли стресс от ее ухода повлиял, то ли действие газа веселящего пропало, как больницу закрыли…

– Болотный газ – это логичное, конечно, объяснение. – Я наклонился к уху Мальвины и скороговоркой шепотом добавил: – Только я до сих пор их слышу. И безо всякого газа. Так привык, что и внимания почти не обращаю. Меня и полиция иногда на трупы приглашает, чтобы подсказку какую-нибудь кинул. Так и болтаюсь между мирами, но – научился с этим жить. И справляюсь, даже без алкоголя.

Мальвина присвистнул и махнул рукой.

– П-прощай, Лапоть, теперь уж точно навсегда.

Я продолжал стоять истуканом и не двигался с места. Молчание затягивалось. Но я не мог просто уйти.

– Не навсегда, Прохор. Буду приезжать. Дом Параскевы в порядок приведу. Не получится – новый поставлю. – Я снова замолчал, собираясь с силами. – Вот ведь как жизнь оборачивается. Не знал я ничего и не подозревал даже. Когда уезжал, Варя словом не обмолвилась. Да и потом тоже не сообщила, хоть адрес мой у нее был… Задача – незадача. Может, выдумываю я лишнего, но и не сказать невозможно… Думал, приеду сюда, завершу историю юности. А получается, и не конец это вовсе, наоборот – начало. Ситуация… Не могу я исключить свое отцовство, хоть к дате рождения Леонида есть определенные вопросы. Но разберемся, сейчас это несложно. И отчество ты дал, Прохор, хорошее – Ильич.

Леонид смотрел то на меня, то на Прохора, не проронив ни слова. Мальвина тоже молчал, только по лицу пробегали тени-мысли, а может тени-воспоминания.

– Да раньше срока Варя родила… И заткнись уже, Лапоть. Сейчас эти твои «вопросы» никому не интересны. Припозднился ты!

– Пойдем, Леонид Ильич, вместе решим, что дальше делать…– На вспышку Прохора я не обратил никакого внимания. – Ты можешь сегодня поехать со мной в город?.. В любом случае, это нужно нам обоим. Переночуешь у меня, а утром сдадим анализы и поставим точку в вопросе.

В ответ Леня молча кивнул.

Дорога домой пролетела быстро. Я ехал на заднем сиденье машины с закрытыми глазами, но от нахлынувших

из прошлого чувств уснуть никак не мог. Всю жизнь я мечтал о сыне, но давно уже смирился – не судьба. И вдруг такой подарок.

От моих постоянных дерганий ускользающей нити клубок воспоминаний превратился в мячик. Конечно, это мой сын! Зная Варю, по-другому быть просто не могло. И я уже почти привык к этой мысли… А если нет? Что тогда делать и как жить дальше? Как обычно уже не получится.

Сильно захотелось выпить и разом снять напряжение. Рядом сидел всё ещё совершенно ошеломленный Леонид. Ему было даже сложнее, он ехал в неизвестность. Несколько раз меня набирала жена, уточняя, когда ждать. Я совсем забыл, что в этот день крестили внучку Полинку, а такое событие требовалось отметить.

– И как мне себя вести, что им говорить? Я вообще ничего не понимаю! – Леня остановился перед дверью, вскинув на меня тревожные глаза.

– Не знаешь, как себя вести, – улыбайся. Самое плохое – тебя примут за дурачка. Но в твоих силах это впечатление потом исправить. Во всех остальных случаях ты только выиграешь, – выдал я свой первый отцовский совет.

Леонид искренне рассмеялся, закинув голову, и напомнил мне Варю.

– И еще: никуда мы завтра не пойдем и никаких анализов делать не будем. Лишнее это. Просто постарайся принять ситуацию. А я постараюсь сделать все остальное, чтобы хоть немного наверстать упущенное.

К нашему приезду стол был уже накрыт. Все в сборе: жена, дочь, зять. В соседней комнате в своей коляске спала внучка. Мы разделись, вымыли руки, сели за стол, а когда подняли фужеры, я представил всем Леонида Ильича. Как есть, так и представил.

Воцарившуюся тишину прорезал плач моей спасительницы Полинки. Я вскочил и умчался к ней, предоставив близким самим справляться с неловкостью.

К моему небыстрому возвращению с младенцем на руках, за столом уже протекала мирная беседа. Все при-

сутствующие были в курсе нашей истории, включая и моё неожиданное наследство.

– Вот здóрово! – воскликнула дочь. – Семья на глазах растет, и будет куда летом с ребенком поехать! Рядом санаторий с грязелечением. Это звучит внушительно.

– Думаю, ей у нас в поселке понравится! – Вняв моему совету, Леня щедро раздаривал улыбки. – Молочные туманы на рассвете, торфяные озера, в которых можно купаться, сказочные «танцующие» деревья на островках из мха…

Его рассказ прервал телефонный звонок со знакомой мелодией. Кажется, музыка из «Санта Барбары». Странный выбор, но очень кстати. Я улыбнулся своим мыслям. Леонид улыбнулся мне и вышел.

– Представляете, оказывается, в святцах нет имени Полина, – дочь тут же переключилась на другую тему. – Батюшка ее сегодня Параскевой окрестил. Имя такое необычное!

– Параскева? – я и сам не понял, к кому обратился, но сделал это слишком громко. – Уверен, ей в поселке Чудь точно понравится!

В ответ малышка открыла сонные глазки, улыбнулась и причмокнула одной стороной рта.

Дмитрий БИРМАН

СИСТЕМА

Вадим любил порядок.

Не показной – офисный, с папками, а настоящий – когда разложено не по полкам, а по смыслам.

Ему было сорок шесть, возраст, в котором мужчины начинают коллекционировать или вина, или диагнозы, или женщин.

Вадим выбрал третий вариант как самый живой.

Он не был бабником, бабники суетливы, а Вадим был системным.

Квартира на двадцать первом этаже стеклянной башни с видом на реку, кофемашина, которая здоровалась приятным женским голосом, и компания, разрабатывающая нейроалгоритмы поведенческого анализа.

Проще говоря, его команда учила искусственный интеллект понимать людей лучше, чем люди понимают себя. Поэтому, когда жизнь подвела его к вопросу выбора жены, он поступил логично, решив провести тестирование.

Женщин у него было три. Не одновременно, Вадим терпеть не мог хаос, а параллельно.

Это, кстати, принципиальная разница!

Он никогда не путал имена, не отправлял сообщения не туда и помнил, кто пьёт латте на миндальном, а кто американо без сахара.

Он не считал такой подход циничным или непорядочным, уважительное отношение к «данным» позволяло избежать системных ошибок.

Итак, их было три.

Виктория.

Кристина.

Люба.

Три вселенные, три темперамента, три сценария возможной будущей жизни.

Он сел за кухонный остров, открыл ноутбук, включил режим «чат GPT» и сказал вслух:

– Ну что, поработаем?

Экран мягко засветился.

Вадим загрузил все даты рождения. Время своего знал точно: 6.40 утра, мама любила рассказывать, что он появился на свет с выражением лица человека, который уже недоволен организацией процесса.

Про время рождения девушек данных не было.

Он ввёл только даты.

GPT-чат проанализировал, посчитал и выдал таблицу совместимости.

«Виктория – 79%.

Кристина – 79%.

Люба – 79%».

Результат его не устроил.

– Да ты издеваешься… – пробормотал Вадим.

Он ожидал победительницу, чемпионку, а получил турнирную таблицу без финала.

– Нужен дополнительный параметр, – произнёс он.

Ответ появился почти мгновенно.

«Предложение: провести тест коммуникационной реакции. Сформировать диагностические сообщения».

Вадим усмехнулся.

– Вот за это я тебя люблю, – и добавил, уже деловым тоном: – Пиши!

Экран мигнул и выдал три SMS.

Первое сообщение Виктории.

Вика, привет! Вот если завтра я стану выбирать женщину, с которой мечтал бы прожить всю жизнь, то какие три критерия стали бы самыми важными для тебя?

…Это была закрытая лекция по урбанистике. Виктория сидела в первом ряду, спорила с лектором и доказывала, что город – это живой организм, а не инфраструктура. После выступления она повернулась к Вадиму и спросила:

– Вы всё время улыбались! Согласны со мной или просто любите наблюдать за красивыми женщинами?

– Я люблю наблюдать за умными, – ответил он.

Её карие, в крапинку, глаза заинтересованно смотрели на него.

– Тогда наблюдайте аккуратнее, я могу привыкнуть.

Телефон звякнул. Ответ пришёл быстро, но Вадим не стал его читать, – системный подход предполагал сначала получить все ответы, а только потом проанализировать их.

Первое сообщение Кристине.

Как ты поймёшь, что мужчина настроен серьёзно? Есть сигнал, после которого ты перестаёшь сомневаться?

…Аэропорт. Рейс задержали на четыре часа. Кристина сидела на полу, босиком, с ноутбуком на коленях и ругалась шёпотом на формулы.

– У вас выражение лица человека, который сейчас уволит Excel, – сказал Вадим.

Она подняла глаза.

– Я бы уволила Вселенную. Она не сходится!

– Покажите!

Через двадцать минут они спорили над графиком, через сорок смеялись, а через час пили коньяк из пластиковых стаканчиков.

Телефон звякнул снова, Вадим положил его экраном вниз.

Первое сообщение Любе.

Как ты думаешь, отношения – это когда удобно или когда важно?

…Книжный. Она стояла у полки с поэзией и гладила пальцами корешок томика, будто проверяла температуру книги.

– Вы выбираете или слушаете? – спросил он.

– Слушаю, – ответила она. – Книги сначала звучат, а уже потом читаются.

– И что сейчас звучит?

Она повернула к нему обложку. Бродский.

Вадим тогда подумал, что её голос похож на мамин.

Телефон звякнул третий раз.

Он посмотрел на три уведомления.

Три ответа. Три возможные жизни.

Вадим медленно выдохнул:

– Ну что, анализируем!

Виктория:

Три критерия? Окей.

1. Чтобы мне было с ним интересно и хорошо в постели.

2. Чтобы он не боялся ответственности.

3. Чтобы он не пытался мной управлять.

А ты зачем спрашиваешь, Вадим?

Третья строка ему не понравилась.

Не тем, что была несправедливой, а как раз тем, что была очень точной.

«Не пытался мной управлять. Как будто на рентген сходил», – подумал Вадим.

– Никакого управления. Только комфортная архитектура отношений… – пробормотал он и поймал себя на мысли, что это звучит как презентация для инвесторов.

Кристина:

Сигнал? Да. Когда мужчина перестаёт играть в стратегию и начинает делать. Не обещать, не обсуждать, не строить планы на полгода, а просто берёт и встраивает меня в свою жизнь. И да – мне важно, чтобы он был честным. Что-то случилось?

– Встраивает, – криво усмехнулся Вадим.

Опять инженерное слово.

Кристина вообще всё формулировала так, словно отношения – это проект, который можно завести в прод и зафиксировать KPI.

Он открыл третье.

Люба:

Отношения – это когда важно. Удобно бывает с тапочками, с человеком – важно. Ты сегодня какой-то серьёзный. Всё в порядке?

Три разных стилистики. Три разные женщины.

При этом все они моментально почувствовали, что вопрос не просто «поговорить».

Это было похоже на то, как кошка всегда знает, что ты достал переноску…

Вадим поднял глаза на экран ноутбука.

– Ну и что скажешь?

Появились строки.

«Наблюдение: все три собеседницы считывают скрытый мотив.

Рекомендация: снизить уровень «диагностики», сменить рамку на тёплую.

Цель: проверить ценности и поведение, а не декларации».

– Пиши вторую волну, – сказал Вадим.

Экран выдал три варианта.

Второе сообщение Виктории.

Слушай, я спросил не просто так. Мне важно понять, как ты видишь серьёзные отношения. Я в какой-то момент осознал, что хочу семью. Для тебя это тема, или ты больше про свободу без планов?

…Балкон. Тёплый вечер. Город внизу светился, как платёжная ведомость удачного квартала. Виктория держала бокал и смотрела вдаль.

– Ты всегда всё считаешь, – сказала она.

– Это работа.

– Нет… Это ты!

Улыбнувшись, добавила:

– С тобой хорошо, но иногда я чувствую, что мне выдадут инструкцию, как правильно тебя любить.

Тогда он отшутился, а сейчас понял, что она была права.

Второе сообщение Кристине.

У меня ничего не случилось, просто сейчас много думаю о будущем. Мне важно понять, ты вообще хочешь семью? Не «когда-нибудь», а в принципе, хочешь?

…Кристина осталась у него на выходные. Воскресенье началось с того, что она «навела порядок».

Кружки переставила по цветам, специи расставила по алфавиту, полотенца сложила по оттенкам, развернула этикетками вперёд банки в холодильнике.

Вадим вышел на кухню и замер.

– Ты что делаешь?

– Улучшаю твою систему, – улыбнулась Кристина и поцеловала его в щёку.

– Но у меня была система…

– Была, – сказала она так, будто подводила итог полугодия.

Тогда впервые появилось странное чувство. Оказывается, его жизнь можно упаковать чужими руками. Красиво, аккуратно и не по его вкусу.

Второе сообщение Любе.

Я не серьёзный, я просто думаю. Ты права, с тапочками удобно, а с человеком важно. Мне сейчас важно понять, ты видишь себя в семье? В доме, где есть «мы»?

…Набережная. Пожилой мужчина исполнял на саксофоне танго. Люба слушала долго, минут десять.

Вадим сначала стоял рядом, потом посмотрел на часы. Потом на телефон. Потом опять на часы.

– Пойдём?

– Подожди, – шёпотом ответила Люба. – Сейчас самое красивое место начнётся.

Он не услышал.

Ответы пришли быстро.

Виктория:

Я хочу семью, но не такую, где мужчина главный, а женщина «встроенная». Я за партнёрство! Если тебе нужен только комфорт, то найми помощницу по дому.

Виктория чётко и аргументированно распределила роли.

Кристина:

Хочу, но если «семья», то это не про «встроить», это про «делать вместе». Да, честность очень важна. Ты точно пишешь сейчас только мне?

Вот это было неприятно. Как она поняла?

Люба:

Я хочу «мы». Но «мы» не строится на удобстве. Оно строится на принятии. Ты сейчас как будто выбираешь не человека, а сценарий.

Вадим прочитал и почувствовал, как что-то кольнуло в груди.

«Выбираешь сценарий». Да, он выбирал.

Задумчиво помолчав пару минут, поднял глаза на ноутбук:

– Они не дают мне того, что я хочу.

Экран ответил:

«Ожидаемо . Прямые вопросы вызывают защиту.

Рекомендация: третий шаг, предложить конкретное действие и наблюдать реакцию.

Готовность проявляется в мелочах».

– Конкретное действие… – повторил Вадим. – Отлично, давай!

Появились три сообщения.

Короткие. Чёткие. Проверочные.

Вадим впервые поймал себя на мысли, что сейчас он выбирает не женщину, он выбирает, насколько удобно она впишется в его систему.

Это было похоже не на любовь, а на тест-драйв.

Третье сообщение Виктории.

У меня завтра сложный день. Если освободишься вечером, пожалуйста, заедь ко мне. Просто побудем рядом...

…Виктория болела. Температура, кашель, хриплый голос. Вадим привёз лекарства, фрукты, вызвал врача. Всё чётко и быстро объяснил, при этом непрерывно перемещаясь из кухни-гостиной в спальню и обратно.

Она лежала под пледом и смотрела на него.

– Ты ходишь, как швейцарские часы.

– Это хорошо или плохо?

– Это точно, – ответила она – Но иногда хочется, чтобы мужчина был не точным, а просто был.

Третье сообщение Кристине.

Мне завтра нужна помощь. Сможешь поехать со мной вечером по делам?

…Они собирались в путешествие по Италии. Вадим составил таблицу маршрута. Там были расстояния, время в пути, отели, рестораны, альтернативные дороги и прогноз погоды.

Кристина внимательно смотрела на него.

– Это отпуск или операция спецслужб?

– Оптимизация.

– А если я захочу, чтобы ты свернул не туда?

– Зачем?

– Потому что интересно.

Он тогда искренне не понял вопроса.

Третье сообщение Любе.

Завтра вечером хочу тебя увидеть. Просто приезжай. Сможешь?

…Вечер. Снова набережная. Он целует её и врёт, что устал быть один. Она шепчет ему на ухо:

– Вадим, ты боишься не одиночества, боишься, что тебя будут любить не по правилам.

Тишина после отправки длилась ровно столько, сколько длится пауза перед тем, как узнать результат анализа крови, когда ты уже всё понял, но ещё надеешься на ошибку лаборатории.

Пришёл первый ответ.

Потом второй.

Потом третий.

Он прочитал один за одним и замер. Сообщения были одинаковыми.

Не похожими, а одинаковыми. Слово в слово.

Не смогу. Давай перенесём?

Вадим перечитал. Потом ещё раз. Потом поднял глаза на ноутбук.

– Это что сейчас было?

Появились строки:

«Результат наблюдения.

Все три участницы выбрали собственные планы вместо немедленной адаптации под ваш запрос.

Высокая вероятность автономности – 87 %».

Вадим нахмурился:

– Это плохо?

Ответ:

«Это не плохо.

Это означает, что они личности».

Он молчал. Фраза звучала так, будто искусственный интеллект сейчас аккуратно положил ему на стол то, что он избегал видеть всю жизнь.

– И что мне теперь делать? – спросил Вадим.

Курсор мигнул, словно собирался с мыслями, ответ появился не сразу:

«Теперь решение за вами, Вадим».

Он долго смотрел на эту строчку.

За окном медленно плыла река огней, тихо щёлкнула кофемашина, в соседней квартире засмеялась женщина – легко, по-настоящему, без графиков и процентов.

Вадим закрыл ноутбук. Впервые за вечер он не знал, что делать, а сидел неподвижно, как человек, который всегда управлял системой и вдруг обнаружил, что жизнь не интерфейс.

Она не выбирается галочкой, она происходит, и в ней нельзя нажать «оптимальный вариант».

Вадим потянулся к телефону, открыл переписку и задумался. Как человек взрослый, умный и системный, сделал единственное, что могло вернуть ему ощущение контроля, создал заметку.

Вопросы к себе:
1. Что я хочу на самом деле?
2. Чего я боюсь?
3. Кого из них я способен любить не по инструкции?

Потом посмотрел на экран ещё раз и усмехнулся.

Иногда даже искусственный интеллект умеет красиво сказать: «Отстань от меня и живи!»

Александр ЛОМТЕВ
Саров

КУБА – ЛЮБОВЬ МОЯ…

Старая фотография. Крым. Евпатория. Детский санаторий. Так бывает: вдруг невесть откуда выскользнет старая, казалось бы, уже безвозвратно потерянная фотография, и запнешься, остановишься, впадешь в легкий ступор. Забудешь на время, что искал и для чего полез в эти коробки… Это я?! Это я. А это Наташка, а это Колька и Витька, а имена остальных детей память уже потеряла…

Первый раз так далеко от дому, первый раз Москва и метро с лестницей-чудесницей, уносящей куда-то в подземные чертоги и на которую поначалу боязно было ступить, и двое суток в поезде под нескончаемый и убаюкивающий стук колёс, и песня из сиплых вагонных динамиков: «У моря, у синего моря…» Да, и море – в первый раз. Правда, синее море оказалось вовсе не синим. Скорее зеленым. И пахло не солью. И не йодом, как читывал в книжках. А чем-то, для чего не придумано еще точного названия; какой-то романтической тухлецой, но и без названия этот запах будоражил и навевал сладкую тоску о несбыточном. Примерно такую же, какую приносит терпкий, горьковатый запах мелкого коричневого шлака, рассыпанного между железнодорожными шпалами, – так пахнет расставание, надежда на дальнее путешествие со счастливым возвращением, надежда на будущее счастье, которое наступит после того, как отстучат по стыкам рельсов вагонные колеса и поезд привезет тебя туда, куда ты по-настоящему всю жизнь стремишься… И прибой шумел, и чайки кричали, и ракушки светлой по-

лосой белели после шторма, и белый пароход дымил трубой почти на самом горизонте… И все впервые. И первая любовь…

Наташка, полтавская украиночка: щечки пухленькие, с ямочками, губки – вишенки, глаза – черешни, темные, влажные и зазывные… Смешливая. Со сверстником – Колькой из Днепропетровска – мы отчаянно подрались из-за неё в первый же санаторный день. Подрались и подружились. На снимке она стоит меж нами, но руку положила на Колькино плечо. Вид у меня безмятежный, почти веселый, но как же мне было обидно…

Однажды ясным мартовским днём мы остались после уроков на уборку класса, и не прошло и пяти минут, как заспорили. И свела же судьба сразу троих таких несносных спорщиков. Есть ли фонарики, которые «добирают до Москвы», правда ли, что у футболиста Стрельцова железная нога и однажды он ударом мяча убил вратаря, кто сильнее тигр или лев, водятся ли на Кубе крокодилы? Должны водиться – это же тропики. Не может там быть крокодилов – это же остров. Водятся, я читал! Правда! Нет, неправда! Ты не знаешь. Это ты не знаешь! В азарте спора мы распалились не на шутку и, если бы не Наташка, «дискуссия» могла бы закончиться дракой. Но смешливая девчонка в самый разгар спора вдруг сказала:

– А вы подеритесь, подеритесь, дурачки! – и засмеялась так, что спор показался глупым и ненужным. – Вот возьмите и проверьте, есть или нет…

Мы молча взялись за швабры, а Витька принялся задумчиво вытирать классную доску.

Витька – пацан из глухого посёлка, затерянного где-то в зауральской тайге, был отличником и очень обижался, когда кто-то в запале мог обозвать его «дерёвней». Однажды Наташка назидательно сказала ему:

– Что ты обижаешься на дурачков! Сам подумай, вот Ломоносов – простой деревенский мужик, а смотри какую таблицу Менделеева придумал!

Учитель, случайно услышавший Наташкину сентенцию, долго хохотал и пересказывал потом другим

коллегам. На несколько дней Наташка стала очень популярной в санатории.

А в тот раз Витька, бросив тряпку, подошёл к большому глобусу, что стоял в углу класса, и задумчиво сказал:

– Между прочим, отсюда, из Евпатории, можно доплыть прямо до Кубы.

– Не ври, – тут же заспорил Колька, – чего ты выдумываешь?

– Сами смотрите, – мы подошли, и Витька, ведя по круглому боку глобуса учительской указкой, показал: – Вот Крым, где-то тут Евпатория, плывём по Чёрному морю, через пролив Босфор оказываемся в Мраморном море, из него по проливу Дарданеллы выходим в Средиземное море, дальше – Гибралтарский пролив и вот тебе Атлантический океан, а вот Куба.

– Действительно, – почесал затылок Колька…

Кому пришла в голову идея соорудить плот и отправиться на нём на Кубу, теперь уже и не вспомнить. Да это и не важно. Бежать на Остров Свободы собирались втроём, не брать же с собой девчонку! Но хитрая Наташка как-то узнала о наших планах и заявила:

– Или уходим вчетвером, или я всё расскажу…

Пришлось включить в команду и её.

На постройку плота мы потратили две недели. Впрочем, торопиться нам было некуда – в санатории нам предстояло провести три месяца. Три месяца учёбы и лечения.

Основой нашего «судна» стала половина больших деревянных ворот, которую мы разыскали за забором санатория. Перетащив воротину поближе к берегу, мы спрятали её в тростниках мелкой заводи и принялись искать всё, что могло плавать: старую канистру, выброшенный прибоем буй, доски, какие-то куски нетолстых брёвен; всё это обвязывали верёвками и найденной под соседним причалом алюминиевой проволокой. На парус нашёлся приличный лоскут брезента, стыренный из санаторного хозблока, а на мачту сгодился кусок старого сломанного флагштока, валявшегося за ненадобностью там же.

Одновременно готовили и запасы, пряча недоеденные в столовой печенье, копчёную колбасу, сыр, сахар, суши-

ли на батарее сухари. Конечно, этого могло не хватить на весь путь, поэтому мы приготовили пару удочек для ловли кефалей и камбалы и сачок для бабочек, которым собирались ловить мелкую рыбу. Витька старательно перерисовал с глобуса карту, чтобы не заблудиться; во время прогулки по Евпатории купили в газетном киоске в складчину маленький компас-брелок. Своим гимном мы выбрали песню «Куба – любовь моя» и напевали её при любом удобном случае. Витька так вообще постоянно бубнил: «Слышишь чеканный шаг? Это идут барбудос». Эти «барбудос» представлялись нам какими-то особыми огромными, сильными и непобедимыми людьми, правда, спросить у воспитателя, кто они такие, что-то постеснялись.

В общем, подготовились мы основательно. Ждали только, когда станет немного теплее; отплытие запланировали на Первое мая…

Несколько раз за эти дни ожидания мне снился наш поход. То мы ловим марлина и прямо на плоту варим из него уху, то мы под раздутым парусом подходим к Гаване и нас встречает сам Фидель Кастро, то пробираемся джунглями с отрядом барбудос во главе с Че Геварой.

Я и не заметил, как за учёбой, процедурами и экскурсиями пролетело время. И вот в последний день апреля после уроков мы тайком отнесли припасы на плот, проверили снасти и сговорились, что рано утром, задолго до подъёма, – уходим.

Шторм разыгрался поздним вечером. Ветер свирепо выл и стонал, раскачивал и ломал скрипящие тополя и акации, жалобно дребезжали оконные стёкла, море ревело и билось о берег с таким остервенением, с такой силой, что мелкая галька долетала до санаторного корпуса. Дождь крупными каплями барабанил в стёкла, а по небу беспрестанно полыхало зарево и с треском метались под чёрными тяжёлыми тучами голубые молнии, оглушительный грохот грозы заставлял зажимать уши и зажмуриваться. Дежурные воспитатели собрали нас, растерянных и напуганных неистовством бури в главном холле корпуса, включили свет и заставили распевать песни. Мы орали,

перекрикивая грохот бури, то «Шёл отряд по берегу», то «Там, вдали, за рекой», то «Три танкиста»…

Не знаю, о чём думали Колька, Витька и Наташка, а я живо представлял себе, как наш плот бьёт, швыряет и треплет в мешанине гигантских валов…

Шторм стих за полночь, мы разошлись по палатам и провалились в сон.

Утром меня разбудило яркое солнце, нянечка приоткрыла фрамугу, и от сквознячка невесомо развевались лёгкие белые занавеси на огромном окне, шумело невидимое море и чайки кричали за стенами санатория. Вчерашний шторм казался сном.

Днём нас вывели на прогулку, и, улучив минутку, когда воспитатель, присев на скамейку, уткнулся в книжку, побежали к нашему плоту. Ни заводи, ни тростника не было, всё занесло, замыло песком, галькой и ракушками. Только чуть поодаль торчала чёрная доска. Колька расшатал её, вытянул из песка и принялся копать, но ничего не нашёл.

– Ну ничего! – бодро сказал Витька. – Построим новый плот.

– Конечно, – так же бодро поддержал его Колька.

Мы с Наташкой переглянулись и кивнули:

– Ну естественно!

Нужно ли говорить, в душе я радовался, что материал на новый плот никак не находился, мы строили разные планы, хотели даже спилить засохший тополь на обочине улицы, ведущей к санаторию, но не добыли пилы. А потом разговоры о побеге на Кубу как-то сами собой сошли на нет…

Нас водили за город смотреть, как цветут маки и дикие тюльпаны, возили в Бахчисарай, где я был страшно разочарован видом Бахчисарайского фонтана, который представлял себе совсем-совсем не таким, мы забирались в горы к пещерному городу Чуфут-Кале, где по узким тропинкам скакали беззаботные козы, лежали обмазанные горячей чёрной грязью в лечебнице «Мойнаки», плавали в санаторном бассейне с морской водой. И учились, конечно…

Наташка из нас троих выбрала меня. Колька был, пожалуй, поздоровей меня, а Витька поумней; я-то учился

так себе – с пятого на десятое. Но много читал, был заядлым фантазёром, и вечерами вокруг меня собиралось пол-отряда послушать истории о приключениях на море и на суше в дальних странах, которые я сочинял порой на ходу. Каюсь, нередко я соединял воедино подвиги Шерлока Холмса и Джима Хокинса, заставляя их бороться с басмачами в пустыне Гоби, или отправлял Чкалова на бои с фашистами в Испанию.

Иногда, когда санаторий засыпал, когда засыпали дежурные педагоги и нянечки, мы с Наташкой сбегали из своих палат, встречались в тёмном холле и, спрятавшись за большим угловым диваном, сидели едва ли не до утра, взявшись за руки и без устали строя планы на будущее. Планы совместной жизни, конечно же. Мы обменялись адресами и дали клятву писать каждый день. Одной такой ночью Наташка разрешила поцеловать себя в пухлую щёчку.

А время неуклонно катилось к расставанию. Скоро за нами должны были приехать родители и увезти кого куда – в Днепропетровск, в Полтаву, в Горький, в города и сёла необъятной страны. Но кончилось всё печально. Ни я Наташке, ни она мне не написали ни одного письма. Да и с Колькой и Витькой переписка не сложилась. Где они сейчас, помнят ли те солнечные крымские деньки, вспоминают ли меня и наш несостоявшийся побег на Кубу?

Отчего-то порой дети бывают злыми и бесчувственными, словно что-то тёмное на время вселяется в их чистые души и заставляет делать то, чего им самим потом приходится стыдиться.

В тот день одна девочка из нашего отряда впала в истерический припадок. Мы бродили по пляжу, собирали красивые камушки, облизанные прибоем монпансье бутылочных стеклышек и ракушки, и кто-то ее обидел, задел, уже не помню чем. Она кричала, брызгала слюной и страшно кусала себя за руку. А дети, пока не подоспели воспитатели, смеялись над ней и дразнили. И добрый, в общем-то, Колька кричал ей: «Фас! Фас! Укуси себя за нос!» Мне стало нестерпимо жалко её, и тогда мы первый и единственный раз подрались не из-за Наташки.

Нас растащили и обоих наказали; до самого отъезда мы так и не помирились, хотя рассудительный Витька и пытался нас свести. А Наташка обиделась, что я заступился «за припадочную», ведь она смеялась вместе со всеми. Девочку положили в изолятор, а после обеда пришел фотограф делать общий снимок «на память».

Нас «поставили группой», и Наташка положила ладошку на Колькино плечо; фотограф покомандовал, пощелкал затвором, и наши лица навеки отпечатались в серебре негатива… И навеки Наташкина рука застыла не на моем плече.

Жизнь завертела, закружила, развела… Забавно, но спустя много лет мне действительно довелось побывать на Острове Свободы. Я стоял на набережной Малекон, смотрел на бескрайний океан и мерещились мне в сверкающей ряби волн крошечный плот с тугим зелёным брезентовым парусом и четыре детские фигурки под ним.

Что осталось от тех беззаботных солнечных дней, пропахших морем и терпким степным ветром? Только эта старая фотография да печаль о чем-то безвозвратно потерянном – вот и все, что осталось в жестокой памяти. А в зачерствевшей, заскорузлой от долгого употребления душе до сих пор нет-нет да и заплещется то детское евпаторийское море, омывая её житейские раны и трещины; хотя на фотографии моря нет.

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

ЗИМА В ГИПСЕ

Снег никогда не кружится.

Он не умеет кружиться.

Он струится. Налипает на асфальт, на ветки деревьев, на крыши города. Затем застывает и становится льдом: синим, прозрачным.

И вот я шла, шла и упала на ровном месте.

К вечеру ушибленный палец распух.

– Ты что, мама, у меня же завтра свадьба! – испугался сын.

– Я как раз шла в магазин, за продуктами… – ответила я беспомощно. Кое-как замотала палец бинтом, поехала в травмпункт.

– Перелом у вас, дамочка, со смещением! – сказал пьяненький врач. Затем икнул. Улыбнулся. И выписал направление в больницу.

– Завтра свадьба… – осторожно возразила я.

– У в-вас? – заикаясь, спросил травматолог.

– У нас! Сын женится! – я с трудом, превозмогая боль, стала застёгивать пуговицы на шубе.

– Останетесь без конечностей, если не отправитесь в больницу.

Я взяла направление, это был крохотный листочек с печатью и расплывчатой подписью.

Поехала. Палец ныл как оглашенный. За руль было страшно держаться. Я рулила одной рукой. Казалось, что все меня ругают. Фонари светили безобразно плохо. Попутные машины гудели мне вслед, возмущаясь, что я еду кое-как.

В больнице мне наложили гипс на палец.

При этом хирург – молоденький, видимо аспирант, мне его сначала распрямил так, что я чуть не потеряла сознание.

– У нас свадьба! Завтра! – снова возразила я на вопрос хирурга: «Сами до палаты дойдёте, или проводить?» – Отпустите меня на время! – попросила я таким жалобным голосом, что сама чуть не разрыдалась.

Хирург посмотрел на меня так строго, что я поняла: бесполезно умолять! Это тебе не дом милосердия, это серьёзное заведение: больница! Здесь люди лечатся. Здесь делают операции. Здесь умирают, в конце концов, а ей свадьбу подавай, веселье! С ума сошла, дамочка, видимо!

– Оставайтесь до утра. Отпустим после операции…

– А причёска? Платье! Всё-таки единственный сын женится в кои-то веки. Ему уже скоро тридцать лет!

– И? И? – доктор произнёс две «и», словно спел песню про искусственный интеллект.

– Надо переодеться как-то, не в халате же больничном в загс идти!

– Попросите новобрачного, чтобы он вам всё привёз в больницу. Операция нетрудная, утром вам вставим штырь между второй фалангой и ладонью. Зашьём. И отпустим до вечера.

Войдя в палату, я поняла: все койки заняты, кроме одной в углу стоящей. Женщины уже спали глубоким сном людей, передвигающихся на костылях, инвалидных колясках и при помощи поводырей. Возле окна на широкой кровати находилась женщина пятидесяти лет, позже мы познакомились, её звали Инна, она сломала руку, хотя сама была после инсульта, и вторая рука и нога у неё были обездвижены.

Я положила сумку на тумбочку, вышла в коридор, прихватив с собой сотовый телефон.

– Сын! – жалобным голосом сказала я в трубку аппарата. – Привези мне сюда в больницу моё платье, туфли нарядные, косметичку!

– Мама! Мама! – сын был удивлён тому, что я попала в серьёзную передрягу. – Ты в загс успеешь к двум часам дня? В ресторан?

– Постараюсь… Пашенька!

Конечно, было обидно, что так случилось.

Этот снег…

Нашёл время, когда застывать в суровые льдинки. Ты же так серьёзно таял, распускал по улицам мокрые сиреневого цвета лужи. Вот ну как так? В кои-то веки сын надумал жениться. И вдруг такое несчастье со мной! Я же сама его ругала: женись, женись. Ходишь бобылём. Всё никак свою первую любовь забыть не можешь. Она уже давно в своей Балахне двух деток родила от другого мужчины, про тебя, мой сын, забыла! Хотя, впрочем, может не забыла моего Пашеньку, а? И тоскует по нему? И до сих пор злится на меня, что я не женила его на ней?

Анна, первая любовь Пашеньки, была невероятно красивой девушкой. Сказочной миловидности. Кукла! Воспитанная, интеллигентная. То что надо. И мне, свекрови, было бы хорошо с ней. Жила бы как у Христа за пазухой!

Оттого и палец сломала, что Анна могла мысленно затаиться, и вот теперь вся обида вышла наружу: свадьба? Ага! Захотела Пашу женить и «горько» кричать? Фиг тебе – свекруха!

Действительно фиг!

В полночь сын привёз пакет с вещами, оставил в приёмном покое, попросил, чтобы мне передали. Платье у меня было шёлковое, красивое с оборками, туфли под стать платью – сиреневого цвета с блестящими пуговками. И на голову я хотела надеть широкую заколку сказочного оттенка.

Ага! Жди!

После операции качало. Но я, выйдя из больницы, купила баночку горячего кофе. Стала отпивать мелкими глоточками. За руль садиться не стала: опасно, задавлю кого-нибудь. Поэтому вызвала такси, но аккуратно, сначала спросила цену, затем только села в машину.

В загс, конечно, опоздала, но в кафе успела, когда уже все были хорошо захмелевшими. Брат ворчал, что я всё перепутала, что не так поздравила, что не так села, не так сказала. И вообще, не дождалась его и преподнесла молодым подарок преждевременно.

Ведущий свадьбы всё время хлюпал носом, видимо, был простужен, говорил вяло, но гости ели-пили дружно, в разгар вечера мне даже удалось потанцевать пару раз.

Сама не знаю, но вместо веселья, отчего-то хотелось плакать. Было жалко Пашеньку. Он такой красивый у меня!

Затем я просто сидела за столом, жевала салаты, разглядывая металлический штырь, торчащий из пальца из-под толстого слоя гипса. Бинт намокал кровью, и вот я – в шёлковом платье, с золотистой диадемой, в красивых, купленных по дорогой цене туфлях – сижу такая со слезами на глазах.

– Успокойся, свадьба же!

Сказал Пашенька, подходя ко мне в конце вечера.

– Тебе вызвать такси?

– Да, сынок!

Невеста тоже подошла ко мне. Она поглядела словно исподлобья, спросила:

– Вы нам кровать застелили?

– Да, Алла, конечно, это я позавчера сделала. Всё приготовила вам. Даже горошину положила.

– Какую горошину? – удивилась Алла. Она посмотрела на меня серьёзно. Я так и не поняла: сочувствует? Осуждает? Или ей плевать?

– Да, шучу я, доченька! – через силу улыбнулась я. – Ты же у меня принцесса!

– Мама, надевай шубу! Такси приехало! – Сын подхватил меня под руку, вывел на улицу.

…Снег не унимался.

Кружился между небом и землёй.

Между мной и улицей.

Между больницей и домом.

«А может, это хорошо – три недели в больнице провести? Молодым не мешать. Пусть свой быт налаживают!» – подумала я, возвращаясь в палату.

Там я переоделась во всё больничное и легла на кровать.

Слева стонала Инна. Справа старушка с переломом лодыжки тихонько вздыхала.

Ночью привезли пожилую женщину с переломом шейки бедра. Лицо у неё было в синяках.

– Тяжёлая больная! – две медсестры вкатили кровать на колёсиках. Расположили между мной, Инной и бабулькой.

– Приглядывайте! – сказала одна из медсестёр. – Если что, зовите!

– А как? – переспросила я. – Как вас позвать, если надо будет вдруг? Инна не встанет, она после инсульта. Бабушка не ходячая. А я только что со свадьбы, сына женила, могу уснуть крепко, не растолкаешь!

И вправду, мои глаза сами собой закрывались, тем более я не просто после свадьбы, я после операции была… от местной анестезии и лёгкого наркоза ещё не отошла.

– Вам всё бы гулять да танцевать! А потом у нас на койках валяться! – проворчала вторая медсестра. – На кнопку вызова жмите, ясно?

Я кивнула.

Я проснулась от какого-то странного хрипа. И поняла: умирает человек. Рядом со мной лежит и Богу душу отдаёт.

Со страха нажала на кнопку. Вбежал молоденький хирург, за ним пришли две медсестры. Включили свет на всю палату. Стало ещё хуже. Женщина лежала в странной позе, вытянувшись, с губ капала пена, руки свисли с кровати вниз.

Я села на кровати потому, что была самой здоровой из всех в этом мире. Ноги у меня двигались. Руки у меня были вполне нормальными кроме среднего пальца левой руки. Голова ясная. Голос зычный. И поэтому я закричала:

– Спасайте! Скорее!

Медсёстры на меня взглянули с испугом.

Хирург подпрыгнул от неожиданности.

– А мы что делаем? Чай пьём?

– Её надо было в реанимацию положить. А не сюда к бабкам тащить больную! – поучительным тоном сказала я.

– Ну-ну! – Медсёстры схватились за поручни кровати и покатили её в коридор. – А нам что прикажете делать? Всю ночь караулить вас? Тоже мне профессора тут лежат! Набухаются на свадьбах и приказывают ещё!

На следующий день рассказывали, что пациентку с переломом шейки бедра спасли. Вовремя успели. Я слышала, как врач, проходя мимо палаты, сказал: «Тут одна бдительная гражданка, у которой средний палец всё время вверх показывает, ночью тревогу подняла! Так кричала на персонал, что мёртвые все ожили! Не отправить ли её поближе к моргу? Чтобы покойников разогнала!»

Я услышала, как всё отделение хохочет. И палец-то у неё средний вверх торчит, видимо, всех посылает!

Видимо, для невесты палец-то вверх держит…

Ха-ха.

Или тестя так обняла, что послала его куда подальше.

Ха-ха.

Меня так стали всем отделением называть – дамочка, всех посылающая на три вечных буквы! А, эта с поднятым вверх средним пальцем.

Ха-ха.

Я не выдержала и попросила перебинтовать меня. Или в ортез переодеть. Или в бандаж.

Хирург согласился. Но долго хохотал, снимая гипс и надевая мне на палец аккуратный фиксатор с металлической пластиной.

– Экзотика… вы были необычной дамочкой. А теперь стали как все!

Выписали меня через три недели из больницы, предварительно вынув железный штырь из ладони. Это было незабываемое время: смешное! Снег к этому времени растаял. Выглянуло солнце.

Бабушка начала понемногу вставать с кровати. Инна передвигалась с помощью ходунков.

А я могла сжимать руку в кулак.

И жмуриться от яркого света.

Света добра и любви.

Человек – самовосстанавливающееся существо. На нём заживают все болячки. Кости срастаются. Раны зашлифовываются.

Лишь остаётся память. Она вечная.

Как мы сами.

Если бы я не сломала палец, то мне его надо было сломать принудительно, ибо мне удалось при помощи моей ситуации помогать людям. Я ухаживала за неходячей бабушкой, кормила Инну, которая не владела руками, а уж про пациентку с переломом шейки бедра я вообще молчу, тут я была настоящим спасателем.

Правда, к моему возвращению Пашенька успел развестись с новой женой. Алла выяснила, что квартира, где проживали молодожёны, принадлежит не мужу, а её свекрови, то есть мне. И машина тоже записана на меня.

Алла уходя, оставила Пашеньке только кошку, остальное всё забрала с собой. И новое покрывало, которое я им подарила на свадьбу, посуду, постельное белье и всю сумму, подаренную им гостями.

Когда я приехала после выписки, то увидела большой рюкзак в прихожей.

– Что это? Сынок? – спросила я. По моей спине пробежал холодок.

Сын обнял меня. Затем серьёзно посмотрел на меня. По-взрослому:

– Не волнуйся, мамуль, это просто учения, военные сборы. Меня направили от предприятия, где я работаю. Я же не релокант, не предатель, в Америку не убегу, как иные. Не блогер. Я простой парень, любящий свою Родину! Через десять дней вернусь! Не переживай. Мне пора становиться настоящим мужчиной!

И снова проструился с неба снег.

Может, пара снежинок, может, целый вихрь.

Так зима прощалась со мной.

Мой палец снова стал гибким. И я могла сжимать руки в кулаки, чтобы сдерживать волнение. А ещё мне в этот миг захотелось посмотреть в тучное, глубокое небо и сказать:

– Всё будет хорошо! Лучше, чем прежде!

И мои слова должны обязательно сбыться!

Владимир ЛЕБЕДЕВ

ДОЖЖИК-ОТ УШЁЛ!

XX век перевалил свой экватор и заглянул в провинцию. Село 50-х. Недалеко от главной улицы, возле колодца, между добрым пятистенным домом и слегка покосившимся старым двором, – две Анны: одна подошла с вёдрами, другая, прихватив с собой в дар огурчиков с грядки, была на пути к свояченице, что жила в проулке из двух домов.

– Нюша, да ты прям легка на помине! – воскликнула первая Анна, которую все звали не иначе, как Нюра, и, сильными руками привычно раскрутив ворот, окунула бадью в воду. – Токо-токо по дороге сюды с Тоськой про тебя судачили: чевой-то не видно тя. Щас, я вытащу бадью-то, погодь маленько, покалякам.

– Знамо дело! Как не покалякать, – отозвалась вторая Анна, которую с малолетства звали Нюшей, а в узком кругу, где были все свои, – Нюсей.

– Ну как твое молодые? Угомонились? Али кажный своё гнёт? – разлив воду по вёдрам, участливо спросила первая Анна вторую.

– Да, кажись, угомонились. Поладили навроде, – успокоила Нюша.

– То-то. А то уж больно горяч, зятёк-от твой. Весь в отца. Дык ты в доме – хозяйка, надо безо всяких прижучить, ежли что. Чтобы гордыню свою один перед другем не выставляли. Чего они хорохорятся?

– Так-то так. Токо влезать в чужие дрязги – бестолково дело. Им самем нады разбираться, что к чему.

– Тесно им, поди, в твоём доме. Изба – не степь широ́ка: не разбежисся. Из-за этого скоко скандалов бывat.

– Да уживёмся. Чай, не век так будет – в тесноте да в обиде. Глядишь, в этим году построятся. Колхоз ссуду обещат. Я и кровать им отдала, а сама на печи сплю.

– Мотряй, себя не обижай. И девка у тебя непростая. Молодым нынче дай волю, сразу командовать задираются, – предупредила Нюра свою тёзку.

– Это мы знам. Да я тоже в случа́е чего – не промах, – сделала себе комплимент Нюся.

– То-то! Ну а зять молодой – как он насчёт дела? Руки каким концом вставлены? – выдала свой интерес её давняя подруга.

– Да ничё, хаять не буду. Днясь нову полочку мне на кухне сделал, ножики наточил. А на той неделе боров на по́дволоке подправил. Собирается и дверь в избу утеплить – а то поддуват в холода-то.

– Он в колхозе шоферит?

– Ага. Цельными днями в разъездах. И в поле гоня́т, и в МТС, и начальство возит в район, и куды токо не ездит, – поведала Нюша.

– А дочка, как ты, на ферме дояркой?

– Ну да. Заступила мне на смену. А меня, слава богу, на пензию проводить собрались. Кости на печке греть. На зимовку – как коровушек моех. Токо вот тепло ль им в мороз-от бу́дёт: зима – не мать родна́.

– А обойдутся без тебя?

– Ну, ежли что, подмогу. А ты как?

– Да ты, чай, знашь, в сельсовете второй год убираюсь. А ишо с внуками сижу. При деле, – умиротворённо высказалась Нюра, она же Анна.

– Занята́я. Ты ж на две зимы и помладше меня. Не считая лета.

– Да кака́ разница при наших годках-то! Обе скоко мыкались! И голодуху, и холодрыги выносили! Обе мужей своех сразу после войны схоронили: одного без руки, другого – без ноги. Дык мой ишо осколками весь пробитый был – война-то через его тело наскрозь прошла. А сами каку лямку тянули: чё уж там судачить про года!

– Да-а, за эту саму жисть много воды утекло в нашей речке! Какеми молодыми мы были! Помнишь, как в девках

гуляли, хороводы водили! Какéе песни пели заводные, частушки на посиделках горланили! – вспомнила былое Нюша.

– А то! А плясали как! Какéе дроби выбивали! Да ты лучшая плясунья была! Нешто забыла? И личностью вышла! Скоко мужиков на тебя зыркали, шагу ступить не давали. А ты одного приметила и так с ним под венец и пошла. Ну, и я ведь на него заглядывалась – сама знашь, но отступила, ты красивше была и побойчей. Потом другой ко мне посватался. И вот вишь как вышло: однем днём их на войну проводили, и в однем году в однем месяцу оне от нас навовсе ушли. Земля им пухом.

Обе Анны смиренно перекрестились.

– Ну, хоть в родной земле упокоены.

– Ну да. А теперича наши дочери выросли, стали дочки-матери. А младша твоя в городу? – участливо спросила первая Анна.

– Ага. Пыль тамошню городскую уж который год глотат, не жилось ей тут, – обеспокоенно призналась Нюша. – Кататся там на транваях да на автобузах и всякой чад вдыхат: гарь, дым да вонь. А живёт-то – в общем житии. Ну, ещё вспомнит свою деревеньку-то, образумится. Ежли прилетит сюда – работёнку, чай, найдём для неё хорошу. Председателя в колхозе нового выбрали – непьющего. И жениха путного ей приглядим. Может, и со своей избой.

– А на кого она выучилась?

– На икономиста.

– А-а. Ну, таку работёнку и в райцентре подыскать не худо, – заверила Нюра.

– Дай бог. Надо её сюда вертать. Здоровше здесь будет и дитяток здоровых нарожат.

– Во-во. А то взяли моду разлетаться из родного гнезда кто куды.

– Токо она пишет, будто ей ещё скоко-то надо отработать после её техникума.

– Ну вот опосля пусть и вертается. Тут она нужнее будет. И роднэя при ней.

Нюша посмотрела в сторону Нюриного дома:

– Я гляжу, у тебя краска на наличниках совсем блёклой стала и побилась кое-где – не собирасся прихорашивать их?

– Да как раз на неделе и покрашу. Всё руки на доходили. А тут вёдро будёт – самое время красить, – согласилась Нюра. – У меня маленько и краски есь.

– А усад-от у тебя на старом месте? Картошку окучила?

– На том же месте усад – недалёко от коровника. Ботва разрослась, как лопух, еле-еле окучила: надо было не зевать, а пораньше махать мотыгой-то. А у молодых подальше – в поле. Там места больше.

– Со своем-то сама справлясся?

– Сама. А у вас много соток?

– Вместе пятнадцать. Может, поболе. Землю Васька-конюх вспахал. Засадили и вот окучили, дай бог, чтобы погодка теперь была. Лишь бы не жарило.

– Это точно. А не то пиши пропало. Как маялись в 46-м да в 47-м! Ведь всё повысушило – како пёкло было! – с болью и горечью выдохнула Нюра.

– Вот така жисть. А ты слыхала, чай: на днях отрезы в нашем сельмаге давали – вот там тоже жарко было. Ну и чего? Рулонов десять выбросили, и с концами. Поди, по своем да нашим остальное пустили, – расстроенно произнесла Нюша-Анна. – Ну, там начальству, учителям: не в рванье же им на уроки свое ходить.

– А-а, про энти отрезы слыхала я – тогдась дома как раз с внучатами сидела, и галанка у меня топилась – не отойти.

– А я там намедни подзоры ухватила. А так для постели уж скоко время ничё не видать, не слыхать.

– Дык я подзоры сама вышиваю. Мои-то получчи казенных, как гляну – глаз радовацца.

– Ну да, ты ж рукодельница, у тя получацца.

– А хошь, я тебе на Троицу узор красивый подарю, который в тем году вышила? Мы же с тобой не чужея!

– У-у! Матушки, уж не знай, как тебе теперь и угодить.

– Да ладно, сочтёмси!

– Ну, спаси тебя бог, Аннушка, век не забуду! Так приходи на Троицу-то, посидим вместе.

– Забегу, как же. А ты знашь: у нас тут на лугах ероплан вчерась приземлился.

– Неужто?

– Ей-ей! Все пацаны туда бегали – глядеть. Чего-то у лётчика там сломалось или кака разладица вышла, вот он и сел.

– И что потом?

– Да улетел. И нихто толком не знат, что за оказия така. Токо крыльями, бают, помахал на прощанье. Вот скажи, а если бы не наши луга, куда ему садиться было?

– То-то и оно: на лес не сядешь, в речку – не анфибия. На нашу большу дорогу – людей да кур подавит. Не в колодец же ему нырять! Ну, слава богу, и лётчик жив-здоров и ероплан целый, – умиротворённо подвела итог вторая Анна.

– А может, заблудился он в небесах-то, как в лесу, и не знал, куда лететь. Али керосин кончился? Дык тут у нас для него хто подвезёт эту заправу? Не бормотуху же в него лить!

– Поди, мелка поломка была. Да хоть бы и так: на лету-то не вылезешь – починить-уделать.

– Вот такея пироги.

В это время в небе неожиданно громыхнуло. Женщины, как по команде, глянули вверх: на село издалека медленно надвигалась грозовая тучка, которая нехотя рассеивалась.

– А-а, кажись, стороной пройдёт. Не прольётся сюды.

– К суседям в Мордовщики пошла. Или раньше развеет всё.

– Ага, уходит. Нюр, а ты не слыхала, что Симки Пенкиной ларёк чуть не обчистили?

– Да ну!

– Она пришла на работу, а замок открытый. Перепугалась, отворила дверь, а там всё как было на полках, так и стояло – ничего не взяли. Видать, спугнули воришек-то.

– Это когда было?

– Да третьёго дни.

– А-а, дык это Тоськин внучок играл там с ребятишками в прятки, стал залезать в щель между стенкой и магазином и задел накладку на дверь. Увидел, что замок-от

не заперт, взял и повернул его другой стороной, чтоб дужку-то прижать. А потом они все убежали. И на конфетки не позарились. Да он своем дружкам ничего и не сказал. Вот таке дела…

– Вишь ты, какой совестливый парнишка растёт – все бы так.

– Надо бы, да не больно верицца. А ты вчерась чаю в дежурке взяла? А то опять не знай когда будет.

– Взяла, взяла.

– То-то. Ну а воду-то щас на чай зачерпнула аль полы мыть?

– Батюшки-светы, раскалякалась я, угурцы-то меня в огороде заждались: их же скорей поливать надо – высохнут! Дожжик-от от нас ушёл!

Ольга КОСОВА
Кстово

КОРЗИНКА С ГРИБАМИ

Аня и Таня, две сестры, приехали в лес за грибами.

– Вот тут машину поставим, – сказала старшая двадцатипятилетняя Аня (она была за рулём), – иди проверь, нет ли в траве пенька.

Младшая сестра послушно выбралась из машины, походила по траве, приминая её ногами. Отбросила ногой сломанную ветку.

– Заезжай, всё чисто!

С хрустом потянулась. Красота! Слева находился небольшой, но густой молодой ельник, справа высились огромные сосны.

Аня открыла багажник, достала спрей от комаров и клещей, щедро побрызгала на себя и сестру.

– Повернись, спину тоже обработаю. На, теперь ты меня.

Аня заперла машину, подёргала за дверцы, проверяя. Надела очки, в которых обычно читала.

– Ну, двинули, как папка ни скажет. Сначала проверим ельник, там должны быть маслята и подосиновики. Потом махнём в лес. Повела носом: – Чуешь? Грибами пахнет.

И быстро заскользила по сырой от росы траве к ельнику.

Таня вздохнула. Аня-то точно найдёт свои грибы. Ей будет чем мужа порадовать. А вот семнадцатилетняя Танюшка никогда не умела собирать ни ягоды, ни грибы. Она просто любила лес с блестящей на солнце липкой паутинкой, с треском сучьев под ногами и тихим поскрипыванием высоких, подпирающих облака сосен,

с гулким стуком дятла. Она чувствовала себя порой то частью этой сказки, то гостьей. Закрывала глаза, обнимала какое-нибудь дерево, прижималась щекой к тёплой шершавой коре и, замирая, слушала. Слушала лес. Господи, хорошо-то как. Так бы и осталась здесь. Никакого шума и гама, ни забот, ни тревог. Покой… «Покой, – тут же поправляла она себя. – Это пока тепло, светло и кушать не хочется. А вот так заблудишься, останешься на ночь – мало не покажется». И она, беспокойно озираясь, звала: «Ау, где вы там?» В общем, грибником она была тем ещё. Если сестра набирала корзину и ещё пакет, то у Тани получалась неполная корзинка. Может, хоть сегодня повезёт?

– Дедушка Лесовичок, помоги мне, – прошептала.

– Ты там молишься, что ли? В траву не ходи, там ничего нет. Иди в эту сторону, а я пойду прямо. Смотри под листочками.

Сестры стали углубляться в лес, стараясь не потерять друг друга из виду. Пахло лесом. Ну конечно, как ещё в лесу может пахнуть? Трудно объяснить, что это за запах, но любой человек и с закрытыми глазами поймёт, когда окажется в лесу. Пахло чистым, чуть влажным воздухом, грибами, ёлками. Ничего не надо. Просто побродить бы, подышать, послушать. Повсюду висела липкая паутина, по углам которой притаились паучки. Особенно неприятно было, когда она прилипала к лицу, поэтому Таня не столько смотрела под ноги, сколько перед собой. Стали попадаться грибы. Но в основном старые или срезанные. Значит, кто-то прошёл ещё до них.

– Таня! – послышался голос старшей сестры. – Ау!

– Ау, – откликнулась, – нашла?

И вдруг увидела гриб. Крепкий, хороший, на поганку не похожий. Но что-то заставило её засомневаться. Осторожно срезав его ножом, поспешила к Ане.

– Похож на шампиньон. Но кто его знает. Выкинь. Если сомневаешься, лучше не бери.

Мало-помалу в корзинке у Тани стали появляться грибы, в основном маслята и подберёзовики. Но попался и один белый, и три крепеньких красноголовых подосиновика.

И вдруг Таня увидела в кустах корзинку полную грибов. И каких! Молоденьких, крепких! Не грибы, а загляденье.

– Аня, – позвала негромко, – иди-ка сюда!

В лесу время бежит незаметно. Часа два, а то и три пролетело, но девушки не видели и не слышали никого вокруг. Поняли только, что корзинку припрятали в кустах, чтобы не таскать лишнюю тяжесть, а дальше пошли искать грибы налегке, или с пакетом, или с другой корзинкой.

– Похоже, что хозяин потерялся. Никто тебе не попадался? Может, покричим?

– В лесу кричать не принято. Да и что мы крикнем? Эй, кто потерял корзинку? Она здесь!

Таня на всякий случай всё-таки крикнула:

– Ау! Есть кто-нибудь? Люди!

Никто не откликнулся.

– Что делать будем?

– Ничего. Может, всё-таки найдется владелец грибов. А может, и нет. Будем надеяться, что ничего плохого с ним не случилось и человек выйдет на дорогу. А грибы… Теряют больше иногда, – закончила она фразой Маргариты Тереховой из фильма «Собака на сене».

Аня покосилась на корзинку сестры. Добавила из своей три белых гриба.

– Держи и никому не сказывай, – сказала, подражая отцу. – Ну что, пошли к машине? Кстати, ты знаешь, куда нам идти?

– По-моему, туда, – Таня махнула рукой влево.

– А по-моему, в другую сторону. Иди за мной. С ориентированием у меня всё-таки получше, чем у тебя. Тише! Смотри!

На ближайшую сосну опустился дятел и начал обстукивать ствол дерева.

– У меня бы давно мозги вылетели, – сказала Таня, следя за птицей. – У дятлов голова не болит, у акул зубы новые всю жизнь растут, верблюды могут не пить неделями. Как-то природа несправедливо обошлась с «царями природы». Пойдём уже, пить очень хочется. Ты уверена, что мы правильно идём?

– Через полчаса узнаем, – засмеялась Аня.

Девушки стали выходить из леса. Идти было тяжело. То шишка под ногу попадёт, то сучок, то дерево поваленное обходить приходится – устали. Корзинки цеплялись за кусты, оттягивали плечи. Хорошо хоть не в руках несли. Отец, как только купил корзинки, сразу приделал к ручкам крепкую верёвку, чтобы через плечо вешать.

Таня подставила под верёвку ладонь, но та всё равно натирала плечо.

– Ничего, своя ноша не тянет, – пробубнила Аня. – Давай постоим немножко. А насчёт правильно ли идём… У папки в прошлом году такой случай был. Он взял с собой Витьку.

– Какого? Шекшаева?

– Ну какого ещё? Мы же с ними дружим. Вот они и разошлись в лесу в разные стороны. Сначала аукались, а потом и слышать друг друга перестали. Папка вернулся к машине – Виктора нет. Он и сигналил, и кричал. Бесполезно. Струхнул основательно. Тут и сосны старые иногда валятся, и кабанов люди встречали. Часа два прождал и домой поехал.

– Так он что, Витьку бросил?

– Ну, во-первых, Витька тоже не маленький – двадцать с лишним, а во-вторых, он надеялся, что Витя на трассу вышел. Хотел по дороге подхватить. А ехать-то тоже прилично, пешком не дойдёшь. А ждать-то чего? Темноты? Действовать надо. Да… Приехал домой, меня к Шекшаевым послал, узнать не вернулся ли Витька домой. Но ни вам, ни его родителям ничего говорить не велел, чтобы не напугать. Сам в это время фонарик взял, верёвку, воду, бутерброды сделал и опять в лес поехал, искать. Только доехал до конца улицы, смотрит – идёт. Живой и здоровый. Только штанина одна сырая.

Потом Виктор рассказал, что аукал, аукал, ему вроде отвечали. Аукнул в очередной раз, а ответа нет. Он – в одну сторону, в другую… Везде деревья, кусты. Всё одинаковое. Решил пойти по солнцу, а не учёл, что времени много прошло и солнце уже переместилось. Без еды, без воды… Его ещё и Леший кружил.

– Это как? Я слышала про такое, но это же сказки.

– Сказки, конечно, хотя кто его знает. Бога тоже никто не видел, а в него верят. Может и Леший тоже есть. Я так понимаю, что пошёл, Витя, скажем, вправо. Тут кусты обошёл, там – дерево поваленное... В лесу же нет прямой дороги или тропинки. Вот и смещался постоянно. Вышел на то же самое место. Решил ещё раз попробовать. Постарался никуда не сворачивать. Топал он, топал и шагнул в болотину. Повезло, что одной ногой только. Грибы рассыпал. Выбрался. Комарьё, гнус. В общем, натерпелся. Повезло, что пошел в более-менее правильном направлении, – услышал вдали шум машин с трассы. Так и вышел на дорогу, что около леса, а там и трасса уже виднеется. В какой стороне наша машина – не знает. Покричал – папка не отзывается, вот и пошёл вдоль дороги, в надежде, что кто-нибудь подвезёт. Повезло, недолго шёл. Машина ехала в нужном направлении. Проголосовал, и его почти к дому подвезли. Он-то ничего, а отец наш на нервной почве с давлением свалился. Даже больничный пришлось брать.

Аню интуиция не подвела. Сёстры вышли из леса в двадцати метрах от машины.

– Не жалеешь? – поинтересовалась Аня. – Что потерянную корзинку с грибами не взяла?

– Жалею, что хозяин не нашёлся. Ладно, если кто молодой. А если старушка или дедок какой? Старые люди из-за всего переживают.

– Так-то так. Только скорее всего хозяин её уже не найдёт. Ищи иголку в стоге сена. А грибы пропадут.

– Пусть лучше пропадут, чем забрать чужое, а потом думать, что грибник вернулся за своей добычей. Хотя… Нет, не жалею, хотя и жалко. Ладно, поехали.

Девушки положили корзинки в багажник, напились воды из бутылки и даже попытались хоть немного отчистить руки.

– Хорошо мужикам, – вздохнула Аня. – Соберут грибы и отдыхают. А нам их ещё перебрать и переработать.

Таня вдруг захохотала, а потом громко ахнула.

– В чём дело? – покосилась Аня на сестру.

– Язык прикусила. Ты поосторожнее на ухабах.

– А смеялась чего?

– Вспомнила, как мамка в прошлом году грибы в огороде собирала.

– Ерунда какая-то, – пожала Аня плечами, аккуратно объезжая колдобину.

– Не ерунда. Мама просила никому не рассказывать, но за давностью времени расскажу. Только меня не выдавай. В общем, возвращаюсь я откуда-то домой, а мама в капусте ходит и грибы собирает.

– Я думала, там только детей находят, – пошутила старшая сестра.

– Я тоже. Оказалось, папа приехал с грибами, мама спит. Мы с ней накануне убирались, а потом допоздна помидоры и огурцы солили. Вот мама и стала ворчать, что ей нездоровится, с грибами она возиться не будет и пусть он их девает куда хочет. Папка спорить и ругаться не стал, а взял да и вытряхнул все из корзинки с крыльца. Они как раз в капусту и улетели. Мама полежала ещё немного и пошла с грибами заниматься. А их нет. Кто же ожидал, что папка их выкинет?

– А отец что?

– Ничего. Не надо, говорит, значит не надо. Потом уж все вместе хохотали. Хотя нет, не вместе. Мама не смеялась.

Так за разговорами сёстры выехали на трассу. В машине пахло грибами и лесом. И ещё счастьем.

Пётр РОДИН
р. п. Воскресенское, Нижегородская область

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

У Вити Губина из нашей залесной деревушки Поречье была собака. Ну а дальше, как в той песенке про попа – «Он её любил». И это уж точно. Не разлей вода парочка была. Ну а вот следующая строчка: «Она съела кусок мяса» – тут, пожалуй, не в тему. Тут явный облом получается. Шарику, как незатейливо называл хозяин чёрного кобелька, шматок мяса, должно быть, лишь грезился в предутренних снах. Если кто из деревенских, бывало, и бросит ему что-то из мясного, то лишь косточку куриную обсосанную, не больше. Правая передняя лапа у пёсика была малость покалечена, и он, неотступно следуя за хозяином, заметно на неё припадал. Странная у него была морда: с коротким носом и выпученными глазищами. А сам Витя был деревенским дурачком. Поговаривали сердобольные старухи, что прибился он к деревне ещё в свои молодые годы. Будто бросили его родители, отработав положенный срок в посёлке лесозаготовителей Северном. Ну бросили и бросили. Мало ли сейчас и нормальных детей бросают? А тут – дурак дурачком.

А с другой стороны, не таким уж неадекватным идиотом он был. Плохо-бедно, а сам себя он обихаживал. Зимой печку в халупе топил, дровишек из сухостоя к ветхому крылечку приволакивал. Не работал нигде – так сейчас в деревнях и тем, кто в силе да в разуме, работы не найти. Простоватым Витя Губин был – вот это правда. Улыбка до мочек ушей всегда была у него приготовлена для всех и всегда. Да ещё грабли рук с неподдельным радушием распахивал он при встрече, будто для объятий.

Летом обычной в нашей деревне была такая картина. Сидит Витя Губин на чурбаке при входе в свою хижину. У правой ноги, заглядывая в его мутноватые глаза притулился Шарик. Всё подачки ждёт. А хозяину на этот раз и дать дружку нечего. Но от настоящей голодухи деревня Поречье эти живые души всё же спасала и летом, и зимой. Поговаривали, что кто-то где-то пенсию по инвалидности за бомжеватого Витеньку получает. Как записной нищий милостыни он никогда не просил и не собирал, бога ради не вымаливал. Делал он свои вылазки за съестным, можно сказать, с творческим подходом. Кроме дружка Шарика была у Вити Губина и подружка – старая облезлая гармошка, с которой он мало когда расставался. Кто-то из соседей, чтобы не выбрасывать малость осипшую хромку на свалку, подал её убогому. Вот и брал он её в свои рученьки-грабельки, когда песняк в животе затевался. Вставал у крылечка Ершовых, или Громовых, или Сусловых, и так по всему порядку, и выводил всегда одну и ту же мелодию. Одну её каким-то образом Витюня наловчился исполнять, всего одну. И был это российский символ – марш «Прощание славянки». В дождь, в мороз или в жару июльскую одна была у его гармошки и его тронутой немочью души песня – вот эта. Ворчали, ругались старухи деревенские. Пост ли великий, давление ли под погоду гнетёт, ну никак уж тут ни до песен и басен. А под окошком Витя-дурачок бравурный марш исполняет. Да ещё, малость скособочившись, всепогодными кирзачами такт старательно отбивает. А гармошка сипит, будто и её душа задета. Кряхтя, немочь свою преодолевая, выходит, бывало, бабулька к игрочишке. Перекрестит его коротенько и подаст горбушку хлебца. Одет был Витя Губин всегда в чёрный шерстяной жилет с синтепоновым наполнителем и с множеством накладных карманов. А из-под него выглядывала давным-давно уже не свежая фланелевая рубаха. Во вместительные карманы и складывал он куски милостыни. А поверх прикрывал всё ярко-синей болоньевой курткой. Была она застёгнутой или расхристанной в зависимости от погоды. Кроме десятка старух был в Поречье и дедок один, которого называли все дед Алёшка. При встрече с Витей, всегда задавал он тому один и тот же вопрос:

– Витёк, ну и когда же мы с тобой жениться-то будем?

А дурачок со своей неизменной лучезарной улыбкой каждый раз отвечал шепеляво:

– Ты-то не знай коли, дед Алёска, а я так на Воздвиженьев день. Вот гляди, уж и гармоску нарядил.

На поцарапанных плечиках его инструмента и места уже не оставалось от многочисленных ярких наклеек. Как-то ближе к осени заехал в Поречье земляк наш, Костя Ершов. Жил он давно уже в Нижнем и давно уже был Константином Фёдоровичем – крупным и удачливым коммерсантом. Попьянствовал с недельку. Карасиков золотистых в пруду всё ловил да на сметане жарил. А уезжая, по доброте душевной оставил он Вите Губину и снасти рыболовные и две картонные коробки всякой городской еды. Да в разноцветных баночках и слюдяных мешочках с яркими картинками. И, как после оказалось, лучше бы местный благотворитель этого не делал. Отследили ведь ушлые проезжие молодцы Витино богатство. Проезжали с треском и грохотом мимо Поречья на мотоциклах пацаны залётные. Ну и позавидовали на удочки да консервы. Покуражились, разбросали всё. И это бы ладно. Да попала кому-то из них под берцы с подковами гармошка, пнули баловства ради. А она пискнула жалобно и рассыпалась на планки да кнопочки. Недолго жил после этого Витя Губин. Нашли его в перелеске. В кустах таловых. И не болел ничем, а умер в одночасье. Господь прибрал. Шарик после похорон куда-то запропастился. А ведь и хватились в Поречье незадачливого гармониста Витю Губина. И марша «Прощание славянки» в его исполнении.

Татьяна ДУБРОВСКАЯ

ЧУДОТВОРЕЦ

За окном автомобиля мелькали пейзажи: деревни с покосившимися избами, леса, поля. И над всем этим то лениво, то стремительно и свирепо кружила метель. Небо будто выцвело – ни тяжелых серых туч, ни синевы, ни белоснежных облаков. Будто пустота и безмолвие нависли над землей. А Ирине так нужны были знаки, подсказки, ответы. Проблемы скопились на ее жизненном пути в таком количестве, что создавалось ощущение не просто тупика, а замкнутого пространства, которое с каждым днем все сильнее сжималось и давило на нее со всех сторон.

И сейчас это давление усилилось до невыносимости. Она опоздала на собеседование на работу, и даже не поехала туда, а отчаявшись, возвращалась домой. Конечно, работа находится далеко, почти за 100 км от дома, но директор обещал, что три дня в неделю можно будет работать удаленно. А вот зарплата высокая и работа интересная. Но, попав в пробку на дороге, Ирина опоздала.

Неужели сердце? Что-то совсем тяжело дышать… Ирина одной рукой держала руль, а второй искала таблетки в сумочке. Наконец таблетки были найдены, точнее одна – последняя в упаковке. И вдруг автомобиль подскочил на очередной неровности дороги, и таблетка предательски выскользнула из пальцев и закатилась, как это бывает, в самый дальний угол.

Да что ж такое-то! Ирина заплакала… и все закружилось, как на карусели – серые пейзажи, метель, дороги… И вместе со всем этим стали кружиться в каком-то сумасшедшем вихре эпизоды из ее жизни, и плохие,

и хорошие, – все слилось в одну сплошную круговерть... И вдруг какой-то удар… и пронзительная тишина и непроглядная тьма...

И что? Это все? Вот так и закончилась моя жизнь?! А как же дети без меня… Странно, а дышать все так же тяжело… Ужасно болит шея… Так, может, я жива?

Ирина попыталась открыть дверь автомобиля, но это ей удалось не сразу – пришлось долго помучиться. Оказалось, что она въехала в огромный сугроб, которые часто скапливаются на обочинах дорог за продолжительную зиму. Ирина после нескольких попыток выехать из своего снежного плена наконец-то справилась с этой задачей. Она вышла из автомобиля и была сильно удивлена – ее довольно далеко унесло с основной дороги. Она оказалась на какой-то небольшой деревенской нечищеной дорожке. Осмотрев автомобиль, она обнаружила несколько вмятин, царапин, но в целом все оказалось не так плохо: она жива, и нет ни ссадин, ни ушибов. И лишь боль в шее и чуть дрожащие руки напоминают о только что произошедшем.

Осмотревшись вокруг, Ирина сквозь пелену снегопада увидела впереди силуэт храма. Ноги будто сами повели ее в направлении церкви – она шла не торопясь, но целенаправленно. Чем ближе она подходила к храму, тем отчетливее прорисовывалась его величественность. Она смотрела на кресты храма, которые покосившись, казалось, вот-вот упадут, осеняла себя крестом, кланялась. По ее лицу бежали то ли слезы, то ли тающие снежинки, и их бег усиливался с каждым мгновением…

– А ты и поплачь. Слезы, они тоже ведь на пользу бывают. Помолись да поплачь – на душе-то и посветлеет… Невелика наука быстро бежать, а вот остановиться да Богу помолиться – вот он, наш путь к спасению. Это в круговерть легко попасть – кружиться, кружиться да в суете пропасть. А вот найти свой путь, другими нехоженый, – задачка сложная, но с Богом-то для каждого возможная...

– Спасибо вам, дедушка, – сказала Ирина.

Вдруг что-то ей ослепило глаза… Удивительно! Но среди выцветшего неба из-за покосившихся крестов, вдруг выглянуло солнце.

– Дедушка, смотрите! – воскликнула Ирина, повернувшись к нему, но никого рядом уже не было. Она обошла вокруг церкви, но так никого и не нашла. Ирина зашла в полуразрушенный храм – может быть, туда ушел ее загадочный собеседник… Но и там никого не оказалось. На стенах заброшенной церкви чуть просматривалась былая богатая роспись. И с одной из стен на нее смотрели какие-то знакомые добрые глаза, но образ чуть просматривался – время не пощадило его. Поклонившись и перекрестившись, Ирина, еще раз осмотрев храм, вышла на улицу и пошла к машине. Пора ехать, а то скоро уже совсем стемнеет. Да и выехать еще надо с этой заснеженной дороги. И только сейчас она заметила, что снегопад кончился, небо вновь прорисовывалось синевой, солнечные лучи то и дело прорывались сквозь белоснежные глыбы облаков.

Стоп! А где машина? Вот этот сугроб, эта дорожка, а где же моя машина?

Ирина ходила вокруг сугроба, но автомобиль – это ведь не иголка в стогу сена. Его нельзя было потерять, и место это она не могла спутать с каким-то другим… Она не понимала, что происходит, ведь угнать-то автомобиль здесь никто не мог. И следов от шин ни у сугроба, ни у деревенской дороги не было. И вдруг она увидела свою машину, стоящую возле трассы. Она долго рассматривала ее и никак не могла понять, как она там оказалась, ведь она ее оставила у того самого сугроба. И к тому же на машине не было ни единой царапины, ни единой вмятины – будто и не было никакой аварии.

Ирина села в автомобиль, пытаясь собраться с мыслями, но никак не могла найти объяснение всему произошедшему с ней. Она копошилась в сумке, сама не зная зачем, будто что-то хотела найти. И вдруг ей в руки попалась маленькая, потрепанная от времени икона. Ирина вздрогнула от удивления. На нее с иконы смотрел тот самый дедушка, с которым она только что встретилась у храма. И именно его глаза несколько минут назад смотрели на нее со стены церкви. Это был Николай Чудотворец…

За окном автомобиля мелькали пейзажи: домики в огромных белоснежных шапках, деревья с ветвями в пушистых

рукавицах, золотые купола сельских храмов. И над всем этим медленно летели редкие снежинки, сияющие в солнечных лучах. Небо с каждым мгновением становилось все более насыщенным красками самых разных оттенков – от ультрамариновых до золотисто-розовых.

Через час Ирина уже была дома.

– Мама, ты чего так долго? У тебя все в порядке? – тараторили дети, перебивая друг друга и обнимая ее.

– Ребята, все хорошо. Извините, что я так долго – так уж получилось.

– Мам, ты такая счастливая, аж светишься вся! Значит, ты устроилась на работу?

– Нет, я не успела. Работодателю написала сообщение, что не успеваю, попала в пробку, поэтому не приеду. И телефон у меня сразу же выключился и до сих пор не включается. Но это не страшно. Теперь все будет хорошо!

– Ты какая-то загадочная, мамуль… У тебя точно все хорошо? Мы так переживали за тебя. Телефон у тебя не доступен был. Дай-ка я его посмотрю…

Рома покрутил телефон в руках, что-то понажимал – и он вдруг включился.

– Мам, смотри, тебе сообщение прислал работодатель.

– Что пишет? – спросила Ирина с безразличием, понимая, что этот шанс упущен.

– Мам, они готовы тебя на работу взять на условиях удаленки.

– Ты шутишь, Ром?

– Нет, сама читай.

Ирина взяла телефон и прочитала: «Ничего страшного, собеседование проведем с вами завтра онлайн в 13:00. И условия работы мы пересмотрели – можно работать всегда удаленно. Так будет возможность уделять больше времени работе, а не тратить его на стояние в пробках. До завтра».

– Ура! Ура! – кричали дети наперебой. – Значит, ты будешь всегда дома, и тебе не придется ездить так далеко. Мам, ты чего плачешь?

– Это я от радости, ребята.

– А мы так за тебя переживали, даже Николаю Чудотворцу молились!

– Кому?!

– А чего ты так удивляешься? Егор плакал, все время повторял, что с тобой что-то случилось.

– Ничего я не плакал, – пробурчал Егорка, вытирая нос.

– Плакал, плакал. Да я и сам переживал. Уехала на два-три часа, а не было тебя больше пяти часов. Вот и предложил я Егорке попросить Николая Чудотворца, чтобы он помог тебе поскорее домой вернуться.

– Спасибо, мои хорошие. Как же я вас люблю!

Ирина обнимала детей и тихо повторяла:

– Спасибо, Николай Чудотворец! Слава Богу за все…

А за окном ярко светила луна, поблескивали звезды, и небо, теперь она это точно знала, внимало каждому движению души, каждому слову, каждой молитве. И небо не безмолвствовало, как ей это казалось раньше, а отвечало – и не просто словом, а настоящими чудесами…

Лирический портрет

Евгений РАЗУМОВ
Кострома

ДА И ВСЯ-ТО СУДЬБА НА КЛОЧКЕ ЛИСТА...

* * *

«Сашенька», – подумает улыбка.
«Зайчик», – усмехаются усы.
Скачет внук, и детская присыпка
сыплется сквозь детские трусы.

Трогательно. Зримо. Распашонка
тоже скачет зайчиком. Весна.
А в руке – бубенчик, чтобы – звонко,
чтобы просыпались ото сна.

Люди. Звери. (Плюшевые – тоже.)
Паровозик. Шапочка. (Гулять.)
Где мои волшебные калоши,
чтобы за мальчонкой поспевать?

В коридоре спрятались. «От каши
носопырку ты не вороти», –
причитает ложка возле Саши.
Воскресенье. Выходной почти.

Будем лужу ковырять лопаткой.
Угощать ватрушкой воробья.
Вкусной-вкусной, Саша, сладкой-сладкой.
(Как рецепт небесный бытия.)

Письмо римскому другу

Где тростниковые аэропланы?
Арсений Тарковский

Где радиола, певшая когда-то
на языке Лоретти Робертино?
Где термы, акведуки, где пенаты,
где я прочёл впервые Буратино?

Где форумы, где форумов трибуны,
обитые сатином кумачовым?
Где цицероны местные, трибуны,
в тунику не полезшие за словом?

Где местные сенеки с партбилетом,
неронов увещающие втуне?
Где цирк, сгоревший, судя по газетам,
от козьей ножки, что смолил дедуня?

Где легионы возле пантеона
на майские эт цетера календы?

Плебеи где, про вкус одеколона
не спорят что с любителем абсента?

Где цезарь, простирающий надбровья
в Латинскую Америку и дале?
Центурионы где у изголовья,
где скарабей, зашитый в одеяле?

Где выпиленный нами из фанеры
Элизиум – по общему шаблону?
Где через Стикс уплывшие галеры,
что обещали мы вернуть Харону?

* * *

Останутся письма. (По сути, – уже в никуда,
уже ниоткуда.) **Зачем** их писали, Саида,

деревья и птицы; и наши с тобой города;
и мы, получается?.. От заоконного вида

пора отвыкать. (Говорят человеку глаза.)
А он по привычке находит зацепку в июле,
где ты родилась, где летает ещё стрекоза,
где яблоки зреют, где мы навсегда не уснули.

«И *это* **зачем**, получается?..» – думает клён.
(Ему за окном, очевидно, виднее, Саида.)
Я помню, Саида, что был я когда-то влюблён.
И адрес писал на конверте (я помню) – Колхида.

(Ну, может, правее, где бродит еще Геродот
среди пастухов, именуемых...) Впрочем, не надо
себя возвращать в этот месяц, тем более – год,
где горечь сулит древнегреческий вкус винограда.

Останутся письма... (Рука не бросает в огонь.)
Июль за окном... (Повторяемость яблок в природе.)
И, может, – душа. (На которой осталась ладонь
твоя – отпечатком.) Закладка моя в Геродоте.

* * *

Эпигонами Бродского нам не стать,
потому что другая внизу кровать –
не из мрамора, нет, и вверху пока –
не из дуба морёного облака.

Да и вся-то судьба на клочке листа
уместится – до слез дурака проста:
не судил тебя Цезарь и прочий люд,
на чужбину не ждал ты когда сошлют.

И Ахматовой чай разливал не ты.
Не твои Ленинград разводил мосты.

Так чего же грустить, ковыряя нос
авторучкой, строча на себя донос?..

Он не нужен ни Вечности, ни ЧК.
Доживи до логической ТЧК.
И на свадьбе у внука допей компот.
Вот от бронзы рецепт и лекарство вот.

А они окисляются пусть в веках.
Пусть помёт засыхает на их венках.
От мореного дуба свербит в носу.
Хватит сосен на всех в костромском лесу.

На мотив Саши Соколова

Для того чтобы книга имела начало,
надо ветку спилить и наделать бумаги,
чтобы ветка потом эту жизнь означала
и смотрела на лес и лесные овраги.

Где сидела на ней не единожды птица.
Где по ней пробегали порою бельчата.
Неплохая на ветке открылась страница.
Не единожды жизнь там бывала зачата.

Даже Пляскину Вите хвататься за ветку
приходилось, когда оттопыривал уши
юго-западный ветер, сдувая соседку
с огорода её, где посажены груши.

И Норвегов, имея на местности дачу,
мог завидовать ветке, а стало быть, птице,
стрекозе, бумерангу, новеллам Боккаччо,
из которых торчат итальянские лица

(и не только)… «Увижу ль последнюю точку
на последней странице?..» – висит над рекою

знак вопроса. Вода набирается в бочку.
Огурцы воскрешаются из перегноя.

«Так воскреснем и мы!..» – утешает кадило
в этой книге, где щепочка вместо закладки.
…Не сошли мы с ума – по всему выходило.
…Просто были в судьбе кое-где опечатки.

Белый бант

«Увези меня отсюда!..» – почему-то ты сказала.
Почему-то я подумал: «А куда я увезу?..»
Я стоял, почти что дембель, возле жёлтого вокзала,
и затаптывал окурок, и донашивал кирзу.

Это было где-то возле Таганрога, очевидно.
(Не Азовское ли море там лежало за спиной?..)
Две судьбы стояли рядом. И амур смотрел ехидно,
понимая, что не станут две судьбы судьбой одной.

Так зачем тогда летал он над заштатным гарнизоном,
девам головы мороча и другие части тел?..
Я не знаю. Просто воздух пах, наверное, озоном.
Просто сказки от озона дембель, видимо, хотел.

Не лампасов генеральских, не полковничьей папахи,
а, конечно, поцелуя и, конечно, при луне.
Мы отбросили с тобою человеческие страхи
и на маминой заснули, получилось, простыне.

Не будите, мама, только точно прапорщик какой-то!
Не ругайтесь тем же матом, что и старший лейтенант!..
Мы застелем покрывалом потревоженную койку.
И фуражку мы наденем. И завяжем белый бант.

«Увези меня отсюда!..» – почему-то ты сказала.
Почему-то я подумал: «А куда я увезу?..»
… Сколько раз я просыпался возле желтого вокзала,
белым бантом утирая деве первую слезу!..

Владимир РЕШЕТНИКОВ
Семенов, Нижегородская область

МНЕ БЫЛО МИНУС ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ...

Подушка

Подушка враз осиротела,
В шкафу лежала год, увы, –
Совсем забыв про запах тела,
Забыв про форму головы.

В ночь триста шестьдесят шестую,
В сон триста шестьдесят шестой
На ту подушку пуховую
Упал хозяин головой.

И только голова упала,
И только навалилась мгла,
Одна слеза, слеза скупая
Наквозь подушку обожгла.

Наутро пирогами пахло –
Словами и не передать.
Глаза открыв, от счастья ахнул
Вчера вернувшийся солдат...

Свитер дочке

Как ты там на острове,
Острове Васильевском:
Жжёт тоска ли острая,
Или пересилила?..
Знаю, климат в Питере
Неизменно хмурится –

В папином ли свитере
Бегаешь по улице?
Вышит он мозаикой,
Радужными нитями.
Чуешь, взял я за руку
Ангелом-хранителем?..

Свитер тот не снашивай-
Не забыть чтоб,
хочется,
И семейства нашего,
И отца пророчества:
Будешь ты счастливою,
Никуда не денешься! –
Солнце в путь красивое,
Золотою денежкой...

Дед

Мне было минус двадцать шесть,
Ему – плюс восемнадцать,
Когда мой дед лохматил шерсть
Волкам арийской нации.
За Соль-Илецк бомбил их так!..
Откуда родом, ибо
Хотя и не было их там,
Однако, быть могли бы...

Он их бомбил за Ржев и Минск,
И тыщу раз за что-то...
И тех волков он слышал визг
Под днищем самолёта.
Он их бомбил почти шутя
В победном сорок пятом,
И полагаю, что не мстя,
А просто – было надо!

Ведь что уж мог он понимать,
Мой дед-то, в восемнадцать? –

Он просто жить хотел, и мать
Увидеть, а не драться.
Но всё же был особый толк,
И всё гораздо шире:
Чтоб он вошёл в Бессмертный полк,
И мы бы жили в мире!

Пушкин в Семёнове

Голоса с волнением дрожали,
Как дрожит сейчас и у меня.
Добрый день, родные горожане! –
Не было давно добрее дня…

Потому что Пушкин к нам приехал:
Моложавый, невредим и цел,
Открывая знаковую веху,
Озаряя светом наш лицей.
Мы к дантесам не предъявим исков…
А Поэту звание дадим,
Звание почётное, по списку –
«Лицеист под номером один»!

Александр Сергеевич, извольте:
К постаменту, на гряду веков –
Но не ради вишенки на торте,
А всерьёз – духовным маяком
Для безусых умников и умниц,
Для любого! Чтобы навсегда
От семёновских уютных улиц
К Вам вела народная тропа!..

Никчёмный

Говорили: он никчёмный,
Не умеет ничего.
Даже собственные пчёлы
Искусали всё чело.

Пресловуто били грабли
В огороде всякий раз,
Две жены в быту иссякли,
Сплюнув и перекрестясь…

Да и собственные дети
Называли «дядей», и
Так и жил на белом свете –
Всем порядкам вопреки.
По утрам не той ногою
Он вставал, потупив взгляд,
Будто и рождён не тою,
И, увы, не тем зачат.

Как-то раз случилась малость:
По двору в промозглый дождь
По-нетрезвому каталась
«Золотая» молодёжь.
Оказался тот никчёмный
Очень к месту, и всерьёз:
Ведь собою он девчонку
Вытолкнул из-под колёс.

В кровь рассыпалось печенье,
Он к паденьям привык...
Вот оно, предназначенье, –
Нужным стать в последний миг.
Время шло, но в мире диком
Память доброе хранит –
Девушка порой гвоздики
Приносила на гранит...

22 Апреля 2020

Воет ветер, бьёт в колени
И в лицо швыряет снег...
В этот день родился Ленин,
Непонятный человек.

Да, забыт и непонятен,
А бывало, что всерьёз
Он с плакатов людям-братьям
Представлялся как Христос...

Время вымыло идеи,
Грязью ляпнула молва –
Всяк шакал теперь подденет
Труп безжизненного льва.

Но стоит, облезла краска
С указующей руки,
Указующей на маски
В коих бабы, мужики...

Ничего-то им не мило
Ни сегодня, ни вчера –
Развела их пандемия
Аж на метра полтора.

Ветер подлое доделал,
Расшвырял по лицам снег.
Всю пасхальную неделю
Неуютен человек.

Варят красные яички,
Как всегда воскрес Христос.
Кто-то скромные гвоздички
Ночью к Ленину принёс...

Наталия ЮРКЕВИЧ
Даугавпилс

НЕ ХОДИТ ВРЕМЯ ДОРОГОЙ РОВНОЙ...

Споры

Давно устал и перестал бояться.
И всё же спорят: разум – сердце – разум.
Пройдя сто двадцать разных номинаций,
Так до конечной не дошёл ни разу.
То отвлекался, уходил в отгулы,
Тоску чужую веял, не развеял.
Холодный воздух пил (сводило скулы),
Куда-то шёл сражаться за идею,
За сто счастливых дней (а вдруг случится),
За стол, за хлеб и соль и всё такое,
Держал в руке и выпускал синицу,
Менял полёт на пять минут покоя.

В знакомый двор входил, чтоб оглядеться,
Найти себя в едва живой беседке.
Да не беда, что слишком бьётся сердце.
Я просто гость, к тому же, очень редкий.
А кто мешал? Спасительным помехам –
Привет. Поклон. И выговор навеки.
А по пятам – привязчивое эхо,
Всё ищет отклик в глупом человеке.
Пора понять: опасно возвращаться.
Круг разомкнулся только раз случайно.
Когда тебе давно не восемнадцать,
Прозрачен мир, и в нём всё меньше тайны.
Трамвай летит. А путь совсем не Млечный,
Не охватить вооружённым глазом.

Есть верный шанс добраться до конечной.
Но снова спорят: разум – сердце – разум.
С ума сойти от этой карусели.
Да лишь бы только не дойти до точки.
Хотел звонить. Но батарейки сели.
Так и сидим на лавочке в тенёчке.

В ожидании

Дни начинаются звоном посуды.
Солнце плывёт, отражаясь в воде.
Вечно живём в ожидании чуда.
Шепчем просительно:
Чудо, ты где?
Хватит томить и скрываться за дверью.
Так упустить можно целую жизнь.
Чудо, ты знаешь, что мы в тебя верим.
Может, сказать тебе – чудо, явись?!
Просто, без пафоса и без доклада,
Будто бы ветром тебя принесёт.
Нам и подарков заморских не надо.
Нам бы такое, чтоб Чудо – и всё.
Пусть никакого от этого толку –
В банк не положишь, не спрячешь в карман.
Знаем, что ты не приходишь надолго.
И не задерживать хватит ума.
Мы не гадаем, когда и откуда.
Всё измеряется точно на глаз.

…Вечно живём в ожидании чуда.
Чудо живёт в ожидании нас.

Швабра

А не пугайте абракадаброй
И не пытайтесь поймать на лесть.
Позвольте швабре остаться шваброй,
Остаться шваброй, такой, как есть.
Кому полоска, кому прическа,
Кому заплатка на рукаве.

Конечно, швабре не стать берёзкой,
Не прятать мысли в густой листве.
Не заблудиться в лесу дремучем,
Не плыть по морю, построив плот,
Не стать красивой и самой лучшей,
И самой умной – как повезёт.

Не ходит время дорогой ровной,
Оно имеет капризный нрав.
Хотя мы знаем, что всё условно,
И каждый берег бывает прав.
А жизнь несётся, мелькают лица,
Уходит в небо бескрайний чат.
Обидно очень не дозвониться,
Еще обидней, когда молчат.
Но если номер неверно набран,
То кто-то, значит, решил за нас?
Позвольте швабре остаться шваброй,
На всю катушку… Хотя бы раз.

Точка отсчёта

Я сейчас, подождите.
Надеюсь, не так это срочно.
Ведь какие-то десять минут
Ничего не решат...
Нужно только вернуться,
Найти ту исходную точку,
День, когда начала
Разрываться на части душа.

Может, в прошлую среду,
Когда на пути светофоры
Посходили с ума, прерывая
Свободный разбег...
Наслоение пауз,
Берут перекрестки измором,
И финальным аккордом –
Тяжелыми хлопьями снег...

Нет, скорее в субботу,
Когда неуютное утро
Разрывали звонки,
Но единственный не прозвучал.
Утешение мыслью
О том, что ты нужен кому-то,
Всем на свете ты нужен,
Вот только счастливей не стал.

Подождите немного,
Уже проясняется что-то.
Я сейчас доберусь
И смогу наконец-то найти
Пресловутую точку,
Ту самую точку отсчёта.
Что-то в ней изменю
И пойду по другому пути.

Хрустящее

Всё чаще хочется сбежать тропинкой хоженой
В те времена, когда мы жили без машин,
Когда стаканчик был вкуснее, чем мороженое.
Хотя, конечно, оба были хороши.
А мы, находчивые девочки и мальчики,
Набрав в ладошки мелочишки с гулькин нос,
У продавщицы просим ломаных стаканчиков.
Копейки стоят. Но на них особый спрос.
Они такие загорелые, хрустящие.
Идём, хрустим на всю планету, на весь мир…
Вот это счастье! Это детство настоящее!
И пусть на нас не обижается пломбир.

Из свежей прозы

Елена ГОФМАН
Санкт-Петербург

МЕДВЕЖИЙ ОСТРОВ

Посвящается моему деду
Труханову Лаврентию Пантилеевичу

1

– Рота, лыжи скрепить!.. Становись, лыжи к ноге! – старшина Великанов на вдохе потянул букву «О», и его мощная грудь поднялась ещё выше, потом отчеканил команду по слогам и закончил её коротким звуком: – Рота, смирно, лыжи на плечо!

Новобранцы чётко выполнили команды. Все как на подбор, один другого крепче, не солдаты, а молодцы из ларца, только не в косоворотках, а в белых маскировочных халатах и с лыжами, вытянулись по струнке.

– Рота, в две колоны становись!..

Бойцы надели лыжи и выстроились, соблюдая необходимую дистанцию.

– Через левую ногу кругом! Раз.. два.. три!

По команде «раз», красноармейцы подняли левую ногу вверх, поставив лыжу стоймя; затем по команде «два» абсолютно синхронно развернули левую ногу на сто восемьдесят градусов, опустив лыжу на землю; и по команде «три» завершили разворот туловища правой ногой, оказавшись спиной к старшине. И только Великанов собрался отчеканить следующую команду, как вдруг раздался шум, и один из новобранцев смешно завалился на снег, попытался быстро вскочить и вновь споткнулся.

– Рядовой Старажилов! Стара-жилов! Жилы совсем старые, заржавели, что ли? – старшина говорил сердито, хмуря брови, и от этого шутка казалась ещё смешнее. Рота расслабилась, и молодцы в белой одежде как-то по-гусиному загоготали.

– Он у нас не старый, а сторож, – усмехнулся кто-то из новобранцев.

Старшина обождал несколько секунд и, когда рядовой Сторожилов оказался в строю, резко успокоил расшумевшуюся стаю:

– Отставить разговоры! Сторожилов, наряд вне очереди! Рота! За товарищем лейтенантом на боевые учения марш!

Сторожилов сник. Вся рота знала, что он отличный лыжник: мог легко выполнить круговой поворот, и не только шагом, но и в прыжке. Делал это легко, поджимая стопы к самым ягодицам, словно не лыжи были на ногах, а сапоги-скороходы, словно не на снегу он маневрировал, а на сцене танцевал «яблочко». И вдруг такой провал. Любому было бы обидно, а тем более восемнадцатилетнему парню. Он оглянулся и увидел, что Труханов на бегу смотрит на него. Во взгляде старшего товарища не было ни капли насмешки, только немое желание поддержать. Сторожилов приободрился. Юная удаль и веселый нрав взяли верх. И он вновь ощутил себя на лыжах как на коне.

– Поднажми, ребятушки! Больше пота в учебе, меньше крови в бою!

В тот декабрьский день тысяча девятьсот сорок второго года стрелковая рота под командованием лейтенанта Фаенсона 13-й отдельной лыжной бригады прошла более сорока километров по лесам в окрестностях Молотовска, делая остановки для огневой подготовки, к вечеру перекусила сухим пайком и стала окапываться на ночлег. Окапываться – это громко сказано, бойцы лопатами разгребали снег, зарываясь в него.

– И запомните, никакого курева, – гремел старшина Великанов, пока новобранцы работали саперными лопатами, – вы – будущие лыжные диверсанты и разведчики, а значит, любой огонек, любой дымок может стоить жизни

каждому из вас. Окапывайтесь быстрее, враг не дремлет. Вы готовите себе не только ночлег, но, в первую голову, боевую позицию.

Сторожилов вместе с товарищами Трухановым и Коробовым первыми сделали невысокий шалаш с опорой из лыж, крытый плащ-палатками, и залегли отдыхать.

– Помню, с батей в карбасе ночевали: оленьим одеялом укроешься, чтобы не пробирало, и тепло тебе! Ветер свищет, а ты в одной рубашке спишь, вспотеешь, лучше, чем дома на печке... – кутаясь в маскировочный халат, вспомнилось Коробову. Он жил на Летнем берегу Онежского полуострова.

– Ты, Микола, говорил вроде, что охотничал? – спросил Труханов.

– Охотничал, конечно. На белух с отцом ходил. Такое рыбалкой не назовешь.

– Слыхал про то, но самому не доводилось...

– Да хорошо, что не доводилось. Я по первости смолоду даже есть не мог после такой рыбалки.

– Слабонервным был? – не удержался весельчак Сторожилов.

– Посмотрел бы я на тебя. Вы, городские, жир рыбий из бочек получаете, а знать не знаете, как эти бочки достаются. Мы всей деревней, Лопшеньгой нашей, белух ентих у моря дожидались. Они к бережу стаями заходят. Вот забелеют, головы выздынут да фыркают, бутто кони. Мы скорей в карбас, по четверо, и жмём прямо в море. Снасти выкинем, а белухи у бережей в сетях и остаются. Бабы на веслах сидят, а мужики встают с кутилами на нос и давай белух лепить. Кровь как забрызжет, кверху, бутто из бочки квас. Одно кутило, два, три. Из разных карбасов.

– Может, хватит? – не выдержал Сторожилов.

– Нет, Сторожилов, не хватит. Ты ухо воротишь, а я в пятнадцать лет знал, что хуже смерти только смерть. И белухи тоже знали: карбас завозят, завозят, бывает, бойчее коней. Кричат мужики бабам: «Держитесь на веслах!» А сами ещё и пештями влепят...

– Коробов!

– Я уж, поди, тридцать пять годков, как Коробов!

– Да что за день сегодня такой! Старшина с утра отмордовал, ты мордуешь. Не виноват я, что родом не из Лопшеньги и в море на белух хаживал, – расстроился молодой парень, – хотя был один случай...

– Всё, угомонитесь, черти! Спать охота! – прервал его Труханов.

Товарищи затихли. В сравнении с искрометным Сторожиловым и самобытным Коробовым Лаврентий казался неприметным. Ему было под тридцать. Сам нездешний, родом из-за Урала. О себе помалкивал, других всё больше слушал. Был малограмотным, говорил тихо, но внушительно. Крепкий, как скала, с широким смуглым лицом, он не вызывал страха или неприязни. В глубине его строгого, молчаливого облика скрывалось что-то мягкое, мшистое. Труханов был беспартийным, поговаривали даже, что из ссыльных он, сын кулака. Но не смотря на это, Лаврентий пользовался неизменным уважением у архангельских лыжников.

2

Перед самой отправкой на фронт замполит бригады провёл собрание в клубе. Возвращаясь к спальному бараку, Труханов замешкался, отстал от товарищей и присел за дровяником: решил цигарку скрутить на воздухе, в тишине да темноте ночи, «прикурив её от звёздных огонечков», как любил поэтично выражаться лейтенант Фаенсон. Курил Труханов редко: так, иногда дымил, когда на душе было махрово. Завтра на фронт ехать, а весточки от жены он так и не получил. Вспомнил свою Марусю: тонкую, маленькую, с волнистыми густыми волосами, заплетенными в две длинные косы. С неизменными бусами, похожими на крупные рябиновые ягоды. Загляденье, да и только! Хоть и неграмотная, а могла бы и попросить кого черкнуть хотя бы пару строчек. Отправил он Марусю к своим родственникам, но переживал, как его несговорчивая женушка с двумя маленькими дочками уживётся в «трухановом» муравейнике. Уселся он на снег к боковой стенке барака,

скрутил цигарку, но не прикурил: услышал шаги и тихий разговор.

– Да, замполит умеет убеждать, – послышался голос лейтенанта Фаенсона. – Нас ведь в самое пекло бросают. Со стороны Волховского фронта немцы два года окапывались, кольцо блокадное ковали. Комар носу не подточит. А часть наших лыжников и пороху ещё не нюхали.

– Ничего, ребята у нас сознательные, прорвёмся, – возразил лейтенанту Великанов. Командиры остановились буквально в двух метрах от Труханова.

– Сколько уже таких сознательных полегло на фронтах...

– Полегло, но отступать нельзя! Война не бывает без потерь! – жестко отрезал старшина.

Повисла паузу, которую перечеркнул хруст снега под сапогами удалившихся в молчании командиров.

Труханов закурил. Подумал, в сложные моменты он, бывало, терялся, медлил как-то. Вот пойдет немец на него, рядового стрелка Труханова, что он будет делать? Да, старшина их научил падать правильно, отводя лыжи в нужную сторону, тут же винтовку заряжать, прицел наводить. А коли струсит, обессилит вмиг, что тогда?

Тусклый фонарь освещал обледенелый берег и край озера, за которым чернел стылый лес. Тишь на острове стояла такая, что было трудно представить, как где-то рвались снаряды и падали бомбы. У барака посмеивались новобранцы. И вдалеке завыла собака. «Лает собака на месяц, а месяц того и не знает... – подумал Труханов и перекрестился двумя перстами, как привык с детства. – Не ведает небо, сколько взглядов, сколько помыслов к нему обращено? Или ведает? Звездам энтим не всё ли едино, хоть на крыши бараков смотреть, хоть на танковое сражение? Хладно внутри, хладно, да и только...»

3

13-я лыжная бригада прибыла на Волховский фронт в самом конце декабря. Из-за оттепели наступление отложили на несколько дней, и бойцы находились в приподнятом состоянии ожидания. Когда же час прорыва настал, то

в атаку бросили опытную 12-ю лыжную бригаду, а 13-ю оставили в тылу ещё на сутки, поставив во второй эшелон наступления. Небо гудело от штурмовиков, обрабатывающих передний край, совсем рядом била артиллерия. Грохочущие взрывы были живыми свидетельствами того, что вся стрелковая рота, в том числе и рядовой Труханов, и старшина Великанов, и «белужный» Коробов, и бесшабашный юнец Сторожилов, все они... на войне – там, где эти взрывы поднимают мёрзлый снег на высоту нескольких метров, перемешивают белую позёмку с красным жалом огня, с гарью, создавая снежно-дымную занавесу, за которой скрывалась нечеловеческая (или всё-таки человеческая?) суть немыслимых разрушений. Да, бойцы находились у самой кромки войны, но ещё не в её власти, словно неведомая сила не пускала их в адское пекло сражений.

Труханов ждал первого боя, но дни промедления принимал с облегчением. Он никогда не лез на рожон. Его отец Пантилей наотрез отказался отдавать коров в колхозное стадо, за что был зачислен в кулаки и отправлен на карельский лесоповал за тысячу километров от родной староверской деревни, треть населения которой приходилась ему родственниками. Лаврентий знал, что не поступил бы так же, как отец. Он редко шёл на конфликт: пусть лучше судьба, высшие силы или люди защищают его права. Труханов и посвататься решился только после того, как Маруся сама в клубе объявила его своим женихом. Но он любил жену, крепко любил за лёгкий нрав, за умение сказать что-то колкое прямо в лицо, а через полчаса, как ни в чем не бывало, подойти, улыбнуться и прильнуть вишневыми губами к его шершавой щеке. Он так не мог.

Его рота ночным маршем обошла несколько поселков под разными номерами. Малограмотный Труханов не различал их, но болотистая ленинградская округа напомнила ему карельское Рамое, место, где он, «сын кулака», жил с женой и дочками. «Рамое», «ряме» означало болото. Та же местность, изрезанная глубокими канавами торфяников. Те же трудпоселения. Те же рабочие бараки. Вернее, все, что от них оставили фашисты: несколько хлипких домишек и десятки кирпичных труб от печек, как напоминание

о том, что когда-то здесь теплилось хоть и худое, но человеческое жильё. В таком же бараке в отдельной комнате когда-то жил и он: спешил домой, брал на руки детей, обнимал жену. Осиротевшие трубы, кирпичные призраки бывших домов, словно кресты на погосте, подействовали на него и других бойцов больше любой пропаганды. Сжимая кулаки, рота покинула один из таких поселков и заскользила по лесистой местности.

Труханов не вникал в подробности военного плана, но знал главное: он с товарищами здесь для того, чтобы пробить «бутылочное горлышко» обороны фашистов и встретиться с бойцами Ленинградского фронта. Для этого нужно пробежать не больше десяти километров. Для лыжника это раз плюнуть, если бы не беспрерывный огонь врага, противотанковые рвы, торфяные канавы, плохо замёрзшие болота, которые не давали пройти нашим танкам и подступиться артиллерии. Но лыжники везде могли бы проскочить.

– Товарищ лейтенант, разрешите спросить? – старшина Великанов, насупив брови подступился к командиру, который объявил ночлег.

– Разрешаю, – нехотя протянул Фаенсон.

– Куда мы идём?

– Я получил приказ отойти к южной оконечности озера Глухого и ждать дальнейших приказаний.

– Так вот оно озеро, в трех шагах, – махнул рукой Великанов, – мы как будто кругами ходим да всё подальше от канонады.

– Да, конечно, мы уходим от линии фронта, чтобы потом пройти в тыл фашистов и дать им под дых! – сверкнул глазами Фаенсон.

– Потом – это когда? – не унимался старшина.

– Когда подойдет стрелковая рота 18-й дивизии, и мы поступим в распоряжение её командира. Вам понятно? – отрезал лейтенант, давая понять, что разговор окончен.

Стрелковая рота не подошла ни ночью, ни к середине следующего дня. Фаенсон предположил, что бойцы попали в западню противника, и, хорошо ориентируясь на местности, повёл свою лыжную роту в обход озера. Труханову

показалось, что они возвращаются в тылы Волховского фронта. Его догадка подтвердилась, когда они встретили группу санитаров. Лейтенант Фаенсон приказал Великанову оставаться с бойцами, о чём-то долго говорил с ребятами медицинского батальона и вновь повёл роту в непонятном направлении. Вторая ночь, проведенная не на передовой, была лунной и морозной. Солдатам не спалось.

– Кажись, наш лейтенант шибко жить хочет, – стал горячиться Сторожилов, – там всё гудит, бурлит, как в котле, а мы тут глохнем по тылам от тишины...

– Жить всем охота, она только новыжды даётся. Но разве не могёт быть такого, что начальники роту нашу берегут для пущей какой-то задачи? – предположил Коробов.

– Вот и ты туда же... Слыхал, как Фаенсон в перекус про Куликову битву рассказывал? Про Засадный полк, который в бой бросили только тогда, когда татары наших воинов почти в капусту порубили?

– Эх, тунгуда ты, тунгуда! Без веры в людей, знат, живёшь... – Коробов уловил сомнение Сторожилова в намерениях командира. – Лейтенант сказывал про полк ентот, а я бутто не ушами слышал, а глазами видел. Всё как в кино: как богатыри наши в роще на конях еле гнев сдерживали, как в бой рвались. Приказу нет, знат, держи поводья смирно и зубья до скрежета сжимай. Видал, даже Великанова пробрало?

– Пробрало, пробрало, но что-то не то... Вспомни, что перед наступлением замполит говорил: без страха и промедления наносить фрицу полный урон. Ты как считаешь, Труханов?

– Навоюешься ещё, не бойси! – Труханов тяжело вздохнул и вспомнил свою мысль о том, что какая-то неведомая сила снова отводит его и товарищей от поля боя.

4

Оставив роту в лесу, утром следующего дня Фаенсон ушёл к небольшим укреплениям, расположенным на вершине холма, и вернулся вместе с незнакомым штабным начальником. Собрав командный состав, он представил

военного, как старшего лейтенанта из штаба 18-й дивизии, в распоряжение которой командир лыжной роты пытался попасть в течение двух последних суток. Штабной лейтенант раскрыл карту и ткнул в неё пальцем:

– Товарищи командиры, наша 2-я ударная вчера, 14 января, блокировала рабочий посёлок № 8 в районе так называемого Медвежьего острова. До Ленинградского фронта в этом месте рукой подать, каких-то два километра. Но каждый метр прорыва даётся большой кровью. В поселке № 8 фашисты устроили настоящую крепость и даже название придумали: «Дуомон». Там шестнадцать дзотов, связанные траншеями и отсечными позициями. Вокруг форта минные поля, проволочные заборы, рогатки, надолбы и рвы. Лютуют миномёты. Несколько дзотов мы уже обескровили. Но два опорника с северо-западной части посёлка очень мешают нашему наступлению вглубь «бутылочного горлышка». Ваша главная задача – обойти с флангов крайний дзот, который находится вот здесь, и заткнуть его пулемётную пасть. Одновременно с вами наша стрелковая рота будет атаковать соседний дзот. В общем, задача непростая, но очень важная. Наступление назначено на 11:00. Через час с небольшим.

– Товарищ старший лейтенант, там же открытая местность?! Мы у врага как на ладони. Может, дождаться ночного налёта нашей авиации и потом пойти на штурм? – спросил Фаенсон.

– Наши самолеты бомбят их позиции постоянно, но укрепления очень прочные.

– А поддержка артиллерией?

– Будет, будет артиллерия, – заверил штабной лейтенант и после недолгой паузы уточнил: – Будет, если только «тяжи» смогут пробраться через траншеи и болота в районе Верхней и Нижней Назии... Они с нами на связи.

– Но как нам преодолеть минные поля?

– Саперы уже сработали, подготовили проходы.

– Но у нас всего три миномёта, и половина взвода автоматчиков переведена в другую роту...

– И что, товарищ Фаенсон? В каждой роте по три миномёта... Странное дело, вы как будто ищете возможность

уклониться от боевого задания?! – голос штабного лейтенанта стал стремительно наращивать громкость. – Я передаю вам приказ командира дивизии, и ваше дело его исполнять. Если бы мы могли поставить пушки на лыжи, то мы бы это сделали, не сомневайтесь. Вы знаете, сколько наших танков уничтожил противник только за вчерашний день? Сколько расстрелял наших солдат из миномётов? Сколько подавил танками? А знаете, сколько ленинградцев вчера погибло от голода? А ведь они мирные люди, а не солдаты на передовой! Странно, что ваша рота держится почти без потерь после трехдневного прорыва...

Фаенсон стушевался.

– Вы меня не правильно поняли... Рота к выполнению боевого задания готова! Бойцы рвутся в бой! Сделаем всё, что в наших силах.

Старший лейтенант из штаба дивизии окинул командира лыжной роты мрачным взглядом, молча отдал честь и поспешил в командный пункт.

Выйдя к опушке леса, Фаенсон осмотрел позиции противника на Медвежьем острове в бинокль. Вместе с Великановым они поделили роту на два отряда, одним из которых должен был командовать старшина, а другим сам Фаенсон, оставив два миномёта из трёх в своём распоряжении. Наметив проходы между минными полями, они обсудили атакующие действия с флангов каждого из отрядов, сказали напутственные речи бойцам, разделились на группы и в назначенное время пошли в наступление.

Труханова обогнал Сторожилов. Тот мчался с ощущением странной лихой нервозности к возвышению под названием «дзот», окруженному рядами колючей проволоки. Вместо белой пустыни с мёрзлыми рогатками и надолбами парень представлял пыльную степь из любимого фильма «Чапаев», тот момент, когда усач в папахе и бурке на боевом коне, размахивая саблей, вел товарищей в атаку. Красный отряд скакал так лихо, что белые развернули оглобли и пустились наутёк. Сторожилов верил с юношеским максимализмом, что фашистские кроты, засевшие в дзоте, не выдержат напора трёх минометов, десяток автоматов и сотню винтовок его лыжной роты и обратятся

в бегство. Он даже сначала не понял, почему так резко стали падать бойцы и почему из мёртвого царства снега, железа и проволоки смогло появиться столько шквального огня, столько свинцовой ненависти ко всему живому. Он и сам укрылся в узком ровике и, повинуясь телесной памяти, стал повторять действия, доведённые в ученических атаках до автоматизма: отвёл определённым образом левую лыжу в сторону, нашел опору под винтовку, клацнул прицелом и замер в ожидании команды старшины.

На вершине высотки, в дзоте, укрывался немецкий пулемёт, державший под обстрелом весь склон. Он являлся центральной огневой точкой, но далеко не единственной. Установленные на флангах пулемёты обеспечивали максимальную плотность. Они-то и встретили лыжников шквальной оголтелой бранью: били, взметая снег вместе с комьями земли.

– Бутто белухи помертвелые лежат... – шёпотом прохрипел Коробов, неожиданно оказавшийся рядом. И только тогда Сторожилов увидел то, на что давно смотрел; от чего прятался за молодецкой чапаевской надуманной удалью. Буквально в двух метрах от него лежал ничком красноармеец, такой же стрелок-лыжник, как и сам Сторожилов, только мёртвый. Новая пулемётная очередь прошила тело уже убитого стрелка ещё раз, как будто сила смерти намеренно подтвердила свою безграничную власть даже над теми, кто уже был в её железных тисках. Мертвеца затрясло, развернуло, пробило новыми ранами, и стало видно, как земляная корка примёрзла к его виску.

Неподалёку чернел подбитый танк. Лежащие вокруг неподвижные тела, в белых маскировочных халатах и толстых телогрейках и ватниках под ними, словно раздутые, в грязных кровавых разводах, действительно, напоминали убиенных белух.

– Миномёт, к бою! – гремел старшина Великанов. – Мины класть перед амбразурой, чтоб фрицы позадыхались от разрывов и ни черта не видели!

Миномётчики быстро выровняли площадку под опорную плиту в большой воронке под прикрытием подбитого танка и подпёрли миномёт откидными сошками.

– Ребятушки, стреляйте вы, раз орудий нет. Взрывная волна тоже даст фрицам прикурить!

Труханов распластался за кочкой. Запах торфа, пробивающийся через ледовые корки на замершем снегу, вновь напомнили ему Карелию. Он даже удивился, что в шквальном хаосе первого боя способен чувствовать что-то, не имеющее отношение к стрельбе и смерти. Да, дрожь пронизывала всё тело, но этот запах, знакомый торфяной привкус Медвежьего острова, придал ему уверенности.

– Почему молчат миномёты Фаенсона? Стрелять по пулеметным целям, чтобы фриц и головы не мог приподнять! – кричал Великанов, хотя понимал, что именно наши солдаты и не могли поднять головы. – Взорвём парочку опорников и на штурм за Родину, за Ста..!

Последние его слова потонули в грохоте огневых трасс.

– Отходим! Приказ командования отходить к исходным позициям! – солдат из отряда Фаенсона подползал к Великанову.

– Че-го? – ошалел старшина.

– Приказ комбрига... враг контратакует на правом фланге... хочет взять нас в кольцо! Отходить! Отходить! Всем отходить!

Труханову удалось добежать до ближайшей воронки. Отступать не значит драпать, но подставлять фрицам спину значит оказаться готовой мишенью для вражеских пуль. Он падал вместе с другими бойцами, зарываясь в снег, и трассеры молниеносно сдвигались и вспыхивали там, где солдаты только что бежали. Мелкими бросками уходила рота, и каждый рывок, каждая воронка оставляли за собой раненных и убитых. Когда один боец споткнулся и упал как подкошенный с перебитыми вдрызг коленями, Труханов привязал бойца к лыжам и медленно пополз к своим.

5

– Кто дал приказ отступать? – старшина Великанов и ещё с десяток бойцов окружили Фаенсона, пренебрегая субординацией.

– Комбриг приказал! – бледный лейтенант пытался выглядеть спокойным.

– Почему ваши миномёты молчали и не прикрывали отход бойцов?

– Потому как командир приказал мне улепётывать! – указал на Фаенсона растерянный миномётчик, стоявший возле старшины.

– Мы при отходе столько бойцов потеряли! – горячился Великанов. – Уж если отдавать жизни, то при штурме... Взяли бы опорник... Гранаты-то были... Приблизили бы победу хоть на один дзот... А так... За что ребята головы сложили?

– Приказы комбрига отменять вздумали, товарищ старшина! – Фаенсон начал приходить в себя, и в голосе прорезались повелительные нотки.

– А кто, кто донесение принёс? Откуда связь?

– Штабной погиб при отступлении... Я выполнил приказ и считаю ваши действия антидисциплинарными, товарищ старшина. Сколотили вокруг себя активчик из геройствующих, понимаешь ли, а мыслите не дальше этого острова Медвежьего, по-медвежьи... не стратегически мыслите...

– Че-го? – старшина сжал кулаки. – Тоже мне... стратег нашёлся... Этот остров Медвежий и есть вся наша стратегия: возьмём – не возьмём, отстоим – не отстоим... Вся страна, как этот остров Медвежий, как рабочий посёлок номер восемь, с опорником на высотке, еле держится... Вся окутана проволокой фашистской, минами обложена, задыхается, ждёт, когда же русский солдат её освободит, когда сподобится наконец-то Фаенсон повести свою роту в атаку... Дождётся или нет, товарищ лейтенант?

– Что вы несёте?

– Ничего я не несу, я вам не курица-несушка!

– Вы ответите по закону военного времени, старшина! Не смейте расшатывать дисциплину в роте! Уверен, что вас привлекут к ответственности уже сегодня, а меня...

– Наградят? – перебил Великанов. – Медалью за отвагу, может быть? Или в звании повысят? В полковники возведут?

– Дай бог ему быть полковником... да только не в нашем полку, – оглядываясь, зло пошутил миномётчик. Бойцы загудели.

– Самосуд устроить хотите, товарищ старшина? – попятился Фаенсон. – Знаю, давно вы на мою должность метите. Как же... молодой... да с такой фамилией... да вас же и переплюнул... Сильно хотелось в командиры прыгнуть?.. Да, старшина? Не заигрались?

Кольцо вокруг Фаенсона стало сжиматься, и уже не видно было Труханову, как Великанов вынул пистолет из кобуры. Лаврентий стоял неподалёку вместе с Коробовым и периодически смотрел на Сторожилового, который тоже напирал грудью на командира. Труханов понимал возмущение старшины, но ему казалось, что, несмотря на физическую выносливость, командир Фаенсон не тянул на военного начальника: обладал уж слишком утончённой натурой. В учебке Лаврентий любил слушать его правильную речь, красноречивые рассказы о былых временах и битвах, которыми подкупал сердца солдат, стихотворные цитаты и поэтичные высказывания. Одну строчку Труханов даже запомнил и повторял про себя, когда бывало на душе хлипко и болотисто: «Я прибился к берегу рассвета, я покинул сонный океан...»

– Лейтенант Фаенсон, где лейтенант Фаенсон?

Двое особистов в шапках-ушанках и светлых тулупах, с автоматами за плечами, подошли к собравшимся. Один был майором, другой – рядовым. Бойцы разомкнули кольцо. И Великанов скомандовал:

– Рота, стройсь!

– Лейтенант Фаенсон, это вы?

– Да, товарищ майор! Разрешите доложить...

– Вы арестованы! Сдайте оружие!

На войне сон хуже врага. Иногда накрывает снежной позёмкой в самый неподходящий момент, голову не поднять, веки не открыть, – падает солдат тогда со всего маху в омут без сновидений. Иногда же бывает наоборот: тело его гудит от усталости, голова трещит, и надо бы забыться хоть ненадолго, хоть немного восстановить

силы, но кружатся, кружатся мысли, образы, звуки разные, обрывки фраз в ватной пустоте черепной коробки, идёт озноб по всему позвоночнику. Будто не спит солдат, а плывет по тёмной холодной воде, как покойник, и сонный омут его не на дно затягивает, а на поверхность выталкивает.

Вроде бы и окутывала Труханова сладкая тяжесть. Вроде бы и сознание переставало сопротивляться телесному расслаблению. Но мгновенье забытья сразу пугало бойца. Перед закрытыми веками вставала морозная полоска утреннего зарева, такая же яркая, как в деревне Сарабиль, где он родился и вырос. «Са-ра-биль, Са-ра-биль» – кружилось в голове и вспоминалось, что башкирский «сарабиль» – это золотистый пояс. Рассветное солнце всегда зажигало полоску горы за деревней, и дивно светился янтарным светом этот поясок. «Я прибился к берегу рассвета, я покинул сонный океан...»

Но вдруг к жёлтым цветам примешивался красноватый оттенок. И оказывался Труханов в рассветном зареве совсем в другом месте, на опушке другого леса, перед рабочим поселком номер восемь, на Медвежьем острове. Стоял он в строю и видел тёмную спину Фаенсона, слышал клацанье затворов и слова майора: «...По решению военно-полевого суда за трусость и укрытие от участия в бою смерть предателю и паникёру». И от выстрела вздрагивал Труханов, сжимался весь изнутри, и казалось, что тело Фаенсона падает слишком долго, медленно, перечёркивая чёрным силуэтом полоску утренней зари.

6

– Товарищ старшина, я тут приметил давече... – Труханов обратился к Великанову, и тот удивленно уставился на солдата, который привык держать свой рот на замке. – В фашистском блиндаже, который мы вчера оглядывали, премного сухача валялось.

– Чего?

– Ну, торфа сушенного, который здесь добывали и на ГРЭС отправляли для топливу.

– Ну?

– А вот я и подумал: что если торфу ентого с собой набрать да и подпалить у дзота. Окурим фрица, а сами под шумок и пройдем мимо пальбы оголтелой. Торф сырой, горит плохо, а дыму много отдасть.

– Молодец, Труханов, объявляю тебе благодарность. Дуй со своим подразделением за торфом. Скоро выступать будем.

Труханов подошёл к товарищам и понял, что говорили они ровно о том, о чём он всё утро думал.

– Тебе, стало быть, жалко Фаенсона? – горячился молодой Сторожилов.

– А что, грамотей он был востро сильный... – вспоминал Коробов. – Стихи нам читал... кабы не военное время, мог бы и учителем где работать.

– То-то и оно... Кабы не военное... Войной да огнём не шутят.

– Да, про войну хорошо слухать, трындеть о войне хорошо, а вот глядеть тяжело... Хоть пороху мы только саму малость понюхали... Но стоит перед глазами наш командир... – с печалью проговорил охотник на белух.

– Не бойся, раз уж повалился, то совсем уж насмерть. Мёртвые оттуда не возвращаются.

– Хорошо, коли так... – Коробов поднял усталый взгляд на юнца Сторожилова, который так спокойно отнесся к расстрелу, и добавил, – ...Хорошо, коли... нас за собой не позовёт...

7

Ночь на 16 января выдалась настолько светлой, что даже маскировочные халаты выглядели тёмными пятнами на матовой белизне заснеженной лощины и, казалось, демаскировали роту Великанова. Из-за сильного мороза снег скрипел. Хотелось снять лыжи и идти пешком, увязая в глубоком снегу, чтобы не выдать своё присутствие фашистам раньше времени.

Ранним утром, оставив роту на определённой линии, солдатам из подразделения Труханова удалось приблизиться к скатам нужной высотки максимально близко.

Затаившись, они стали осматривать уже знакомую точку, вспоминать, откуда выскакивала миномётная брань. Тот же танк железной развалюхой темнел в стороне. Те же воронки грозно разинули пасти. Тут и там замершими бугорочками, припорошенными снегом, застыли тела погибших солдат.

Бойцы подготовили торфяные лепёшки и, подпалив, стали закидывать их в сторону линии вражеской обороны, которая тут же пришла в движение. Послышались отрывистые команды фрицев, топот разбегающихся по траншеям немцев, лязганье приводившегося к бою оружия. Дым заклубился и стал окутывать очертания укрепзоны. В воздух взмыли осветительные ракеты, но торфяной туман надежно скрыл местоположение затаившихся красноармейцев. Всполошившись, заговорили фашистские пулемёты, залаяли миномёты, но не прицельно, а хаотично, теряясь в клубах надвигающегося дыма.

Рота была поделена на малые группы. Каждая выполняла свою задачу. Одна из них занялась поиском кабеля, чтобы нарушить связь между частями опорника. Другая обеспечивала дымовую завесу. Приметив расположение огневых точек, несколько групп поползли вперёд туда, где уже ночью сапёры разминировали проходы. Труханов в связке с Коробовым и Сторожиловым направились к точке с миномётом, понимая только примерно, где она находилась. Бойцы сняли лыжи и поползли так, чтобы передний, заметив опасность, ногой мог бы предупредить следующего.

Немцы наобум строчили огненными трассами, замолкали на несколько минут и снова начинали бить. Глаза жгло до слез, и только колючая снежная крошка выручала солдат. Помимо торфа что-то ещё дымилось перед огневой точкой, и густой дым сваливался к земле. Угарно пахло раскаленным железом и палёной резиной. Саднило грудь и горло, слегка подташнивало.

Остановившись в нескольких метрах от предполагаемой огневой точки, Сторожилов достал гранату, поднявшись, сделал несколько шагов и закинул её практически наобум в туман.

– В белый свет как в копеечку, – успел присвистнуть Коробов и тут же зарылся головой в снег. Граната, несмотря на пословицу, цели достигла. Миномёт замолчал.

Бесшабашный Сторожилов побежал дальше. Дым стал рассеиваться, и вдруг показалась ответка – немецкая граната, летящая прямо на него. Оставалось несколько секунд до. Колотушка с длинной ручкой упала совсем рядом с бойцом. Сторожилов крутанулся волчком, лёгким движением руки подхватил гранату и за долю секунды закинул её обратно. Раздался взрыв.

И в скором времени точка с миномётом оказалась в руках бойцов. В торфяном тумане они уже стреляли по живым мишеням противника, работали прикладами и кололи штыками. К вечеру дзот был взят.

8

Первым делом подоспевшие санитары оказали помощь раненым, тяжелых отправили в тыловой госпиталь. Подсчитали потери и стали освобождать ближайшие окопы и помещение дзота от мёртвых фрицев, с любопытством их разглядывая. Всё было у тех, как у русских: такие же руки, ноги, голова, только более костлявые носы отличались от наших, картофельных. Почти все фрицы оказались бритыми. От одного даже одеколоном пахло. Про одежду и сапоги и говорить было нечего: с красноармейскими не сравнить. Один офицер выглядел особенно щеголевато, в новом мундире, при регалиях и кортике: моряк, наверное. И только рваная рана в нагрудном кармане выглядела вызывающе неопрятно.

Внутри дзота царила чистота. Бункер был аккуратно обшит строганными досками, с хорошим деревянным полом, с электрическим освещением, которое замкнуло при работе сапёров. От небольшой горячей печки шло домашнее тепло. На стене висели картинки с видами Эйфелевой башни и других красот Парижа: не иначе как здесь хозяйничала французская часть.

Труханов снял ватник, закатил рукав гимнастерки и стал перебинтовывать себе руку.

– Ранило? – встревожился Сторожилов.

– Да нет, так... царапины... – тихо отозвался Труханов.

– Коробов, ты как?

– А?.. Глохну я маленько... Гул какой-то...

– Контузило, наверное, – предположил Сторожилов, – меня тоже.

– Пули-то как фурчали, как фурчали. У сама уха пуля черканула. Волосы, кажись, поседатели... Но, главно, живой!

– Раз живой, пойдем со мной. В соседнем дзоте наши спирт нашли. Можно набрать немного, пока начальство не нагрянуло. Хоть горло промочить после такого... Труханов, ты с нами?

– Не, рука болит...

Проводив товарищей, Труханов вновь надел ватник и присел к тёплой печке. Вокруг толклись солдаты, говорили о чём-то, даже балагурили, а у Лаврентия голова стала клониться ближе к печной трубе и невыносимо слипаться веки. Он забылся глубоким обморочным сном. Стало жечь плечо, и он мучительно пытался вырваться из обволакивающего сонного дурмана. Вдруг кто-то принялся его расталкивать и тушить затлевший было рукав ватника. Труханов долго приходил в себя под одобрительные смешки бойцов. Вдруг влетел оторопелый Сторожилов. А за ним и старшина Великанов с перевязанной головой.

– Ты, что ж, гадёныш, творишь?! Из-за тебя хороший боец пришёл в негодность.

– Товарищ старшина, прикажите... в расход. Я готов вину свою загладить головой, хоть в бою, хоть... – протянул Сторожилов надтреснутым голосом и, медленно оседая на пол, присел на корточки и закрыл лицо руками.

– Тоже мне... расстрелять... Герой нашёлся... Да если бы не граната немецкая, которую ты фрицам назад отправил... может быть, и расстрелял бы... А я-то, дурак, хотел комдиву про тебя словечко замолвить... А ты... испоганил всё под корень...

– Я... больше никогда, никогда курево в рот не возьму, умирать буду, а не закурю. До Берлина дойду, а дымить не стану... Честное слово... комсомольское... За Николая отомщу!

– За какого Николая?

– Как какого? Коробова, Николая Коробова.

– Тьфу ты! Привык его по фамилии величать. Ладно... хоть помощь товарищу оказал... Хорошо всё с ним... В ногу только ранен Коробов... Николай... твой... Отлежится в госпитале... – устало произнес старшина. Он грузно опустился на табурет и, сидя, ослабшим голосом обратился к солдатам:

– Товарищи бойцы, командир 18-й стрелковой дивизии объявляет решительную благодарность стрелкам нашей роты. Боевое задание выполнено... Вы сражались доблестно... Потери есть, потери огромные, но до прорыва «бутылочного горлышка» осталось всего ничего... всего полтора километра. Сегодня мы отодвинули противника на пятьсот метров, а значит, и приблизили нашу победу на пятьсот метров, приблизили на этот дзот... А завтра... завтра продолжим... наступление.

После отхода ко сну Сторожилов плакал, уткнувшись в плечо Труханову, по-детски растирая крупные слезы по грязным щекам. Чёрт его дёрнул за этим спиртом пойти. Да ещё и сигареты трофейные отыскать. Коробов-то не курящим был, всё Сторожилову досталось. Но компанию ему составил. Отошли подальше в сторону, чтобы начальство не засекло. Конечно, выпили сразу. Коробова от спирта сразу проняло. А Сторожилов не выдержал – закурил. Ну а потом... снайпер снял... только не Сторожилова, а Коробова... Слава богу, не убил, в ногу попал... «Эх, Сашка, Сашка», – вздохнул Труханов, вытирая ему слёзы.

9

Разбитые бомбежками, раскуроченные танковыми атаками, расстрелянные артиллерийскими налетами, лежали Синявинские высоты выжженной пустыней. Говорят, что болота – это лёгкие Земли. Здесь же не было никакого дыхания, только покойная бледность да трупные пятна войны. В землянках, окопных траншеях, ходах сообщения прятались солдаты, словно просили защиты у помертвелой земли. То тут, то там слышались винтовочные выстрелы,

показывали зубы пулемёты и выплёскивали огненные языки отдельные орудия. Не понятно было, как смогла сохраниться жизнь в промёрзлых окопах после шквального огня. Непонятно было, как можно встать, поднять голову и пройти ещё один выжженный километр, хотя бы семьсот, триста, сто метров...

Сторожилов посмотрел на Труханова (тот шевелил губами, произнося что-то невнятное, словно молитву) и почувствовал, что начал замерзать: мокрое от долгого возбуждения тело быстро теряло тепло. Стало невмоготу от порывов пронизывающего холода, смешанного со сладковатым запахом горелого мяса. С отвращением сглотнув слюну, он вдруг услышал:

– С правого фланга контратакуют немцы! Пытаются из окружения выйти! Фигу вам на постном масле!

За линией окопов загудела наша артиллерия, а впереди справа показались забеленные снегом тени среди надвигающихся громад танков.

– Приготовиться к бою! Подпустите поближе гадов! – хрипел Великанов. – Ближе! А теперь – огонь!

Затрещали крикливые винтовки, затараторил наш крупнокалиберный пулемёт, прошивая линии фашистского наступления. Сливаясь, полетели трассеры в немцев, отсекая пехоту от танков с крестами. Всё замерцало, всполошилось опять, загудело, словно протяжный стон растерзанной земли.

Вдруг Сторожилов выскочил из окопа, обернулся к своим и с криком «За мной!» бросился на врага. Несколько фашистских стрелков уже развернули винтовки в сторону юного смельчака. Надвигающаяся неизбежность застучала у Труханова в висках, и он бросился за Сторожиловым. Несколько шагов, и вдруг всё, что защищало: окоп, траншея, плечо товарища, голос старшины, – всё это осталось позади. Солдат почувствовал себя оторванным от того, что было своим. Он стал доступным всем ветрам и пулям. Тело налилось свинцом. Собственное тяжелое дыхание заслонило оружейный грохот. Тёмные силуэты стреляющих фрицев мелькали вдалеке. А спина друга маячила совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Ещё рывок, и Тру-

ханов толкнул бегущего товарища. Тот кубарем покатился по земле. Сам же боец задержался только на секунду в положении стоя и вдруг словно задохнулся. Почувствовал горячий пронизывающий удар в грудь. Острая боль прошила плечо. Он упал как подкошенный. Иней мгновенно облепил ноздри. Ледок спаял ресницы. И ещё живой, с облачком пара изо рта Труханов прошептал: «Эх, Сашка...»

10

– Труханов, ты слышишь меня? Слышишь?

В блиндаже висел спёртый тяжелый воздух. Он был пропитан запахом пота, нечистых бинтов, грязных телогреек. Несколько керосиновых ламп смутно освещали подземный госпиталь. Повсюду лежали раненые: на земляном полу, нарах, в проходах и по углам. Слышались голоса, стоны, просьбы о помощи: «Сестра, сестричка...»

Труханов медленно открыл глаза, снова закрыл, несколько раз моргнул и с трудом поднял тяжелые веки.

– Труханов, пить? Тебя ещё вчера под вечер привезли... Кровищи ты, брат, много потерял... Ты узнал меня? – волновался Коробов.

– Да, Мико..., – еле прошептал Лаврентий.

– Ты, енто, нонче оставь свою хворь. Здесь сестрички хорошие, вмиг на ноги поставят. Я вот уже хожу, хоть и на одной колдобине, но перемещаюсь. И ты давай... Надь как-то жить...

– Старо... старо...

– Сторожилов твой здоровенький. Вот малец, живёт за холощовый век, бутто в рубашке родился. Заговоренный бутто. Говорит, до Берлина дойдёт... Устал ты уже, поди?

– Да, – Труханов с трудом разлепил сухие слипшиеся губы.

– Ну, спи, набирайси сил...

Подошла медсестра, тревожно посмотрела на Труханова.

– Сестричка, какие новости с фронта?

Она просияла:

– Отличные новости! Отличные! Да вы и сами послушайте! Сейчас сводку по радио объявлять будут!

– Ну, Лаврентий, послухаем...

Медперсонал и все раненые, за исключением тех, кто спал или находился в забытьи, обратили взоры на радиоприёмник. Воцарилась такая тишина, что можно было услышать взрывы под Мгой.

«Говорит Москва! – зычный голос Левитана стал расплываться волнами по тесному подземелью. – В последний час. Успешное наступление наших войск южнее Ладожского озера и прорыв блокады Ленинграда». Последние слова диктор произнёс с такой торжественностью, что раненые сразу заулыбались, загалдели, потрясая здоровыми кулаками. Пока Левитан говорил о том, в каких направлениях наши войска осуществили наступление, какую задачу ставили перед собой, Микола Коробов встал и подошёл ближе к приёмнику, чтобы слышать и понимать каждое слово диктора: «Прорвав долговременную укреплённую полосу противника глубиной до 14 километров и форсировав реку Нева, наши войска в течение семидневных непрерывных боёв, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли город Шлиссельбург. Крупные укреплённые пункты Марьино, Московская, Дубровка, Липка, Рабочие поселки № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию Синявино и станцию Подгорная». Солдаты стали повторять названные населённые пункты, в освобождении которых они принимали участие, и Коробов, не выдержав, тоже заголосил:

– Рабочий посёлок номер восемь. Форт «Думан», кажись... Медвежий остров...

«Таким образом», – все снова затихли, – «после семидневных боёв, войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда».

Солдаты закричали «ура», бросились жать друг другу руки, обниматься, крепко целоваться. Один раненый с перевязанной рукой пошёл плясать вприсядку. Место между нарами практически не было, но он, широко улыбаясь, как ванька-встанька то исчезал из поля зрения, то вновь появ-

лялся, вызывая громкий хохот других бойцов. Радостный Коробов поспешил к нарам друга.

– Слыхал, Лаврентий? Прорвали, прорвали фрицову блокаду! Ты, погоди, брат, мы енто, мы исчо до Берлина ихнего дойдем! Слышь, Лаврентий? Слышь?

Лаврентий лежал неподвижно. Голова странно запрокинулась влево. Он крепко зажал в кулаке скомканную тряпку, жалкое подобие одеяла. Керосиновая лампа тускло освещала его лицо. Но этого света было достаточно, чтобы увидеть, как нездешняя отрешенность навеки застыла в его остекленевших глазах.

Вместо послесловия

Фамилии и имена солдат взяты из списка личного состава бойцов и командиров 13-й отдельной лыжной бригады, сформированной в городе Молотовске (Северодвинск ныне). Рассказ написан с опорой на следующие реальные факты и источники:

1. Запись из списка по форме 2БП на рядовой и сержантский состав, связь которых с родственниками прекратилась в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг: «Труханов Лаврентий Пантелеевич, рядовой, стрелок 13 олб, б.п, 1913 г. р., умер от ран 18.01.43, призван Плесецким РВК Архангельской области 18.10.42, жена Труханова Мария Гавриловна...»

2. Страница 50 полевого журнала госпиталя в деревни Дусьево: «Труханов Лаврентий Пантелеевич, красноармеец, б/п, ранен в плечо 17.01.1943, умер от ран 18.01.1943».

3. Воспоминание внука бойца Сторожилова Александра Михайловича о том, что он бросил курить после выстрела немецкого снайпера.

4. Запись из журнала боевых действий 13 ОЛБ на 7 листах: «Несмотря на желание всего личного состава скорее выполнить поставленную задачу нашёлся такой к-р как л-нт Фаенсон, который в течение 3-х дней водил свою роту по тылам бригады и не принял участие в бою. За трусость и укрытия от участия в бою Фаенсон 16.01.43 в 5.00 утра перед строем был расстрелян».

5. Рассказ Марфы Ивановны Майзеровой из деревни Лопшеньга «Ловля белух» из этнографического сборника «Сказы и сказки Беломорья и Пинежья».

Александр ЮДИН
Москва

ЧУХЛОМСКАЯ БЫЛЬ

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почиешь, Русь.

Александр Блок

Несколько лет тому назад автору этих строк довелось работать в архиве городской библиотеки города Чухломы. И вот там, среди залежей совсем ветхих изданий и старых документов, мне на глаза попалась зелёная папка с тесёмочками, а в ней – кипа исписанных листов.

Листочки были жёлтые, в «лисьих» пятнах, а рукописный текст – с ятями, ерами, фитами да ижицами, то бишь писан очевидно до орфографической реформы восемнадцатого года. Я, понятно, заинтересовался, стал читать. И что же? Хотя начало рукописи отсутствовало – думаю, был утрачен лишь самый первый лист, – по всем приметам выходило, что эти листки – неизвестное письмо писателя Павла Ивановича Мельникова-Печерского, адресованное Владимиру Ивановичу Далю.

Как известно, чиновник особых поручений Министерства внутренних дел Павел Иванович Мельников, он же – писатель Андрей Печерский, автор эпической дилогии «В лесах» и «На горах», был коротко знаком с создателем «Толкового словаря живого великорусского языка» и даже три года жил в его московском доме на Большой Грузинской. А впервые познакомились они еще в Нижнем Новгороде.

По ходу чтения я пришёл к выводу, что, судя по многочисленным поправкам и помаркам, мне в руки попал черновик. Само же письмо, как мне думается, так никогда и не дошло до адресата. Черновик датирован не был, но поскольку речь в бумагах шла об изыскательской поездке Мельникова-Печерского в эти места по поручению тогдашнего министра внутренних дел Тимашева, мне без особого труда удалось установить, что описываемые автором события относятся к лету 1869 года. Хотя само письмо писалось спустя год после той поездки. А возможно, и позже. Содержание этого неотправленного письма настолько поразило мое воображение, что… Впрочем, лучше прочтите его сами, вот оно:

«…Всей душой надеюсь, что и вы, любезный мой Владимир Иванович, в столь же добром здравии ныне пребываете. Но вернемся к приключившейся со мною поистине диковинной истории. И хотя в прожитом времени много было мною видано, много слышано и немало такого знаемо, что весьма немногими знаемо, эта история стоит особняком в силу её особенной удивительности. При всём том смею вас уверить в её полной правдивости. Во всяком случае рассказ мой коснётся лишь тех событий, которые сам видел и про которые сам слышал. А как вам, Владимир Иванович, ведомо, Бог дал мне хорошую память, и где я ни был бы, что ни видел, что ни слышал, всё твёрдо помню. И когда вздумается мне про то писать – пишу по памяти, как по грамоте, согласно старинному присловью. Коли изложение моё не стройно окажется – простите покорно, но представляя, что стало мне известно, не смею дозволить себе для большей стройности изложения что-либо переиначивать. Так вот, продолжаю.

Из Нижнего я выехал двадцать первого июня вместе с моим старинным приятелем Константином Николаевичем Бестужевым-Рюминым. Вам он также хорошо известен. Помните, в свое время вы весьма высоко оценили его статью о современном состоянии русской исторической науки в «Московском обозрении» за 59-й год?

Пропускаю дальнейшие не относящиеся к моей истории события и перехожу… *(это неоконченное предложение было зачеркнуто)*. Когда мы с ним были в Урене, у самой границы Вятской и Костромской губерний, на постоялый двор, где мы остановились на ночлег, прискакал посыльный с запиской от капитан-исправника Чухломского уезда Ивана Андреевича Кокорина. В той записке исправник писал, адресуясь ко мне, что, как ему стало известно, что я нахожусь здесь по прямому указанию Александра Егоровича Тимашева с поручением провести изыскания о состоянии дел в северных губерниях, так он настоятельно просит посетить его уезд, поскольку-де в одной из деревень Алешковской волости творятся большие непорядки: завелись там якобы некие сектаторы – не раскольники и не хлысты, коими в Заволжье никого не удивишь, а какая-то вовсе неслыханная секта; и творят те сектаторы всякие безобразия и даже похищают для своих ритуальных целей местных девок. А продолжается-де это уж неведомо сколько лет – издавна, только прежнее полицейское начальство это всё под сукно прятало, а он – Кокорин Иван Андреевич, хочет оное непотребство вытащить на свет божий и пресечь. Но человек он на должности новый, опыта не достаёт, при этом немало наслышан о моих прежних успехах в борьбе с расколом и ересями, о ревностном исполнении служебного долга и неумолимой суровости, с каковой я приводил в единоверие керженские и чернораменские скиты, а потому обращается ко мне с просьбой оказать помощь и содействие в расследовании, дабы изобличить фанатиков-изуверов, привлечь их *(следующие два слова были вымараны)* и прочая.

После ознакомления с сей запиской мне на память поневоле пришёл рассказ (весьма недурной, кстати, а вот название позабыл) Алексея Феофилактовича Писемского, пропечатанный лет пятнадцать или более назад в «Современнике». В нём тоже ведётся речь о таинственных пропажах девок, приписываемых народной молвою лешему. Причём действие, помнится, разворачивалось именно что в Чухломском уезде! На поверку же разъяснилось, что всё это пустяки и виновник пропаж не в меру сластолюбивый

барский управитель. Итак, изначально достоверность полученных сведений вызвала у меня серьёзные сомнения. Тем не менее, я тут же собрался и немедленно выехал. Константина же Николаича оставил за себя в Урене.

И вы меня, Владимир Иванович, знаете: мог ли я устоять, услыхав про неведомую и дотоле неизвестную мне секту? Да и вправе ли я был исключать возможность существования оной? Уж с какими нелепыми, небывалыми и изуверскими сектаторами не доводилось мне сталкиваться за годы службы! Чего стоят те же хлысты или скопцы, я уж не говорю про морельщиков, детоубивателей, самосжигателей, шелапунов и многих-многих других, обитавших и доныне обитающих в Брынских лесах нижегородского и костромского Заволжья. Признаться, польстило мне и сделанное исправником упоминание о прежних моих заслугах и победах. Хотя заслуги те далеко не всем пришлись по нутру. Керженские беглопоповцы, к примеру, иначе как «сыном пагубы, отступником Христовым» меня не именуют, говорят, что я-де знаком с чертями и при моём появлении гаснут свечи. В тех местах по сию пору ходит про меня одна легенда: дескать, когда я ночью увозил из Шарпана икону Казанской Богородицы, великую их шарпанскую святыню, то на плотине у речки Белой Санохты, под Зиновьевом, вдруг ослеп. И хотел, устрашившись, тут же бросить ту икону в реку, но дьявольским наущением отвращён был от этого; зато потом мне от дьявола же зрение возвернулось. Вот ведь оно как! Вам ли, друг мой, не знать какая это сущая ерунда, сколь далеко это от истины. Да, я всегда был и остаюсь врагом религиозного фанатизма, аскезы и начётничества *(оба последующих предложения автор перечеркнул)*. Впрочем, я, кажется, вновь вдался во многоглаголание, а по сему спешу вернуться к предмету настоящего письма.

Опуская подробности поездки, перехожу сразу к встрече с исправником Иваном Андреевичем Кокориным, каковая состоялась в назначенном им месте – в деревне Филино Алешковской волости Чухломского уезда. Иван Андреевич оказался мужчиной в летах, но помоложе меня – лет этак сорока с гаком, представительной наружности

и статного сложения. Он с первого погляда произвёл на меня самое благоприятное впечатление: в прошлом боевой офицер, участник трагической для нас Крымской войны, на груди – медали за оборону Севастополя и за усмирение недавнего польского мятежа (последняя – из светлой бронзы – порадовала меня особенно), значит, побывал в переделках; речь обстоятельная, манеры исполнены достоинства. В общем и по всему, человек на этой должности не случайный. В становой квартире, где ожидал меня капитан-исправник, присутствовали помимо него также местный преподобный – тонкий да звонкий, седой как лунь старец с козлиной *(последнее слово вычеркнуто)* с жидкой бородёнкой, какие обыкновенно изображают у китайских мандаринов; ещё дюжий рябой детина с отёчным лицом и востроглазый мужик лет тридцати с кудрявой русой шевелюрой.

– Имею честь представиться: чухломской земский исправник Кокорин Иван Андреич, – отрекомендовался исправник. – Спасибо, Павел Иваныч, что не оставили мою просьбу без внимания. Это вот, – исправник указал на преподобного, – отец Зосима, священник церкви Ильи Пророка села Верхняя Пустынь, он здесь на правах старожила, хранителя, так сказать, преданий старины глубокой, ну и от духовных властей. А эти господа, – кивнул он на остальных, – представители уездной полиции, которые, так сказать, сопричастны и, гм… будут полезны. Вот здешний хозяин – становой пристав…

– Степан Звонов, – просипел рябой детина, распространяя вокруг злой водочный дух. И зачем-то добавил: – Не имеющий чина, из чухломских мещан.

– А этот вот, сотский Ефим Турусов. Он местный, филинский, и сможет засвидетельствовать, поскольку всё, так сказать, на его глазах…

– Точно так-с, вашбродь, – тряхнув кудрями, подтвердил сотский.

Перезнакомившись таким образом, мы сели чаёвничать. Стол уж был накрыт.

– Ну что же, Иван Андреич, рассказывайте, какая такая диковинная секта у вас завелась, – спросил я исправника, –

которая девок уводит. Между прочим, личность последней похищенной известна?

– Известна, Павел Иваныч, как не известна, – несколько смущённо подтвердил исправник. – Впрочем, полагаю, правильнее, если про неё вам расскажет пристав Звонов, как лицо изначально владеющее всеми, так сказать, деталями… Докладывай, Степан!

– Слушаюсь, ваше высокобродие! – вскочил пристав.

– Ты, Степан, чаю, что ли, похлебай, – поморщился исправник, – а то несёт, как из бочки. Нехорошо, братец, право нехорошо.

– Чай нам не по нутру, – пробурчал пристав, переминаясь с ноги на ногу.

– Известно! Было бы винцо поутру. Тогда пожуй чего-нибудь, вон хоть баранку. И садись, не на плацу же.

– Да, давайте без церемоний, – поддержал я. – Время дорого – пропал человек, а мы политесы разводим.

Пристав послушно пихнул в рот баранку и продолжил с набитым ртом:

– Пропавшую зовут Настасьей Теляевой, девка неполных семнадцати лет, тутошняя она, филиновская. Пропала четверо суток назад. Сегодня только сыскалась…

– Как сыскалась? – не понял я.

– Сама воротилась, – пояснил пристав.

– Стало быть, и пропажи никакой нет? Может, и с сектой та же история?

– Так ить она не целая воротилась.

– Что значит «не целая»? Надругались, что ль, над нею?

– Про это самое ничего не знаю, поскольку девка не в себе сделалась, полоумная. А не целая потому как у ней три пальца – мизинец, средний и безымянный – на правой руке напрочь откушены.

– Откуда известно, что именно откушены? – уточнил я. – Может, отхватила серпом, топором оттяпала или ещё как?

– Таково заключение земского доктора Колокольского, который осмотрел её по моей просьбе, – вставил исправник.

– Сама-то как объясняет? – спросил я.

– Говорю ж, вашбродь, не в уме девка. Бормочет что-то про «чудь белоглазую», которая её в Чудь-гору утащила и там, в той Чудь-горе, двое суток держала. А она оттель как-то сама сбегла, а после ещё двое дён плутала по лесу, ягодой да грибами питалась, покудова не вышла к соседней деревне Чурилово. Ещё бает про чудского божка Кузю, которому-де её в жёны там уготовили.

– Вы же понимаете, Павел Иванович, – вновь вступил в разговор исправник, – что не стал бы я вас беспокоить из-за какой-то пропавшей девки. Не столичному же начальству эдакими делами заниматься. Тут важно, что не первая она такая. Как я вам и писал, тут действует стародавняя и притом тайная секта.

– Давайте по порядку и с самого начала, а то мы этак до сути никогда не доберёмся, – предложил я.

– По порядку вернее, – согласился исправник. – Тогда предлагаю следующий порядок: пускай сначала пристав Звонов изложит обстоятельства нынешнего похищения Настасьи Теляевой, а сотский Ефим дополнит, как и отчего. А после того отец Зосима расскажет, что в здешних местах известно про секту (или кто там эти лешие?), пояснит, так сказать, предысторию вопроса. Я же со своей стороны представлю обстоятельства, ставшие мне известными по ходу следствия.

– Давайте так, – согласился я. – Только я хочу после сам ту Настасью допросить.

На том и порешили.

(Далее был густо вымаран целый абзац; я не стал его разбирать, а перешел к следующему.)

Но я уже вижу, Владимир Иванович, что письмо мое стремительно превращается в беллетристический рассказ и едва ли не в духе Эдгара Поэ, а посему, дабы не затягивать повествования, изложу своими словами содержание дальнейшей беседы, а также того, что поведала мне девица Настасья, которую я допросил в тот же день.

Со слов пристава Звонова и сотского Ефима выходило, что Настасья Теляева пропала с 23 на 24 июня, аккурат в ночь на Иванов день. Вы, Владимир Иванович, знаете, что Купальскую ночь во многих местностях Заволжья

по сию пору празднуют, несмотря на очевидно языческий характер этого праздника. Как ни старалась церковность истребить всякие остатки языческой обрядности, много обломков древней старорусской веры доселе сохраняется в нашем простонародье. Вот и Настасья отправилась на закате с подружками на речку Вексу жечь костёр, купальные травы да банные веники собирать, ну и в Вексе купаться, понятное дело. Пошла, а назад не вернулась. Подружки божились, что была она с ними до последнего, и они только тогда её хватились, как засобирались по домам; искали и кликали до самых петухов, потом вернулись с мужиками, но всё попусту – Настя как в воду канула. Да только в той речке Вексе не утонуть – больно мелка и омутов рядом нет. Думали разное: заплутала в лесу, лихого человека встретила, а то мог медведь заломать, в чухломских лесах их пропасть.

А утром, в день моего приезда, её бесчувственной нашёл пастух, в березняке у поля, что возле деревни Чурилово, в пятнадцати верстах от Филино. Вместо сарафана на ней дерюга драная, сама с ног до головы исцарапана, точно через ежевичные кусты напрямки ломилась, и трех перстов на правой руке не хватает. Уже дома – а жила она без матери, со вдовым отцом, мужиком непутным, запойным, который даже и в поисках дочери не участвовал, а все дни провалялся пьяным – маленько прочувствовавшись, Настасья поведала, что когда она с другими деревенскими девками купальные травы собирала, позвал её из лесу, из-за сосенки, некий голос, ласковый такой, шепотливый, вроде женского, по имени позвал: «Подь-ка сюды, Настасьюшка, подь, голуба-душа, глянь-кось, чего у меня есть для тебя». Девка сначала поостереглась, хотела подружек кликнуть, а голос снова: «Ты только не говори никому: у меня от матушки твоей гостинец, как помирала, горемычная, наказала передать тебе на Иванов день, во Купальску ночь». Осмотрелась Настасья: костёр весело горит, потрескивает, луна, от реки отражаясь, ярко светит, вокруг видать всё, ровно белым днем, да и подружки вот они, рядом, в речке плещутся, песни поют. Чего бояться? Она и зашла за сосенку-то. Зашла, глядь, никакой

женщины там и нет, а стоят три мужичка: дробные, ниже её ростом, бородами по самые глаза поросли, а глаза – белые-белые, только зрачки угольками чернеют. Скумекала тут Настёна, что это её чудь белоглазая заманивает, хочет своему богу Кузе в жёны отдать. Дернулась прочь, да куда: сзади ей руки-ноги обхватили, повалили наземь, на голову мешок или что другое нахлобучили; она девок на помощь звать, да сквозь мешок не больно покричишь, а за смехом девичьим и песнями купальскими те, видно, не услыхали, а тут ей рот зажали и уволокли в лес. Тащили долго, она все брыкалась, норовила вырваться, убежать, тогда похитители сделали остановку, всю её с головы до пят лыками обвязали и дальше понесли.

Очнулась она в какой-то каморе без окон, вроде чулана; лежит она, развязанная уже, на свежей соломе, вдоль стен – не то каменных, не то глинобитных, не разобрать – толстые сальные свечи горят, будто в храме на двунадесятый праздник, а супротив неё, у самого изголовья, на корточках, по-татарски, сидит дед: страшный, жёлтый, тощеватый такой, но без бороды – лицо скоблёное, а на глазах стёклышки, «как у фершала», только синие. И принялся тот жёлтый дед её уговаривать да началить, чтобы вела себя послушно, делала всё, что ей велят, и тогда-де будет ей счастье великое: примет её бог Кузя в законные жёны, и станет она как сыр в масле кататься – в золоте ходить, в руках серебро носить – ни в чём отказа иметь не будет. Ну а ежели супротивиться или того хуже – бежать удумает, то вовек уж белого света не увидит. И ставит перед ней липовую плошку, по виду с кашей, только вроде как с грибами, и строго так велит: «Ешь! Кузя до тощих девок не охотник». Настя не посмела перечить и поела той каши. А как поела, разморило её шибко и на сон потянуло. Долго ли спала, коротко ли, она не знает, только как очи размежила, видит, старуха над нею склонилась – чистая Яга! Горбатая, простоволосая, лохмы седые до пупа висят, нос в подбородок упирается, а изо рта три зуба щерятся. Проскрипела та карга что-то не по-нашему и ткнула узловатым пальцем в большую бадью с водой, которую, видно, пока Настя спала в камору притащили,

и руками эдак показывает, дескать, полезай мыться. Девка поначалу головой крутила, но ведьма как зашипит на неё, точно кошка бешеная, Настасья, делать нечего, скинула с себя сарафан и залезла в бадью. Ведьма сама её помыла жестким мочалом, выскоблила ровно чугунок, едва кожу не ободрала. Настасья, ничего, вытерпела и это, напугана была шибко. После мытья старуха забрала её сарафан, кинув взамен дерюжку, чтобы наготу прикрыть, и принесла ей снова плошку с грибной кашей, а сама скрылась в узкой дыре, что зияла в стене узилища этого и в которую только в три погибели согнувшись можно было залезть. Тут уж девка смекнула, что каша та сонная и не стала её есть – вывалила на пол да соломой прикрыла.

Через несколько времени после слышит – шаги; не будь дурой, притворилась она спящей, а сама поглядывает из-под ресниц. Заходят трое: давешний жёлтый старик со стекляшками, а с ним двое белоглазых, лядащие, ровно сморчки лесные; встали над нею и давай что-то на своём тарабарском наречии балакать. Желтый старик на неё показал и говорит: “нейжне”, а те давай причмокивать: “чёма, чёма, чёма”. Потом сдёрнули с неё дерюжку и принялись всю её ощупывать, как кобылу на ярмарке. Настасья и это стерпела, хоть и жутко и срамотно ей то было. Жёлтый дед запалил пук каких-то сухих духовитых трав и обкурил им спящую. От запаха тех трав – тяжелого да горького – Настена едва снова не впала в забытьё. Наконец чудь ушла, девка же, выждав сколько-то, вскочила, намотала на себя кое-как дерюгу вместо сарафана, лыками для крепости обвязалась да и полезла в стенную дыру. За ней обнаружился лаз вроде норы, по которому двигаться можно было лишь на четвереньках. Долго она по нему ползла, коротко ли, девка не запомнила, только постепенно проход стал расширяться, и вот уже она смогла встать и идти в полный рост.

Вдруг слышит девка впереди глухие ритмичные удары, будто кто в полую колоду тукает, а потом и голоса различила. Голоса те пели что-то не по-нашему, то стихая, то поднимаясь до визга, как на хлыстовских радениях. Настя было затаилась, хотела уже назад повернуть, да прислушалась:

вроде пение не приближается, и решилась – крадучись двинулась далее. Голоса поющих меж тем становились всё громче, явственнее; а потом Настасья увидела впереди свет, только не дневной, а будто сполохи от костра по стенам пляшут.

Пройдя ещё сколько-то, увидала девка, что лаз уходит дальше на подъём, но в его правой стене зияет отнорок, уводящий вглубь. Из этого-то отнорка и идёт свечение и голоса слышны. Заглянула она в ту дыру и видит: крутые ступеньки ведут вниз, в пещеру, а там – костры горят и чуди видимо-невидимо. С полста бородатых карлов с смоляными факелами в руках беснуются, поют непонятное, в самой же серёдке на высоком каменном топчане сидит голый мужик – огромный, ровно медведь, дородный, дебелый; телеса его сплошь какими-то чёрными полосами да завитушками изрисованы, башка выскоблена, как яйцо, аж отсвечивает, рожа носатая да толстогубая от жира лоснится. В правой ручище у него кость белая, перед ним, промеж кривых ног, большой медный котёл стоит, сверху вроде как кожей обтянутый; и лупит тот детина по котлу костью, как в бубен, а чудь в лад тем ударам подскакивает да подвывает.

Потом, смотрит Настасья, сквозь толпу чуди пробираются давешний старик в синих стекляшках и карга простоволосая, что её в бадье купала, и волокут под руки бесчувственную нагую девицу, лишь веночек из болотных кувшинок у ней на голове, а на теле живого места нет: всё исцарапано, в кровоподтёках и страшных укусах – как застарелых, так и свежих; местами прямо куски мяса выхвачены, словно её свора голодных собак погрызла. Тут детина на ноги вскочил и принялся ещё шибче по котлу лупить, а уд срамной у него, как у семенного быка перед случкой – дубина дубиной. Девка та голая очнулась и, увидав куда её тащат, ну голосить дурным голосом; вдруг – откуда силы взялись – вырвалась да наладилась прочь бежать. И вот только она лицом-то повернулась, Настасья враз признала в ней Агафью – старшую дочку старосты Пантелея, которая два года назад аккурат в эти же июньские дни сгинула и про которую мир решил, что она от отцовской строгости

с отходниками в город подалась. Однако ж теперь далеко убежать ей не дали: щипками да шлепками погнала её чудь обратно к той образине с бубном. А бугай отшвырнул прочь кость и как ухватит Агафью за волосья, наземь как швырнёт, сам-от сверху на неё как кинется и давай её, горемычную, катать да валять по всей пещере.

Долго он так с нею тешился, Настасья же видела всё это и, оцепенев от ужаса, даже и пикнуть боялась. Вдруг леший этот в горло девке, как волк лесной, вцепился – и ну грызть, ну грызть с урчанием утробным, аж кровь во все стороны брызнула! Та ногами эдак мелко-мелко задрыгала и обмякла. Тут он заревел, точно сохатый по осени, коленями грудь Агафье придавил и обеими ручищами хвать её за голову. А чудь ещё более в раж вошла: скачут все, факелами машут и орут: “Рикта! Рикта! Рикта!” Бугай поднатужился да и оторвал девке башку, ровно курёнку какому; потом за волосы голову вздёрнул, раскрутил да и метанул через всю пещеру прямо Настасье под ноги. Тут уж та не сдюжила – в крик и прочь бежать что есть мочи. А чудь, с воем да визгом истошным, следом.

Себя не помня, добежала Настя до выхода из той норы, наружу сунулась, а там под ногами – склон едва не отвесный, вот она и замешкалась чуток. Обернулась проверить, далеко ли погоня, а прямо за спиной бугай этот разрисованный стоит, на неё уставился буркалами своими. Морда вся в крови Агафьиной, взгляд тяжёлый, мертвящий, как у аспида, аж ноги у девки отнялись – хочет бежать, а шелохнуться не может. Подняла она кое-как руку, дабы крестное знаменье сотворить, он оскалился – зубищами клац – и скусил ей три пальца на правой длани напрочь, ровно стручки гороховые. Настасья от боли назад прянула – и кубарем под гору. Удивительно, как руки-ноги не переломала, пока с горы той катилась. Ну а потом двое или трое суток по чащам да болотам скиталась, покуда к людям не вышла. Чудом от чуди спаслась, не иначе. Ведь в лесу те инородцы, надо полагать, как дома себя чувствуют. Видно, Бог упас...

Вот такую историю поведали мне пристав Степан Звонов и сотский Ефим Турусов, а капитан-исправник

со своей стороны дополнил некоторыми подробностями. Примерно то же, только короче и сбивчивее, поскольку пребывала в жару и едва не бредила, после рассказала мне и сама Настасья Теляева.

Настоятель церкви Ильи Пророка отец Зосима в целях прояснения обстоятельств изложил нам историческую подоплёку нынешних событий, каковая свелась к следующей легенде: в стародавние времена, задолго до Иоанна Грозного, жил-де в этих местах народ чудского племени. Были те инородцы закоснелыми идолопоклонниками, и шла про них слава, как о чародеях и волхователях изрядных. Из-за белесых, почти прозрачных глазных радужек прилепилось к этому племени прозвание «чудь белоглазая». Когда же пришли сюда оседлые русские люди, не вынесла чудь соседства с православным христианством и всем скопом – с бабами и детишками, ушла под землю – в Чудь-гору, где обретается и поныне. И якобы молится эта чудь белоглазая своему живому богу, именем Кунингазс, которого наш простой народ переиначил на свой манер, прозвав Кузей. А ещё, рассказал Зосима, совсем недавно, каких-то полсотни лет назад, здесь в округе черемиса обитала. Несмотря на то, что числились черемисы воцерковленными и православными, однако ж, скорее, по форме. По правде же, как полагал отец Зосима, продолжали коснеть в язычестве. Как бы то ни было, немало их селений тут стояло, и вот эти-то черемисы, почитая себя данниками чуди, ежегодно в ночь на Ивана Купалу приводили к подножию Чудь-горы девку своего племени и оставляли там на ночь, а белоглазые под покровом темноты из своих нор выходили и забирали уготованную жертву, как считалось, в жёны подгорному богу. Но шло время, и постепенно поселения черемисов безлюдели (очень возможно, не последнюю роль в их оскудении сыграл как раз сей изуверский обычай), пока лет пятьдесят назад не опустели под корень. Долгое время после того всё тихо да покойно было, как вдруг где-то лет двадцать тому назад стали из деревень Алешковской волости пропадать молодые незамужние девицы. Хотя и не каждый год такое случалось, но всякий раз – накануне или вскоре после купальских гуляний, а частенько и в саму

Иванову ночь. Понятное дело, по деревням в народе пошёл слух, дескать, это чудь-белоглазая озорничает. Да только земство, как волостное, так и уездное, никаких мер на сей счёт не принимало, почитая подобные слухи проявлением народного невежества. Про губернское начальство и говорить нечего. А еще, по словам отца-настоятеля, упомянутая Чудь-гора, в недрах которой те язычники вместе со своим живым богом схоронились, находится в заповедных чащах здешних алешковских лесов, и в погожие дни её поросшую дремучими елями вершину даже и из Филина видать. Но ходить туда никто не ходит – боятся.

Однако же, как вы, Владимир Иванович, наверное, догадываетесь, история этим не закончилась. Ведь земский исправник меня не для того за столько вёрст зазвал, чтобы я выслушивал старинные сказки. Надо было теперь решить, какие должно принять ввиду случившегося меры. Я предложил было не мешкая снарядить полицейскую экспедицию к той Чудь-горе и на месте удостовериться, насколько соответствует истине древнее предание, а равно есть ли правда в рассказе самой Настасьи Теляевой. Но пристав с сотским в один голос убедили меня, что сей прожект неисполним, поскольку-де гора та велика и обширна, дебрями лесными покрыта и целого полка солдат не хватит, чтобы всю её обшарить, даже если до осени искать станем. Стоит отметить, что сотский Ефим вообще настроен был весьма скептически и остальных призывал не верить Настасье на слово, дескать, та "колокол льёт" и следовало бы её "примерно наказать, и вся недолга". Впрочем, пристав Звонов быстро его пресёк, заметив, что сотский клепает на девку со зла, потому как затаил на неё личную обиду, и Ефим тут же стушевался.

Что ж, принялись мы наново судить да рядить, как вдруг Степан Звонов по столу рукой хлопнул и говорит: "На живца, ваши высокобродия, ловить надобно!" В ответ на наше общее недоумение, пристав предложил следующий хитроумный план. "Помнишь, Ефим, – обращаясь к сотскому, начал он, – как два года назад, аккурат перед самой пропажей старостиной дочки, случай был с девкой Акулькой, ну, рыжая которая?" "Это на Аграфену Купальницу-то? Когда

бабы на закате из бани возвращались? Помню, как не помнить, – отвечал Ефим Турусов. – Так ить она не пропадала. Так, напужалась только". "Это верно, – кивнул Звонов. – А после рассказала, что когда ломала в березняке банные веники, поотстав маленько от остальных, видит, в ореховом кусте бородатый мужичок-недомерок сидит – страшный, белоглазый, а потом, глядь, ещё двое таких из-за пня вылезли и к ней подбираются. Обомлела она со страху, да тут, на её счастье, бабы вернулись и белоглазые сгинули, как в воду канули". "Мирские пересуды, – пожал плечами Турусов. – Бабы, они завсегда так: на супрядках аль у колодца зачнут языками молоть… Что их слушать?" "Рассудлив ты, Ефимка, не по годам, – заметил пристав. – Заладил одно, как сорока Якова. А я вот про что: после того случая девки поостереглись и не пошли ночью, как заведено, костры жечь и в Вексе купаться, а потому Иван Купала без потерь минул. Да только всё одно через четверо суток, в ночь на Петров день, пропала Агафья, филинского старосты Пантелея дочь. Я к тому веду, что раз Настёне удалось из Чудь-горы сбежать, белоглазые наверное станут пробовать ей замену найти, видать не может их бог долго без бабы обходиться. Вот и следует нам подсунуть чуди новую невесту. Отведем её в лес, поближе к Чудь-горе, а сами в засаду сядем. Так и накроем этих изуверов". "Кто ж из деревенских решится на такое? – усомнился исправник. – И вправе ли мы рисковать невинной жизнью?" "Никакого особливого риска, ваше высокобродие, – заверил пристав. – Ефим у нас опытный охотник, на медведя не раз хаживал, и я ружьишком балуюсь, а про вас и говорить нечего. А решится кто? Да вон хоть та же Дунька Тараканова! Она за мзду малую хоть к чёрту в пекло согласная". "Тараканиха? – ухмыльнулся Ефим. – Из Чурилова которая? Да, эта может. И горевать, если дело не сладится, по ней некому: ни сродников, ни свойственников – сирота. Только польстится ли кто на эдакую, больно рылом погана".

Опуская дальнейшие споры-разговоры, скажу сразу: после долгих обсуждений и сомнений все, кроме разве отца Зосимы, который, ввиду позднего времени, покинул нас раньше, сошлись на том, что лучшего варианта, нежели

предложенный приставом Звоновым, нам не придумать. И уже на следующий день вся наша компания: ваш покорный слуга (разумеется, я настоял на своём участии в сей авантюрной экспедиции), исправник Кокорин Иван Андреевич, становой пристав Степан Звонов и сотский Ефим Турусов, пробиралась по лесу в направлении пресловутой Чудь-горы. Впереди на изрядном от нас удалении, но в пределах видимости, шествовала упомянутая Дуня Тараканова – рябая, неуклюжая, как ступа, зато здоровенная девка, которая действительно без особенного труда позволила себя уговорить за пять рублей серебром. Сотский с приставом были при ружьях, мне исправник выдал однозарядный пехотный пистолет старого образца, сам же вооружился шестизарядным французским револьвером Лефоше. “Трофейный, с Крымской войны”, – пояснил он.

Когда мы вышли к подножию Чудь-горы, стало смеркаться, и все согласно постановили дальше сегодня не ходить, а обустроить засаду здесь. Развели на небольшой луговине костёр, а Дуньке велели у огня сидеть да песни петь, чтобы её издалече слыхать было. Пристав дал ей фляжку с водкой – для сугреву и для смелости, а мы соорудили себе по обе стороны от той полянки шалашики, укрыли их еловыми лапами и в них схоронились. В одном я с сотским затаился, а в другом – исправник с приставом. Лежим, ждём. А Дуня из фляжки отхлёбывает да знай себе поёт про своё, про девичье:

Сахаринка на полу,
Не ленива – подниму.
Сахар съела, песню спела,
Целовать дружка хотела.
Дударь, мой дударь молодой,
Самодударь мой, дударь молодой.
Ты играй, играй, дударик на дуду,
Я, младёшенька, плясать пойду.

Я, чтобы как-то скоротать время, тихонько перешёптывался с Ефимом и, между прочим, высказал сомнение в успешности нашего предприятия, которое всё более и более представлялось мне чистейшей аферой, заметив также, что на “невесту” нашу разве медведь позарится.

“Как знать, вашбродь, – пожал широким плечом сотский, – как знать. Предыдущая-то, Агафья Пантелеева, тожа не прынцесса была – левый глаз слепой, бельмастый, да и хроменькая… Ей ведь двадцать пятый годок шёл – перестарок, никто сватать не хотел. А высидеть мы здесь ничего не высидим, в этом я с вами согласный. Бабьи сказки всё это, про чудь-белоглазую, про бога Кузю. Я так себе разумею: с полюбовником Настька сбежала, из соседней деревни, али с купчиком каким заезжим, да что-то у них, видно, не заладилось. Может, прибил он её и прогнал от себя, вот она и блажит”. Между тем Дуня затянула печальную, с причитаниями песню:

Нерамно жа муж достанется –
Ой, либо вор да горький пьяница,
Либо старый пёс удушливой,
Да либо ровнюшка да недружливой.
Уж я старого да утешила бы,
Среди полюшка ой повесила бы
Да на тонкую-то осинушку,
Да я на самую-то вершинушку,
Вот вершинушка ой да качается,
Да мой старый пёс болтается.

Уже настал вечер, высота небесная потускла, и заискрились на ней бледные звёздочки, но луны видно не было. Тёплый воздух наполнили благовонные запахи ночных трав, в небе то и дело вспыхивали зарницы. “Курить страсть охота, – прихлопнув на шее комара, вздохнул Ефим, – да нельзя, Иван Андреич заругает”. Я попросил сотского рассказать мне о всех прошлых случаях подозрительных исчезновений окрестных девок. К слову, Владимир Иванович, народный говор в Чухломском уезде отличается значительным своеобразием. Если в прочих местностях Костромской губернии, со всех сторон окружающих чухломские земли, окают, то здесь произношение московское, на “а”, и аканье выражено даже явственнее, резче, нежели в Первопрестольной. Пока мы так шептались, у нашей фальшивой невесты, вероятно, под влиянием содержимого фляжки, настроение изменилось. Задорно гикнув, она запела:

Пошла Катенька горошек молотить,
Её некому за ой-ой-ой схватить,
Вот нашёлся парень бравый, молодой,
Привалил её к овину головой.
Заголяет он пестринный сарафан,
Вынимает кукареку с волосам…

“Ух, зазорная девка, – усмехнулся в усы сотский. Но вскоре обеспокоился: – Чего она песню-то оборвала?… Сползать, разве, вашбродь, посмотреть?” Однако раздавшийся следом шум, треск и придушенный Дунькин крик заставили нас всех вскочить на ноги. Кинулись мы к костру, глядим, у нашей Дуни на плечах повисли два мужика – в вывернутых мохнатых тулупах, мелкорослые, лохматые – чисто лешаки, а третий такой же ей на голову мешок нахлобучил и уже вокруг шеи верёвку вяжет. “Не стрелять! – крикнул исправник. – Девку зацепите!” Тут Тараканиха поднатужилась, поднапружилась, на ноги поднялась да обоих поганцев с себя стряхнула, ровно котят, а тому, что её верёвкой вязал, так поддала коленом в грудь, что он улетел прямиком в костёр. Разом потемнело – не разберёшь, где кто. “Хватай, вяжи нехристей! – вновь скомандовал исправник. – Уйти не дай пога…”. Не договорив, он с руганью схватился за колено и рухнул наземь. А в следующий миг в нас со всех сторон полетели увесистые булыжники. Один из камней просвистел у самого моего виска. Я упал в траву, но успел разглядеть между окружавших поляну деревьев смутные невысокие фигурки, которые, раскручивая что-то над головой, метали в нас камни. Подняв пистолет, я выстрелил в одного из них, но, кажется, и близко не задел. Остальные тоже принялись палить в сторону леса, но фигурки врагов то появлялись, то исчезали во мраке, так что стрельба велась наугад, почти вслепую. Тем временем целая толпа лесных жителей накинулась на Дуню. Облепив девку, как мураши гусеницу, они повалили её и стремительно уволокли в чащу, покрывавшую Чудь-гору до самой макушки. Обстрел тут же прекратился.

Осторожно поднявшись на ноги, я осмотрел поле битвы: исправник сидел, держась за разбитое колено, а пристав Звонов, опершись о ружьё, смотрел куда-то вниз

и сокрушённо охал. Было ясно, что наша засадная экспедиция окончилась полным фиаско. “Где Ефим?” – спросил исправник. “Здесь он, – ответил пристав. – Кажись, кончается”. Я помог Иван Андреевичу подняться, и он с моей помощью кое-как допрыгал до пристава. У его ног мы увидели сотского; он лежал с окровавленной, похоже, проломленной головой и был без сознания. Пристав склонился к нему, прислушался: дышит. “«Девку надо идти спасать, пропадёт, – заявил исправник. – Только как быть с Ефимом?” “Куда вам, ваше высокобродие, идти, – возразил пристав. – Я эту кашу заварил, мне и расхлёбывать, а вы тут Ефима постерегите”. Иван Андреевич поначалу заартачился, но я решительно поддержал Степана, заметив, что надо спешить, а исправник с его разбитым коленом будет нам лишь в обузу. Как человек трезвомыслящий, тот вынужден был согласиться и отдал мне свой револьвер, сам же взял ружье сотского.

Пристав обмотал палку берестой и соорудил себе факел, я же получил от исправника масляный фонарь со стеклянной предохраняющей от ветра колбой, который тот с военной предусмотрительностью захватил с собой. Снарядившись таким образом, мы отправились в погоню, благо, земля сохранила явственные следы волочения дородного Дунькиного тела, а тут ещё луна взошла нам в помощь. Однако не прошли мы и ста саженей, как след оборвался. Шарили мы со Степаном, шарили – всё без толку: нигде ни единой веточки не поломано, а под ногами – толстый слой нетронутой хвои. “Чертовщина, – ворчал пристав, – не сквозь землю же они провалились?” Тут-то меня и осенило: именно что под землю! Воротились мы к тому месту, где след обрывался, и стали тщательно всё вокруг обыскивать. “Нашёл!” – через несколько времени крикнул Степан, обнаружив под корнями кряжистого тысячелетнего дуба квадратный лаз, надёжно скрытый зарослями папоротника и уводящий куда-то в непроглядную тьму, в недра Чудь-горы. Я полез первым, Звонов Степан – следом.

Стены лаза были укреплены брёвнами, поддерживающими бревенчатый же настил. Высота его составляла не более полутора аршин, поэтому двигаться пришлось

по-собачьи, на четвереньках. Факел Степана потух, да в столь узком проходе он бы только мешал, и путь нам освещал лишь тусклый свет масляной лампы. Сколь долго мы так ползли, не знаю, мне тогда показалось, что целую вечность, и я уж, грешным делом, стал подумывать, не поворотить ли назад, как вдруг впереди забрезжил свет. Я задул фонарь и сделал знак Степану, чтобы не шумел. Лаз вывел нас в галерею, по которой можно было уже идти в рост, хотя и пригнув голову. Через каждые пять-шесть саженей в выложенных из необработанных камней стенах крепились глиняные плошки, заполненные неким жиром с плавающими в нём горящими фитильками. Где-то через версту мы очутились перед развилкой: левый проход был освещён, правый же уводил в чернильную тьму. Мы прислушались: слева явственно доносились голоса и глухие ритмичные удары, и мы свернули туда.

Шагов через полста галерея уперлась в стену, в которой зияла расщелина; из неё-то и слышались голоса и удары. Протиснувшись в щель, мы очутились в обширной пещере, и нашим глазам открылась следующая поразительная картина. Под сводами пещеры по всей её окружности на равном удалении были проделаны отверстия, через одно из которых мы и проникли внутрь; от тех проходов крутым уступом шли ступени, спускавшиеся к овальной площадке вроде арены, как в античном амфитеатре. Всю арену и часть ступеней заполняла возбуждённая толпа чуди – мужчины, женщины и даже дети; многие держали в руках смоляные факелы. В центре арены на каменном возвышении восседал жирный толстопузый урод – натуральное чудовище: исполинского роста, лысый, голый, разукрашенный по телу чёрными рисунками, как это делают американские индейцы и некоторые наши сибирские инородцы. Глубоко запавшие глаза его под тяжёлыми, как кузнечные оковалки, надбровными дугами казались парой чёрных угольков, источавших некое тёмное свечение. Кошмарный облик дополняли мощные выступающие челюсти при совершенном отсутствии подбородка. “Полно, да человек ли это?” – невольно усомнился я. В левой руке он держал белую кость, весьма походившую на берцовую

человеческую, и равномерно колотил ею в стоящий перед ним медный чан, а окружавшая своего живого бога паства помавала факелами и речитативно, с подвываниями пела: “Кунингазс! Кунингазс! Мейде Кунингазс, сюнд Кунингазс! Кунингазс-мадо!”

А у подножия каменного возвышения лицом вниз лежала наша Дуня. Одежда с неё была сорвана, руки связаны за спиной; спину и бёдра испещряли кровавые царапины и укусы; она не шевелилась. Неужто мы опоздали и беззаконная жертва уже принесена? Я, честно признаться, совершенно растерялся, что делать далее, как поступить. Выстрелить в чудище? Но в моём револьвере оставалось четыре патрона… Даже помятуя о ружье пристава, что это против целой толпы чуди? Они же нас просто растерзают! Однако, пока я так мучился сомнениями, Степан, недолго думая, вскинул ружье да и выпалил в чудского бога. Под сводами что-то заворчало, точно в ненастный день перед громовым раскатом, и сверху дождём посыпались мелкие камешки. Когда пороховой дым рассеялся, стало видно, что примолкшая чудь оборотилась и вся смотрит на нас, а по груди восседавшего на каменном троне чудовища сбегает алая струйка крови. Но вот страхолюдный исполин медленно, как ни в чём не бывало, поднялся во весь рост и вперил горящий взор свой в Степана. А потом оскалился, поднял руку и молча указал ею на пристава. Не знаю, что послужило причиной дальнейшему: колдовская ли сила взгляда чудского божества или иное что, только пристав безвольно уронил ружьё и как зачарованный пошёл по ступеням вниз, прямо в лапы чудища. Я ухватил Степана за плечо, но тот, не оборачиваясь, вывернулся из моих рук и ускорил шаг. В совершенном отчаянии я послал две пули в треклятого Кузю, а потом дважды выстрелил вверх. Страшный грохот сотряс пещеру… И начался ад кромешный! Земля у меня под ногами содрогнулась, и огромные глыбы стали рушиться со сводов прямо на головы побежавших во все стороны людей чудского племени. Всё заволокло густыми клубами, из которых доносились отчаянные вопли, звуки ударов, стоны. Я увидел, как каменный обломок размером с телегу рухнул и придавил

собою чудского бога. В тот же миг, словно избавившись от наваждения, Степан Звонов пришёл в себя, и мы вместе кинулись к Дуньке. Пристав разрезал её путы, перевернул на спину и приложил ухо к груди: жива! Вдвоём мы подхватили бесчувственную девку под руки и, уворачиваясь от продолжавшегося камнепада, поволокли к выходу из подземелья. Бросив взгляд назад, я заметил торчащую из-под каменной глыбы руку чудовища – она была шестипалой… *(далее в письме снова были густо вымараны два абзаца)*.

Не стану досаждать вам рассказом, как мы выбрались из Чудь-горы, как воротились в Филино – всё это мало относится к сути моей истории. Скажу только, что сотский Ефим, нас не дождавшись, отдал Богу душу, а мы с приставом Звоновым и едва могущим передвигаться, опершись нам на плечи, капитан-исправником кое-как дотащили Дуню Тараканову до становой квартиры, препоручив там обоих доктору Колокольскому.

Само собой, я отправил Александру Егоровичу Тимашеву подробный доклад о сем происшествии, да только ходу ему дадено не было. Сколь мне известно, доклад засекретили и упрятали в архив по личному настоянию обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода графа Дмитрия Андреевича Толстого. Последний якобы выразился в том роде, что мало нам сраму перед просвещенной Европой от всяких самосжигателей да скопцов, так тут ещё хотят секту людоедов на суд мирской вытащить. Помимо того, огласка сего доклада может-де породить враждебность великороссов в отношении инородческого населения Российской Империи. Короче сказать, история была, как у нас водится, упрятана под сукно и забыта. Однако ж этим она не закончилась.

После тех событий уж год минул, а мне случившееся всё не давало покоя, не отпускало. Летом сего года пришлось мне побывать в Ляхове – имении моей жены; оно верстах в восьми от Нижнего. Старый господский дом ныне в полном запустении, вот и решился я наново отстроить родовое гнездо. А там, в Ляхове, запала мне мысль съездить в Алешковскую волость, проведать станового пристава Звонова да разузнать у него, какие последствия имела

наша прошлогодняя кампания. Я уж знал, что капитан-исправника Кокорина вскоре после того в отставку ушли (между прочим, колено его срослось худо, он так и остался хромым. Вот ведь, согласитесь, каприз Фортуны – две войны прошёл невредимым, а тут…), Степан же по-прежнему исполнял свои обязанности. Сказано – сделано.

К моей досаде, станового застать на месте не удалось – тот был в разъездах. Тогда решился я навестить несчастную Дуню Тараканову. По понятной причине, в её отношении я чувствовал себя виноватым, хотя и не моя была то идея, сделать из неё подсадную утку. Дунька как и прежде жила в соседней деревне Чурилово, в покосившейся избёнке у самого леса. Встретила она меня радушно, едва ли не как своего спасителя (хотя я того и не заслуживал) и рассказала, что дня через два после её вызволения из чудского плена исправник с приставом организовали целый поход к Чудь-горе, однако ж пользы из того не вышло. Правда, нашли они ту поляну и даже тот самый дуб, под которым нам лаз открылся. Вот только лаз оказался накрепко забит глиной и камнями, будто его там от века не бывало. Пробовали мужики другие тайные проходы в Чудь-гору сыскать, да без толку – так ни с чем в Филино и воротились. “Как ты, Дуняша, сама-то живёшь?” – поинтересовался я. “Да как, барин? – заметно поскучнев, ответила Дуня. – Ни девка, ни вдова, ни мужняя жена”. Тут из кутного угла послышался детский плач. “Это что ж, дитё у тебя? Мальчик или девочка?” – спрашиваю. “Сынок”, – отвечает. Заглянул я за занавесь, а там в деревянной колыбельке и впрямь здоровенький такой карапуз. “Сколько ему?” – снова спрашиваю. “Четвёртый месяц пошёл”. Мальчик, увидав мать, стал просить грудь, протягивая ручонки. И что-то мне неладно показалось… Присмотрелся внимательнее – с нами крестная сила! – левая ладошка младенца – о шести пальчиках…

Вот и вся история, дорогой Владимир Иванович. Согласитесь, из неё вышел бы замечательнейший рассказ, да кто решиться такое напечатать, даже если изменить все имена и самое место действия? Полагаю, никто и никогда. А сейчас меня терзает сомнение, стоит ли даже и сие письмо

доверять бумаге и Вам отправлять? Опасаюсь, не доставит ли оно Вам какие неприятности? По здравом размышлении – не стоит.

Как бы то ни было, остаюсь вечно вам преданный

А. П.»

Дочитав рукопись до конца, я поначалу решил, что это и не письмо вовсе, а черновик неизвестного рассказа Печерского. Не случайно же Павел Иванович подписал его начальными буквами своего литературного псевдонима – «А. П.», то есть Андрей Печерский, а не настоящими инициалами... А если так, тогда вся история – плод писательской фантазии, и не более.

Однако, изучив вопрос глубже, я выяснил, что письма к Далю Мельников всегда подписывал своим литературным псевдонимом, потому как именно Владимир Иванович Даль этот псевдоним для него и придумал. И потом, зачем бы тогда автору использовать имена-фамилии реальных людей? Я проверил: все упомянутые в письме лица подлинные – от министра Тимашева до земского исправника Кокорина. Конечно, нельзя исключить, что Мельников-Печерский планировал впоследствии сделать из этой истории рассказ либо повесть… Впрочем, окончательное разрешение этого вопроса я оставляю за читателем.

Светлана ЛУКАШ
Санкт-Петербург

КАРЬЕРА АНЖЕЛИКИ

Первый рабочий день всегда самый волнительный. Анжелика пришла в салон чуть раньше, переоделась и теперь суетливо перебирала флакончики с лаком для ногтей. Первая клиентка опаздывала. Ожидание казалось утомительным, удушающим. Окон в салоне не было, и без дневного света кабинет напоминал бункер. В школе Анжелика всегда видела из окон улицу. Ей нравилось любоваться её движением, пока дети пишут контрольные. Дождь наполнял её душу спокойной меланхолией, солнце угощало радостью, закаты селили в голове философские размышления, а первые фонари вдохновляли на поэзию. Как теперь жить без всего этого?

– Добрый день, я Анжелика – ваш мастер.

– Меня зовут Любовь.

– Очень приятно.

Упитанная женщина средних лет протянула Анжелике свои руки. Девушка обработала их антисептиком и начала снимать гель-лак.

– Ай, – взвизгнула Любовь.

– Простите, – испугалась Анжелика, – было больно?

– Нет-нет, это у меня спина, продолжайте.

Анжелика чувствовала, как и в её спине нарастало напряжение. К детям она привыкла: всё-таки она сама еще как будто была ребёнком и понимала, что им нужно. Дети любили Анжелику. Даже девятый «Г», который ей дали в руководство лишь потому, что «не жалко», за время работы с ней чуть не переплюнул по оценкам «А» класс. Мно-

гие из ребят ушли в колледжи, кто-то пошел в десятый, а Анжелика Сергеевна ушла… в маникюр.

– Давно здесь работаете? – поинтересовалась Любовь. Всё это время она с любопытством рассматривала правильные черты лица Анжелики. Светлые волосы собраны в хвост, на лбу – аккуратная чёлочка. Похожа на отличницу-выпускницу.

– Первый день, – робко ответила Анжелика.

– Я у вас первый клиент?

– Да, первый.

– А скидка за это полагается?

– Нет... вроде.

– Так вы же на мне учиться будете!

– Я прошла обучение, не волнуйтесь. У меня было много практики.

Любовь заёрзала. Несколько ногтей пришлось перекрасить, на некоторых она внезапно захотела сделать узор. Когда все ногти были, наконец, накрашены и высушены, Анжелика вздохнула с облегчением.

– Вам всё понравилось? – молоденькая администратор натянула глупую улыбку и уставилась на клиентку.

– Да… – ответила Любовь и ехидно улыбнулась, – но видно, что девушка неопытная. Может, сделаете скидку?

– Вас не устроило качество?

– Меня всё устроило, но всё-таки…

В этот момент в салон зашла женщина с молодым парнем.

– Здравствуйте, – сказала женщина, – мы записаны на двенадцать.

– Здравствуйте, вот ваш мастер – Анжелика.

Анжелика быстро попрощалась с Любовью и прошла в кабинет с новой клиенткой. К удивлению Анжелики, в педикюрное кресло уселась не женщина, а парень.

– Простите, – удивленно сказала Анжелика, – а молодой человек не может подождать вас в коридоре?

– А он и есть ваш клиент, – ответила женщина.

– Но в записи указан женский маникюр…

– Понимаете, планы поменялись. У него ноготь врос на ноге. Стричь же нормально не умеет! Вот я и решила, что лучше вы ему подстрижете.

Анжелика могла бы пойти на принцип, но не хотела ругаться с начальством в первый же день. Она посмотрела на молодого человека: по возрасту он был ненамного младше Анжелики. Довольно хорошо сложенный, но как будто испуганный.

– Как вас зовут? – спросила Анжелика.

– Лёша, – робко ответил парень.

Анжелика совсем не подумала о том, что мужчины могут тоже прийти на маникюр. Опыта общения с ними у неё почти не было, она ни с кем не встречалась, а в институте с ней учились одни девушки.

Анжелика надела маску и приступила к работе. Её руки дрожали, пальцы почти не слушались. Сверху на неё смотрел скромный, но в то же время явно заинтересованный парень, сзади ощущался едкий, тяжелый взгляд его матери. Он как будто ложился на её плечи и давил на них словно бетонные плиты. Болела уже не только спина, но и шея.

– А вы тут новенькая, да? – спросила женщина.

– Да, – тихо ответила Анжелика.

– Знаете, а вы мне нравитесь! Я вот давно Лешеньку на педикюр хотела сюда сводить. Но местные барышни… ресницы нарощены, губы толстые, грудь… ой… Ему такое рано. А по вам прямо видно: маленькая, скромненькая. Соблазнять не будете!

К счастью, маска могла хоть частично скрыть красноту лица. Но от напряжения пятнами покрылась грудь, загорелись уши. В кабинете было прохладно, работал кондиционер, но даже с ним девушка чувствовала очень сильный жар и стыд непонятно за что.

– Ищу ему репетитора по английскому. Пишу одной девушке, мол, можно на занятие с ним приду? Так она: вы что, он у вас уже взрослый! А сама сидит в оголенной майке, волосы распустила… Ну вот будто я не знаю, что ей надо?

Анжелика посмотрела на Лёшу. Он жалобно улыбнулся ей и как будто пытался сказать: «Ну хоть ты меня спаси от неё!»

– А вы молодец, – не умолкала женщина, – скромная, оно и видно. Парень есть?

– А? У меня? – беспардонный вопрос заставил Анжелику обернуться.

– Ну да. Встречаетесь с кем-то?

– А… да, встречаюсь.

Многих удивляет, что можно жить без парня в двадцать пять лет. Анжелика давно заметила, что об этом лучше молчать, потому что далее следует тирада из рекомендаций: как познакомиться с парнем, как завлечь, как удержать. Прямо-таки воронка продаж на сайте знакомств.

– А давно?

– Давно.

– Со школы?

– Да…

– А сколько вам лет?

– Двадцать пять.

– Ну так вы с Лёшенькой прямо ровесники! Жаль, что вы несвободны!

Когда женщина увела Лёшеньку, у Анжелики внезапно образовалось окно – не пришла следующая клиентка.

Анжелика переоделась в летний сарафан и вышла на улицу. Жаркий воздух ворвался в её грудь, но вместо тягостного изнеможения подарил приятную негу. Спина и плечи расслабились, боль медленно отпускала тело. Анжелика словно освободилась от кандалов. Как будто всё это время её держали на Северном полюсе, в пыльном подвале с мышами и пауками, и теперь вот она – жизнь. Анжелика распустила волосы, отряхнула их от ногтевой пыли. Купила холодный лимонад и выпила его залпом.

– Анжелика Сергеевна, – знакомый голос послышался за спиной.

– Саша? – перед Анжеликой стоял её выпускник. Сирота, живущий с бабушкой. Учился плохо, но литературу любил. Стихи наизусть лучше всех читал. Любитель неприятностей и всё же её любимчик.

– Как… я рад… рад вам…

– Как ты, Саша? Поступил куда?

Саша нервно покачал головой. Его губы задергались, словно пытались что-то сказать, но не могли. Такое бывало и на занятиях – Саша немного заикался.

– Нннет…
– В школу вернешься?
– Не, не берут…
– Хочешь, я договорюсь?
– Нет… не надо уже… мне нет…
– Саша, у тебя точно всё хорошо?
– Спасибо вам за всё, Анжелика Сергеевна… никогда не забуду…

Саша начал пятиться назад.

– Саша, что у тебя случилось?

Но Саша развернулся и побежал прочь. На ходу он без всяких заиканий выкрикивал стихотворение:

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной…

Анжелика поняла: Саша опять в беде. Что у него случилось? Имеет ли она право знать? Она больше не его классный руководитель. А как дела у других детей? Тоска защемила её сердце. Перед глазами замелькали фотографии из выпускного альбома девятого «Г». Нарядные, красивые дети, с которыми она провела три года. Маленькие птенцы, которые на её глазах становились прекрасными лебедями. А ведь были у неё ещё и пятые, и шестые классы, и даже факультативы у малышей… Слёзы навернулись на глаза Анжелики. А может всё-таки, первого сентября…

ПОСЛЕДНЯЯ ПАМЯТЬ

Его хрупкие стенки были покрыты бледными цветами с вьющимися стебельками. Он легче салфетки, но горд тем, что из всей банды остался единственным выжившим. В начале 2000-х таких ребят было много, их продавали здесь, через дорогу, в старом магазинчике, которого давно нет. А он – всё еще жив. В него, как и раньше, наливают воду и газированные напитки, его прячут в шкафу вместе с другими, гораздо более молодыми и крепкими стаканами. Ему скоро 15 лет…

Он помнил день, когда его и троих таких же, как он, принесли в этот дом. Со стен были содраны обои, кругом пахло краской и клеем. Посреди комнаты стоял столик, застеленный газетами, – туда их и поставили.

– Кому лимонад? – спросил хозяин.

Двое детей встретили предложение радостным криком. Хозяин вытер руки, открыл сок и разлил его по стаканам. Потом достал из холодильника газированную воду и добавил её в сок.

– Ты сам это придумал? – смеялись дети.

– Ну а кто же еще? – улыбался хозяин. Лето подходило к концу, но на улицах всё еще тихо стонал горячий, замученный солнцем воздух. Дома было еще жарче, но ремонт не ждал осени – скоро детям в школу, нужно подготовить для них комнату. Глоток «лимонада» освежил компанию. Все продолжили работать: хозяин – клеить обои, а дети – красить дверь.

– Завтра тоже мне будете помогать? – спросил хозяин.

– А лимонад завтра будет?

– Конечно, будет.

– Тогда поможем!

Иногда на квартиру приезжали и другие люди – они ограничивались одной водой и очень редко пили сладкое. Зато хозяин постоянно что-то придумывал: мешал соки, напитки, а дети всегда так этому радовались, что и стаканам становилось весело. Они звонко ударялись друг о друга, созвучно детскому смеху, и чувствовали себя как в баре. Здорово тогда жил стакан.

Шли годы. Дети росли. Хозяина не стало. Стаканы бились. Остался лишь он один, выживший стакан.

– Люблю этот стаканчик, – сказала девушка, поглаживая мутные, слегка пожелтевшие стенки стакана. Ранним утром она приехала домой на каникулы и, после маленькой комнатенки в общежитии, довольно бродила по родной квартире, рассматривая старые вещи.

– Хороший стакан, – сказала хозяйка, наливая в него воду, – запей таблетки.

Девушка взяла из рук матери стакан и сделала пару глотков. Стакан почувствовал себя гордым и хотел издать какой-нибудь яркий высокий звон, но, когда его поставили на стол, получился только глухой тихий бас.

Девушка ласково трогала пальцем матовые прозрачные цветы на стенках стакана. От них как будто исходил запах детства, который таил в себе и радость, и легкую тень грусти. Голова девушки слегка закружилась – бессонная ночь в поезде давала о себе знать.

Девушка ушла в свою комнату и прилегла на кровать. Вот уже несколько лет она училась в институте, но при этом каждый раз, когда возвращалась домой, чувствовала себя ребёнком. Казалось, что сквозь такие забытые предметы прошлого, как этот стакан, детство всё еще подсматривало за ней. Девушка закрыла глаза, и в её голове замелькали далекие воспоминания.

Она вспомнила те первые дни в новом доме, когда они с сестрой и с папой пили из этих стаканов коктейль. Она помнила, как разбился самый первый стакан. Вернее, она помнила лишь то, что отец ругался с мамой и кинул его в стену. Стакан издал тихий обиженный визг, его тонкие стенки тут же распались на осколки. Весь гнев отца он принял на себя. Несколько осколков были очень

красивы – треугольные, ровные, будто стакан не разбили, а аккуратно разрезали. Один из них девушка хранила на полке, пока мама его не выкинула.

Второй стакан разбился на десятилетие сестры, третий опрокинул их кот Дёмка, которого уже давно не было, а вот четвертый – погиб из-за неё.

Как-то, когда она была еще подростком, в их подъезде работали электрики. Один из них – молодой, высокий, белокурый – сразу ей понравился. Каждый раз, возвращаясь из школы, она с любопытством всматривалась в его синие глаза, не задумываясь о том, что это может быть неприлично и даже опасно.

Однажды он с ней заговорил.

– Привет, – сказал он. В тот день парень работал один.

– Привет, – робко ответила девочка. К такому повороту она была не готова, но он её радовал.

– Живёшь тут?

– Да.

– А родители дома сейчас?

– Нет.

– Ты одна?

– Да.

– Не угостишь меня кофе?

– Кофе? Да, конечно.

– Я Вася.

– А я Варя.

Звать в дом незнакомцев запрещено. К тому же, скоро на обед должен заехать отец. Варя понимала, что может за это получить, но парень такой красивый…

Варя усадила Васю на кухню и поставила чайник.

– Учишься? – спросил Вася, разглядывая Варю. На ней были обычные джинсы и однотонный свитер, но волосы – волосы собраны в шикарный густой хвост, глаза украшены длинными стрелками, а на губах сверкали блёстки.

– Да, восьмой класс.

– А я после девятого свалил. Вот, на электрика отучился.

– Как здорово. Тебе нравится?

– Очень. Уже сам работаю, у родаков деньги не клянчу. А ты уйдешь из школы?

– Я, наверно, в одиннадцатый пойду.

На всю кухню засвистел чайник. Варя выключила его. Её руки тряслись от волнения. Один глаз начал слезиться, но Варя не могла его протереть из-за того, что боялась размазать стрелку. Варя повернулась спиной к парню и достала растворимый кофе. Она чувствовала, что Вася её рассматривает. А в этих джинсах у нее совсем нет талии. Что он подумает?

Варя схватила первый попавшийся стакан, кинула в него кофе, плеснула кипяток и…

– Ой, ты не поранилась?

– Нет, всё… хорошо!

Но всё было плохо. Кофе испачкало всю Варину одежду. Мелкие осколки разлетелись по всему столу и полу. Варя чувствовала, что её лицо от стыда стало бордовым.

– Я на балкон, за тряпкой…– промямлила она и убежала в комнату.

Вся одежда в шкафу была смятой, кроме школьной белой рубашки. Варя стащила с себя свитер, но зацепилась ниткой за лифчик. Пришлось искать ножницы, чтобы отрезать нитку. В поисках ножниц Варя мельком увидела, как во двор заезжает машина отца. Варя психанула и натянула грязный свитер обратно.

– Прости, тут мой папа приехал… Может, в другой раз?

– Да без проблем.

Варя быстро вывела Васю из квартиры. Потом забежала на кухню и начала губкой вытирать стол. От бедного стакана почти ничего не осталось – кипяток был к нему беспощаден. Варя расплакалась – и стакан жалко, и перед парнем стыдно.

– Ты мне уже обед греешь? – зашёл на кухню отец.

– А, да, пап, сейчас, – быстро ответила Варя и бросилась к холодильнику.

Васю она больше так и не встретила. То ли он закончил работы, то ли она с ним просто не пересекалась. Они не обменялись контактами, а как иначе друг друга найти?

Неожиданно из кухни донесся какой-то шум. Варя резко открыла глаза и прислушалась: мама возмущалась и двигала стулья.

– Мам? Что там?

– Да ничего!

Варя зашла на кухню и увидела… стакан. Он лежал на полу, расколотый на три части. Днище осталось целым, а вот стенки разошлись, как две части шоколадного яйца.

– Последняя память, – сказала Варя и удивилась своим словам. Этот маленький живучий стаканчик только что собрал по осколкам ее детство и умер, превратившись в осколки сам. Подумаешь, стакан разбился. Но Варя чувствовала, что разбилось нечто большее.

– Что ж, всему свой срок, – сказала мама. Она и сама расстроилась. Варя видела это по её глазам – они будто смотрели куда-то в прошлое, в те времена, когда отец еще был жив, когда они с сестрой жили дома и пили из этих стаканов соки. Это – её воспоминания, её осколки.

Варя смахнула пару слезинок и ушла в свою комнату. Она знала, что на следующих каникулах вряд ли вспомнит про этот стакан.

Есть вещи, которые хранят нашу память о прошлом. Но кто сохранит память о них?

Владимир КУЗИН
Владимир

СОБАКА, НА КОТОРОЙ НЕ ТАЯЛИ СНЕЖИНКИ

(Событие 2009 года)

– Так вы ничего об этом не слышали? – удивлённо спросила меня пожилая женщина, с которой мы разговорились на автобусной остановке возле одного из посёлков области. – У нас эту историю каждый сельчанин знает…

Когда ж он мне в первый раз на глаза попался? Дай бог памяти… Где-то в начале сентября. Я как раз из города от племяшки воротилась: ей тогда тридцать стукнуло, отмечали… Гляжу, белый пёс с ошейником по остановке взад-вперёд бегает. Повизгивает, глаза блестят… Только двери автобуса открылись, он – к пассажирам! Обнюхал прямо каждого. Кто шугал пса, кто ему подмигивал…

«Видать, потерялся», – подумала я тогда. Да что тут поделаешь: бродячих много бегает, не в диковинку…

В следующую субботу я в город на базар поехала, яблоки продавать: у нас их той осенью уродилась тьма. Вижу, опять этот беляк на остановке сидит. И, как в прошлый раз, только автобус подъедет, он – шасть к дверям! Хвостиком завиляет и давай пассажиров обнюхивать. Одного, другого, третьего… А как все разойдутся и автобус тронется дальше, пёс отойдёт в сторонку, к кустику, да усядется возле него. Другой, стало быть, автобус поджидать…

Я его и в следующую субботу видела, и ещё через неделю, и даже в будни. Всё на том же месте. С такими же блестящими глазами и виляющим хвостиком…

Как-то один мужик стал его палкой гнать. «Всё кругом, – говорит, – изгадил». И подошву мне от сапога показывает, с налипшим дерьмом. Пёс к оврагу отбежал. А когда мужик пошёл в сторону посёлка, он тут как тут: уселся и опять стал на дорогу смотреть, уши торчком – большие такие. Мужик назад, орёт на кобеля, палку опять схватил. Тот снова к оврагу… После видит, мужик убрался, и опять – шасть к остановке. Хитрю-ющий, бестия!

На Рождество Богородицы я к свахе поехала. Когда в город автобус ждала, пёсика не было. А назад еду – он тут как тут. Правда, уже и шёрстка испачкалась, и глаза не так сверкают. Да и прыти поубавилось: к автобусу теперь не подскакивает, а идёт шагом. Людей уже всех обнюхать не успевает. Погрустнел, хвостиком вилять перестал. Сжалилась я над ним, кусок от батона отломила и сую ему под нос. Но он только башку воротит. И отъезжающий автобус взглядом провожает…

Гляжу, возле кустика, где он обычно сидит, груда косточек лежит: кто-то бедолагу стал подкармливать. Я ему хлебца в эти кости и бросила.

А в следующий выходной там уже пластмассовая миска стояла с похлёбкой… Правда, я однажды видела, как тот мужик – ну, который собаку палкой гонял, – эту миску сапогом поддал. Прямо с супом… Но к четвергу в миску опять кто-то налил бульона да ещё куриную ножку туда положил…

В начале октября дожди полили – как из ведра. Почитай, неделю без просыху. Псину я в те выходные мельком увидела: сидит у кустика весь мокрый, уши обвисли, от холода трясётся… А на буднях кто-то на куст железный лист положил. Видно, для собаки. Я её как-то в дождик под ним увидела: значит, сообразила, лопоухая…

Сообразить-то сообразила, да всё-таки дожди взяли своё: пёс чихать стал; лежит, не вставая, и ничего из миски не ест. А когда автобус подъедет, собака вскочит, носом в сторону пассажиров поведёт… и опять уляжется, голову на лапы положит и в землю смотрит…

Вот тогда я и познакомилась с теми людьми. И ведь столько годков с иными жила поблизости друг от друга, а поговорить пришлось только в тот раз, на остановке. Получается,

пёсик нас свёл… Так вот, гляжу: возле собаки молодой мужчина стоит (рядом его машина была, Алексей – человек не бедный, менеджер в какой-то фирме). Подошла я к нему и завела разговор. Ему про эту собаку соседка говорила (она тоже частенько на рынок моталась и пса этого каждый раз на остановке видела). Алексей сначала ухмылялся, после начал призадумываться,а теперь вот решил на него взглянуть.

Минуты через две недалеко от нас самосвал остановился, и из него вышел мужик – крепкий, коренастый. Звали его Семёном, работал он водителем на стройке.

– Он ещё в прошлую среду заболел, – говорит, кивая на пёсика, – у меня сноха в ветеринарке работает, я с ней договорился: завтра привезу её, она этого кобелька посмотрит. Я, когда мимо еду, ему костей оставляю. Теперь, думаю, не по зубам они ему будут, надо мясных обрезков на рынке купить.

Ну, я и вызвалась в этом Семёну пособить: уж кто-кто, а я-то знаю, где можно этих обрезков подешевле достать и помясистее. Я их своему Барсику беру.

– Он что-то совсем ничего не ест – сказал Алексей.

– Откуда он тут взялся? – спросил Семён.

И как раз Марина подошла, наша односельчанка, деваха двадцати шести годков. С бидоном. Оказалось, это она собаке бульон варила.

У Марины этой недавно с мужем, Сергеем, разлад вышел. Он – скульптор. Маринка сказывала, целыми днями у себя в мастерской торчал, да ещё запирался, а по хозяйству ничего не делал. Ну, скандалы пошли, нервы-то у обоих не железные… Короче, уехал он от неё в город, к матери. Да Маринка затосковала по мужу, принялась иногда к нему наведываться. Только он и в городе тоже весь в этом… как он говорит… творческом поиске. На жену – ноль внимания.

Так вот, Марина и сказала нам в тот день, что, оказывается, её подруга в августе месяце видела, как из автобуса вышел мужик. Лет пятидесяти, коротышка, с рассечённым правым ухом. Грязный, обросший, пьянющий. И с этим псом на поводке. Быстро его отцепил, шуганул, а сам в тот же автобус шасть! И укатил…

– Ясно, лишний рот, на пузыри деньги отнимает, – промолвил тогда Семён.

А Алексей мотнул головой и говорит:

– Я недавно из Германии приехал, так у немцев даже в маленьких городишках для них, – кивнул на пса, – приюты есть, а у нас…

В общем, делать было нечего, мы записали друг у дружки номера телефонов и разошлись.

Семёнова сноха, как я после узнала, наведывалась к собаке четыре раза. Делала ей уколы, а Семён приносил лопоухому чего поесть. Пёс оклемался. Но уже был не такой, как прежде. Глаза почти потухли; к автобусу он уже брёл лениво, с полуопущенной головой и поджатым хвостом.

А однажды он захромал на левую переднюю лапу. Видать, палкой или камнем кто-то зашиб. Уж не тот ли неугомонный мужик, что его в сентябре от остановки отгонял? А может, пацаны? Я их возле пса как-то видела. Не знаю, напрасно говорить не буду.

После навес железный утащили. И не мудрено: сейчас металл дуром прут, даже провода срезают.

А в миске кто-то дырочку проделал, почти на самом дне. Очень аккуратная дырочка, сама образоваться не могла, кто-то нарочно сделал. Гвоздиком или шилом. Марина в первый раз её не заметила, налила в миску супу, а он через минуту и вытек весь… Пришлось в другой раз новую посудину приносить.

К ноябрю шерсть у пса наполовину слезла, клоками начала свисать; по морде и по бокам болячки пошли.

Позвонил мне как-то Алексей.

– Я, – говорит, – долго думал и решил взять его себе. У меня хоть и свой пёс имеется, ну да ничего, как-нибудь их подружу. Не могу больше на этого бедолагу смотреть, сердце кровью обливается. Думал, рано или поздно он отсюда уйдёт. Тогда, как говорится, с глаз долой – из сердца вон. А он будто прирос к этому месту. Зимой-то наверняка околеет…

И попросил меня пособить на всякий случай.

Купил ремешок, намордник на первое время, шампунь собачью – всё, что надо.

Только незадача вышла. Как только прицепил он ремешок псу и потянул его за собой, тот как зарычит, залает – откуда только силы взялись, ведь доходягой стал.

Алексей и приказным голосом, и лаской пробовал его взять – ни в какую. Не идёт за ним собака – и всё тут.

Присел он возле пса, осторожно погладил его по голове и говорит:

– Глупыш, скоро будут холода, ты замёрзнешь. А у меня и камин дома, и свинины с курятиной сколько хочешь... Пойми, твой хозяин за тобой никогда не придёт. Он тебя бросил, насовсем. Он плохой человек, пьяница. Зачем тебе такой нужен?

И представьте себе, пёс ему что-то в ответ проскулил. И улёгся.

Потянул его опять за собой Алексей; но тот упёрся, как бык, даже на лапы не встал.

Постояли мы возле него, повздыхали… Затем Алексей отцепил ремешок, ещё раз погладил пса по макушке, чтоб тот успокоился; и мы с Лёшей в посёлок пошли. Как говорится, не солоно хлебавши…

Когда пришли холода, суп в миске стал замерзать. И если пёс его сразу не съедал, то оставался голодным. К тому же Марина теперь приезжала в посёлок редко: она вроде бы помирилась со своим мужем и теперь большую часть времени жила у него в городе.

Я иногда варила собаке лапшу, но и она на морозе становилась как камень...

А в двадцатых числах так завьюжило, что куст, где обычно лежал пёс, замело. Так что он теперь и дневал, и ночевал прямо на снегу. Шерсти на нём осталось мало; и снег, падая на полуголое тело пса, почти сразу таял. Оттого собака постоянно была мокрой… А после ночного мороза на морде и на животе у пса были видны сосульки.

Так мне стало жалко бедолагу!

Как-то его увлекли запахом макарон с тушёнкой работники пищеблока нашей поселковой больницы. Пёс принюхался в их сторону… а затем медленно, опять хромая на ту же лапу, поплёлся за ними… «Господи, – я прямо взмолилась, увидев это, – хоть бы его при больнице приютили…»

Уж не знаю, накормили собаку женщины или нет, только не было пса на остановке, почитай, трое суток. Я уж было обрадовалась. А в субботу он опять там появился. Приплёлся, бабы сказывали, почти шатаясь. Улёгся возле своего кустика, наполовину занесённого снегом, положил на передние лапы голову и закрыл глаза… Так и пролежал не шелохнувшись до самого автобуса. А когда тот подъехал, он поднял голову, принюхался… и вдруг вскочил на лапы, взвизгнув, как прежде, когда был ещё в силе. Завилял хвостом, бросился, хромая, к дверям, проковылял метра три… И застыл, провожая одного из пассажиров взглядом… Видать, обознался... Опустил голову, воротился назад к своему кустику, понюхал заиндевевшую миску и опять улёгся головой к остановке – он никогда не лежал головой в другую сторону...

На следующий день я принесла ему колбасы.

– Поешь, дурашка, – говорю.

Поднял он голову, посмотрел на меня как-то странно… и опять положил её на лапы. От прежнего сияющего взгляда ничего не осталось.

Положила я еду около его носа и пошла домой.

Вечером звонит мне Алексей.

– Тётя Клава, – говорит, – синоптики обещают с завтрашнего дня морозы, ветер сильный, северный. Я сейчас созвонился с Семёном. И вот что мы решили. Его сноха – она ветеринар, помните?..

– Да-да! – кричу ему. – Помню! – А у самой сердце часто-часто заколотилось: «Только бы, – думаю, – помогли чем-нибудь лопоухому…»

– …Так вот: она сделает собаке укол снотворного, и мы перевезём её на машине в мой коттедж. Я её там пока подержу взаперти, чтоб не убежала, и попробую войти к ней в доверие. А дальше видно будет. В любом случае оставлять её на улице уже нельзя.

– Когда, – спрашиваю, – будете перевозить? Я обязательно приду, пособлю.

– Я хотел завтра после обеда; но сейчас мне позвонила сестра из Иванова: завтра она с мужем приезжает с ночёвкой, никак с псом не получится. А во вторник утром я их провожу – и сразу к собаке, прямо с вокзала. Выходит, где-то

к десяти утра буду на месте. Семён и Марина уже в курсе. Тётя Клава, у вас не найдётся каких-нибудь тёплых вещей? Ну там старые шубы, пальто… А то у меня собаке даже постелить нечего…

Я после этого разговора была на седьмом небе от счастья. Ведь как всё хорошо повернулось!

А ещё я подумала: я-то как до этого жила: всё на базар ездила да прибыток считала, а тут в заботу ударилась. Хоть о собаке бродячей, вроде бы тьфу на неё, а вот видишь, до переживаний дошло.

На следующий день я с утра – к Алексею. Принесла ему шубу, как он и просил.

А вечером супу сготовила – жирного, наваристого, с кусочками говядины. Не пожалела для пса.

Иду к нему и думаю: не будет есть, так в рот ему силой волью. А главное, хотела его погладить, утешить, ведь зимовать ему на морозе осталось одну ночку. И хватит, скажу ему, дурью маяться. Ишь присосался к своему кусту, прямо экскаватором не оттащишь!..

Я даже не помню, сколько тогда простояла возле лопоухого без движения. С термосом в руках. То ли десять минут, то ли полчаса. Перед глазами всё плыло, будто кто поленом по голове съездил.

Он уже возле своего куста вытянутый лежал. На правом боку, головой к остановке. А глаза так и не закрылись…

Во вторник, как и планировали, мы все встретились. Только уже по другому поводу.

Отнесли пса в овражек. Выбрали местечко, где меньше всего было снега; и Алексей, Семён и Сергей, муж Марины, стали ломиком по очереди долбить землю… Выдохлись до ужаса… Через час ямка была готова.

Алексей опустил туда собаку, и мы засыпали могилку землёй. А после припорошили её снегом, чтоб какие-нибудь озорники не узнали и не разрыли.

Постояли молча. Затем поднялись к остановке и стали прощаться.

– Жаль, что ты мне про этого пса раньше не сказала, – обратился Сергей к жене. – Может, я что-нибудь для него бы сделал…

– Зато я родню встретил, – смахивая слезу со щеки, сказал Алексей.

– Ты здесь ни при чём, – отозвался Семён. – Тут другой тип ответить должен. У меня двоюродный брат в ментовке работает, попробую я через него отыскать этого…хозяина… всё ж приметы есть… Найду – двину ему раз в его пьяную морду…

– Не ищи на свою задницу приключений, – сказал Алексей, – нажалуется – получишь срок.

– Тогда хоть в глаза ему посмотрю, – вздохнул Семён.

С тем и разошлись…

С той поры иногда перезваниваемся друг с другом, спрашиваем, как здоровье, дела… И на этом разговор заканчивается. А о чём ещё говорить? Кроме того беляка, нас больше ничто не связывало…

А эта псина здесь с января стоит. Вылитый лопоухий. Это Сергей сделал, Маринин муж. Из гипса. Зимой на неё, как тогда на нашего беляка, падают снежинки. Только уже не тают.

Гляди. Этот пёс так же, как когда-то лопоухий, пристально всматривается в пассажиров, выходящих из автобуса. Мол, не идёт ли за мной мой хозяин? Не забыл ли он меня? Ведь я так скучаю по нему, по его ласковым рукам, которые помню ещё с тех пор, когда был маленьким щенком. С того времени, как мне хотелось уткнуться в них своей мордочкой и благодарно лизать… Где же ты, мой сердечный друг? Никогда я тебя не забуду…

Вишь, в слезу вогнал…

Скульптуру эту одно время хотели убрать. Кто-то властям накляузничал – мол, незаконное сооружение возле остановки объявилось. Да сельчане вступились. Ещё и в газету написали. Даже корреспондент приезжал, обо всей этой истории меня подробно расспрашивал. А когда в нашей районке статья про лопоухого появилась, оставили памятник в покое.

Да ещё после этого кто-то гвоздички у лап собаки положил. И ведь не спёр никто. Так они здесь до самого мая и пролежали. Пока не высохли, и ветер ни раскидал их по кустам…

ЛЕНКА-ПЕНКА

– Лена! – послышался мужской голос.

Женщина, стоявшая у перил лестницы, вздрогнула, повернула голову и метрах в пяти от себя увидела лохматого мужчину с небритым морщинистым лицом. На нём были шапка с оттопыренным ухом, потрёпанный бушлат, ватные брюки и кирзовые сапоги. Слегка прищурившись, мужик смотрел в её сторону.

Женщина оглянулась – видимо, не поняв, к кому тот обратился.

– А, новоиспечённый глава района, – из дверей здания вышел полный мужчина в дублёнке и норковой шапке. – Поздравляю.

– Спасибо, Анатолий Егорович, – поспешно ответила женщина.

– Ну что ж, мы очень надеемся на ваши незаурядные организаторские способности, о которых весьма наслышаны, – тот загадочно улыбнулся, открывая дверцу джипа.

– Постараюсь вас не подвести…

Машина тронулась, и женщина помахала Анатолию Егоровичу рукой.

– Неужели ты? – несмотря на мороз, лохмач снял со своей головы шапку и принялся мять её в руках.

Женщина опять посмотрела на него.

– А я гляжу и глазам не верю… – мужчина буквально сиял от радости. – Надо же, думаю, она самая… «Ленка-пенка, кривая коленка»… А ты мне всегда в ответ: «Пашка-барашка»… – Он откинул ладонью назад свои кудри.

– Это вы мне? – её лицо выразило удивление.

– Сколько же мы с тобой... почитай, два годика за одной партой просидели. Ну да, в пятом и шестом… Помнишь, как я на контрольных по алгебре косился в твою тетрад-

ку? А ты мне ручкой по носу щёлкала, мол, сам соображай. А как ты однажды нарисовала на промокашке макаку, а я ей фломастером свиной пятачок пристроил. – Он прыснул со смеху. – И мы с тобой давай хохотать, прямо на уроке! Училка нас обоих за дверь и выставила…

– Послушайте…

– А помнишь, как я полез в соседский огород тебе за белым наливом? – Он сделал два шага вперёд. – Забрался на самую макушку яблони… И тут – хозяин. «А ну, слезай! – кричит мне. – Щас я тебя по заднице отхлестаю!» И прут сорвал. Я сразу в рёв: «Дяденька, простите, больше не буду!..» И вдруг ты берёшь булыжник и ка-ак запустишь им через калитку в старика! Он аж остолбенел… «Ну, я щас милицию позову!» – пальцем погрозил и – бегом… Уж не знаю, пугнуть нас хотел или взаправду… А как скрылся, я сразу прыг с ветки, ноги в руки и через забор. Даже про твои яблоки забыл, которые под дерево набросал. Весь день со страху дрожал, ты меня у себя дома горячим чаем отпаивала. И всё успокаивала…

Женщина покосилась в сторону и заметила, как стоявшие у входа несколько чиновников с любопытством поглядывают то на неё, то на мужика в бушлате.

– Гражданин, здесь городская администрация, а не… – она не договорила.

– Уж про наше купание на Песчаном озере молчу, – он махнул рукой и растянул губы в улыбке. – Не забыла, как я тебя плавать учил. Тащил на глубину; а ты в спасательном круге орала как резаная!..

– Вот что, мужчина… – женщина вспыхнула…

– Лен, а помнишь нашего Тимку? – тот будто не слышал её слов. – Ну, ёжика. Мы его за котельной, на пустыре нашли. Он там под кустиком в норке жил. Сперва нас пугался, а после привык… Услышит, бывало, как мы с тобой его кличем, выскочит из своего домика и давай мокрым носиком в наши ладони тыкаться – мол, чего вы мне на этот раз вкусненького принесли. Голо-одный был… Когда ты в другой район переехала, я один к нему ходил. «Вот, – говорю ему, – покинула нас наша Ленка-пенка; остались мы с тобой, братишка, вдвоём». Ничего-о… Баранки мои

уплетал за обе щёки… – Он глубоко вздохнул. – Так ты, стало быть, теперь зде-есь, – окинул взглядом здание. – А я на колхозном рынке. Ящики таскаю, с помидорами там, с мандаринами. Под вечер хлебца дают, копчёной рыбки… на чекушечку, не без этого… Мне хватает…

Он громко чихнул. Из его ноздри свесилась сопля, которую он тут же вытер ладонью.

С покрасневшими щеками женщина метнулась было к дверям здания; но тут же повернулась и быстро зашагала в сторону белой «девятки», стоявшей неподалёку.

– Елена Борисовна! – крикнул ей вослед вышедший из дверей здания мужчина с папкой в руке. – Вы просили распечатку!

Но та даже не обернулась.

– А я тебя искал, – говорил лохмач уже ей вдогонку. – Ещё со школы… и после армии тоже… Всё бродил по городу, а вечерами смотрел в окна – вдруг ты где мелькнёшь. Я так тебе рад!..

Она быстро села в машину и повернула ключ. Раздался гул мотора.

Глянула в боковое зеркало: мужик со щетиной медленно шёл в её сторону и, продолжая комкать в руках шапку, что-то говорил. Женщина нажала на педаль, и «девятка» рванула с места.

Татьяна ПОПОВА-БОРИСОВА
Камень-на-Оби, Алтайский край

БАБУШКА

Вода в родительском колодце никогда не была холодной. В ней как-то всегда по-особому плескалось и пелось. Песня была повсюду. Мы ловили её в пригоршни и разбрызгивали по свету, яркому, солнечному, и казалось: ни тени, ни мрака нет:

Вьюн над водой,
Ой, вьюн над водой,
Ой, вьюн над водой расстилается.
Жених у ворот,
Ой, жених у ворот,
Ой, жених у ворот дожидается…

Вместе с водой песня заплетала садовые растения и сорняки в сказочные узоры, давая простор фантазии. Когда родители были на работе, а бабушка занята хозяйством, мы с сестрой любили заглядывать в колодец, без особых усилий создавая воображением из искрящейся водной мишуры бело-синих ангелов, прильнувших с внутренней стороны колодезного тоннеля к радужной водяной плёнке. Они казались нам радушными и одновременно строгими, как бы оберегающими самой своей сутью неведомую нам пока истину: всему своё время.

Наша бабушка собиралась умирать дважды. И каждый раз это было её решение. В первый раз она так и сказала своей невестке, нашей маме: «Хватит мне жить. Умирать пора». Но «неисповедимы пути господни, которыми Он ведёт нас к спасению», – услышали мы от неё, когда незнакомый

дальний родственник могучими руками бросил последнюю лопату земли на могилу нашей мамы. Потом ещё год бабушка нам, двадцатилетним сироткам, вытирала слёзы, а после поминок вдруг строго запретила плакать, напугав тем, что так мы утопим на том свете свою мать в слезах: «Вы что, бестолковые, Богу показываете? Что она вам мать плохая была? А как, раз вы без неё не можете?»

– Вот для чего родители нужны? – наставляла она нас в другой раз, когда мы белили стены в её комнате. – Чтобы научить деток жить без отца с матерью. Вот и порадуйте свою мать, наладьте свою жизнь. Хватит плакать, пора свадьбы играть.

Так мы и сделали. А как осчастливили дальних и ближних красавцев, бабушка во второй раз слегла: «Ну, кажись, все дела переделала, пора и мне на покой!» Мы вызвали батюшку. После исповеди и причащения она как бы заснула. Нам с сестрой, рыдающим в соседней комнате, просветлённый батюшка тихо сказал:

– Такие бабушки несли веру в самые трудные годы.

– Ага, в войну… Сталина не боялись… – трясли мы подвязанными в платки головами.

– Да и в семидесятые, когда совсем воздуха не было… – и добавил почти радостно: – Редко кому Бог даёт счастье умереть сразу после покаянной молитвы!

Но мы заорали так исступлённо, что бабушка и на этот раз осталась.

– Ладно, кады, готовьтесь, погожу чуток, но чтоб в другой раз дали мне отойти с миром! Не рвите меня, не держите на этом свете. Хватит, пожила я, помучилась, – ворчала она, оправившись.

– Что уж, только всё и мучилась? – не верили мы.

– А то чо ж ещё? – разглаживала она корявыми пальцами линии на ладонях.

– И счастлива не была?

– Эт када ещё?

– Ну, хоть с мужем…

– Была, ну дак это када было! До войны ещё! Война всё и забрала… – она как будто оправдывалась, а потом

задумчиво добавила: – То всё искорки, а так – без горя и не жили, слава Богу. Поди, заработали место у Его Престола.

И она стала сама нас готовить к тому, чтобы умереть спокойно.

– Как увидите, что к смерти меня гонит, – наставляла она нас, – не молитесь больше, чтобы я пожила ещё.

– А как нам говорить: Господи, помоги нашей бабушке поскорее умереть, что ли? Вот это будет молитва так молитва! – толкали мы друг друга в бока, намывая пол в её светлой комнате.

– Будя вам смеяться, дочки! Вы подойдёте к Его образу и скажете: «Господи, да исполнится твоя воля, но пожалей ты нашу бабушку. Коли не пришло её время умирать, то пусть она поскорей поправится, а ежели вышло её земное время, то пусть умрёт скоро, без мук».

Так она нас учила и в горе думать не только о себе. Пригоршнями черпали мы премудрости из бабушкиного источника, облагораживая разум и душу.

– Как они, бессребреники-то, появляются? Хорошо зажил, к примеру, три юбки у тебя в коробе объявилось, дак две носи сама, а третью отдай тому, у кого нехватки: можа, это сестра твоя, а можа, и нет. Придёт её время, она заживёт, с тобой поделится. Это ежели в молодости. А ближе к старости – отложи третью юбку на смерть, позаботься сама о себе. Оно, можа, с голым задом и не положат (тут – как жил), но коли время тебе было отпущено, сам о себе должон позаботиться.

Помолчали…

– Вот и будешь лежать, думать, как ты эту юбку-то заработал. А то ещё жечь будет нутро почище скипидару… юбка-то. Не смейтесь, во! – теперь она толкала нас в бока сухими пальцами, и мы смеялись уже втроём.

– Вот снится мне надысь сон, – поглаживая на кряжистых коленках фартук, продолжала бабушка. – Тёмное, как-то навроде и дымное, помещение: лампады ли, свечи – не пойму, можа, свет такой ликтрический… Да откуда лампады-то? Свет ликтрический, конечно, но тускло так светит и будто мерцает… А я лежу на лавке али на чём-то деревянном пониже так стола… И откуда сейчас лавки-то

деревянные? Не знаю… И так изнутря мне хорошо: и не жёстко голове, и спине не больно, и я дивлюсь дюже, что болезни-то меня и не беспокоят вовсе, а вот рукам не совсем ловко, кажется, что упадут с лавки, и ногам почемуй-то просторно сделалось, распадаются как-то, не держатся вместе. Лежу я навроде как потерянная: не хватает мне чавой-то. И дом мой, и всё моё, а што за напасть – не пойму: теперича это вроде и не моё уже. И вот кладут меня в гроб, и как обрадуюсь я! Ну вот, думаю, я и пристроила своё тело, нашёлся дом-то теперича, не мне всей, а телу моему! Чудно так…

Помолчала, обдумывая или припоминая что-то. Мы каждое слово мусолили, запоминали:

– Ну, лежу я, значит: и руки прибраны, и ногам уборно. Вижу… Не глазами, а так сверху али со стороны чуток: люди идут. По одному ко гробу подходят, наклоняются али так чаво смотрят, не знаю, и я вижу у них на груди, не совсем уж, а чуток пониже, меж грудями и животом, светляки белёсые и иссиня-светлые по краям, большие, с ладошку, и маленькие есть совсем. И светятся как изнутря. И мне радостно от этого!

Она вдруг встрепенулась, чтобы растолковать нам:

– Это свечение значит, какое я в их душах место занимаю, много или мало. След как бы от моей жизни. Во как! – восхищается она и мы с ней вместе.

Брала бабушка вязание в руки и откладывала его вновь:

– А шибко-то мне нехорошо, даже совестно как-то, когда подходит ко гробу человек вовсе без пятнышка. Ну зачем он пришёл, думаю? (Могу, значит, думать-то!) Мне как бы зацепиться не за что. И жду я, так шибко жду, чтобы поскорее они прошли, эти, без пятнышков, и радуюсь прям не знаю как тем, кто весь светится. Навроде как я спасаюсь этим, понятно вам?

Мы и посуду отставили, и варить бросили.

– Дак вы уж, дочки, чужих людей-то на похороны не зовите. Придут, кады, не гоните, но только пользы им для умершего нет никакой. И ещё вот чаво не сказала: не было у меня там ни горя, ни неполадков никаких. Всё навроде как я сделала, управилась со всем.

– И страшно не было? – выдохнула сестра наболевшее.

– Радость была. Чуток неловкость, как будто я у своей бабушки чо в детстве стащила. Можа, совесть меня бередила, не знаю… Совесть, конечно, чо ж ещё. Можа, потом по-другому будет? Не знаю. А так – не страшно. Совестно, да. И то-о – крепко не по себе становилось! Но ведь это я ещё и от земли-то толком не оторвалась…

Мы уже иссопливили платки, просили бабушку переждать с грустным и заводили песню:

Ехал на ярмарку ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец…

Под песню разлили мы по тарелкам борщ, нарезали любимый бабушкин ржаной хлеб, уложили в плетёную корзинку мягкие сладкие булочки. Она махнула высохшей рукой:

– Пойте кады… Вам поди-што не к спеху всё это… – и вздохнула, – как Бог даст, конечно. Всему свой черёд.

Рустам МАВЛИХАНОВ
Салават

FRÜHLING IN PARIS*

Весна была чудесна. Иначе и быть не могло.

Пообедав лучшим, что могла предложить гастрономическая столица мира, я вышел совершить променад по «городу платанов». Он оправдывал своё название: раскидистые кроны создавали спасительную тень; в воздухе был разлит еле уловимый аромат лаванды и алеппских сосен; фонтан Морей, чья суть была, как женщина, познана Рильке, доносил брызги драгоценной влаги, а неподалёку мерцали иероглифы Луксорского обелиска, обращая оставшиеся за моей спиной Елисейские поля в благословенные поля Осириса. Над розовыми кустами порхали сотни бабочек и колибри: Париж сочился нектаром роскоши.

Напевая старинную песню Frühling in Paris, я неспешным шагом пересёк раскалённую, как Долина Смерти, площадь Согласия, миновал ажурные ворота сада Тюильри и свернул в его боковые аллеи, наполненные гулом шмелей всех видов, деловито снующих между нежно-малиновыми метёлками шёлковой акации и золотистыми кубками шафрана.

За этим великолепием красок я не заметил мерцающего огонька уведомления: «Срок действия лицензии на AR истёк. Пожалуйста, обновите софт».

Удар пришёл, как всегда, неожиданно. Я еле успел упасть на лужайку и скрючиться в позе эмбриона, как актуальная реальность, сметая остатки дополненной, хлынула через незащищённые ничем рецепторы в мой мозг. Желудок скрутило, он попытался вывернуться наизнанку и исторгнуть обед, но пищевой гель оказался сильнее.

* Весна в Париже *(нем.)*.

В панике я вызвал меню медпроцессора, но и тот выдал мелодичным женским голосом: «Извините, горомональная балансировка приостановлена ввиду обезвоживания и превышения лимита данной услуги. Рекомендую покинуть открытое пространство».

Очнулся я от льющейся в рот тёплой противной жидкости.

– Вы бы осторожней, – когда я открыл глаза, сказала склонившаяся надо мной девушка. Её кожа была немного светлее голых, обожжённых деревьев вокруг. Смутившись, она добавила: – Простите, что нарушила ваше личное пространство. Вы же не подадите в суд?

– Нет, у меня нет французской юридической страховки. Что это? – я указал на бутылку с мутным содержимым.

– Это? – удивилась мулатка. – Вода. Местная, парижская.

– Прямиком из Сены, что ли?

– Ну что вы! Из Полесья, из гуманитарной помощи. Она безопасна.

Я усмехнулся и достал из рюкзака литровую бутылку с надписью «Вода Байкала. Made in China»:

– Угощайтесь!

– Ого, какое богатство! Откуда она у вас?

– Китайское правительство гарантирует гражданам право на пищу, на воду и на смерть! – гордо ответил я.

Мы разговорились. Звали её Аулани – и она действительно оказалась для меня посланницей небес. Когда море окончательно поглотило её родину, а очередной ураган покрыл лагуну атолла слоем мусора, она, оправдывая второе значение своего имени – «странница», – отправилась в путь. Сначала в ближайшую Австралию, потом в Америку, но лишь в верной гуманистическим традициям Европе смогла купить паспорт экологического беженца. Пособия хватало лишь на брусок «хлеба» и глоток социальной воды, а потому она удивлялась беспечности полноправных корпоративных граждан, которые, пребывая в электронных эмпиреях, забывали об опасностях физического мира. Однажды ей пришлось спасти человека, и с тех пор это стало её хобби – всё равно в роботизированной до предела Европе заняться больше нечем.

Да, соглашался я, ненужность угнетает, а безусловного базового дохода хватает лишь на скромный пакет

притупляющей отвращение к жизни AR, не говоря уж о VR: на имитацию натуральной еды во рту и на проекцию живой природы на сетчатке. Да ещё разрешённые дозы дофамина и прочих гормонов урезают: как же, ведь это – наркотики!

– А наркотики – это пугало номер два после тер... – начал я фразу, но пыльный вихрь, налетевший с обнаженного дна реки, заставил меня закрыть рот.

Мы сидели на буром газоне – на расстоянии вытянутой руки друг от друга – и допивали вторую бутылку. Я не стал подключать кредит, чтобы придать воде вкус вина: в конце концов, находиться с собеседником в разных субреальностях – это просто неприлично.

Вечерело. Мимо проскрипел робот-санитар с тележкой дохлых голубей. Аулани рисовала на песке пейзажи, и под вспыхнувшей в полнеба рекламой – «Приобретайте гражданство ЕС», «Переходите в юрисдикцию ВР» – они, казалось, оживали: будто чистая, как в допотопных фильмах, волна набегала на поросший пальмами берег.

– Моя родина, Тувалу, – пояснила девушка. – А знаете... – задумчиво произнесла она, – я читала, что есть способ получить дофамин и окситоцин бесплатно. Но он, наверное, нелегальный.

– Какой же?

– Только не примите это за харрасмент...

– Вам не о чем беспокоиться, – пообещал я.

Аулани придвинулась ближе:

– Эти гормоны вырабатываются при прикосновениях, – сказала она. – Обнимите меня...

Всю ночь напролёт, до первой зари, мы занимались контактной любовью: я гладил её волосы, и искры статического электричества пробегали по ним словно по морю – брызги лунного света, гладил её спину, гладил, как обезумевший, всю – от шеи до бёдер. Моя рука, повторяя очертания её тела, то взлетала вверх, то ныряла в глубину – и тогда вместе с нею я проваливался в пучину дофаминового шторма. Локоны Аулани пахли медью; кожа – магнолиями. И всю ночь, до рассвета, над нами, как хор покидающих землю ангелов, гудели робопчёлы, безнадёжно пытаясь опылить несуществующие цветы.

Сергей МОСКВИТИН
Новосибирск

СКАЗКА НА НОЧЬ

Виктор и Лиза любили друг друга и были счастливы в браке.

Так уж сложилось у этой семейной пары: после интимной близости он говорил ей: «Иди ко мне». Она пристраивалась к нему под бочок, положив голову на плечо, просила погладить по голове и что-нибудь рассказать.

Голос любимого действовал на неё умиротворяюще и расслабляюще, лучше всякого снотворного. Виктор начинал что-то говорить, увлекался, как всегда, и только когда замолкал, слышал тихое, мерное посапывание любимой женщины: Лиза спала.

Лизе, собственно, было всё равно, что ей рассказывает Виктор. Ей нравился сам процесс. Правым ухом она слышала сердцебиение любимого, левым – его голос, и эти звуки, сливаясь, исправно уносили её в волшебную страну Морфея.

Сначала Виктор вспоминал для Лизы истории из своего детства и юности, потом – задумки и сюжеты для рассказов, которых в его голове всегда было много. Он считал, что это хороший способ «обкатать» произведение, довести его до ума. Одно время Виктор угощал Лизу на ночь «сказками» про Александра Александровича Чуваркова – чудаковатого коллегу по работе, который был страстно увлечён минералогией и повсюду взахлёб говорил про свои любимые камни – халцедоны, агаты, сердолики, турмалины, пириты... Сан Саныч наполнил камнями сначала свою квартиру, потом рабочий кабинет, и всё никак не мог

остановиться. Разумеется, коллегам по работе и всем своим друзьям по всякому поводу Сан Саныч дарил только камни. Он считал, что в городе нужно непременно открыть мастерскую по обработке камней, потому что «мы сами не понимаем, каким богатством обладаем и ходим буквально по драгоценностям!»

Лизе «сказки» про Сан Саныча нравились, поэтому она иногда даже сама просила, блаженно устраиваясь на плече мужа: «Расскажи мне что-нибудь про своего Чуваркова».

Впрочем, истории про Чуваркова быстро иссякли. Ну сколько можно вспоминать, по сути, одно и то же? Поэтому, когда Лиза в очередной раз попросила мужа что-нибудь рассказать ей, тот даже растерялся:

– Хорошо, сейчас я тебе… Я тебе… Что бы тебе рассказать, солнышко?

И неожиданно для самого себя начал:

– Понимаешь ли, солнышко, на нашей планете существует много форм жизни. Они рождаются, развиваются, достигают какой-то наивысшей точки развития – и умирают. Одна форма жизни за другой. Так устроен мир. Например, наряду с человечеством на Земле живут бактерии. Повсюду – в воде, в воздухе, в земле и даже в самом человеке. Общая масса всех бактерий на Земле во много раз превышает общую массу человеческих тел. Можно сказать, они настоящие хозяева на Земле, а не мы. Помимо нас, на Земле, вокруг нас, живёт много разных сущностей и существ. Просто мы их не видим и не замечаем. Сосуществуем с ними, как с бактериями. Можно сказать, мы живём в параллельных мирах, почти не соприкасаясь друг с другом. Лишь иногда, в редкие моменты соприкосновения параллельных миров, мы видим всех этих снежных людей, призраков, инопланетян…

Нынешняя человеческая цивилизация не первая на Земле. Человек рождается и умирает, цивилизации рождаются и умирают. Но во все времена разумные существа на Земле задавались вопросами: как устроен мир и для чего мы живём на Земле?

Такова уж природа человека: ему хочется как-то объяснить мироздание. Во все времена и цивилизации человек

придумывал свои теории насчёт того, как устроен мир. Все религии на Земле – те, что канули в Лету, и те, что существуют и поныне, это всего лишь теории, пытающиеся дать ответ на вопрос «как устроен мир?»

Учёные всех времён и народов тоже создают свои теории. По одной из теорий информация, которую человек накапливает за всю свою жизнь, не исчезает после его смерти, а попадает в общую копилку – ноосферу. Ноосфера – это гигантский компьютер, хранящий множество файлов. Каждый файл – это информация о жизни, прожитой одним человеком. В ноосфере хранятся файлы всех людей, когда-либо живших на Земле. В том числе и прошлых цивилизаций. В то же время ноосфера – это коллективный разум Земли. Возможности и способности этого коллективного разума потрясающие. Ноосфера – это, можно сказать, истинный бог, который управляет нашей планетой.

Некоторые люди на Земле обладают способностями подключаться к ноосфере и считывать оттуда информацию. Связь с ноосферой даёт им сверхспособности. Такие люди были во все времена, сейчас их называют экстрасенсами.

Но даже эти люди – экстрасенсы – не могут объяснить то, как устроен мир и для чего живёт человек. Я искренне убеждён в том, что истина – это бездонный океан, человек же слишком мелок, чтобы вместить в себя истину. Человек – это всего лишь муравей на Земле. А отдельный муравей просто не способен вместить в себя всю информацию коллективного разума и постичь истину. Да и нужна ли ему эта истина? Не помешает ли она ему жить?

Для чего живёт человек? Есть ли смысл в его жизни? А есть ли смысл жизни у муравья? Нет. Это всего лишь форма жизни. А любой форме жизни присуще рождаться, развиваться и умирать. Что толку с того, что далёкая первая цивилизация людей на Земле жила, развивалась, пыталась ответить на извечные вопросы – как устроен мир и для чего живёт человек? Люди жили, выдвигали теории, писали книги, создавали произведения искусства. Всё превратилось в прах. Так будет и с нами.

И смысла в этом никакого для отдельно живущего человека на Земле нет…

Виктор, как всегда, увлёкся. В ночной тиши лишь часы на стене приглушённо отстукивали секунды. Он перевёл взгляд на окно. Ворона-ночь держала во рту, словно сыр, кусочек луны; весело перемигивались звёзды. Лиза мерно посапывала у него на плече, доверчиво прилепившись к нему маленьким магнитом. Хорошо, что она не слышала его последних слов. Потому что это неправда. Каждый человек находит в земной жизни свой смысл.

Лиза сладко посапывала у него на плече. Виктор блаженно улыбнулся, по телу его пробежали мурашки удовольствия и счастья. Он обнимал самое дорогое для него существо на Земле – любимую женщину, смысл его жизни.

Людмила ТОБОЛЬСКАЯ
Сафферн, штат Нью-Йорк, США

ЗНАКОМСТВО

(Из книги «Жизнь как неизбежный черновик)

В начале 70-х годов я получила новую работу в Управлении культуры. С интересом предвкушала мое инспекторство-кураторство в московских музеях, связанных с изобразительным искусством: Рублевский музей, музеи Кусково, Останкино, музеи-квартиры Виктора Васнецова, его брата-художника Аполлинария и другие…

В первый мой рабочий день, проверяя на входе мой пропуск, дежурная подала мне журнал со словами:

– Это вашему коллеге, тоже в отдел музеев, почта пришла. Передайте.

По дороге я мельком взглянула на конверт. Журнал «Литературная Грузия».

В комнате отдела музеев, рассчитанной на четырех сотрудников, сидел только один человек средних лет с волнистыми темными волосами.

– Здравствуйте, – сказала я, – тут журнал кому-то…

– Это мне, – он поднялся мне навстречу, – материал мой, наверное. Я сотрудничаю.

Он подошел, взял у меня журнал и, машинально перебирая страницы, сказал:

– Я, знаете ли, из Грузии, из Тбилиси…Вы были когда-нибудь в Тбилиси?

– Нет… то есть да. Забавно, я была в Тбилиси, но совсем ничего не помню – мне был тогда всего год с небольшим.

– Год?

– Ну да. Очень давно, перед самой войной, летом сорок первого года. Тогда театр оперы и балета, где работали мои

родители, приехал на гастроли в Тбилиси. Пришлось взять меня с собой, взяли еще и младшую сестру мамы, студентку, которая была на каникулах. Она сидела со мной, когда моя мама-балерина была занята. Вот я и провела много времени около тбилисского оперного театра в коляске под надзором тети. Но ничего не помню.

– А я жил как раз напротив. Был школьником и хорошо помню гастроли русского театра. Моя родственница проводила меня по служебному входу без билета, и я был почти на всех спектаклях. Я приходил заранее и хорошо помню, что почти всегда в ожидании пока меня проведут, сидел на лавочке вместе с девушкой и ее маленькой племянницей в красивой коляске.

Я слушала удивленно.

– Маленькая девочка чаще всего спала. А если нет – я артистически читал свои тогда еще очень несовершенные детские стихи… Они обе были моими первыми слушательницами.

– Да-да, тетя говорила, что какой-то мальчик, Боря, подружился с ними и все время читал свои стихи.

– Послушайте, вы понимаете, что Боря – это я и есть?

– Боже мой! Вы тот Боря?

Я была потрясена.

– Ну, не совсем тот. Я успел с тех пор окончить Литинститут. Вот работаю… Литературные музеи…

– Да ведь мы, кажется, будем теперь работать здесь вместе? Давайте же знакомиться!

– А я и так знаю ваше имя. Вы – Зоина племянница Люсенька.

Мы рассмеялись и подали друг другу руки.

– Борис Семенович.

– Людмила Аркадьевна.

Знакомство заново через тридцать лет.

ГОСТЬ

Рассказ-письмо
(Из книги «Жизнь как неизбежный черновик»)

Опишу тебе один случай, я жила тогда в Джорданвилле. Русский монастырь. Первое января.

Главный там монастырский праздник через несколько дней, по церковному календарю. Рождество. А Новый год – это «для мира», хронологический рубеж, признается, но не празднуется.

Как-то заканчиваю я отбрасывать снег со своего драйв-вэя и вижу, что по обочине бредет мимо кто-то в черном подряснике и курточке с капюшоном. Приближается – вполне замерзший, очевидно, один из новеньких семинаристов. Незнакомый. Поравнявшись, кланяется мне, говорит непослушными губами:

– Здравствуйте, матушка.

– Добрый день. Замерзли?

– Да, нерасчетливо я оделся, пока дошел до почты, совсем продрог...

– До почты? Но ведь сегодня она закрыта – первое января.

– Ну да... Я и забыл, что у них Новый год сегодня. По рассеянности поплелся.

– Хотите чаю горячего? Я как раз собираюсь...

В глазах его появляется мечтательное выражение, и он, поблагодарив, плетется за мной.

У меня в доме иллюминация, на столе маленькая новогодняя композиция – память по празднику в СССР, который там как раз праздновался вместо Рождества. Я назвала свою композицию «Новогоднее Лебединое озеро». Собственно, это не только память о советском Новом годе, но и память о моей маме-балерине: елочка на берегу

зеркала-озера, по которому плывут маленькие белые пластиковые лебеди… Спрашиваю:

– Вам чаю или кофе?

– Ну что вы, матушка, нам кофе в пост нельзя, баловство.

Налила ему чаю. В розеточку положила изюму и орешков. Все склевал и выпил медленно, отогреваясь с наслаждением.

Поднявшись из-за стола, поклонился опять:

– Спасибо, матушка, что приняли во мне участие. Дойду теперь без труда.

Лет ему примерно 25.

Во время чаепития разговору никакого как-то не случилось.

Имени его так и не знаю. Но – будущий пастырь…

Лирический портрет

Алексей ОСТУДИН
Казань

СМОТРИ, ФИГУРУ РЕЧИ НЕ ЗЕВНИ...

Аб ово

Устал учителям перечить, носить с лампасами трико,
пора умнеть начать от печки, но печка слишком далеко,
лови июльский полдень хлипкий – будь осторожен,
не сломай,
в саду бодаются улитки за право раздавать вай-фай,

в душе безоблачно и плоско, как будто в небе, за спиной,
от солнца стрелы на присосках отскакивают по одной,
не мудрено, впадая в детство, грозить грядущему
отсель –
на нервы псу цепному действуй, грызи прессованный
кисель,

а хочешь, заново родишься, тем более, умрёшь не весь,
когда Вселенной манит вишня к себе под золота навес,
подвёл кого-то, где-то струсил, в зачётке свежая печать,
и девушка на первом курсе, с которой некогда начать.

Жара

По ромашкам топая с утра как бы о пчелу не уколоться,
замер на цепи кадык ведра в горле пересохшего колодца,
на лесной тропинке не забыть приостановиться,
чтоб по кромке
нитки зажигалкой подпалить накануне купленной ветровки,

чёрный ворон целит, как наган, земляники в хворосте
не слишком,
по ветвям настукавшись, к ногам, выкатилась
взорванная шишка,
это белка проявила прыть, ей в сосне местечко
дятел выел,
сядешь на пенёк перекурить – разбегутся
кольца годовые,

а вокруг незримая борьба, в чаще что ни пёрышко –
улика,
шляпу окосевшего гриба сладострастно щупает
улитка,
от избытка местной красоты станешь вдохновенней
и богаче,
ветку, пробираясь сквозь кусты, грубо отведёшь –
получишь сдачи,

время тоже слишком не тяни, будто нейросети
постарались –
девушку, уснувшую в тени, примешь за начало
пасторали,
с томиком «Над пропастью во ржи» ласковой улыбкой
озадачит –
прогуляться к речке предложи, пусть научит
плавать по-собачьи.

Попутная

Кукушки монотонное сопрано,
валежника вокруг невпроворот,
сквозь хвою солнце целится в забрало,
и глазомер поэтому не тот –

обречены очки на месте лобном,
поверхность линз, как совесть, нечиста,
потянешь носом – мокрый и холодный,
хоть облысела репица хвоста,

умылось небо радугой павлиньей,
настырный дятел эхо применил,
недавно лужи корчились под ливнем,
теперь сплошной запиленный винил,

тропинки рокируются всё реже,
смотри, фигуру речи не зевни –
накрашенные губы сыроежек,
под старость, разъедает соль земли,

трухлявый пень сморкается сморчками,
нечаянно рябину потрясу –
с мест повскакав, кузнечики щелчками
сбивают с подорожников росу,

запутавшись в корнях, ручей затинькал,
сверкает стрекоза над васильком,
чтоб не мешали камушки в ботинках,
оставлю здесь, и дальше – босиком...

Киммерия

Приморский городок, бакланов ругань,
забронзовевший пляж бульвара перед,
где волны соревнуются друг с другом,
какая дальше выскочит на берег,

поджарый кипарис настропалился
за облака, да корни не пустили,
пятиэтажки в брызгах барбариса
и здание суда в барочном стиле –

вокруг шипит акация пивная,
сдувает ветер бабочек с порога,
цепную карусель напоминают
весы у правосудия слепого –

водружена ещё при Лиге наций
скульптура, нам же весело и просто

вокруг Фемиды по небу кататься,
распутывая цепи с перехлёстом,

не то чтобы друг другу стали ближе,
не все, достигнув цели, уцелели,
когда бы, заигравшись цепью рыжей,
не зареклись от этой карусели,

просвечивали уши, как физалис,
дневные лампы чаек трепетали,
а мы крутились и не зарекались
от нищеты и будущих баталий –

как разобраться вдруг чего мы стоим,
куда и кем вдоль берега ведомы,
где море целый день шуршит прибоем,
довольно потирающим ладони.

Эльвира КУКЛИНА

СОРВИСЬ, КАНОТЬЕ, – И КАТИСЬ МОСТОВОЙ!..

Сонет о творчестве

Священнодействие брожения –
Подспудный, тихий труд закваски.
...Не торопясь воображение
Готовит кисти, ищет краски.

Излишние телодвижения
здесь неуместны.
Без огласки
вершится смысла обнажение –
За слоем слой слетают маски.

Так день ко дню неделя нижется:
Емеля дремлет – печь не движется.
– Проснись, дубина!
– Встань, балбес!

Но он-то знает: дело спорится.
Как ни беснуйся – не ускорится.
Идет процесс.
Идет – Процесс.

Словарная работа

Свобода!
Довольно дружить с головой.
Сорвись, канотье, –
и катись мостовой!

Подальше беги от разумных голов –
Им – каменный хлеб и железный улов.

Лети, канотье,
налегке,
без помех,
Не мучаясь выбором –
смех или грех,
Дельцов обгоняя –
и праздных гуляк,
Рвачей,
оборванцев – в кармане голяк,
Незримое нечто, чей дом – небеса,
Давно никуда не спешащего пса...

Ты – горстка соломы.
Ты – ветошь,
старьё.
И стёрто из памяти
имя твоё.
Забытое напрочь,
как обруч серсо,
Ненужное –
пятое – ты колесо...

Здесь бредят шмотьём
и клюют на Картье.
Катись без оглядки,
катись, канотье.
В толковый словарь –
закатись,
затаись.
Дремли себе –
Канта и кантора близ.

Недо-побег

Через толпы теней, через толщу тенёт
Мы прорвемся с тобой в нескончаемый год,

Где свеча, темноте подарившая треть,
Будет чисто гореть – не чадить и не тлеть.

Там весомо-незыблемы слово и вещь,
Безмятежен твой сон – даже если зловещ,
Лучезарен твой путь – даже если в тупик.
Там ты точно успеешь – хотя бы впритык.

Ну давай же рискнём –
а чего нам терять?
За плечами – ошибок несметная рать.
Тут без нас обойдутся и эти и те,
Перебьются и так –
в суете-маете.

...Почему же беспомощно так, в темноте,
Твой покинутый чайник свистит на плите?

Романс. Октябрьское

...А нынче всё косится в сторону.
Марина Цветаева

Твои глаза глядят в упор…
А в них?
Сомнение?
Укор?
Досада?
Горечь?
Боль?
Всё – мимо.
В них нечто, что неуловимо.

Но шепчет женское чутьё:
– Победа за тобой.
Твоё!

…Твои глаза глядят в упор.
В них –

то обида,
то укор,
то боль,
то гнев,
то злость,
то лёд.
И сердце молча слёзы льёт,
Но чувствует (оно живое!),
Что мы с тобой не врозь –
Нас двое!

…А вот и надпись крупно:
«ВРОЗЬ».

Не получилось.
Не срослось.

Ты смотришь мимо,
а не прямо.
Ну что ж?
«Финита» мелодрама.

После грозы

У окошка – створки настежь,
Шторы – напрочь отсырели.

Прямо в щёку дышит счастье –
Куст заплаканной сирени.

Мокрый-мокрый после ливня,
Дышит – в самом сердце мая.
Наревелся – и счастливый:
Спит, за шею обнимая.

Чайная сказка

Хочешь, я сказку тебе расскажу
Цвета вчерашнего чая?

...Будет устало желтеть абажур,
Круг на столе освещая...

Где-то пожизненно чахнет сервиз.
Стынут две чайные чашки.

Сказка – с какого конца ни берись –
Скучная.
Штампы.
Натяжки.

Пара героев.
Банальный финал.
Что тут, дружище, добавить?

...Снизу сосед пятилетний не спал –
Маме и бабушке спать не давал.

Вот ведь счастливые...
Да ведь?

Надежда КНЯЗЕВА
Арзамас

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ АВГУСТА...

Периферийные сюжеты

Все полустанки похожи до дрожи:
Ветками американского клёна,
Пухом какой-то травы придорожной
(Всех не запомнишь зелёных имён их),
Жареными пирожками на станциях,
Скороговоркой диспетчера скучной,
Цветом акации, пивом по акции,
Тишью и глушью.

Ты мимоходец, проглоченный заживо
Длинной змеёй металлической, – что в тебе,
Эти бараки и башни не зажили?
Эти окраины не заболочены?
Знают тебя и в лицо, и по имени -
Так вот и носишь обшарпанным нимбом
Эти сюжеты периферийные
Где бы ты ни был.

* * *

пчела не узнаёт человека в лицо и
целует его прямо в майку с виктором цоем
звезды по имени солнце огненные языки
принимая за подсолнечные лепестки

пчела улетает искать новую цель
цой улыбается краешком рта в пыльце

* * *

Золотое сечение августа,
Золотое течение дней.
Словно мёд, на закате вода густа,
Гладит глыбы подводных камней.

Август – ключ, межключичная ямочка,
Эйфорический трепет ресниц,
Афоризм, попадающий в яблочко,
Так, что яблоки падают ниц.

Переспевшие ядрышки августа
Так и светятся сквозь кожуру.
Не гони нас из сада, пожалуйста,
Не желай для нас ада, пожалуйста,
Дай ещё постоять на ветру.

* * *

Джинсовое небо, глаза цвета цикория.
Распаханный пласт дрожит стрекозиной стаей.
Пока потерпи, это лишь боль, не более.
Все раны – рано ли, поздно ли – зарастают.

Скажу тебе слово – ласковое, весомое.
Проплачешься ливнем – станет немного лучше.
Душа твоя рваная, клёпаная, джинсовая
Когда-нибудь станет ветреной и летучей.

Свинцовая туча от молний трещит помехами,
Ромашки растерянно хлопают мотыльками.
Смотри, пустота, звенящая за прорехами,
Уже изнутри светится васильками.

Калико́тка

любое дитя является на свет немым,
только щебет и крик вложены в его уста.

у него впереди примерно два года,
чтоб научиться владеть розовым языком,
чтобы заполнить сознание тем, что вокруг,
чтобы успеть забыть сонное небытие
и ненароком не рассказать лишнего
суетным взрослым,
давно отделенным
от пульса пуповины мироздания.

когда моя девочка выучилась говорить,
мир изменился, полный ее словами:
слышишь, как птичка чи́вит?
слышишь, собачка а́вит!
какой звенящий цветок – ка-лен-ду-ла!
какой маленький крокодил – ящерица!
небо – это перевернутое море!
вода бирюзовая или берёзовая?

смотри-ка, это трава каликотка!

эту простую с метелочкой сорную травку,
просторно растущую возле любой обочины,
я никогда не знала как звать по имени
(только потом нашла её в старой книжке,
и эта латынь мне ни о чем не сказала),
но так уверенно голос ребенка звучал,
будто назвал незабытого старого друга,
что стало понятно:
в зарослях райских
с пальмами, смоквами, розами наравне
шелестят у дороги луга
из каликоток.

Из будущих книг

Александр ЦИБЕРКИН
Санкт-Петербург

ТОНЬКА

Моей маме, Антонине Фёдоровне,
посвящается

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины…
Константин Симонов

Глава 1. Утренняя

Светает…Зарождающийся июльский день осторожно прокрадывается в хату. Проснулась большая жирная муха, ночевавшая на оконном стекле, и теперь носится, противно жужжа. Тонька сладко потянулась и не стала открывать глаза. Она лежала и прислушивалась к звукам просыпающегося дома.

Рядом мерно посапывает сестрёнка, Манька. С Манькой они спят на печи, укрывшись лоскутным одеялом. Манька, Маня, она же и Мария, старше Тоньки на четыре года. Осенью пойдёт с седьмой класс, а там и учёбе конец – пора зарабатывать трудодни в колхозе.

Скрипнула половица в родительском углу хаты и оттуда донеслось глухое покашливание – проснулся тятя. От запаха махорки защекотало в носу – тятя подошёл к печи за сапогами. Опять скрипнула половица, вышел на двор. Досаждавшая Тоньке муха, воспользовавшись случаем, вылетела следом.

Стук ухватов у горнила печи – это мамка начала утренние хлопоты. Достаёт горшок с кашей, томившейся всю ночь на вечерних углях.

Тонька нащупала рядом с собой любимую куклу и открыла глаза – пора вставать. Стараясь не разбудить Маньку, сползает с печи и натягивает платьице, дожидавшееся её в запечке. Прижимая куклу к груди, осторожно выглядывает из-за печи. Мамка, маленькая, ладненькая, в фартуке поверх платья и белом ситцевом платке, хлопочет у печи и поначалу не замечает Тоньку, и та, застыв, любуется ею. Заметив наконец младшенькую, мамка ворчит:

– Устала ни свет ни свитанок да путаисси пад нагами!

Тонька, загнув угол льняного полотенца, укрывавшего краюху хлеба, украдкой отщипывает от неё небольшой кусок и выбегает на двор. На крыльце сидит тятя и дымит «козьей ножкой». Тонька садится рядом и прижимается к отцу.

– Ни сьпицца, пастрялёнак, – отец ласково обнял дочку, отгоняя табачный дым.

– Я к Просе, можно, тятя? – Тонька выскользнула из под отцовской руки.

– Ну иди, поздароувкайся, – усмехнулся отец, – тольки глядзи, асцярожней там, чушка-то у нас дужа бальшая.

Тонька, оставив куклу на крыльце, через калитку проникла на задний двор и подошла к хлеву. Прося уже не спала и, пригнув башку под загородку, что на входе в хлев, принюхивалась, озабоченно поводя пятачком туда-сюда – мол, скоро ли кормить будут. Тонька присела перед ней и протянула на ладони кусочек хлеба:

– Проська, Проська – на!

Прося осторожно ткнулась пятачком в хлеб, а потом – чмок-чмок и нет хлеба. Тонька гладит чушку по башке.

– Просенька, харошая мая!

Прося млеет, прикрыв бесцветными ресницами маленькие глазки.

– Паздароувкалася?! – сзади незаметно подошёл тятя. – Давай адсюдава, мне хлеув чысциць трэба.

Тонька вернулась к крыльцу и уселась лицом к солнцу. Оно недавно выбралось из-за горизонта, но уже основательно пригревало щёчки. Знать днём опять будет зной. Жаркое лето выдалось в этом году, никак из-за войны, как утверждает Манька. Она доходчиво объяснила Тоньке: «Многа из

пушак стряляюць, из ружжаув да и шча бомбы кидаюць, – во и гарачо ад гэтага!»

Потянувшись за куклой, Тонька прижала её к груди и начала баюкать. Хорошо мамка не видит, а не то опять начнёт браниться: «Бальшая ужо с куклами грацца! Сестрам памаги па хазяйству!»

Так-то оно так, Тонька и сама знает, что большая – в третий класс перешла. Читать, писать и считать умеет! Хорошо учится – ударница! Любит Тонька учиться и школу свою любит. С удовольствием бежит туда – всего-то две с половиной версты до Бородёнок, где и находится сельская семилетка. Дорога кукла Тоньке, её братка Гераська из куска липы вырезал. Руки и ноги соединил проволокой, проткнув её через туловище куклы. Так что ими можно было вращать! На круглой кукольной голове он химическим карандашом нарисовал красивое лицо.

Гераська вместе с отцом и братьями, Захаркой и Иванькой, трудодни на скотном дворе зарабатывал. Женился Гераська на тихой и невзрачной Ганке из Бородёнок и живёт отдельно, в своей хате. А хата та – развалюха, её зыковские мужики хотели разобрать на дрова, да Гераська уговорил «обчество» отдать ему. Мамка выделила им с Ганкой на обзаведение хозяйства ухват и пару чугунков. А постельное бельё было приданым невесты.

Тонька очень любит Гераську, с малолетства он нянчился с ней и играл. Наверное, потому что своих детей Господь им с Ганкой так и не дал. Бывало, мамка как увидит, что Гераська опять забавляет маленькую Тоньку, так сразу начинает ему выговаривать:

«Сваих детий давно пара народзиць, да видаць баба твая пустая!»

С Захаркой и Иванькой у Тоньки особой теплоты в отношениях не было – братки и братки. Захарка тринадцатого года, на два года младше Гераськи, а Иванька – двадцатого. Мамка Захарку всё ругала, что до сих пор не женился – пора мол уже своим хозяйством жить. А Иванька – комсомольский активист, гордость родительская и надежда!

На войну забрали Гераську и Захарку сразу, в первые дни. Какая-то мобилизация забрала, так тятя Тоньке объяснил. Страшно за братьев, а что если убьют их на войне!

«А як жалка Иваньку, як жалка!» – мысли у Тоньки перескочили на младшего из братьев. Этой зимой посадили Иваньку в тюрьму! А за что? Тятя сказывал – по дурости.

Молодые парни – комсомольский актив – ездили в Касплю на районную конференцию. Для поездки правление колхоза выделило активистам лошадь и сани. После конференции, по этому случаю, парни выпили малёхо. Возвращались домой весело, с песнями. А навстречу им, тоже на санях, председатель соседнего колхоза. Колея для саней одна, не разъехаться. А кругом глубокий снег! Уступать дорогу никто не хотел. Слово за слово – и драка! Дурак какой-то взял и пырнул председателя ножом. Слава богу, не сильно, больше для острастки. Судили всех – того, кто пырнул посадили на три года, а остальных на два.

Тяжело вздохнув, Тонька вернулась к утренним заботам. «Ах, Госпади!» – Татянка-то у неё голая: «Падзи замерзла!». Тонька метнулась в хату, на печи нашарила тряпицу и любовно завернула в неё куклу. Пробегая мимо мамки, опять схлопотала от неё:

– Во ягаза, спала б дурёха! Вырасциш, бабой станиш – так ужо увдоваль ни паспиш!

На крыльце Тонька столкнулась с другой сестрой, Ганкой, вернувшейся домой после утренней дойки. Ганка совсем взрослая – шестнадцать лет. После Бородёнковской семилетки работает на колхозной ферме.

– Ишь ты, выскачыла! Чаво ни спицца-то? – покачала головой Ганка и прошла в хату.

Тонька показала язык в спину сестре: «Э-э-э!..» – и уселась баюкать Татянку. Она с улыбкой наблюдала за Проськой, как та, весело похрюкивая, наматывала круги вдоль ограды. Это тятя, пока чистил хлев, выпустил её на волю…

Глава 2. Тревожная

Третий день тятя ходит хмурый и тяжко вздыхает, третий день слышно, как где-то далеко-далеко, за Днепром, стреляют пушки. Днём туда же летят двухмоторные серебристые самолёты. Тятя говорит, что это наши. Обратно возвращаются не все, а за некоторыми тянутся чёрные дымные следы.

На чистом голубом небе они особенно заметны. Тонька, сжав кулачки, с тревогой смотрит на небо: «Тильки бы яны уси вярнулись!».

Деревенские мужики, собравшись кружком покурить да потолковать, тишком делятся последними слухами – мол, немцы Днепр форсировали.

– Тятя, тятя! Як ета хварсирували? – услышав взрослый разговор, донимала отца Тонька. Но тот только досадливо махнул рукой,

– Ну, пераплыли на други берах.

И Тонька представила, как немцы, страшные с рогами и хвостом, плывут через Днепр, вращая теми хвостами, как винтом…

Из-за пологого бугра, что сразу за хатой, показалась лошадь, впряжённая в телегу. Правил лошадью незнакомый Тоньке бородатый мужик.

– Хвёдар Иваныч! – крикнул он, придерживая лошадь у их крыльца.

– Случилось чахо? – тятя закрыл калитку на двор.

– Велина тибе и ящё траих ваших отвесть у правление, на савещанию!

Тятя забрался в телегу и наказал Тоньке:

– Мамки скажи, у Бородёнки уехал на совещанию!

Телега скрылась за бугром, а Тонька бросилась в хату.

– Мамка, мамка! Тятя ув Барадзёнки паехал на собранию!

Встревоженная мамка осела на лавку, положив натруженные руки на колени:

– Видац, савсем плахи дела…

* * *

Втора танковая группа Гудериана, рвавшаяся к Смоленску с юго-запада, 10 июля форсировала Днепр сразу в двух местах, севернее и южнее Могилёва, тем самым замкнув кольцо вокруг города. Блокировав Могилёв с окружёнными частями Красной Армии, ударная группировка Гудериана продолжила наступление на Смоленск. Подошедшие немецкие пехотные части занялись Могилёвым.

Третья танковая группа Гота наступала на Смоленск с северо-запада. По замыслу генерального штаба вермахта

эти танковые клинья должны сомкнуться восточнее Смоленска.

Кризис в районе Могилёва сподвиг власти Смоленской области начать срочную эвакуацию из западных районов населения, колхозной техники и скота.

Три армии Западного фронта, сосредоточенные западнее Смоленска, пока и не подозревали о незавидной участи стать окруженцами. Из штаба фронта поступило срочное распоряжение специальными воинскими командами содействовать эвакуации. Особое требование – сжигать посевы хлеба и жилые дома, вынуждая население уходить на восток. Ничего не оставлять врагу!

Эти роковые события второй декады июля 1941 года изменили устоявшийся уклад жизни в Зыках.

* * *

Тятя вернулся в деревню после полудня в компании незнакомых мужиков из округи. Их назначили в команду для угона колхозного скота в сторону Смоленска. Тятя – Фёдор Иванович Блинов, он же «Большак», по причине своего почтенного возраста, как-никак, а 59 лет, отвечал только за формирование стада коров, «квартировавших» в зыковских яслях.

Ближе к вечеру ясли опустели, и коровы, понукаемые погонщиками, попылили по просёлочной дороге на Бородёнки. Возле опустевшего колхозного гумна собралось «обчество». Долго судили-рядили и наконец постановили: в «отступ» не уходить и вёску не покидать. По первоутроку решили с лопатами идти на косогор и рыть там «окоп», для хоронения нажитого и своих голов…

Вечерять сели с заходом солнца. Мамка нажарила любимых Тонькиных драников. Ели их с густой сметаной, что холмилась в глиняной чашке посередь стола. Взрослые, Манька была к ним причислена, макали драники в сметану и отправляли их в рот. Тоньке как маленькой дозволяли брать сметану ложкой и покрывать ею драники.

Когда расправились с драниками, тятя поведал о решении «обчества».

– Наста, душенька! – взял он мамкину ладошку. – Збирай нажытое: чугуны, посуду, адзёжу цёплую, зимнюю абутку да валенки, на чём спаць и чим укрывацца возьми.

Тятя замолчал, уткнувшись лбом в ладони.

– Ну а я – струмент какой и всё по хозяйству возьму.

Выслушав тятю, Тонька сразу решила, что обязательно возьмёт все учебники и тетрадки, полученные в школе перед каникулами.

Солнце основательно закатилось за горизонт и над вёской раскинулось бескрайнее звёздное небо. Тятя погасил керосиновую лампу, висевшую над столом.

– Усим по лаувкам и спаць! – вышел на крыльцо, посмолить перед сном.

Тонька с Манькой забрались на печь и укрылись одеялом. Ни тятя, ни мамка, ни сёстры Тонькины не знали, что это их последняя ночь в родной хате.

Глава 3. Страшная

Солнце ещё только собиралось проснуться, а тятя, вооружившись лопатами, уже ушёл с «обчеством» рыть «окоп». Ганка, старшая сестра, этим утром осталась дома – колхозная ферма опустела, некого было доить, не за кем было ухаживать. Старшей Ганка была здесь, в родительском доме, а вообще-то у Тоньки есть ещё одна сестра, вот уж старшая так старшая. Это Маланья, мамка зовёт её Малашкой.

Маланья, по мужу Солянкова, живёт своей семьёй в вёске Савенки. Далековато от Зыков, тятя говорил, вёрст десять будет. Тонька там не была ни разу, а Маланья иногда навещала батьков. Однажды пришла со старшим сыном, Вихтаром. За обеденным столом все смеялись над ним и Тонькой: «плямянник-та, плямянник на дзевяць лет младшы цётки!» Бывает и такое, когда между сёстрами двадцать восемь лет разницы!

Пришла Гераськина Ганка, и все вместе начали собирать вещи и вязать их в узлы. Тонька пыталась им помогать, но была отправлена на двор с наказом, чтобы в хате не появлялась.

День, как и предыдущие, не баловал прохладой, солнце не скупилось на лучи, раскаляющие воздух. Лёгкий ветерок

не приносил облегчения, и Тонька спряталась в тени высокой сосны, росшей неподалёку от их хаты. Не слышен ставший привычным в эти дни грохот пушек, доносившийся с юго-запада. Тревожная тишина обволокла вёску, даже хозяйские собаки и те перестали лаять. Мужики ушли рыть «окоп», колхозный скотный двор вымер, а бабы по хатам собирали вещи для схрона. Тревожно было на душе у Тоньки…

После полудня вернулся тятя, толкая перед собой двухколёсную деревянную тачку. Металлические колёса со спицами он позаимствовал у списанной сеялки на колхозном мехдворе. Пока мамка с дочками и невесткой укладывали в тачку собранные узлы, тятя отдыхал. Он сидел на лавке, сложив руки на коленях и опустошённым взглядом уставившись в пол. Тонька сложила в холщовую суму учебники, тетрадки, карандаши с ручками и перекинула её через плечо. Любимую куклу не выпускала из рук.

Зыковские мужики на двадцать семей отрыли траншею, из расчёта где-то по полторы сажени на семью. Глубина этой траншеи, упорно называемой зыковцами «окопом», была более полсажени, а от стенки до стенки – чуток шире плеч крепкого мужика. Выбранный из траншеи грунт на тачках свезли под косогор, на заболоченную низину у ручейка, и раскидали. Дно «окопа» и стенки укрепили фашинами из ивовых прутьев. Сверху укрыли крышками из старых досок и замаскировали всё дёрном и мелкими ветками деревьев.

Тятя со своим бабьим войском и нажитым начали обживать полторы сажени «окопа». На дне траншеи они с Настой принимали сверху от дочек нажитое и раскладывали по местам. Тонька, в паре с Манькой, передала тяте последний узел и оглянулась. На просёлке со стороны Бородёнок заклубилась пыль.

– Гляньтя-ка, еда хто-та! Ци не немцы ж? – всполошилась Тонька, дёргая Ганку за юбку. Та, прикрыв ладонью глаза от заходящего солнца, долго всматривалась в просёлок.

– Тятя, тятя! Военныя едуць на грузовой и матацыклетка. Похожа, наши! – встревожилась Ганка.

Тятя, отжавшись руками о края «окопа», выбрался наружу. В сторону Зыков пылила полуторка с красноармейцами

в кузове, а впереди на мотоцикле ехал командир в фуражке и защитных очках.

– Наста, дай-ка картуз! – потянулся рукой к жёнке. Нахлобучив его на голову, наказал своим бабам: – Ховайтесь ув акопе, а я пайду проведаю!

Отойдя пару шагов, обернулся и махнул в стороны жёнки.

– Тутай, ждац меня!

* * *

Военные остановились на выгоне у опустевшего скотного двора. Туда же начали стекаться мужики, хозяева подворий. Красноармейцы расселись на траве и закурили. Командир с тремя кубарями на петлицах прохаживался перед ними, ожидая, когда соберётся «обчество» – своего рода деревенский парламент. На его запылённом и обожжённом солнцем лице выделялись светлые круги, оставленные мотоциклетными очками вокруг мертвецки уставших глаз.

Фёдор Иванович подошёл как раз вовремя.

– Здаровенки были! – сняв картуз, с лёгким поклоном поздоровался Фёдор Иванович.

– Здравия желаю! – козырнул старший лейтенант.

– Так мы видались нынче, Хвёдар Иваныч! – нестройным хором отреагировали, собравшиеся мужики.

Откашлявшись, командир левой рукой взялся за полевую сумку, перекинутую через плечо, а большой палец правой руки заложил под широкий командирский ремень.

– Товарищи колхозники! Командование Красной Армии по согласованию с советскими органами приняло решение о срочной эвакуации населения из пунктов, что западнее Смоленска. А потому времени рассусоливать нет ни у вас, ни у меня, – в его уставшем взгляде появилась решительность и желваки заходили на скулах. После небольшой паузы, чеканя каждое слово, продолжил: – Срочно по избам, собирайте домочадцев и барахло, что можете унести. На всё про всё у вас, – старший лейтенант взглянул на часы, – тридцать минут!

– Далее организованно следуете через Бородёнки в Смоленск. Ежели ходко пойдёте, то к полуночи будете на месте.

На жэдэ вокзале располагается эвакопункт, там вас определят в эшелон и отправят дальше на восток!

– А хазяйства наши, хаты?! – загалдели мужики.

– Товарищи колхозники, – уставший командир оглядел собравшихся: – Взрослые же люди, вон вдвое, втрое старше меня. Вы что, собираетесь всё немцам оставить! – Его рука легла на кобуру. – У меня приказ, к шестнадцати ноль-ноль сжечь вашу деревню! И я этот приказ выполню! А кто будет колдыбрячиться, – он расстегнул кобуру, достал ТТ и левой рукой дал знак бойцам, – тем мои ребята помогут!

Красноармейцы вскочили и вскинули винтовки на плечо.

– Пожалуйста, поспешите! – почти умоляюще произнёс командир. Поймите и нас, в любом случае мы выполним приказ. Ну а кто не успеет, тот сгорит вместе со своей избой к чертям собачьим! – и обречённо махнул рукой.

Дальше уговаривать никого не пришлось, мужики поспешили ко дворам. Фёдор Иванович подошёл к хате в сопровождении двух бойцов.

– Так, стало быть, это твой двор, отец, – качнул головой высокий красноармеец, осматриваясь, – видать, старший в этой паре. Фёдор Иванович молча кивнул и стащил с головы картуз.

Напарником высокого был подвижный, как ртуть, небольшого росточка татарин. Он, по кивку высокого, быстро обежал хату и двор, оценивая объём предстоящих работ.

– Будим йорт яндыру! Якши! – татарин кивнул на хату, а потом ткнул пальцем на подворье. – Потом, потом…– коекак выдавил из себя по-русски.

– Правильно говоришь, – согласился с ним высокий. – Дом запалим с крыши, вона, как по заказу, соломой крыта, и внутрях! А хлев и двор ужо опосля спалим!

– У мяне ув хляве чушка паросная, – прервал молчание Фёдор Иванович, – яе жыувцом спалице?

– Не, – улыбнувшись, подмигнул ему старший, – а ли мы татаре! – сказал так, чтобы юркий напарник не услышал.

Высокий сдёрнул с плеча винтовку, вошёл в подворье и оказался около хлева. Проська, радуясь человеку, просунула под загородку башку – кормить будут!

Красноармеец, воспользовавшись моментом, ловко вставил ствол винтовки в ухо свиньи и спустил курок. Глухо

прозвучал выстрел, и Прося, не издав ни звука, завалилась набок.

Высокий выбил прикладом загородку и ботинком потыкал свинью в бок, потом вернул винтовку на плечо.

– Готова! Тепереча огонь ей не страшен!

Он подошёл к хате и выдернул из стрехи два пучка соломы.

– Запаляй! – кивнул татарину. Тот достал спички и поджог оба пучка. – Давай шеметом в избу, – скомандовал высокий, – запаляй там всё да не задерживайся. А я пока крышу подпалю!

Ловкий татарин с зажжённым пучком метнулся в хату.

– Якши, якши! – донеслось уже оттуда.

Высокий красноармеец начал медленно обходить хату, по ходу поджигая стреху. Вырвавшийся на волю огонь мгновенно охватил всю крышу. Из хаты выскочил татарин, и тут же начали лопаться стёкла на окнах, выпуская языки пламени наружу. Скоро хата скрылась в жадно пожирающим её огне.

У Фёдора Ивановича уже не было сил смотреть на гибель домашнего очага – слёзы наворачивались на глаза, а всё тело бил нервный озноб. Он повернулся к погребальному костру спиной и, шаркая, побрёл к высокой сосне. Ноги плохо слушались и, чтобы не упасть, Фёдор Иванович обхватил сосну и стоял так, пока ненасытное пламя пожирало хату и двор.

Убедившись, что огонь хорошо справляется с работой, бойцы подошли к Фёдору Ивановичу. Высокий положил руку ему на плечо.

– Прости, отец! Так надо! – И они направились к полуторке, да вдруг высокий обернулся: – Бери своих баб и шеметом в Смоленск, а не то поздно будет! Скоро немец сюда придёт!

Ни высокий, ни подвижный татарин, ни уставший старший лейтенант, и даже командующие трёх армий, сосредоточенных западнее Смоленска, ещё не знали, что отступать-то уже некуда – танковые клещи Гудериана и Гота сомкнулись восточнее Ярцева.

* * *

Фёдор Иванович ушёл в вёску, а Настасья Наумовна с дочерями осталась в «окопе». Сидеть и просто ждать мочи не было. С обеими Ганками она выбралась из «окопа» и пошла

вдоль него, посудачить да новости узнать. Все зыковские бабы с нехитрым скарбом были здесь. Маньку с Тонькой мамка оставила приглядывать за добром – свои-то не возьмут, а вдруг какие пришлые, время-то военное.

Солнце, до этого словно застыв на небосводе, теперь спешило к Днепру, откуда ещё недавно слышалась пушечная пальба. Жара понемногу начала отступать.

В «окопе» сидеть скучно, ничего не видать, вот сёстры и выбрались наверх.

– Сматры-ка, Тонька! Дым! – Манька с силой дёрнула Тоньку за рукав.

И точно – из-за косогора со сторону вёски взметнулись вверх рваные чёрные клочья дыма.

– Ужо ни хата ли чья полыхаить! – Манька схватила Тоньку за руку и больше не отпускала.

– Ишче, ишче, ишче… – Тонька тыкала пальцем в дымы, дружно взметнувшиеся со стороны вёски.

– Ой, бяда, бяда, – побледнела Манька и истошно закричала: – Мамка, мамка! Вёска горыть!

Дымы над вёской заметили и остальные бабы и заголосили, и запричитали!

– А ну, ховайтесь! – прибежала мамка. Соседки уже попрыгали в «окоп» и прикрылись маскировочными щитами. В «окопе» царил полумрак, лишь чуток света просачивалось сквозь щели в крышках. Было страшно, и Тонька, прижавшись к мамке, мелко-мелко дрожала. Успокаивая младшенькую, мамка гладила её по голове:

– Ну, ну, доца, ня бойсь! – предательская дрожь в голосе выдавала с головой. Видать, и мамке ой как страшно!

Бабье «обчество» дожидалось своих мужиков в «окопе», не решаясь выбраться из него. Так просидели часа два, солнце к тому времени окончательно просело до горизонта, и длинные тени от косогора накрыли «окоп».

Послышался негромкий говор, какие-то люди спускались к «окопу» по косогору. Ветерок донёс запах крепкого самосада. Бабы не спешили откидывать крышки и вылезать на свет божий. А вдруг не наши!

Кто-то над Тонькиной головой начал приподнимать крышку. Это тятя! Мужики вернулись к своим семьям.

Тятю было не узнать – ссутулившийся и почерневший от горя, с потухшими глазами. Не сказав ни слова, он подал руки, помогая выбраться наверх. Мамка подхватила Тоньку и передала отцу. Когда все выбрались из «окопа», тятя наконец заговорил:

– Наста! – но, словно поперхнувшись, закашлялся и только махнул рукой.

– Хвёдор, ци случилось што? – схватилась мамка за сердце.

– Навалился ядун, – руки его дрожали, и тятя одной ладонью крепко сжал другую, так, что костяшки побелели, – няма нашей хаты з подворьем и вёски няма!

Потрясённые страшным известием, с минуту стояли молча, а со всех сторон уже голосили бабы, узнавшие о беде от своих мужиков.

– Як жа так, Хвёдор? – только это и смогла спросить мамка.

– Салдацык выцяг жменю саломы са страхи нашай, запалил яё, дый спалил тай саломай нашу хату, – севшим голосом произнёс тятя и, опустив голову, заплакал. Слёзы текли по седой щетине на щеках, и он ладонью смахивал их. Тоньке стало страшно, она впервые видела, как плакал тятя. Наконец он утёрся рукавом пиджака, проморгался и, успокоившись, распорядился:

– Собяры Наста на чом спаць ды укрывацца. Жить тяпер будзим ув яслях на скацынном дваре. Ясли и баня уцалели.

Пока мамка с невесткой и дочерями собирали вещи, Тонька пытала отца, дёргая его за рукав:

– Тятя, тятя, а як жа Прося?– и вдруг с ужасом осознала случившееся. – Яна тоже згарела?

Тятя, тяжко вздохнув, прижал Тоньку к себе.

– Не, ни згарела. Павезла Проси, яё салдацык застрелив, – и помолчав уточнил. – Яна ужэ мёртвая згарэла.

Мужики да бабы погорелых Зыков тщательно замаскировали оставляемый «окоп» и молчаливой процессией, больше похожей на похоронную, направились к родным пепелищам…

Площадь уцелевших яслей и бани «обчество» вёски поделило между семьями. Каждое семейство выгораживало

свой закуток как могло и чем могло, в основном отгораживались от соседей простынями. Женщины начали обустраивать свой угол в яслях, а Тонька с тятей пошли ко двору.

Солнце только что нырнуло под горизонт, и сумерки позволяли не натыкаться на препятствия. На месте сгоревшей хаты сиротливо стояла почерневшая и частично обвалившаяся от огня печь. Тонька осторожно погладила бок печи: «Ах, как тепло и уютно было на ней спать!»

Подворье вместе с хлевом и огородными грядками выгорело дотла. На месте сгоревшего хлева чёрным бугром лежала Прося. Тонька просительно посмотрела на тятю, тот молча кивнул – подойди. Осторожно, на цыпочках, словно боясь разбудить, Тонька приблизилась к Просе. Погладила чёрную толстую растрескавшуюся корку – то, что было ещё сегодня шаловливой Просей. Присев перед ней, Тонька гладила и плакала, прощаясь.

Сзади подошёл тятя, взял Тоньку за плечи и развернул.

– Пайдзём до хаты, зараз зусим сцямнее.

Где семья, там и хата, даже если нет крыши над головой. Когда выходили с подворья, тятя вдруг вспомнил:

– Пагадитя-ка, тутачки у гратки лом ляжаув.

Он сапогом начал разгребать золу на сгоревшей грядке и наткнулся на лом. Жар от огня был такой, что толстый металлический лом повело.

– Добре гарело! – тятя поддел лом сапогом и не стал его поднимать.

Глава 4. Оккупационная

Забытая богом земля западнее Смоленска оказалась в стороне от активных боевых действий. Бои гремели где-то севернее и южнее, а потом сместились на восток.

В ночь с 15 на 16 июля немцы ворвались в Смоленск. До конца июля в городе шли ожесточённые уличные бои, и только 30 июля Красная Армия оставила Смоленск…

После того страшного дня, вплоть до августа, в Зыках никто не появлялся. Не было никакой власти, ни военной, ни гражданской. Новая жизнь вёски начала формироваться вокруг яслей и бани. Не забывали и родные пепелища – раз-

гребали золу, отыскивая уцелевшие предметы, восстанавливали уничтоженные грядки на подворьях. Долго не решались, но всё же взяли и поделили между семьями колхозные посевы ржи и льна.

Мамка с невесткой и старшей дочерью хлопотали по хозяйству, обеспечивая семью перехватом, обедом и вечерей. Тонька с Манькой помогали тяте добывать кирпичи из сгоревшей печи. Из них он смастерил на улице возле яслей небольшую «грубку». Растапливали её тем, что удавалось собрать, – хворостом и старыми досками. На этой грубке мамка и готовила еду.

После обеда зыковские мужики собирались посмолить да посудачить о житье-бытье и о том, чего ждать дальше от такой жизни. Единодушно «обчество» решило: «Судя по тишине и потому, что никакой власти не видать, война откатилась к Смоленску, и теперяча ихняя земля под немцами».

Немцы же не спешили появиться в Зыках, да и в ближайших вёсках тоже. Тоньке любопытно было, о чём это толкуют мужики, и она, делая вид, что увлеченно играет, внимательно прислушивалась к взрослым разговорам.

Хвёдора Иваныча как самого уважаемого в Зыках мужика и воевавшего с немцами просили рассказать, что за человек германец этот.

«Вот те раз, а немцы-то, что как черти с рогами и хвостами, ещё и германцами обзываются!» – слушать об этом Тоньке страшно, но уж больно интересно!

Мужики слушали тятю внимательно, обращались к нему только по имени и отчеству. За глаза Хвёдора Иваныча в Зыках называли «большак», это за его саженный рост. И всех Блиновых называли не иначе, как «большаковы». Тятя знает грамоту, умеет читать-писать, а на военной службе выучился ещё и математике. Служил он в гаубичной артиллерии, фейерверкером, то бишь командиром орудия, был в звании унтер-офицера.

Любил тятя в кругу мужиков рассказывать, как его однажды генерал троекратно расцеловал. Было это на очередных военных сборах, ещё до германской. Представляясь генералу во время строевого смотра, Фёдор Иванович доложил,

что в пятый раз проходит сборы в одном и том же полку. Вот за это расчувствовавшийся генерал и расцеловал его.

Ещё тятя очень любил читать. Газету, иногда попадавшую в вёску, зачитывал до дыр. Нравилось ему порассуждать о царях: Александре III, в его царствование прошло детство и отрочество, Николае II, под его высочайшим началом он служил. За рассудительность и трезвость мысли тятю даже в правлении колхоза уважали.

* * *

В начале августа немецкое командование, окончательно выбив части Красной Армии из Смоленска, приступило к наведению оккупационного порядка на захваченных смоленских землях. Гражданского немецкого управления, рейхскомиссариата во главе с гауляйтером, здесь не было. Оккупированная территория Смоленской области считалась тыловым районом группы армий «Центр», и вся власть принадлежала немецкой военной администрации. Военная администрация действовала через местные органы самоуправления…

Зыковские мужики в дни безвластия, наступившие после 16 июля, жили своим укладом, где все вопросы решались «обчеством». Такая жизнь продолжалась три недели. А вот числа пятого или шестого (дней особо в вёске не считали) на просёлке со стороны Каспли показалась лошадь в упряжи с телегой. На той телеге припылили три мордоворота с винтовками и какой-то очкарик интеллигентного вида с портфелем. Одеты кто в чём, как обычно одеваются местные. У троих, что с оружием, белые нарукавные повязки с надписью чёрными буквами по-немецки: POLIZEI. Винтовки у них были немецкие, «Маузер» образца аж 1898 года, так потом Тонькин тятя пояснил.

Прибывшие быстро согнали всё население вёски на скотный двор. Тонька стояла рядом с тятей, крепко держа его за руку. Всё происходящее было ей непонятно, а потому страшно.

– Земляки, смоляне! – на приступок яслей взобрался крепкий мужик, лет сорока, с маленькими колючими глазами. Кроме винтовки у него на ремне, опоясывающим пид-

жак, висела ещё и кобура с пистолетом. – На родную землю пришло избавление от ига большевиков! Немецкое командование принесло нам закон и порядок. Вся власть передаётся местному самоуправлению, то бишь управам.

Зыковцы в упор не видели в нём земляка. Бабам так сразу стало всё ясно: – Видаць, не тутошний, вон по-москальски калякаеть!

А «маленькие колючие глаза» продолжали:

– Во-первых, – большой палец вверх, – в райцентрах, а это значится, и в Каспле, создаются районные управы. Запамятуйте голову нашей управы – это господин Зыков Михаил Ильич.

На «господина» тятя тихо-тихо отреагировал, но Тонька услышала:

– Вон-таки гасподзя вярнулись…

Между тем, «оратор» разогнул указательный палец.

– Во-вторых, во всех деревнях, значится и у вас, назначаются старосты. Староста обязан исполнять приказы немецкого командования и распоряжения районных властей! Должон вести учёт всех проживающих в деревне.

На этих словах он сжал пальцы в кулак, а потом расстегнул кобуру и взялся за пистолет.

– Ну, и в-третьих! Время военное! Каждый должон разуметь – за неисполнение приказов немецкого командования и, не дай бог, саботаж и диверсии наказание одно – смерть! – и с силой впихнул пистолет в кобуру.

Руки в боки, и «москалик» окинул недобрым взглядом собравшихся:

– Тепереча спытаете меня, а кто за порядок на местах отвечать будет? – тут он ткнул пальцем в белую нарукавную повязку. – А усё держать в узде и вправлять мозги ерепенистым, будим мы – полиция! Верные помощники, надёжа и опора непобедимой немецкой армии!

– Даувно ужо дагадалися. Не дурней за цябе! – пробухтел кто-то из задних рядов.

Полицейский откашлялся, видно, не привык так много говорить.

– Я начальник районной полиции в Касплях. Фамилия моя Авчинников, звать Виктором.

Зыковским бабам невтерпёж так долго молчать, и они начали перешёптываться меж собой:

– А энтат-та, якей без павязки, гэта ж вучыцель з Барадзёнок!

– Точна, точна – ета ён!

Как раз дошла очередь и до мужчины в круглых очках – о ком бабы перешёптывались. Авчинников спрыгнул с приступка, подошёл к учителю и приобнял его за плечи.

– Подфартило вам со старостой! Вот он и будет, Семёнов Евсей Иваныч! Людина знакомая, детей ваших уму-разуму учил! А тепереча и вас, дураков, будет уму-разуму учить! – он оскалился, посчитав сказанное хорошей шуткой.

– Тятя, тятя, – Тонька потянула отца за руку, – а ён у нас вучает старшыя класы русскаму да лицературы!

– Пачакай, ни гамони! – одёрнул отец Тоньку.

Полицейский начальник меж тем продолжал:

– Деревенька у вас так себе – смотреть не на что, – и сплюнул под ноги. – Поентому, староста один на две деревни, Бородёнки тута рядом!

Он обернулся и, взяв за шкирку бывшего учителя русского языка и литературы, выдвинул того вперёд.

– Давай староста, приступай к обязанки!

Новоиспечённый староста смущённо откашлялся, снял очки и протёр их носовым платком.

– День добрый! Вы меня знаете, и я многих из вас знаю! Надеюсь, жить будем дружно. Моя обязанность – доводить до вас распоряжения новых властей и следить за их исполнением. Само собой, и ваши интересы, дорогие земляки, буду отстаивать перед властью, – эти слова он произнёс с лёгким поклоном к «обчеству».

Староста жестом предупредил вопросы зыковцев:

– Жить я буду, как и жил, в Бородёнках. Контора моя там же, в правлении бывшего колхоза. Есть телефонная связь с Касплей и Смоленском.

– Мам, мам, – зашептала Манька, – ён мне перад каникулами за дзиктант двойку вляпиув!

– Цишай, ты! – Ганка влепила сестре лёгкую затрещину. – Правильна зрабив, што двойку уляпиув!

– А ну, абои замавчыце! – пришикнула на них мамка.

А Манькин обидчик продолжал:

– Новый немецкий порядок – это прежде всего строгий учёт! Всё население подлежит обязательной регистрации.

Староста подошёл к телеге, доставившей новую власть в Зыки, и вытащил из-под сена потрёпанный учительский портфель.

– Сейчас, головы семейств, в порядке очереди подходите ко мне, – из портфеля он достал амбарную книгу, уже пронумерованную, прошнурованную и скреплённую чёрной печатью с орлом, держащим в когтях венок со свастикой.

– В эту книгу должны быть записаны все жители вашей деревни, включая новорожденных и усопших в день регистрации.

Молчавший до этого начальник полиции, прервал старосту:

– А что б никто не утёк от записи в энту книгу, мои ребята зараз прочешут вашу вонючую деревеньку, – Авчинников указал пальцем на небо. – Упаси бог, ежели каво найдём, – шлёпнем тута же, пущай хоть малец!

Учитель русского языка и литературы устроился на телеге, положив книгу регистрации на колени. В портфеле у него нашлась и чернильница в мешочке, и ручка со стальным пером.

Первым по старшинству и уважению подошёл Фёдор Иванович. Тонька стояла рядом, держась за ладонь отца.

– Хвёдар, Иванов сын, прозвища – Блиноув.

– Правильно не «прозвище», а «фамилия», – поправил Тонькиного отца учитель.

– А то, что ты, Фёдор Иваныч, прозываешься «большак», я и так знаю!

Когда староста переписал «бабье царство» Блиновых, то сразу же начал уточнять о сыновьях.

– А то не знашь, Яувсей Иваныч! Младшой у тюрьме, а старшых, як вайна ночалась, мабилизували!

Перепись зыковцев длилась недолго, староста Семёнов управился за час. Начальник полиции со своими архаровцами загрузились в телегу и, нахлёстывая застоявшуюся лошадь, отправились в Каспли. Староста сразу двух деревень с портфелем в руке потопал домой в Бородёнки. Идти тут всего-ничего, каких-то две версты с лишком.

Глава 5. Гераськина

После отъезда «полицаев», прозвище это намертво прилипло к местным полицейским, время в Зыках словно остановилось. Ничего нового не происходило в размеренной жизни односельчан. Обживались в уцелевших яслях и бане, куда перетащили пожитки из «окопа». Траншею использовали как укрытие, прятались там, когда возникала тревожная и непонятная ситуация.

Спали на ароматном сене – его успели вдоволь заготовить для скота, угнанного в июле на восток. Тонька с Манькой вместо печки теперь ютились под телегой, как в домике. Сверху на телеге устроились две Ганки, старшая доца и невестка.

Староста Семёнов наведывался в вёску, почитай, каждый день. Он раздобыл для этих целей велосипед и доезжал из Бородёнок за считанные минуты. Появлялся в Зыках Иваныч в основном для того, чтобы довести очередное распоряжение властей. По приезде в обязательном порядке собирал глав семейств, женская часть вёски его не интересовала – узнают всё от своих мужиков.

Немецкий образцовый порядок помимо обязательной регистрации предполагал выдачу удостоверений личности всем совершеннолетним, что-то наподобие паспорта и даже с фотографией. Было запрещено самовольное перемещение из одного населённого пункта в другой. Для этих целей местными властями выписывался специальный пропуск на каждую поездку в отдельности. Для сообщения между Зыками и Бородёнками таковой пропуск не требовался, считалось, что это одно поселение с общим старостой.

* * *

Во второй половине сентября зарядили обложные нудные дожди. Под его монотонное шуршание по соломенной крыше яслей особенно уютно спать. Тонька повернулась на бок и прижалась к сестре, обхватив Маньку рукой. Она начала проваливаться в сладкую негу обволакивающего сна, ког-

да из родительского угла послышался возбужденный шёпот, сдерживаемый ночной тишиной. Тонька осторожно, как бы Маньку не разбудить, высунулась из-под одеяла. Напрягая глаза, она пыталась разглядеть в темноте – что там делается у мамки с тятей.

Чёрканье спичкой – слабый язычок пламени потянулся вверх за лампадным стеклом и заставил расступиться чернильную темноту ночи. У входа в их закуток стояла странная фигура в дождевике, накинутый на голову капюшон скрывал лицо неизвестного.

Вошедший одним движением откинул капюшон и сбросил мокрый дождевик на пол. У Тоньки перехватило дыхание – это Гераська! Гераська, Гераська, Гераська – она вскочила и бросилась к брату. Гераська обеими руками обнимал мамку и жену. Мамка тихо плакала, уткнувшись ему в грудь, а Ганка осыпала лицо поцелуями. Тятя сутулился рядом, смущённо оглаживая усы. Проснулись и Ганка с Манькой. Бурные эмоции встречи сдерживали строгим шёпотом, стараясь не разбудить соседей. С поцелуями закончили и усадили Гераську на телегу, по бокам устроились мамка и счастливая Ганка. Хвёдор Иваныч с дочерями уселись на пол, все приготовились слушать Гераську. Что же случилось с ним за эти два с лишком месяца…

Герасима Фёдоровича Блинова (Гераську) мобилизовали в самые первые дни войны. Как подготовленного в военном деле (семь лет назад он проходил срочную службу) Герасима определили в одну из частей Западного фронта. Его 53-я стрелковая дивизия из состава 61-го стрелкового корпуса отошла к Могилёву и заняла там оборонительные позиции. Но уже к 10 июля 61-й стрелковый корпус и город Могилёв оказались в окружении. 26 июля части корпуса оставили Могилёв и предприняли попытку пробиться к своим. Удалось это немногим, 35 тысяч бойцов Красной Армии попали в плен, среди них был и Герасим Блинов.

Такое большое количество советских военнопленных в самом начале боевых действий, а это, сотни и сотни тысяч человек, обескуражило немецкое военное командование. К этому не были готовы ни передовые боевые части, ни следовавшие за ними тыловые охранные подразделения. Негде

было содержать такое количество военнопленных, а главное – их нечем было кормить!

Пока германская государственная машина не отладила безупречно функционирующий механизм по «переработке» миллионов военнопленных, простых солдат передавали на руки женщин, заявивших, что это её муж или брат. Немцы понимали, из рук женщин бойцам не так-то просто будет вырваться! На командиров и комиссаров эта «льгота» не распространялась, комиссаров чаще всего расстреливали, а остальных отправляли дальше в тыл.

После пленения Герасима с сотнями красноармейцев содержали, как скот, в чистом поле за наспех возведённой оградой из колючей проволоки. Спали прямо на земле, прижавшись друг к другу – благо дни стояли жаркие. Мучились от голода и жажды. Воду привозили один раз в сутки, в бочке из-под кваса и закатывали её за ограду. После чего среди военнопленных начиналась бойня за глоток воды. Так же и кормили, перебрасывая через ограду хлеб, сырую картошку и свёклу. За еду шли бои не на жизнь, а на смерть.

Немецкое военное командование распространило по округе информацию – женщины могу забрать своих мужей и родственников. Ручеёк из окрестных женщин, стекавшийся к лагерю, скоро превратился в полноводную реку. Простые русские женщины – бабы, иначе их и не называли, – обходя ограду лагеря, пронзительно всматривались в измождённые солдатские лица. Они ещё надеялись на чудо – увидеть своего мужа! Но вскоре приходило понимание всей тщетности этой надежды. И тогда, предварительно сговорившись с приглянувшимся пленником, баба шла к коменданту лагеря и просила якобы за мужа:

– Адпусьците мужика майого! Вин ён стаиць, Гарасимо кличут!

За десять минут до этого у неё состоялся сговор с Герасимом, сумевшим пробиться к ограде:

– Тутошний?

– Тутошний.

– Аткуль ты?

– Смаленский я, из Зыков Касплянскыя раёна.

– Як звать?

– Гарасим, Блиноув Гарасим!

Молодуха ещё раз жалостливым и одновременно оценивающим взглядом окинула Герасима и после недолгого раздумья произнесла:

– Пайдзеш да мяне у мужы жыць?

– Пайду! – не раздумывая ответил Герасим – А зваць-то тябе як, жонка?

– Аувдоццяй буду… – молодуха спешила к коменданту лагеря.

Из лагеря Герасима выпустили с временным удостоверением:

«Военнопленный Блинов Герасим отпущен домой под поручительство его жены, Блиновой Авдотьи». Таким образом, он, как и тысячи простых красноармейцев, оказался на свободе и осел в примаках у пожалевшей его простой русской женщины. Многие и многие деревенские бабы воспользовались возможностью заиметь такого временного мужа, могущего помочь по хозяйству да и в ласке сведущему.

А как же иначе! Ох и тяжко ж бабе в соку без мужской помощи и ласки! Утешали себя эти «жалейки» мыслью о том, что и её мужика какая другая баба пожалеет и не оставит в беде.

Вёска Сластёны, где хата Авдотьи, в пяти верстах от лагеря. Туда к вечеру и привела Авдотья ослабевшего и еле волочившего ноги Герасима. Сразу кинулась баню топить, а потом сама и мыла, охотно раздевшись перед новым мужиком. Хорошо отмыла, отпарила, да и у Герасима мужские понятия не пропали. Так что оба остались довольны баней. В хате Авдотья облачила Герасима в чистое мужнино бельё и начала понемногу откармливать. А его форменные красноармейские обноски спалила в печи.

На следующий день к Авдотье наведался тутошний староста и проверил бумагу Герасима.

– Як вайна мяняить людей! – ехидно улыбаясь, кивнул в сторону Герасима. – Мужыка тваво, Аувдоцця, и не взнаць!

– На усё воля божжя! – смиренно перекрестилась Авдотья. – Знац, так трэба!

– Трэба дык трэба…– огласился староста и покинул хату.

На следующий день староста вновь наведался к Авдотье и по бумаге, выданной Герасиму в лагере, выписал удостоверение личности. Новый немецкий порядок – это, прежде всего, строгий учёт!

Авдотья не могла нарадоваться на вдруг приобретённого мужика. Герасим, соскучившись по простому крестьянскому труду, каждый день находил работу по хозяйству. А уж как кормила его Авдотья, как баловала в постели, отвечая на ласку! За неделю Герасим окреп настолько, что следов пребывания в плену не было и в помине.

Счастье Авдотьино длилось недолго. В конце августа, когда яблоня, росшая на дворе, отяжелела от созревших плодов, пришла беда. На подворье заявились три полицая в сопровождении старосты.

– Трудавая павиннасць, Аувдоцця! – откашлялся для солидности в кулак староста. – Забирам твайого на две тыдни! Будзе з тутошними чугунку ладзиць киля Краснага, – кивнул в сторону растерянного Герасима. – Сабяры яму адзежу цяплейшую ды вузельчык с ядой… – С полицаями староста направился к выходу, да, вспомнив о чём-то, обернулся: – Дажджавик не забудзь!

Так, нежданно-негаданно, Герасим покинул гостеприимную Авдотью и оказался рядом с родными местами. На восстановление железнодорожного полотна возле Красного со всей округи согнали двести мужиков, годных для физической работы.

Поселили работников в бараках на окраине Красного. Спали на нарах, поверх соломы, а тёплое и сухое начало сентября было им в помощь. Кормили два раза, утром перед работой и вечером перед сном. Руководили работами немецкие военные инженеры, а охраняла рабочих местная полиция.

Оказавшись в этой ремонтной бригаде, Герасим сразу решил – к Авдотье он не вернётся, будет пробиваться к своим. Через две недели интенсивной работы насыпь чугунки поправили, укрепили, и немецкие инженерные части приступили к укладке плетей железнодорожного полотна.

Рабочих распустили по домам, выписав пропуска. Только вот добираться предстояло пешком. Воспользовавшись суетой при оформлении бумаг, Герасим выправил себе пропуск

в родные Зыки. И в строгой немецкой системе учёта и регистрации случаются огрехи.

Пешком так пешком – сначала Герасим отмахал 25 вёрст до Савенок и сутки погостил у Маланьи, старшей сестры. Ну а потом направился в Зыки, несказанно обрадовав поздним дождливым вечером родителей, жену и сестёр…

Утро началось с хлопот по обустройству воссоединившейся семьи, Гераськи и Ганки. В яслях, как ни крутили, ни вертели, места не нашлось. Удалось только в бане выкроить для них небольшой семейный закуток.

* * *

Появление в вёске Гераськи не осталось незамеченным и старостой, наезжавшим в Зыки чуть ли не каждый день.

– Рад твоему возвращению, Герасим! – Евсей Иванович уже проверил бумаги Гераськи и достал из портфеля книгу регистрации. – Судьба смилостивилась над тобой и избавила от неминуемой гибели в бессмысленном противостоянии с победоносной немецкой армией.

– Бох милостиув! – Гераська нашёлся, что ответить на приветствие бывшего учителя.

– Много, много вашего брата ныне осело окрест по солдаткам. А в Зыках ты первый! – Семёнов аккуратно занёс данные о Гераське в книгу регистрации.

– Я дамоув вярнувся! – пробурчал на эти слова Гераська.

– Вот, вот! – не унимался староста, собирая свою канцелярию в портфель. – Ты мужик молодой, справный, главное – местный! Такие люди новой власти нужны. О твоём появлении обязательно сообщу в район. Начальник Касплянской полиции господин Авчинников тобой однозначно заинтересуется – работа у него такая! Ну, бывай! – Евсей Иванович покинул предбанник, где у Гераськи с Ганкой был свой угол.

После разговора со старостой Гераська весь день ходил мрачнее тучи, не обращая внимания на Тоньку, пытавшуюся ласться к нему, как прежде. Вечером он рассказал отцу о разговоре со старостой и сомнениях, терзавших его весь день. Затаившись с тыльной стороны яслей, они смолили домашнюю махорку, заодно спасаясь от комаров.

– Што мне робиць, бацька? – закончил делится сомнениями Гераська.

Отец не спешил с ответом, ещё несколько минут молча курил, ладонью отгоняя от лица надоедливых комаров.

– Ня спяши, поглядим…Пакуль нихто из полицаяув па тваю душу ня наведываувся!

– Так яны не адстяноуць, баця! Староста намекнув – малодым мужикам два пути: або ув палицаи, або зноув у лагер! – от безысходности Гераська аж треснул локтем о стену яслей.

– Як зусим будзе без выходу…Саглашайся, – отец успокаивающе похлопал сына по колену.

– Як саглашацца! – Гераська чуть было не вскочил, да отец осадил его.

– Пагодь, аглашенный! – Хвёдор Иваныч начал нашёптывать сыну в ухо: – Скажешь, што заутра сам прыйдзеш. А сёдни, мол, дзялы нада уладзиць, да папросишь пропуску выписаць да Каспли!

– И што? – Гераська уже с интересом смотрел на отца.

– А то, – сердито пробурчал тот. – Намеднях сарока на хвасце прынясла. В добрых лясах возлях Каспли партызаны абъявилися.

Хвёдор Иваныч повернулся к сыну и взялся руками за его плечи.

– Як только палицаи зъедуць, сабярэм цябе, сынок, у дарогу. И тэй жа ноччу, праз Каменку да Пындина, на Язвилишча идзи в ты лясы добрыя, шукай партизанув. Авось павязець, и яны сами цябе знайдуць!

– А як жа вы, баця? – Гераська наконец встал. – Прыедуць да начнуць пытаць: куды падзеувся?

Хвёдор Иваныч также поднялся и, улыбаясь, приобнял сына:

– Скажам, наутру сабраувся ды пайшоув да вас у Касплю. Болей мы яго ня видзели! Пайдём вечеряць! – поставил в разговоре точку отец.

* * *

Четыре дня, что пробежали после разговора за яслями, жили спокойно. Гераська повеселел и с удовольствием по-

могал отцу по хозяйству. Тонька не могла нарадоваться этим переменам в брате. Как и прежде, при случае Гераська прижимал её к себе, целуя в голову. Тонька поведала брату о том страшном дне, когда спалили вёску и убили ни в чём не повинную Просю, и как тятя, погрузив её, угольно-чёрную, сгоревшую, на тачку, повёз закапывать. Дойдя в рассказе до этого эпизода, Тонька заплакала и уткнулась в плечо Гераськи.

Жена Гераськи, Ганка, напротив была молчалива и грустна. Быстро пролетели дни и ночи её бабьего счастья. Гераська уже поведал жене, что на днях уйдёт в леса, к партизанам. Как ни больно Ганке, но понимала – уж лучше к партизанам, чем в полицаи.

Авчиннков с архаровцами в Зыках появился на пятый день. Прикатили десять человек на двух телегах. Быстренько прошерстили то, что осталось от Зыков и согнали народ на скотный двор для профилактической беседы. Начальник полиции уже знал о появлении Герасима Блинова и намётанным глазом быстро вычислил его среди односельчан.

– А ну-ка, подь сюды!

Герасим выбрался из толпы и подошёл к Авчинникову.

– И чей же этот гарный хлопец? Батька кто? Или ты сам с усам! – балагурил начальник полиции, демонстрируя хорошее расположение духа.

– Мой сын! – отец встал рядом с сыном.

– А ещё такой хлопец у тебя найдётся? – взглянул на него с хитрым прищуром Авчинников.

– Знайдецца…у острозе, – хмуро буркнул Хвёдор Иваныч.

– О!.. Сразу видать, наши люди! – захохотал полицейский начальник: – Берём, отец, этого сына. Будет служить во славу Великой Германии и следить за порядком в районе!

– Треба дык треба… Збирайте, – пожал плечами Хвёдор Иваныч.

– Пан начальник палицыи!– вступил в разговор Герасим. – Дазвольтя заутра явицца на службу. Треба с дялами пакончыц.

Авчинников набычился, заложив большие пальцы за поясной ремень. Помолчал, исподлобья уставившись на Герасима.

– Разрешаю! Завтра к полудню чтоб был у меня!

– Есть! – по-военному ответил Герасим, вытянувшись по стойке «смирно». – Пан начальник! Треба пропуску до Каспли!

– Молодец, правильно вспомнил, – Авчинников полез в командирскую сумку, перекинутую через плечо, и достал чистый бланк пропуска.

– Фамилия Блинов, верно? – по кивку Герасима начал заполнять пропуск. – Звать Герасимом… а по батьке как?

– Хвёдор я, – опередил сына отец.

– Понятно, – закончил писать «пан начальник полиции». – На, Блинов Герасим Фёдорович, – протянул пропуск Герасиму, – завтра жду!

Полицаи расселись на телеги и направились в Бородёнки, продолжать инспекцию окрестных деревень.

Повечеряли, сёстры с мамкой на дворе ещё хлопотали у «грубки», а Тонька уже забралась под телегу, на их с Манькой спальное место. Начала укладывать на ночь свою доньку, любимую деревянную куклу. Со двора в их закуток заглянул Гераська и присел подле Тоньки.

– Набегалася за дзень, няседжа… – он бережно укрыл сестрёнку, прижимавшую куклу к себе.

– Гераська, – вдруг встрепенулась Тонька, – а ты праувда палицаям будзеш?

– Запымни, – Гераська погладил Тоньку по голове, – тилька дружкам ни разбалтай, палицаям я ни буду! Як вирнуся, зьдзелаю табе новыю ляльку – у яё руки, ноги и галава будуць круцицца!

Тонька со счастливой улыбкой закрыла глаза и закивала головой. Гераська легонько поцеловал её в лоб.

– Усё, я пошоув, дабранач! – стараясь не шуметь, вышел на двор. Тонька видела Гераську в последний раз.

* * *

Ближе к полуночи, когда население Зыков мирно спало по закуткам, родители Герасима и заплаканная Ганка начали собирать его в дальнюю дорогу. Она словно предчувствовала, что видит мужа в последний раз.

Сборы закончились, и Герасим, в Авдотьиным дождевике, с большим вещмешком за плечами и суковатой палкой вместо посоха, начал прощаться. Первой обняла сына мать. Махонькая Настасья Наумовна поцеловала нагнувшегося к ней Герасима.

– Баряги сябе, сыночак… Помни пра бацьков и пра жану! – перекрестила сына. – Хосподь з табою! – и отошла в сторонку, уголком платка вытирая слёзы.

Фёдор Иванович крепко, по-мужски, троекратно расцеловал сына.

– Усё нагутарили з табою. Галавы ни тяряй, са всяками людьзми асцеражись. На ражон ня лезь, дзействуй бяз дури.

Ганка обхватила Герасима за шею и разрыдалась у него на груди.

– Хваціць, хваціць слёзы лиць! Чай ня памираю, свицимся яшчэ! – Герасим с трудом разомкнул руки жены. Крепко её поцеловал и решительно накинул капюшон на голову,

– Бывайце, я пошоув! – его фигура быстро растворилась в темноте…

К осени 1941 года в дремучих лесах Слободского и Духовщинского районов, примыкающих к Каспле, из окруженцев и бывших военнопленных начали стихийно образовываться партизанские отряды. Вот об этом весточку и принесла Фёдору Ивановичу «сорока на хвосте».

Осенью в тех же краях объявился Никифор Коляда, присланный из Москвы со специальным заданием ЦК ВКП(б). Это был старый большевик с опытом ведения партизанской борьбы ещё в Гражданскую войну. Постепенно к 1942 году Коляда объединил разрозненные партизанские группировки в большой партизанский отряд «Батя».

Два года, пока не выбили немцев со смоленской земли, Герасим Фёдорович Блинов воевал под командованием Никифора Коляды.

Глава 6. Героическая и печальная

Тонька проснулась и долго не могла понять, утро уже или ещё ночь. В яслях тихо и темно, нащупала рукой Маньку – а нет Маньки! Приподнявшись, пыталась разглядеть

родительский угол. Привыкшие к темноте глаза разглядели только прибранное родительское место.

«Так вот оно что! Все давно встали! – Тонька опять плюхнулась в постель. – Эх я, сплюха-засплюха!» В голове захороводили мысли: «Год как под немцами живём, а ни одного немца так и ни видали. Интересно, какие они? Падружки гутарють, что с рогами, як черти…Тяжёлый год…» – Тонька вздохнула, вспомнив, как голодали и замерзали зимой. Весной только и отогрелись! Да на порог – новая беда!...

В мае начались рейды полиции по окрестным вёскам – забирали парней и девушек, от 17 лет и старше. Сам глава Касплянской управы господин Зыков в сопровождении отряда полиции разъезжал по подведомственному району с разъяснением проводимого мероприятия. Добрался он и до Зыков… Зыков в Зыках!

Перед согнанными по такому случаю односельчанами Зыков распинался о том, что молодёжи выпала честь стать «остарбайтерами» и отправиться в Великую Германию, где их ожидает интересная работа и сытая жизнь вместе с просвещённым немецким народом. В Зыках таких оказалось трое: двое парней и Тонькина сестра Ганка.

На сборы дали полчаса. Пока мамка собирала дочь в неведомые дальние края, Манька с Тонькой подготовили узелок с едой. Всё это время Ганка была словно заторможенная, до конца не понимая, что же это с ней происходит.

Простились, обнялись и расцеловались. Ганка в пояс поклонилась родителям и сёстрам,

– Прашчайця, ня паминяйця лихам! Чуюць маё серца, ня сьвидимся боля!

…«Так жалко Ганку, так жалко! – слёзы навернулись на глаза, Тонька решительно махнула ладонью по лицу: – Будет, нюни распускать! Пора вставать, мамке помогать!»

Теперь, когда Ганки нет, первой помощницей у мамки стала Манька, да и Тонька разом повзрослела…

За год немецкой оккупации на Смоленщине возникло и окрепло партизанское движение. Касплянский район стал опорой для отряда «Батя». В Рудне действовала крупная подпольная организация антифашистского сопротивления – Рудненское подполье. Такая же подпольная органи-

зация существовала и в пригороде Смоленска Гнёздово – Гнёздовское подполье.

Комсомольская молодёжь, основа Гнёздовского подполья, занималась сбором разведданных о передвижении немецких войск через железнодорожный узел Смоленска, распространяла листовки среди населения. Подпольщики имели отлаженную связь с партизанами, куда и передавали добытые сведения о противнике.

В населённых пунктах, расположенных вдоль железнодорожных и шоссейный дорог, у Гнёздовского подполья имелись ячейки, состоящие, как правило, из трёх человек. Члены этих ячеек знали только друг друга и связного из Гнёздова. Существовала такая ячейка и в Савенках, её активным членом был сын Маланьи Виктор. Когда началась война, семнадцатилетний Виктор Солянков требовал направить его в армию добровольцем. В военкомате не поддержали патриотический порыв – молод ещё.

Немецкая военная администрация и местная полиция проводили активные мероприятия по выявлению членов подпольных организаций. Немцы и их прихлебатели в этой борьбе к лету 1942 года добились определённых успехов.

Начальник полиции Виктор Авчинников в одной только Каспле арестовал 157 человек по подозрению в связях с партизанами. Все они были расстреляны 1 июля 1942 года полицаями под его командой.

Не обошла беда стороной Рудненское и Гнёздовское подполья. Причиной разгрома этих антифашистских организаций стала работа немецкой агентуры и предательство.

После ареста верхушки Гнёздовского подполья вышли на связных, а через них и на ячейки в ближайших деревнях. Специальный отряд городской полиции Смоленска добрался и до Савенок…

* * *

Со стороны Смоленска в Савенки въехали две полуторки с оккупационными регистрационными номерами. В кузове каждой из них было по десятку полицаев с немецкими винтовками и белыми нарукавными повязками. Обождав, пока осядет пыль, из кабины первого автомобиля выбрался

сутулый верзила. Он стоял подбоченясь, по-хозяйски, широко расставив ноги. Строгим начальственным взглядом прошёлся по сторонам. Его серый пиджак в светлую полоску перепоясывал немецкий солдатский ремень с пистолетом в кобуре. Прибывшие полицаи сгрудились подле него.

За прибывшими чужаками с тревогой наблюдала Маланья. Она только что насыпала пшена курам, наполнила их поилки и закрыла калитку птичника. Ощущение смертельной опасности сжало ей сердце. Страх был не за собственную жизнь, а за старшенького, за Виктора.

Виктор – первенец, надёжа и гордость матери, вырос высоким русоволосым красавцем с яркими голубыми глазами.

«У тятю майого пайшоув, у бальшака!» – любовалась сыном Маланья.

Сынок хорошо учился в школе, одним из первых среди одноклассников вступил в комсомол. Когда началась война, мужа Маланьи мобилизовали, а старшего сына не взяли, оставили матери – молод.

Очень быстро родная земля оказалась под немцами. Виктор с такими же, как и он, активистами-комсомольцами, не склонил головы, стал членом местной ячейки Гнёздовского подполья.

Маланья догадывалась, но ничего не могла поделать. Частенько сын пропадал всю ночь и возвращался в хату только под утро. На все причитания и увещевания матери решительно и твёрдо отвечал:

– Так нада, мамка!

Вот и сегодня ночью его не было в хате, и теперь сын отсыпается на сене в подволоке под крышей хаты…

Сердце не обмануло Маланью, полицаи разделились на три группы, а сутулый верзила повёл одну из групп прямиком к её хате. Очнувшись от оцепенения, Маланья поспешила к крыльцу, заслоняя собой входную дверь.

– Так, тётка, – сутулый, зыркнув, взялся рукой за кобуру, – щенок твой, Виктор Солянков, дома?

Он кивнул подельникам, и те, обежав вокруг дома, встали под окнами с винтовками наизготовку.

Маланья, попятившись, прижалась к двери и обхватила стену хаты, защищая семейное гнездо от ворогов.

– Пошла вон! – сутулый рванул Маланью за руку, сбрасывая с крыльца, и с тремя подручными ворвался в хату.

– Дзеци там малыя, ирады! – закричала Маланья и бросилась следом. Но её тут же схватили за руки.

– Ня дёргайся, цётка, ня то прама тута ляжаш!

Не прошло и пяти минут, как дверь отворилась и на крыльце появился довольный сутулый. Он убрал пистолет в кобуру и крикнул за спину:

– Давай, выводи!

Полицаи вывели Виктора со связанными за спиной руками. За ним попыталась выскочить и глухонемая сестра, Маня, погодка Виктора. Один из полицаев с силой толкнул её обратно и захлопнул дверь.

Сутулый подошёл к Маланье, сдерживаемой двумя архаровцами.

– Счастье тваё, тётка, что, акромя щенка камсамалёнка, больше никакой крамолы в избе не была, – злые слова он с наслаждением вворачивал в Маланью: – А не то, стояла бы ты сичас со всем выводком рядом с ним, – ткнул пальцем в связанного Виктора.

Виктора повели на улицу, но он вдруг рывком вывернулся и в пояс поклонился матери: – Прошчайте, мамо! Я шчаслиув, што хоць так змог прыблизиць нашу победу! Нядоуга им… – Один из полицаев двинул прикладом ему в висок. Виктор рухнул на земь, окропив алой кровью траву на дворе. Маланья истошно закричала и рванулась к сыну.

– Заткните дуру, в дом её, и шоб из халупы никто не выходил! Двое здесь пока, на стрёме! – распорядился сутулый. Виктора приподняли и поволокли со двора.

Скоро к машинам привели ещё двух парней со связанными руками, одежда на них разорвана, а лица в кровоподтёках. Это товарищи Виктора, вся их подпольная ячейка. Знал о них только один человек из Гнёздовского подполья – связной. У него сутулый с садистской изощрённостью вырезал на спине слово «красный» и вырвал вместе с истошным криком обезумевшего от боли человека фамилии членов савинковской ячейки. На поясе у сутулого, с левой стороны, свисала финка в ножнах. Та самая, ею сутулый резал связного.

С удовлетворением от хорошо сделанной его хлопцами работы, он рассматривал этих молокососов-«камсамалят»:

«Ишь чаво удумали – тягаться с несокрушимой немецкой машиной!» – его рука сама собой потянулась к ножнам. Сутулый достал остро заточенную финку и задумчиво провёл лезвием по заскорузлому ногтю большого пальца: «Хараша чартовка! Умеют фины нажи делать! Пометить, чё ли, этих сапляков, да время жалка. Ничаво они не скажуть, акромя связного, вчярась зарезанаго, никаво не знають».

– Петро, – окликнул он бывшего сидельца, небольшого росточка с металлической фиксой на левом клыке, – бяри сваво отдяления да справадь энтих гавнюков за дяревню. Там и шлёпнитя! – Сутулый зевнул и полез в карман за куревом. – Мы здеся вас падаждём!

Через полчаса вернулся «сиделец» с отделением, забрали двоих, что сторожили дом Маланьи и вся компания попылила обратно в Смоленск…

* * *

Вымершие на время рейда спецотряда полиции Савенки начали понемногу оживать. Хозяйки опять хлопотали на подворьях, а немногие мужики собрались в кружок – подымить да потолковать. К мужикам подошёл местный староста, хромоногий Сёма.

– Будзя з пустога в парожняе пераливаць! Идзиця луччы рабиць!

Мужики послушно разошлись по хатам. Сёму слушались все, так как сами и выбрали на эту должность.

«Ты, Сёма, мужик ни злабивы, наш савинкаувский – табе и быць старостай!» – вынесло «обчество» свой вердикт.

Перед отъездом сутулый сообщил Сёме о расстреле в плавнях трёх подпольщиков.

– Пущай там гниёт эта падаль, – указал он старосте.

Ближе к вечеру Сёма пошёл по дворам, откуда увели молодых парней. Дошла очередь и до Маланьи. Маланья, как и все в вёске, считала, что арестованных парней повезли в Смоленск. Покончив с хлопотами по хозяйству и накормив детей, она истово молилась перед иконой Пресвятой Богоро-

дицы о том, чтобы жив остался сыночек её старший и чтобы вернулся домой.

Во время молитвы в дверь постучал Сёма.

– Молишься! – снял он картуз. – Мались, мались за упакой души сына тваво, Вихтара!

– Як за упакой! – с побелевшим лицом Маланья осела на лавку. – Можа, абойдзецца!

– Не абойдзецца, Малання… – тяжело выдохнул Сёма. – Рассцряли их прама зараз… – он сжал картуз, аж костяшки пальцев побелели. – За вёскай яны ув плаувнях ляжаць. Як сцямнее, забяры сына да пахарани тайна. Другим я уже сказауў.

Маланья зажала ладонью рот, не давая вырваться отчаянному воплю, а потом в полголоса завыла, раскачиваясь с прижатыми к груди руками.

– Ну, бывай! – Сёма перекрестился и вышел из хаты.

Горе матери безмерно, всех слов мира не хватит рассказать о нём! Сыночек, первенец, гордость и надежда Маланьи, УБИТ…

После ухода Сёмы Маланья ещё некоторое время сидела молча, с потухшим взором и почерневшим от горя лицом. Сидела женщина за пятьдесят, с печатью прожитых лет на лице. А было-то Маланье всего 38 лет.

Маланья всё же нашла в себе силы и начала действовать. Затопила лазню и наказала глухонемой Маньке следить за огнём. Двенадцатилетним близняшкам, Дуське да Катьке, велела сидеть дома и присматривать за шестилетним братом Мишанькой.

Собралась Маланья за сыном: взяла с супружеской постели красивое вышитое покрывало, из сеней пастуший дождевик и моток крученной арканной верёвки.

Далеко идти Маланье не пришлось, сразу за огородами, в заболоченной приднепровской низине, угадывалось тело лежащего мужчины. Это был Виктор, его товарищей забрали родичи.

Сыночек лежит навзничь, русые пряди небрежно растрёпаны, а широко раскрытыми глазами, казалось, любуется яркими звёздами нал головой. На разбитом виске запеклась кровь, а на груди расцвели три ярких мака.

Маланья поцеловала сыночка в лоб и ладонью осторожно закрыла ему глаза. Расстелила покрывало, перекатила на него тело сына и укрыла тем покрывалом, прихватив верёвками, а потом всё сноровисто упаковала в пастуший дождевик. Надёжно обмотала бесценный груз мотком арканной верёвки. Свободный конец перекинула через плечо и потащила домой сыночка, как и положено, ногами вперёд.

Густая трава, напоенная влагой болотистой поймы, помогала Маланье. Свёрток из дождевика без затруднений скользил по ней. Маланья тащила сына осторожно, без рывков, чтобы ему было не больно. Так и дотащила до задков своего огорода.

– Аддахни, сыночак! Я зараз, я зараз…

Маланья разобрала часть изгороди и потащила сына дальше, по участку, засаженному картошкой. Ботва и мягкая вскопанная почва были ей в помощь.

– А я табе лазню вытапила. Як ты любиш, як ты любиш… – оборачиваясь к сыну, приговаривала она.

Дотащив бесценный груз до лазни, дальше одна уже справиться не могла, пришлось звать на помощь старшую дочь.

* * *

Омывала, одевала в чистое и оплакивала сына Маланья одна. Закрыв глаза просила прощения у Господа, что приходиться оплакивать сына после захода солнца:

«Не виновата я, Господи! Это всё война-злодейка!»

Раздела сына и уложила на полку. Омывала тело в трёх водах и ритмично причитала вполголоса, рассказывая, какой сыночек был красивый да ладный, как хорошо учился, был опорой для отца и матери.

– На каво ты нас пакинув сыночак! – эти, рвущие душу слова, периодически прерывали причитания матери.

Омывая сына, Маланья нежно гладила его руками, целовала три красных пятнышка на груди, куда вошли пули, оборвавшие жизнь. Замывая кровь на виске, аккуратно уложила непослушные русые пряди.

Из хаты принесла любимую белую рубаху Виктора, он надевал её только по праздникам. А ещё диковинные чёрные брюки со стрелками, ими сыночек особо гордился.

К утру Виктор был готов к захоронению. Подперев подбородок и легонько раскачиваясь, Маланья стояла перед сыном и словно напевала одну ей известную колыбельную. Потом замерла – вспомнила! Бросилась в хату и разыскала на полке за книжками спичечный коробок. В нём Виктор прятал кимовский значок. Значок прицепила сыну на рубаху, там, где были видны проколы от булавки.

Теперь надо озаботиться могилой. На кладбище хоронить нельзя – надругаются над могилой, изверги. Временную могилу Маланья решила отрыть в дальнем углу огорода, замаскировав её посадками картошки.

Могилу рыли вдвоём с Манькой. Земля легко поддавалась лопатам. Глубоко не копали, Маланья твёрдо знала, что эта могила временная. Похоронили Виктора, завёрнутым в то самое красивое покрывало с супружеской постели. Могилу засадили картошкой с ботвой…

Маланья стояла на задках хаты и смотрела на посадки картошки, укрывших могилу сына. Показавшееся со стороны Смоленска солнце окрасило розовым стену хаты, и даже картофельная ботва казалась Маланье розовой, словно впитавшей в себя кровь сына:

«Як и не было у мине Вихтора… – Маланья вскинула вверх голову, и голубое небо словно укрыло её и утешило. – А нады жыть дали…Радя дочок и младшага сына, жадць мужа з вайны!»

На следующий день Маланья выправила у Сёмы пропуск для прохода в Зыки и обратно. Она решила идти к батькам, выплакаться на коленях у мамки да просить тятю сколотить домовину для Виктора.

* * *

Поутру мамка послала Тоньку за щавелем для супа. Хороший щавель рос за вёской, в заболоченной низине, там протекала то ли речушка, то ли ручеёк. И хотя в июле щавель был уже не такой сочный, но для супа годился. Тонька позвала с собой подружку, соседскую Веруху. Веруха старше Тоньки на два года, но снизошла до дружбы с ней.

Вдоль пологого спуска в низину подружкам пришлось не раз пройтись, прежде чем набралось по охапке щавеля

у каждой. Выбравшись из низины, девчата тут же увидели старуху во всём чёрном и с посохом в руке. Поравнявшись с ними, она остановилась и вдруг обратилась к Тоньке:

– Добры дзень, сястренка! Бацьки дома чи нет?

«Какая я табе сястренка!» – с недоумением пожала плечами Тонька, но почтительно ответила:

– Мамка и тятя у яслях, аддыхаюць после абеда.

Старуха кивнула и направилась к яслям, Тонька поспешила следом. На входе она задержалась, придерживая дверь для Верухи. За занавеской, отделяющей их семейный угол, раздался взволнованный возглас мамки:

– Мялання, дочушка! – и невнятная скороговорка тяти.

Лицо Тоньки обдало жаром: «Дак гэто ж сястра мая, Мялання! Што за гора страшная случилася!» Она осторожно проникла за занавеску – Маланья, скинув чёрный платок, стояла на коленях, уткнувшись лицом в ноги мамки. Её плечи содрогались от беззвучных рыданий. Мамка гладила её по голове и целовала, что-то нашёптывая. Ссутулившийся тятя стоял, подпирая головой притолок яслей. Руки его безвольно свисали, он тихо плакал.

Затаив дыхание и прижимая к груди собранный щавель, Тонька слушала горькую исповедь Маланьи…

На следующий день Фёдор Иванович выправил пропуск у навестившего Зыки старосты и с Маланьей отправился в Савенки. В сарае у Маланьи нашёлся и верстак, и инструмент плотницкий, муж её – мужик рукастый. Там же в углу лежали необструганные доски. В опытных руках Фёдора Ивановича рубанок превратил те доски в гладкие заготовки для домовины. Домовина получилась ладная с высокой крышкой домиком.

Повечеряли, и, когда совсем стемнело, Маланья с отцом пошли на огород откапывать Виктора. Грунт не успел слежаться, и дед быстро откопал внука. Вдвоём с Маланьей достали упакованный куль. Дед взял внука на руки, как когда-то носил его маленького, прижав к себе в последний раз.

В сарае Маланья осторожно, словно боясь разбудить сына, освободила его от дождевика и покрывала. Вдвоём с отцом она уложила Виктора в его новый дом. Поправила причёску, тлен не успел тронуть лица сына – он слов-

но спал. Несколько минут отец и дочь стояли у домовины и прощались с Виктором. Дед наклонился и поцеловал внука в лоб.

– Прашчай унучак! Спи спакойна, пусь зямля табе будзиць пухам! – и отошёл в сторону. – Прашчайся доцька, пара закрываць…

Очнувшись, Маланья достала из-под фартука добытую у соседки бумажную ленту-венчик с изображениями Христа, Богородицы и Иоанна Предтечи и текстом молитвы «Трисвятое». Бережно наложила венчик на лоб сына и прошептала:

– Сьвяты Божэ, Святы Крэпкай, Сьвяты Бяссмертный, помилуй нас…

Провела ладонями по лицу сына и отошла, промокая глаза уголком платка.

Фёдор Иванович закрыл домовину крышкой с заранее вбитыми в неё гвоздями и молотком быстро их заколотил. Взял у стенки лопаты, штыковую да совковую.

– Пайду паувглубже яму отрою, ни то домовина ни памесьцицца…А ты з сыном пабудь…

Через полчаса он вернулся. Вдвоём стащили домовину с верстака на заранее расстеленный дождевик. Волоком потащили последний приют Виктора на огород, к яме. С помощью дождевика плавно опустили домовину в углубленную яму. Быстро зарыли и скрыли яму заранее приготовленными кустами зародившейся картошки. Огород принял свой обычный вид, будто и не обрёл здесь вечный покой комсомолец-подпольщик Виктор Солянков.

Фёдор Иванович обнял дочь.

– Вернутца наши, тады захароним Вихтара на кладбишшы, як положана…

Тятя вернулся домой через два дня. Был сумрачен и молчалив. С мамкой они долго о чём-то шептались, а дочерям ничего на рассказывали.

Глава 7. Партизанская. Наши вернулись!

Прошёл ещё один бесконечно долгий и тяжёлый год немецкой оккупации. Оккупанты не баловали вниманием Тонькины родные места, а вот своих сволочей-полицаев

было в избытке. Местные управы вполне эффективно исполняли распоряжения немецкой военной администрации.

Тятя, как и в колхозе, с утра до ночи работал либо в поле, либо на мехдворе. Слава богу, скотный двор пустовал, всю скотину ещё в июле сорок первого угнали к Смоленску. Как и при наших, сверху, из районной управы, спускался план по посеву льна, ржи и сдаче выращенного урожая в «закрома фатерлянда». За этот рабский труд власти милостиво разрешали содержать личные огороды да сажать картошку на бывших колхозных полях.

Жена Гераськи Ганка горбилась вместе с тятей на новую власть, а мамка с дочерями была на хозяйстве. Перед зимой наступающего сорок третьего года тятя по секрету сообщил бабам своим, что от Гераськи «сорока на хвосте» весточку принесла. Опять, всё та же «сорока на хвосте»! Тоньке очень хотелось хоть краешком глаза взглянуть на ту самую «сороку».

Так вот, весточка была о том, что Гераська жив-здоров, живёт в Духовщинском лесу и собирает грибы да ягоды. О грибах и ягодах тятя проговорил с хитрым прищуром глаз. Тонька понимала, что под грибами да ягодами тятя имел что-то совсем другое. Вот только что? Спрашивать тятю об этом бесполезно.

Вторую половину июня сорок третьего года смоленскую землю обильно поливали дожди, а с приходом июля установилась жаркая и безоблачная погода. С утра, пока солнце совсем не распалилось, Манька с Тонькой окучивали картошку. Ловко орудуя сапками, они за два часа справились с мамкиным заданием и направились домой. На взгорке у картофельных посадок показалась подруженция Тонькина, Веруха. Не успев добежать до сестёр, нетерпеливо прокричала:

– Тонька, айда у падлесак суницы збирать! Мяне мамка адпуская, коли ты пайдзеш!

– Бяги, пастрялёнак… – смилостивилась Манька.

– Сапку-та, сапку давай сюды!

Подружки убежали, а Манька с сапками на плечах неспешно спускалась со взгорка. Бегать, как девчонка, ей уж было не по возрасту – пятнадцать лет. Как-никак, а девка!

Через полчаса с двумя берестяными лукошками Тонька и Веруха вприпрыжку бежали по наезженной телегами дороге к Гончарам. Мамка легко отпустила Тоньку с подружкой, ведь суница и к чаю сгодится, да и компот можно сварить. У подружек отличное настроение, и они болтают взахлёб, не слушая друг дружку.

Просто им хочется бежать и болтать! А потому – что хороший солнечный день и пока нет полуденного зноя, что вдоль дороги на посадках льна появились красивые голубые цветочки и они, колышась от лёгкого ветерка, как бы подмигивают весёлым девчушкам. Дети остаются беззаботными настолько, насколько это возможно, несмотря на войну и немецкую оккупацию. Это защита психики ребёнка от взрослого ужаса, царящего вокруг.

До Гончаров чуть более версты, а дальше подружки повернули в сторону Гавриков. Подлесок с суницей находился аккурат между Гончарами и Гавриками, по левую руку от дороги. Красные ароматные ягоды суницы начали собирать с опушки, постепенно углубляясь в берёзовый подлесок. Суницы было много, и за час девчата собрали по пол-лукошку каждая.

Увлекшись сбором ягод, Тонька с Верухой неожиданно оказались на небольшой пролысине, где журчал ручеек, спадавший с поросшего мхом камня. Спиной к подружкам мужчина набирал воду из ручья в армейскую фляжку. На нём ношеный серый пиджак, такие же брюки, заправленные в короткие сапоги, на голове кепка, а за спиной винтовка.

«Ниужо ж палицай! – пронеслось в голове Тоньки. – Вроди ня схож, белай павязки нема…»

Мужчина, почувствовав взгляд за спиной, резко обернулся, облившись водой из фляги, и сдёрнул винтовку с плеча.

– А ну, стой! Кто такие? – по москальскому говору было ясно, что не местный. Голубые глаза на круглом веснушчатом лице смотрели с настороженным прищуром.

– Да мы, тутэйшныя! – первой среагировала Веруха.

– Айда со мной! Сейчас разберёмся, какие вы «тутэйшныя», – передразнил мужчина Веруху и, стряхнув с себя капли пролитой воды, долил фляжку. Винтовка оставалась

у него в руке, и незнакомец шёл сзади подружек, как бы конвоируя их.

Вскоре оказались на небольшой поляне. Возле костра сидели две молодухи, одетые в куртки и брюки, и возрастной дядька. На костре закипал чайник, а на траве рядом с троицей лежали их винтовки.

– Вот, говорят, что «тутэйшныя», – подтолкнул девчат к костру веснушчатый. – Ты же, Петро, тоже «тутэйшный», – кивнул он возрастному дядьке, – вот и разберись.

Обстановку разрядили молодухи.

– Не бойтесь, девчата, – заулыбались они, – присаживайтесь к нашему огоньку.

Переглянувшись, Тонька с Верухой подсели к ним. Рядом с женщинами им было спокойнее.

Возрастной дядька с седой щетиной на впалых щеках вертел в руках картуз.

– Аткуль вы, дзевачки?

– Иж Зыкав, – дружно ответили Тонька с Верухой.

– Во как! – вскинул брови дядька и даже перестал вертеть картуз в руках. – А я дужа добра знаю гэту вёску! Чиих будзиця?

На Верухину фамилию он пожал плечами, мол, не знаю таких. Оно и понятно, семейство Верухи осело в Зыках за два года до войны. А вот на Тонькино «Блиноувы мы…» – расцвёл широкой улыбкой.

– Так ты, «бальшакоува» увнучка!

– Ня-а! – возмутилась Тонька. – Доцка я!

– Ну, Хвёдар Иванавич, арол! – он аж хлопнул картузом по земле. – Гэта ж ён лет ув пяцьдесят цябе радзиув! А мы ж, – пояснил Петро товарищам, – с бацькам умесци на скотным дваре робили, пакуль ня уехаув из Зыкав!

– Ну вот и разобрались с «тутэйшними», – заулыбался веснушчатый, уселся рядом и приобнял Тоньку за плечи:

– Сюда-то чего вас занесло? Поди, далеко до вашей деревни?

Подружки уже догадались, к кому попали в гости и осмелели.

– Ни, нядалека, – первой нашлась Веруха, – вярсты чатыры з лишкам.

А тут и Тонька очнулась:

– Суницу зьбирали! – и показала лукошко партизанке. Та взяла ягоду, зажмурившись, вдохнула её аромат и положила в рот.

– Ишь ты, значит, так у вас землянику называют, – покачала головой. – Надо же – суница, почти синица!

Знакомец Тонькиного тяти о чём-то пошептался с веснушчатым. Тот охотно закивал и полез в вещмешок.

– Вот вам гостинец, девчата! – из вещмешка он достал что-то, завёрнутое в тряпицу. Под тряпицей оказался небольшой шар жёлтого цвета. Веснушчатый подкинул его на ладони.

– Сыр, у немцев реквизировали! Ну, а немцев, – подмигнул подружкам, – в расход!

У Тоньки с Верухой округлились глаза от удивления – о такой еде они и не слыхивали никогда.

– Дзядзька, а з чаго ён здзелан? – спросила Веруха.

– А з чым яго ядуць? – Тоньку интересовали практичные вещи.

– Ну, – почесал затылок веснушчатый, – сыр делают из молока. Как? Не знаю. А едят его или с хлебом, или так.

Он достал из ножен немецкий штык-нож и аккуратно разрезал им шар сыра на две равные части.

– Вот вам гостинец! – веснушчатый партизан протянул половинки сыра девчонкам. – Спрячьте его, от греха подальше, под ягодами. А то, не ровен час, на немцев или полицаев наткнётися.

Девчонки разгребли в лукошках суницу и присыпали ею половинки сыра.

– Чаю выпьете с нами? – предложила высокая партизанка. Подружки согласно закивали:

– Дзякуем цётуха, почаевничаем!

Возрастной партизан-земляк приложил к губам палец.

– Тсс! Ваенная тайна! Кажите батькам: пад Сталинградам разбили немцев у пух и прах! А энтим летам пагоним их са смаленской зямли! – а потом подмигнул девчонкам: – Восинью зноу пайдёти ув школу!

Веснушчатый партизан вскочил и начал настороженно прислушиваться:

– Похоже, стреляют! – Тут уже все вскочили, так явственно стала слышна стрельба, а из-за деревьев взвился столб чёрного дыма. – Наша засада! В ружьё! – скомандовал веснушчатый и тут же к девчонкам: – Бегом домой! Не оглядываться и не останавливаться!

Долго упрашивать подружек не пришлось, Тонька с Верухой схватили лукошки и ломанулись через березняк, откуда пришли. Возрастной дядька из чайника залил костёр, и четвёрка партизан скрылась в лесу.

Выбравшись на дорогу, девчата сломя голову помчались домой и охолонули только после Гончаров. Отдышались. Порадовались тому, что вся суница в лукошках цела. Ходко пошли в Зыки…

* * *

Сентябрь 1943 года выдался солнечным и тёплым. Мамка, когда поутру выходила на улицу, каждый раз ахала:

– Ласкавый дзянёк! Чай вёдра на дварэ!

Уже несколько дней не показывался из Бородёнок староста. Никто не заставлял мужиков работать в поле и выполнять спущенной местной администрацией план. Главы семейств в эти дни занимались своим хозяйством, а после обеда, как всегда, собирались подымить и порассуждать о предстоящих скорых переменах. А то, что перемены обязательно будут, и в ближайшие дни, никто не сомневался.

Тонька, находясь неподалёку от «обчества», внимательно прислушивалась к их разговорам. И оказалось, что не только тяте «сорока на хвосте» новости приносит, но и к другим мужикам она тоже прилетает!

Мужики много курили и степенно рассуждали о том, что готовится большое наступление Красной Армии – скоро немцев погонят, аж до самого Берлина. С середины сентября куда-то подевался Авчинников с подручными, в Зыках они давно не показывались. По всем признакам получалось, что немцы скоро уйдут…

Зримо ощущая неизбежные перемены, зыковские мужики не ведали, что началась Смоленская наступательная операция. Ближе к двадцатым числам сентября стало ясно,

что наши наступают и подошли к Смоленску. Целыми днями с той стороны, не стихая, слышна артиллерийская канонада.

Тонька с опаской смотрит на небо. Немецкие самолёты, чёрные, страшные и с крестами, летят со стороны Минска к Смоленску, а потом возвращаются обратно – да не все. Иногда маленькие вёрткие самолётики сходились в бешенной круговерти прямо над головой. Тятя пояснил: это «ястребки». Вой их моторов сопровождался каким-то треском, будто рвали коленкор. Иногда очередной самолётик, распушив чёрный дымный хвост, падал на землю.

26 сентября, как по мановению волшебной палочки, всё стихло. Ни бухали больше пушки со стороны Смоленска, перестали летать над головой самолёты. Воцарилась звенящая, пугающая тишина, и даже мужики, собравшись в кружок, молчали и только курили. Никакой власти вокруг – ни старост, ни полицаев, ну а немцев эти два года, так и не видали. Откуда мужикам было знать, что 25 сентября войска Западного фронта освободили Смоленск и погнали немцев дальше.

Неизвестность угнетала, и Фёдор Иванович решил сходить в Савенки, проведать Маланью. Тонька попробовала напроситься в компанию, но быстро получила категорическое «нет»:

– Сидзи дома! Зараз дюже страшна, няведомо чаго ждаць!

Тонька осталась, а тятя собрал узелок с гостинцами для внуков, взял посох и пошёл по просёлку, ведущему к чугунке и Ермакам. А от Ермаков до Савенок рукой подать.

Солнце периодически пряталось за белыми барашками облаков, а лёгкий ветерок ласкал лицо. Идти приятно и необременительно. За час с небольшим Фёдор Иванович дошёл до шоссейки, протянувшейся вдоль чугунки от Смоленска до Орши. Ещё издали заметил войсковую колонну из пеших и автомобилей, заполонившую всю дорогу. Фёдор Иванович остановился и, приставив ладонь к козырьку картуза, пытался разглядеть военных: «Ниужто нашыя… Хоспади, нехай будуть нашыя!»

Снял картуз, перекрестился и поспешил к дороге. «И прям нашыя! Нашыя, нашыя…» – Ноги сами несли его.

Подошёл к перекрёстку и остановился на обочине. Опершись обеими руками о посох, Фёдор Иванович разглядывал проходящих мимо него солдат в чудной форме. На защитного цвета гимнастёрках не было воротников с петлицами, а на плечах – погоны. Да, да! Те самые погоны, что и он носил по молодости. А у некоторых бойцов на погонах лычки, как и у него, в германскую. А вот и офицер! На его погонах звёздочки! Вот уж действительно, наши вернулись!

Фёдор Иванович опустился на колени. Плача, крестился и кланялся проходящим солдатам.

– Вставай, отец! Не плачь! Мы вернулись навсегда! – раздавались возгласы бойцов.

– Да, як жа не плакаць! Два годы вас ждали, родзимыи! – он не спешил вставать с колен…

Эпилог

Немцев прогнали, в Зыках начала налаживаться прежняя мирная жизнь. Заработали советские органы, восстановил свою деятельность колхоз. Погорельцам выдали специальные талоны на получение кругляка в леспромхозе, а также разрешили разбирать заброшенные здания.

С божьей помощью и также помогая друг другу, зыковцы начали отстраивать свою вёску. В октябре заработала семилетка в Бородёнках, и Тонька с Манькой продолжили учёбу. Маньке-то учиться осталось всего год, а Тонька, со сбережёнными учебниками, пошла в третий класс.

Вот только преподаватель русского языка и литературы был новый, из Смоленска прислали женщину пенсионного возраста. Бывший преподаватель, он же и староста двух деревень, был арестован специальными органами НКВД и осуждён на семь лет лагерей.

Здесь, к месту, вспомнить и о других подручных немецких оккупантов. Голову районной управы Зыкова с группой таких же предателей судили и в конце 1945 года повесили на одной из площадей Смоленска. Такая же участь досталась и начальнику полиции Авчинникову, правда не сразу. Он два года скрывался, но всё равно в 1947 году изобличён и повешен…

* * *

Перед ноябрьскими праздниками объявился Гераська, конечно же, не сам – письмо пришло от него. Он сообщал, что два года партизанил у Бати, а когда пришли наши, то после недолгой проверки его опять снарядили на военную службу. Письмо Гераська закончил словами: «Пошёл дальше, немцев бить!» Тонька по просьбе Гераськиной жёнки Ганки письмо читала и перечитывала бессчётное количество раз. Неграмотная Ганка, слушая, счастливо улыбалась и плакала, благодарила Господа, что жив её муж.

В апреле 1944 года бородёнковская почтальонша, пряча глаза, протянула Ганке письмо в казённом конверте со штемпелем Касплянского районного военкомата. На половинке серого стандартного листа бумаги сухо извещалось:

«Ваш муж, рядовой Блинов Герасим Фёдорович, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит…» Слова казённого бланка «был убит» зачёркнуты и сверху от руки надписано: «умер в госпитале от ран».

Похоронка застала «большаков» на строительстве, как раз только начали вязать венец хаты. Потрясённые этим известием в тот день больше не работали, всё валилось из рук. Ни Ганка, ни батьки, ни сёстры тогда не могли знать, что Герасим Фёдорович закончил земной путь не так уж и далеко от родной вёски.

Рядовой 971-го артполка 110-й стрелковой дивизии умер 4 марта 1944 года в госпитале от газовой гангрены. Похоронен на кладбище деревни Поляновичи Журавичинского района Гомельской области…

Той же весной 1944 года Фёдор Иванович помог Маланье перезахоронить Виктора на деревенское кладбище. На могиле внука он установил добротный деревянный крест, сколоченный собственными руками. Простоял тот крест недолго. Вскоре после войны стала известна правда о героическом Гнёздовском подполье, всех вспомнили поимённо. На могиле героя-подпольщика Виктора Солянкова, как и положено, вместо креста установили стандартный обелиск с красной звездой…

* * *

В мае боль от утраты Герасима притупили радостные известия от Захара и Ивана. Захар сообщил, что ранен и находится в госпитале на излечении. А как выпишется, то будет дальше немцев бить.

Очень радовались письму Ивана, с зимы сорок первого о нём ничего не знали. Оказывается, Иван воюет с сентября 1941 года. Из тюрьмы его освободили, так как изъявил желание идти добровольцем на фронт. Вместе с письмом в конверте была фотография – молодой красивый Иван в офицерской форме, с погонами старшего лейтенанта и орденом Красного Знамени на груди.

Кабы ни сестра Ганка, то совсем бы наступила счастливая жизнь. Тяжёлая в работе, скудная в еде, но всё равно счастливая – мирная жизнь на родной земле. А так мысли постоянно о Ганке, как она там, в чужой злой стране: жива ли, здорова ли?

Апрель и май 1945 года вся страна жила в радостном ожидании скорого окончания войны. Бои шли за Берлин! Фёдор Иванович при взаимовыручке односельчан и помощи советских властей заново отстроил семейную хату вокруг восстановленной старой печи. А тут, и долгожданная Победа – всенародное ликование 9 мая! Живи и радуйся!

Но костлявая рука войны всё же дотянулась до семьи Фёдора Ивановича. В конце мая почтальонша опять принесла казённое письмо из райвоенкомата. За сухими словами извещения притаилась смерть. Она забрала ещё одного сына, Ивана, забрала спустя неделю после падения Берлина…

Командир взвода 120-миллиметровых миномётов 954-го стрелкового полка 194-й Речицкой Краснознамённой стрелковой дивизии старший лейтенант Блинов Иван Фёдорович погиб 6 мая 1945 года в боях на косе Фриш-Нерунг (ныне Балтийская коса) у деревни Кальберг-Лип, Восточная Пруссия. На груди погибшего брата Тоньки были: орден Красного Знамени, два ордена Отечественной войны I и II степени, орден Красной Звезды, медаль «За отвагу» и другие медали. Похоронили Ивана там же, на косе. После войны все воинские захоронения с косы перенесли в город Мамоново Ка-

линингрaдской области, на специально созданное воинское кладбище. Там Иван Фёдорович Блинов и покоится до сих пор.

* * *

Качели плохих и хороших новостей в июле отработали в хорошую сторону. Из Германии вернулась Ганка! Изможднная, худая – кожа да кости. Обветренное лицо с потухшими глазами и узловатые мозолистые руки. Казалось, что она особо и не рада возвращению домой, всё больше молчала и ничего не рассказывала о жизни в Германии.

Почти три года Ганка работала на строительстве в Гамбурге. Жили в щитовых бараках специального трудового лагеря, за колючей проволокой и под охраной. Изнурительная работа по 12-14 часов каждый день и двухразовое питание, утром и после работы, такое, чтобы только не подохли.

В феврале 1945 года в Гамбург вошли англичане. Всех «остарбайтеров» поместили в фильтрационный лагерь, где уговаривали не возвращаться на Родину. Таких набралось немного, остальных передали советским военным властям.

Родная земля, любовь родителей и сестёр сделали своё дело, постепенно Ганка отошла, поправилась, и её глазам вернулся молодой блеск. В 1947 году Анна Блинова встретила свою судьбу, Алексея Аксёнова. Он недавно вернулся из фильтрационного лагеря, где проходил проверку после возвращения из плена. Войну Алексей Аксёнов встретил красноармейцем в составе Западного фронта. Буквально в первые же дни – окружение и плен, почти на долгих четыре года.

О годах, проведённых в плену, Алексей не рассказывал и вообще был человеком неразговорчивым. Работал в колхозе комбайнёром, отстроил добротный пятистенок в Зыках, и родили с Анной трёх дочерей и двух сыновей…

Летом 1945 года Манька окончила Бородёнковскую семилетку и с благословения родителей уехала в Смоленск. Там были нужны рабочие руки восстанавливать город, порушенный войной. В Смоленске Манька, Мария Фёдоровна, встретила ровесника, рабочего парня Ивана Кирпиченкова,

да и вышла за него замуж. Основались они в пригороде Смоленска, Красном Бору. Семья их пополнилась дочерью и двумя сыновьями.

* * *

А что же Тонька? Она на хорошо и отлично окончила семь классов Бородёнковской сельской школы и как лучшая ученица направлена для дальнейшего обучения в Смоленский строительный техникум. В 1952 году Тонька, Антонина Блинова, получила диплом техника-строителя и распределена на недавно открытое Ромашкинское месторождение нефти. Это на юго-востоке Татарстана. Вокруг нефтяного месторождения началось строительство промышленной инфраструктуры и двух городов, Лениногорска и Альметьевска.

В том же 1952 году Григорий Циберкин демобилизовался после трёх лет срочной службы и вернулся домой, как раз в те места, где развернулось грандиозное строительство и жизнь била ключом.

На одной из молодёжных вечеринок Григорий и Антонина встретились, полюбили друг друга и в ноябре 1953 года стали мужем и женой. В августе 1954 года на свет появился автор этих строк.

Такая вот история…

Олег СУХОНИН

КОРОТКИЙ МЕТР БОНЧА*

Главы из повести

Посты Бонча

Но вот незадача: даже когда я уже уехал из Прованса, история с Бруевичем всё никак не отпускала меня. Ну не мог я поверить, что он добровольно наложил на себя руки!.. И ещё я жалел, что так и не успел расспросить Сеню про его короткометражку. А уж если что засядет в моей голове – пиши пропало: так и будет свербеть там без конца, пока не найдёшь ответа. Это как с красным бриллиантом: пока не отыскал его в лашманских болотах – всё не мог успокоиться...

Меня неожиданно осенила, казалось бы, совершенно очевидная мысль, которую я почему-то упустил раньше. Арсений Бруевич умер, приняв снотворное с алкоголем, а ведь точно тем же способом усыпили и героиню его фильма «Внутри тьмы» – ту самую библиотекаршу, которой, по словам Моргунова, подсыпал порошка в шампанское не кто иной, как старший брат Сени, после чего надругался над ней, заживо замуровал в книгах и оставил там умирать. И теперь возникал вопрос: а нет ли какой связи между этими двумя случаями?

Проще говоря, не муки ли совести за совершённое братом злодеяние заставили Бонча покончить с собой, выпив вина с таблетками? Или что-то вроде желания искупить его грехи? Но в предсмертном письме режиссёра про это совсем ничего не было... Что-то тут опять не сраталось...

Интересно, откуда у Сени взялся фенобарбитал? С собой он его привёз или купил уже во Франции? Об этом

* Окончание. Начало в «Земляках» № 2, 2025.

теперь тоже можно было только гадать. Инспектор Флэмар ни словом не обмолвился, нашли ли упаковки от таблеток в номере Бруевича или их там не было. Впрочем, полицейских это и не интересовало: по их логике – раз нет преступления, незачем и напрягаться. А если вдобавок ещё и нечем поживиться, так этому воронью вообще на всё наплевать.

И всё же меня как магнитом тянуло снова и снова заглянуть в соцсети Арсения. Магнитом... Поневоле вспомнишь томные глаза его герлы Нонны...

Сеня, Сеня, что же ты наделал? А ну-ка, давай-ка ещё раз посмотрим, что ты писал в последние «французские» дни своей жизни...

Итак, будучи в Провансе «просто Бонч» сподобился всего на восемь постов.

Первый – это когда сразу после нашего с ним знакомства он попросил меня сфоткать его на Английской набережной на фоне афиш Каннского кинофестиваля. Это было больше для спонсоров: смотрите, мол, я уже во Франции, начинаю работать.

Следующий – это когда я снял Бонча рядом с фестивальным баннером у виллы Массена, после чего режиссёр витиевато был послан мною на хрен с дружеским советом нанять личного фотографа. В подписи под своей изрядно поддатой физиономией Арсений обещал поставить на уши весь мировой кинематограф и уехать покорять Голливуд.

Третья запись Сени была про «итальянскую кинозвезду» – ту самую лахудру, что он притащил к себе в номер в день заселения в отель. Ну помните – голые ляжки на фото с текстом: «Познакомился на фестивале с известной итальянской актрисой». Я ещё тогда еле удержался от ехидных комментариев под этим его постом...

Четвёртая новость была уже из Канн, с «Уголка короткого метра»: Бонч стоял на небольшом подиуме с микрофоном в руке, что-то увлечённо рассказывая невидимой на фото публике, а за его спиной на экране красовалась заставка фильма «Внутри тьмы».

Потом был короткий пост из сделанных им в Каннах селфи, из которых следовало, что в перерывах между по-

казами своей короткометражки Сеня успел прогуляться по Круазет возле Дворца фестивалей и отеля Carlton, позагорать на городском пляже и поиграть в буль под платанами на Аллеях свободы.

Далее снова шла запись с «Уголка короткого метра». Там Бруевич раздавал «почитателям своего таланта» автографы на небольших постерах и наклейках с названием его фильма. Среди «фанаток» режиссёра я разглядел и Нелли с Нонной.

Седьмой пост – две изящные женские лодыжки, скрещённые на бесстыже вывалившихся из шорт волосатых ляжках Сени. Одна ножка в лиловой туфельке выглядела немного костлявой, другая – в светлой босоножке – смотрелась посексапильнее. Это Нонна с Нелли в номере Бонча в разгар розыгрыша билетов на фестиваль – вмиг догадался я. Подпись под фото: «Провожу кинопробы в Каннах» – не могла меня обмануть.

Ну и наконец последний пост из тех, что Арсений успел выложить во Франции, – это отзыв на премьеру «Субстанции» во Дворце фестивалей. Тот самый, что я прочёл, ужиная в Les Deux Frères. Там он красовался во фраке на фоне Корали Фаржа, Деми Мур, Маргарет Куолли и Денниса Куэйда. На паре фоток засветилась и Нелли в вечернем красном платье.

Больше записей не было. Получается, что про молокановскую «Первую партию» в Ла-Бокка, куда, по моим прикидкам, Арсюша должен был взять с собой Нонну, написать он не успел – ни сразу после фильма, ни по дороге в отель, ни у себя в номере, где отдал богу душу.

Отдельного поста про кино Молоканова не было, но моё внимание привлекли комментарии под Сениными восторгами от «Субстанции». Обычно под его записями подписчики оставляли одобрительные смайлики, эмодзи и хвалебные отзывы (критику Бруевич нещадно тёр) либо разводили пустой трёп. Но в комментариях под постом о фильме Фаржа я наткнулся на грубую пикировку Арсения с неким ММ – как оказалось, это был аккаунт Михаила Моргунова. Тот упрекал Бонча в излишнем расшаркивании перед француженкой, переоценке художественных

достоинств её картины и тут же пенял ему на недостойное поведение на премьере молокановского фильма. Мол, Бруевич так эпатажно хохотал в зале во время показа «Первой партии», отпуская неприличные реплики, что мешал смотреть кино другим зрителям. И вообще непонятно, как он попал в Cineum Cannes IMAX, ведь приглашений ему никто не высылал. «Это был полный моветон и даже хуже моветона», – подытоживал ММ.

На это Сеня ему отвечал: «Твой Молоканов вторичен, местами пытается косить под Тима Бёртона, но делает это так неуклюже, что просто смешно. И при этом сумел пролезть в основную программу фестиваля! Понятно: раз Маск среди спонсоров – без мохнатой лапы не обошлось. Молоканову для начала стоило бы поучиться снимать фантастику у мастеров: Спилберга, Кубрика, Ридли Скотта, Родригеса, Бодрозы, а уж потом... Да та же Фаржа даст ему фору в сто очков вперёд! Молоканов – полный бездарь, но в программе фестиваля. А настоящему таланту без протекции и денег туда не пробиться☹».

Казалось бы – сказал как припечатал. Но Мишка и не думал засовывать свой язык в анус и отвечал не менее категорично: «Это ты на свою короткометражку что ли намекаешь, талантишко недооценённое? Про то как твой братец-упырь замучил девчонку в библиотеке? Чья бы корова мычала!»

Бонч отреагировал мгновенно: «Подонок! Никто в России не умеет снимать сегодня независимое кино так, как я. А вы с Молокановым продолжайте вылизывать Маску...» – и дальше Сеня совсем уж срывался на грубость.

Скорее всего, ММ после этого был им безжалостно забанен, поскольку ответа так и не последовало. Бруевич же, отвлёкшись на ругань в комментариях, по горячим следам то ли не успел, то ли забыл или просто не захотел написать и выложить отдельный пост про молокановское кино, а когда уже вернулся в гостиницу – там с ним и случился весь этот ужас...

Но не из-за срача же в соцсетях Моргунов с Молокановым отравили Бонча. Так и вижу, как разгневанные Жорж с Мишелем разыскивают своего обидчика в Ницце, травят

его там в отеле и на скорую руку составляют и подбрасывают предсмертное письмо. Да ещё непременно шрифтом Segoe Script. Смех да и только...

Шутки шутками, но через несколько дней после смерти Сени я получил по электронке письмо от Молоканова. Он спрашивал: почему я не пришёл на премьеру его фильма в Ла-Бокка и как там оказался Бруевич? Но поначалу я не стал отвечать...

Девицы Бонча

Чем больше думал, тем отчётливее приходил к выводу: если кто и мог отравить Арсения, так это кто-то из его «французских друзей».

Конечно, был ещё вариант, что это сделал кто-нибудь из служащих Hôtel Le Royal Vacances Bleues, где останавливался Бруевич. Но письмо! Даже если какая горничная по чьему наущению или из-за личной обиды и подсыпала ему в вино барбитуратов, письмо-то она состряпать не могла – для этого нужно было загодя специально отслеживать посты Бонча в соцсетях.

Но зачем?! Каков был мотив преступления? Ясно же, что убийство готовили. Но кто? Среди знакомых Сени, с кем он за три дня пересекался на Ривьере и тусил в своём номере, кроме его девиц, я больше никого и не видел. А их было три – Нонна, Нелли да длинноногая лахудра. И никаких проявлений безумных страстей и ревности между ними я не замечал.

Лахудру он подцепил где-то в Ницце в день своего приезда и сразу же притащил её к себе в номер, выдавая за итальянскую актрису. Но это было знакомство на одну ночь, и что-то там у них не срослось: на следующее утро Бруевич жаловался, что «итальянка» запросила слишком много денег. Не будет же она в отместку за это травить его... Всех не перетравишь...

С Нонной и Нелли, со слов самого Бонча, он познакомился в Каннах на показах короткометражки. Они увязались за ним, прознав про приглашения на премьеру

во Дворец фестивалей. Вживую я их видел только пару раз: днём в кафе у нашего отеля, когда отдавал Бончу свои билеты на молокановский фильм, и мельком вечером на его балконе. Как он там разыгрывал между ними приглашения я не знаю, но по факту на «Субстанции» с ним была Нелли (подтверждение тому – фотографии в его посте), а на «Первую партию», по моим прикидкам, он должен был взять с собой Нонну. Впрочем, фотоподтверждений этому не было... Вдруг они рассорились во время лотереи, и в Ла-Бокка Бонч отправился с той же Нелли или и вовсе в одиночку? А обиженная Нонна в сердцах отравила его. Женская обида – это, знаете ли...

Размышляя так, я попробовал разыскать в интернете фотографии с молокановского показа в Ла-Бокка, чтобы выяснить – с кем из девиц припёрся туда Сеня. Но фильм Георгия оказался на фестивале в числе аутсайдеров, не вызвав особого интереса ни у прессы, ни у критиков, ни у широкой публики. Я нашёл лишь снимки с премьеры «Первой партии» во Дворце фестивалей на Круазет, но там Молоканова окружали в основном серьёзные дядьки из SpaceX да их чопорные спутницы. Бонча среди них точно не было, да и не могло быть – меня и самого-то туда никто не приглашал... Кстати, человека похожего на Мельдоньича на тех фотографиях я тоже не обнаружил: значит, Жорж не врал, когда говорил, что Редхед побаивается выезжать из Штатов...

Тогда я и решил ответить Молоканову по электронке, остававшейся на тот момент единственной ниточкой, связывавшей меня с внешним миром:

«Георгий, на ваш фильм я не пришёл из-за резко изменившихся обстоятельств. Билеты отдал Бруевичу – он обещал привести к вам на показ известную итальянскую актрису. Я же такими знакомствами похвастаться не могу... Продолжу с нетерпением ждать выхода картины по моему сюжету».

Изобразив лёгкую обиду, я прикинулся, что ничего не знаю о скандале Бонча с Моргуновым в соцсетях и прозвучавших там оскорблениях в адрес Молоканова, и одновременно закинул удочку: вдруг в ответном письме мне напишут, кого привёл с собой Сеня на премьеру в Ла-Бокка...

Криминальное чтиво

Пока ждал ответа, решил сам проверить Мишкины слова о том, что «Внутри тьмы» сняты Бруевичем на основе реальных событий. С интернетом это было несложно. Гугл, как говорится, в помощь.

Долго искать не пришлось: криминальная хроника в российских библиотеках не отличалась особым разнообразием. Периодически на воровстве попадались директора, тырившие бюджетные деньги на всякого рода закупках, ремонте зданий, премиях сотрудников и прочих махинациях. Нередко из фондов «исчезали» ценные книги и манускрипты. Самой резонансной в этом ряду была кража старинных еврейских рукописей в сто сорок миллионов долларов из Российской национальной библиотеки в Петербурге. В той нашумевшей истории был замешан «генерал Дима» Якубовский, и ей даже посвятили специальный выпуск телепрограммы «Криминальная Россия».

А вот убийств в храмах знаний в новом веке было по пальцам пересчитать. В том же Питере после пожара в библиотеке железнодорожного техникума нашли труп женщины с ножевыми ранениями. Выяснилось, что это шестнадцатилетний оболтус принёс бензин в библиотеку, чтобы поджечь её и сорвать родительское собрание в училище. Библиотекарша попыталась помешать поджогу, и он убил её.

В Волгограде сотрудник ЧОПа, охранявшего областную научную библиотеку имени Горького, ночью прикончил в ней шестидесятилетнюю вахтёршу, позарившись на её золотые серьги и библиотечный телевизор Samsung.

Ещё в Красноярске мужчина устроил в библиотеке семейные разборки бывшей жене, зарезав её там за то, что она не разрешала ему встречаться с двумя их детьми.

Всех злодеев задержали по горячим следам, но ни одно из этих преступлений и близко не походило на сюжет Сенинного фильма. А вот убийство пятнадцатилетней давности в Пушкинской краевой библиотеке сразу же привлекло моё внимание. Там, как и в короткометражке Бонча, после новогодних праздников нашли мёртвой некую Алину К. Экспертиза показала, что умерла она от передозировки

спиртного со снотворным, и на теле её были обнаружены следы сексуального насилия. Подозрения сразу же пали на молодого коллегу библиотекарши Викентия Чигина, который после новогодних каникул на работе так и не появился. Более того, этот Чигин пустился в бега и был объявлен в розыск.

Но на этом сходство того преступления с сюжетом «Внутри тьмы» заканчивалось: никакого изуверского замуровывания библиотекарши в стеллажах, ни даже мятой обложки Playboy возле трупа – ничего такого в Пушкинке не было и в помине. Чигин просто напоил девушку на работе вином со снотворным, изнасиловал её и оставил там спящей. А Алина взяла да не проснулась – умерла от передоза. Поняв, что натворил, Викентий дал дёру.

И если этот случай в краевой библиотеке действительно лёг в основу Сениной короткометражки, то получалось, что все главные ужасы в его фильме с заживо замурованной библиотекаршей и её страшной смертью под грудами книг были режиссёрской выдумкой?..

Но даже если Бонч так изощрённо нафантазировал в деталях, реальное-то преступление всё же было совершено. Пусть и без излишнего изуверства, но человека-то убили. Алину К.

На фотографиях с ориентировок тех лет Викентий Чигин совсем не был похож на Арсения Бруевича. Ну если только очень отдалённо. Впрочем, Мишка же говорил, что преступник из «Внутри тьмы» был сводным братом Сени. Тогда этим же объяснялись и их разные фамилии. Значит, Викентий мог быть братом Бонча по матери, а отцы у них были разные. У старшего – Чигин, а у младшего – Бруевич. Еврей, что ли, какой?

В итоге выходило, что Моргунов был прав: убийство в Пушкинке вполне могло послужить основой для фильма Бонча...

О самом том случае в краевой библиотеке журналисты писали тогда много, но вот о поимке Чигина или о суде над ним я ничего не нашёл. Помню, как Михаил рассказывал, что Сениного брата посадили в тюрьму, и оттуда он уже не вышел. Но в интернете про это совсем ничего

не было. Обычно пресса любит доводить такие темы до логического конца: от преступления – до наказания. А тут получалось, что душегуба так и не поймали? Так что ли?

Злодей в фильме Бруевича тоже, кстати, не был наказан...

Трудности переписки

Мне срочно захотелось узнать у Моргунова: откуда он взял, что убийцу библиотекарши постигла заслуженная кара? Да вот беда: прямых контактов с Мишкой у меня давно уже не было. Связаться с ним я мог только через Молоканова, а тут как раз и подоспело по электронке очередное его письмо, причём, безо всяких приветствий:

«Какая ещё к чертям итальянская актриса?! Бруевич припёрся ко мне на показ с какой-то дешёвой лахудрой, устроив скандал! Но Бог покарал его: от зависти ко мне этот неудачник наложил на себя руки!

Впредь попрошу не разбрасываться моими приглашениями, а сюжет ваш мне больше неинтересен. Спонсоры дают мне деньги на целый сериал – продолжение «Первой партии», и ближайшие годы я посвящу этому проекту.

Кстати, Моргунов сообщил мистеру Редхеду, что видел вас в Каннах, и тот очень хочет связаться с вами, просит у меня электронный адрес. Могу я дать ему вашу почту?»

Я давно знал, что на Моргунова нет никакой надежды. И пусть я и не большой спец в айтишных делах, но отреагировал мгновенно:

«Ни в коем случае не сообщайте Редхеду мой e-mail! Сбросьте мне его почту, я сам напишу ему».

«Ок», – пришло мне в ответ от Молоканова вместе с адресом электронки Мельдоньича.

Писать рыжей бестии я не собирался, но, полагая, что выиграл небольшую передышку, аккаунт свой решил пока не удалять. Простое любопытство давно уже переросло во мне в настоящий азарт ищейки, а он требовал непременно выяснить: откуда Мишка знает, что брат Бонча попал в тюрьму?

«Георгий, Бог покарал Бруевича не только за зависть, но и за другие его смертные грехи, – начал сочинять

я очередное письмо Молоканову. – Видимо, это у них семейное. Помните, как во время обеда в Ondine Моргунов рассказал нам историю о брате Арсения, по которой тот и снял свой фильм? Михаил тогда ещё сказал, что брата Бруевича посадили за убийство. Не могли бы вы узнать, откуда у него такие сведения?»

Отправил письмо режиссёру и снова стал ждать. От нечего делать начал перечитывать предыдущую с ним переписку, и тут меня зацепило: а какую из девиц Бруевича на показе в Ла-Бокка Георгий назвал «дешёвой лахудрой»? Я-то под лахудрой подразумевал «итальянскую актрису». А кого имел в виду Молоканов? Та-то, настоящая в моём понимании лахудра, вряд ли могла появиться с Бончем на премьере – с ней он порвал в первый же день. Неужели он снова возобновил с ней знакомство? Или по шкале Георгия на лахудр тянули и Нелли с Нонной? Но те были привлекательными девушками. Нелли – вообще секси, а у Нонны – глаза-магниты... Может, с Арсением была какая-то другая – четвёртая мадам?..

Cherchez la femme

А между тем Молоканов всё не отвечал. Маясь от неизвестности, я постоянно прокручивал в голове всевозможные версии убийства Сени.

Допустим, Моргунов ошибся, и Чигина так и не поймали, и он продолжает скрываться от правосудия. Возможно такое?.. А почему бы и нет? Разве и сам я не в той же ситуации?

Тогда, прознав, что Арсений снял фильм по уже изрядно подзабытой истории убийства библиотекарши и тем самым снова вытащил давнее преступление на всеобщее обозрение, Викентий вполне мог разозлиться на брата и уже опробованным способом, подсыпав в вино снотворного, отправить его к праотцам... Но для этого Чигину, будучи в бегах, нужно было, как минимум, добраться до Ниццы. Могло быть такое? Маловероятно. Хотя, столько лет прошло...

«Итальянская лахудра» могла отравить Бруевича? По моим прикидкам – вряд ли. Сеня отшил её в первый же

день знакомства, и она наверняка быстро подыскала ему замену, выбросив из головы прижимистого русско-еврейского режиссёра с ограниченным бюджетом на курортные развлечения. Думаю, под «лахудрой» Молоканов имел в виду какую-то другую мамзель. Но кого?

Нелли, судя по фотографиям с премьеры «Субстанции» во Дворце фестивалей – тех, что Бонч выложил у себя в соцсетях, никак не подходила под это определение. В красном дорогом вечернем платье она смотрелась потрясно. Я понял, кого она мне напоминала: в её чертах было что-то среднее между голливудской кинодивой Скарлетт Йоханссон и нашей Ларисой Белогуровой – той, что играла главных героинь в мюзиклах «Вольный ветер», «Остров погибших кораблей» и фильме «Гений» с Александром Абдуловым. Только Нелли была поминиатюрнее. И если в том же шикарном прикиде она явилась и на показ к Молоканову, то какая же из неё «лахудра»?

Нонна? Худощавая шатенка, взгляд томный, но фигурка так себе. А если ещё и не накрашенная да в обычных шмотках... «Итальянка», пожалуй, даже получше будет... Могла Нонна подсыпать Сене яду? Да легко! Из-за той же «Субстанции». Помню, как она ластилась к Бончу из-за билетов, облизывая свои испачканные мороженым пальцы. Тьфу ты! Глаза-магниты... Эта точно могла отравить!

Или всё же была ещё и четвёртая, которую Сеня подцепил уже без меня?..

Молоканов по-прежнему молчал, и не знаю сколько бы ещё я так сходил с ума в бесконечных попытках удалённо разгадать тайну убийства Бруевича, если бы не случай.

В очередной раз перелопачивая в сети информацию о Пушкинской библиотеке, я вдруг наткнулся на давнишний репортаж одной местной телекомпании.

А кто вообще была такая эта Алина К.? Что она из себя представляла? В криминальных новостях того времени личность убитой не раскрывалась. После упоминания «Алина К.» в скобках всегда добавляли: «имя убитой изменено». И тут вдруг в одном из сохранившихся телесюжетов из Пушкинки я увидел, как репортёр брал интервью

у симпатичной миниатюрной блондинки Алисы Кубанковой (так было указано в титрах). И та Алиса как две капли воды была похожа на Нелли! Да-да – вылитая Нелли: те же глаза, чёлка, тот же задорный носик, ямочки на щеках, улыбка – одно лицо!

Дальше из интернета я узнал, что эта самая Алиса работала в отделе периодики Пушкинки как раз в тот год, когда там и произошло убийство, а потом напрочь пропала из информационного поля. Как в воду канула. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что эта Алиса Кубанкова и могла быть той самой Алиной К. из криминальной хроники тех лет.

В телерепортаже Алиса упоминала и о своей младшей сестрёнке, которая только ещё пойдёт в школу, но уже выучилась читать. Правда, звали её не Нелли, а Алла.

У Бруевича во «Внутри тьмы» убитую библиотекаршу играла актриса совсем другой внешности. Тоже небольшого роста, но жгучая брюнетка с восточными глазами. Поэтому она и не вызвала у меня ни малейших ассоциаций с Нелли, которую я встретил на Ривьере в компании Сени. А теперь...

Бонч изобразил библиотекаршу в фильме развратной девицей с похотливым взглядом и глумливой улыбкой блудницы, готовой раздвинуть ноги чуть ли не перед первым встречным. Алиса Кубанкова из репортажа и близко не подходила к такому образу. Родственникам убитой кино Бруевича точно бы не понравилось. Оно было для них даже оскорбительным. И разве трудно назваться чужим именем, если задумала отомстить за родную сестру?..

Я забивал в поисковиках разные варианты: и «Алла Кубанкова», и «Нелли Кубанкова» – но всё напрасно. Девушек, похожих на блондинку, что была рядом с Арсей на Ривьере, по этим именам в интернете я не нашёл. Да и немудрено: Алла за это время могла выйти замуж или просто сменить имя и фамилию. В Каннах она представлялась Нелли, а по паспорту могла быть кем угодно: ещё одной Анной Делви или... Впрочем, стоп! Не хочу, чтобы повторилось, как с Маском...

Чигина, кстати, если он смотрел «Внутри тьмы», тоже многое могло там резануть: мало того, что Бонч вывел убийцу озабоченным маньяком, так ещё и внешне тот прыщавый юнец вызывал крайнее омерзение. На полицейских ориентировках преступник выглядел куда приятнее, нежели отвратительное мурло в фильме Арсения. Интересно, за что Бонч так ненавидел своего сводного брата?..

Но пока судьба Викентия оставалась для меня загадкой, я пытался логически выстроить версию, как Алла-Нелли могла отомстить Бруевичу, осквернившему память о её сестре.

Пазлы, в принципе, легко складывались.

Подрастая, Алла без труда могла следить в соцсетях за жизнью, повадками и творчеством младшего брата убийцы её сестры. Тем паче, что Бонч ничего и не скрывал – жил нараспашку. И вот теперь, спустя много лет, узнав, что Бруевич снял фильм «Внутри тьмы», девушка посмотрела его и ужаснулась, как скабрёзно изображена там её сестра-мученица. И решила наказать режиссёра. Арсений хвастал на каждом углу, что повезёт свою короткометражку в Канны. Тогда Алла и спланировала месть с тем прицелом, чтобы Бруевич умер той же смертью, что и её сестра. Только без сексуального насилия: над спящей Алисой глумился всё же не Сеня, а его сводный брат...

Будто случайно познакомившись с Бончем в Каннах под именем Нелли, юная мстительница столкнулась с неожиданным препятствием в лице Нонны, позарившейся на халявные билеты режиссёра на «Субстанцию». Алле-Нелли нужно было как-то отшить конкурентку, и тут как нельзя кстати пришлись подаренные мною Сене контрамарки на показ в Ла-Бокка. Да и шикарное красное платье пригодилось.

Но! Что за «дешёвая лахудра» фигурировала в письме Молоканова, когда он говорил о спутнице Бонча на премьере «Первой партии»? Это Алла сменила свой улётный наряд на обычную одежду, или всё-таки Бруевич был с другой девицей? Да какая, в принципе, разница! С одной стороны, после Дворца фестивалей Нелли сподручнее было отправить Арсю на следующий фильм с кем-то другим,

чтобы, взяв у него ключи от номера, вернуться в гостиницу в Ниццу и без помех подмешать фенобарбитал в бутылку с вином. Она вполне могла договориться с Бончем, что будет ждать его в отеле. Но даже если, переодевшись, Нелли ездила с ним и в Ла-Бокка, то и тогда подсыпать ему снотворного по возвращении – секундное дело. Так даже удобнее: можно было проконтролировать, чтобы Сеня выпил именно из отравленного бокала. А после того, как режиссёр отключился, оставить на тумбочке заранее заготовленное от его имени письмо. И всё это – без всякой спешки: на двери номера снаружи долго висела табличка Ne pas déranger...

Вот так, можно сказать, сидя у компьютера и не выходя из комнаты, я раскрыл хитроумное преступление, совершённое в Hôtel Le Royal Vacances Bleues!

Но что толку? Внутри меня всё бурлило и клокотало от сделанных открытий и разоблачений, а поделиться ими было не с кем. Никто и не собирался разделять мой восторг по этому поводу и уж тем более возобновлять расследование убийства Бруевича в Ницце, чтобы подтвердить правоту моей версии.

Но разве можно было так запросто отмахнуться от убийства Бонча, оставив его безо всяких последствий? Пусть я повстречался с ним случайно, и знакомство наше было шапочным, но что это меняет? Рядом со мной убили совершенно невинного человека! Да, Сеня был раздолбаем, бабником, эгоистом, завистником и фанфароном, но сам же он никого не убивал. А его убили. За что? За кино?

И что же получается: преступление снова останется безнаказанным? Как, возможно, до этого и убийство Алисы Кубанковой?.. Пусть Нелли и мстила за свою сестру, но почему Бруевичу? Убийцей-то был не он, а его брат. А карать за искусство – неоправданно жестокое занятие, удел ничтожных душ...

Мне непременно хотелось разоблачить убийцу Арсения. Но как? Писать Флэмару было бесполезно: его спесивая физиономия с масляными глазками и вздёрнутыми кверху усиками вызывала у меня отвращение. Этот флик в очередной раз отмахнётся от меня как от назойливой мухи.

Тогда я решил поделиться результатами своего расследования с начальством этого ленивого инспектора через сайт дирекции судебной полиции, продублировав информацию и в ведущие масс-медиа Ниццы. Может, они прислушаются к моим доводам?

Мысленно нахваливая себя за выдающиеся дедуктивные способности, я начал составлять подробное письмо, педантично излагая в нём все сделанные мною наблюдения и добытые факты, пошагово воспроизводя логическую цепочку событий, подкрепляя всё это скриншотами многочисленных публикаций и ссылками на скрупулёзно проанализированные источники информации. Это заняло у меня немало времени. И когда уже сел редактировать свой титанический труд, мне наконец-то пришло электронное послание от Молоканова. И заставило бросить всё это пустое занятие...

Почти архангел

Молоканов писал, что Моргунов впал в кому...

Как это случилось? Перед самым закрытием фестиваля в Каннах их пригласили на внеконкурсную премьеру «Горизонтов» Костнера, где сам Кевин сыграл одну из главных ролей. Георгий был в полном восторге от фильма: сразу после показа они с Мишкой вместе со всем залом минут десять аплодировали стоя, скандируя «Кевин! Кевин! Кевин!» – так что Костнер даже прослезился.

После премьеры Молоканов вместе с другими ВИПами отправился на торжественный приём в Carlton. Моргунов же, у которого приглашения туда не было, решил сопроводить Георгия в надежде, что и ему удастся просочиться на банкет и на халяву продолжить праздник. От Дворца фестивалей и конгрессов до отеля идти-то всего пару шагов, но Михаил умудрился повстречать по дороге ту самую девицу, что была с Бончем на «Первой партии» в Ла-Бокка. То есть «лахудру», как называл её Молоканов. Мишку охрана в Carlton ожидаемо не пустила, и тот несолоно хлебавши расстался с режиссёром и потащился с этой мамзелью искать в городе ресторанчик подешевле. Неизвестно,

где и как они тусили, но кончилось тем, что ночью случайные туристы нашли Моргунова всего облёванного на одной из улочек Канн. С виду было и не определить: лежал ли он на лавочке в стельку пьяным или свалился от приступа – вот прохожие и вызвали скорую. Врачи на месте определили, что мужчина в коматозе, и отвезли Мишку в больницу, где у него диагностировали тяжёлое отравление барбитуратами вперемешку с алкоголем.

«Теперь будем молиться за него!» – заканчивал своё письмо Молоканов.

«А что за девушку он встретил? Кто был с Бруевичем в Ла-Бокка? Не эта случайно?» – тут же написал я Георгию, прикрепив файл с фотографией Нелли в красном платье, взятой из поста Бонча с их похода на «Субстанцию».

«Нет, не эта, – сразу ответил Жорж. – Та была худая шатенка в сарафане и лиловых туфлях».

«Шатенка! Худая! Лиловые туфли!» – мигом пронеслось в моей голове. И тут же скопировав в Сениных соцсетях фотку, где он на «Уголке короткого метра» раздавал автографы «фанаткам», среди которых были и Нелли с Нонной, я переслал её Молоканову: «А здесь её нет?»

«Есть! – написал мне шеф Моргунова. – Крайняя шатенка справа – это она! А кто это?»

Я выдохнул. Крайней справа была Нонна. Она вообще на той фотографии была единственной шатенкой из попавших в кадр девиц: две брюнетки, блондинка Нелли, ещё одна «неформалка» с волосами ядовито-фиолетового цвета и Нонна.

Вот так все тщательно выстроенные мною логические цепочки рвались на раз...

Что же теперь получается? Выходит, на показе «Первой партии» в Ла-Бокка вместе с Бончем, как я изначально и предполагал, была всё-таки Нонна! Тогда после фильма она, скорее всего, и поехала с ним в Ниццу. И там оставшись с Арсюшей в номере наедине, пока тот срался с Моргуновым в соцсетях или просто сидел в туалете, отравила ему вино. А потом оставила заранее заготовленное письмо. Всё это было сделать нетрудно.

Но какой у неё был мотив? На этот вопрос у меня не было однозначного ответа. Но зато я понял, что отправлять в полицию Ниццы письмо с обвинениями в адрес Нелли не стоит. Теперь я вообще не был уверен, что Нелли имела какое-то отношение к Алине К. Просто похожа на неё – вот и всё. Мало ли в мире блондинок, косящих под Скарлетт Йоханссон? Возможно, что вся версия о родстве Нелли с Алисой Кубанковой была просто плодом моей буйно разыгравшейся фантазии на фоне развившейся за последние годы паранойи.

Сознавая, что снова могу встать на путь необоснованных обвинений, Молоканову я ответил так: «Это Нонна, одна из девиц, крутившихся вокруг Бруевича в Ницце. Говорила, что стажируется в местном отеле. Правда или нет – не знаю».

В общем, хреновый из меня Пинкертон...

Моргунова вывели из комы через пару недель. Об этом мне написал Молоканов уже спустя месяц после того, как они вернулись в Америку, чтобы по заказу SpaceX приступить к съёмкам сериала про покорение Марса.

Я спросил его: что же всё-таки случилось с Михаилом? Со слов Георгия, придя в себя в каннской больнице, Моргунов заявил, что его, скорее всего, отравила та самая шатенка, с которой он встретился у Дворца фестивалей, а потом ужинал в ресторане на улице Сербов. Но это не точно: Мишка толком не помнил, где и как он с ней расстался и добавлял ли ещё после этого. Зато был абсолютно уверен, что её подослал к нему брат покойного Арсения Бруевича.

Я попросил у режиссёра подробностей, но ответил мне уже сам выживший. Под предлогом большой загруженности Молоканов взял да скинул Мишке адрес моей электронки – объясняйся, мол, с ним сам.

Моргунов начал сразу безо всяких экивоков: «знаю, мол, тебе интересно, что со мной приключилось» – и дальше обстоятельно всё расписал. Теперь-то он точно уверен, что Нонна специально караулила его на выходе из Дворца фестивалей. Встретившись с ним якобы случайно, она жутко обрадовалась, когда секьюрити не пустили его

на банкет в Carlton, и предложила вместе поужинать. В ресторанчике на улице Сербов, где цены не кусались, она полезла к Мишке с расспросами. Сказала, что наткнулась на его комментарии под постом Бонча про «Субстанцию» и удивилась резким выпадам в адрес Арсения. Даже процитировала их по памяти: «Ты на свою короткометражку, что ли, намекаешь? Про то, как твой братец-упырь замучил девчонку в библиотеке?» И спросила: откуда Михаил в курсе, что фильм «Внутри тьмы» Бруевич снимал по мотивам преступления брата?

Мишка как на духу рассказал Нонне, что знавал Арсения ещё со времён работы в ульяновском киноклубе: они не раз приглашали начинающего режиссёра на свои посиделки. Тогда же Моргунов и узнал о трагедии, постигшей Сенину семью: о том, что его сводный брат стал убийцей. Для всех это было шоком. Бруевич тогда говорил, что его брата Викентия Чигина вроде как поймали и арестовали. А когда, несколько лет спустя, при случайной встрече Михаил снова спросил Сеню про родственника, тот ответил, что Чигин умер в тюрьме. Моргунов принял эти слова на веру и больше никогда не интересовался его судьбой. А тут вдруг в запале полемики с Бончем эта тема снова всплыла наружу...

Пока они с Нонной выпивали в ресторане, Мишка спьяну положил на неё глаз, и она полностью втёрлась к нему в доверие. Наверняка он наболтал ей лишнего... Но и у самой девицы от вина развязался язык. Она, скорее всего, была уверена, что для её визави этот пир станет последним, и всё услышанное он унесёт с собой в могилу. Вот и порассказала ему массу интересного про Бруевича и его брата. Она, оказывается, многое знала про их семью.

Со слов Нонны, Арсений не переносил своего сводного старшего брата сызмальства. Викеша пакостил младшенькому при каждом удобном случае, постоянно обижал его. Сказывались гены: первый муж Сениной матери, родной папаша Викентия Чигина был бандитом, держал в страхе всю округу и после рождения сына в очередной раз загремел в тюрьму, зарезав по пьяни соседа. Вот он-то как раз с зоны живым так и не вышел. Поэтому, когда Бонч гово-

рил, что «Чигин умер в тюрьме», – применительно к отцу его старшего брата это было сущей правдой.

Что же касается родного отца самого Бруевича, то он был простым инженером на заводе и сразу после появления сына на свет бросил семью, сбежав от жены и детей в Израиль. Так что братья росли без отцов.

Викентий, унаследовав криминальные замашки своего родного папаши, вырос ушлым пареньком. Как-то раз, во время попойки с корешами он случайно услышал от собутыльника, сторожа в краевой библиотеке, что в ней хранятся очень ценные фолианты. Охрана, мол, там – одно название, а книжки эти на чёрном рынке стоят несусветных денег. Чигин-младший не смог побороть искушения: старинные манускрипты и доллары нового образца стали сниться ему по ночам, и молодой человек устроился в Пушкинку разнорабочим. За короткий срок расположив к себе женский коллектив библиотеки, Викентий быстро разнюхал, где и как хранятся нужные ему тома.

Действовал так: дождавшись момента, когда в библиотеке начали переносить книги в новые смонтированные стеллажи, он воспользовался царившей кругом неразберихой и капитально повредил кабели и электропроводку в ценном фонде, выведя из строя камеры видеонаблюдения и сигнализацию и чуть не устроив там пожар. А потом сам же долго ремонтировал их, при каждом удобном случае втихаря вынося фолианты в сумках и ящиках для инструментов. Вынес прилично.

Понимая, что хватиться пропажи в Пушкинке могут в любой момент, Викентий судорожно искал покупателя, чтобы поскорее и подороже сбыть наворованное богатство. Уволиться из библиотеки он решил сразу же после новогодних праздников, пока ещё не уляжется суматоха с перемещением книг и не начнётся проверка фондов.

И тут как назло случись эта история с библиотекаршей! Удачно провернув кражу, Викентий расслабился. Он хотел просто подпоить сексапильную блондинку. Да и сама она была не прочь закрутить с ним лямур. Откуда ж он мог знать, что девушка принимала таблетки. От вина она не отказывалась, пила с удовольствием. Да и секс был

по обоюдному согласию – алкоголь вскружил им головы, её и уламывать-то не пришлось. Но таблетки! Если бы Чигин знал про них заранее! А когда узнал – было уже поздно: его подружку нашли на работе мёртвой. Викентий сразу смекнул: мало того что его могут обвинить в убийстве, так ещё во время следствия хватятся и пропавших книг. Тогда – хана!

Вот он и решил дать дёру. Тут и пригодились старые связи его криминального папаши. Сначала дружки отца помогли Викентию капитально залечь на дно, продать ворованные манускрипты и сделать поддельные документы. А когда всё было готово, с их же помощью Чигин-младший с новой ксивой и долей за книги благополучно пересёк границу...

За прошедшие с той поры годы он основательно осел и обустроился в Турции, но от криминальных занятий не отошёл: наркотики, проституция, вымогательство и всё такое. А тут вдруг, спустя много лет, узнал, что его младшенький братец-слюнтяй вытащил из прошлого забытую всеми историю, сняв по ней паскудный фильмец. И изобразил в нём Викентия не просто поганцем, а вконец разложившимся моральным уродом, настоящей падлюгой. Да и подружку его библиотекаршу, симпатичную весёлую девчонку, вывел дешёвой шлюхой. Да как он посмел!.. Нет, Арсютке придётся ответить за это!

И Чигин-младший решил мстить всем подряд. Сначала своему брату Сене Бруевичу, которого он с детства считал и дразнил «ублюдком», – за снятый им мерзопакостный фильм. А потом ещё и Моргунову – когда увидел, как тот в комментариях под постом Бонча обозвал Викентия «братцем-упырём». Значит, этот гад ММ-Моргунов тоже знал о преступлении в Пушкинке, а теперь треплет языком направо-налево и возводит на людей напраслину: не ведая, как там всё было на самом деле, публично бросается оскорблениями! «Братец-упырь»! За базар нужно ответить!

Узнав, что Бруевич повезёт свой фильм в Канны, Чигин поначалу тоже хотел подъехать туда. Месть его была бы страшной. Викентий планировал покарать режиссёра примерно так же, как в фильме поступили с бедной дев-

чонкой. Чигин представлял в красках, как неожиданно предстанет перед младшим братом, предложит выпить за встречу, подсыплет ему в вино снотворного, а потом, надругавшись над спящим, отвезёт его на одно из старых кладбищ и замурует там в заброшенном склепе связанным с кляпом во рту. Пусть Арсютка на себе прочувствует каково это – умереть «внутри тьмы»!

Но у Викентия оставались проблемы с законом: он небезосновательно опасался, что в базах Интерпола хранятся его данные, а потому лишний раз пересекать границы не рискнул. Так что, можно сказать, Арсению даже повезло...

Бонч был охоч до девок, а потому орудием лайтового варианта мести Чигин выбрал одну из красоток, помогавших ему заманивать девчонок в бордели. Заплатив ей приличные деньги, поставил задачу: отравить Бруевича, сымитировав его самоубийство. Для этого он передал девушке предсмертное письмо от имени режиссёра, составленное из его постов. А когда уже во время фестиваля Викентий наткнулся в соцсетях брата на оскорбления в свой адрес с аккаунта ММ, он поручил своей «Никите» до кучи отравить и Моргунова. За дополнительное вознаграждение...

На этом месте рассказа Нонны до уже порядком набравшегося Мишки наконец-то начало доходить, что посланницей Чигина как раз и была его визави. Но было поздно: в этот момент у него закружилась голова, потемнело в глазах, и он отключился. А дальше ничего не помнит. Вернее, только то, как очнулся в больнице...

Теперь-то он понимает, что шатенка, называвшая себя Нонной, подсыпала ему в ресторане отравы. Поэтому и раскрыла перед ним под конец все карты, будучи уверенной, что он уже никогда не проснётся. Но то ли с дозой не рассчитала, то ли Мишку так сильно рвало, что... В общем, убить его ей не удалось. Конечно, прямых доказательств против неё у него нет, но и так всё ясно...

Теперь всё предельно понятно стало и мне. К гадалке не ходи – убийцу к Бруевичу подослал его сводный брат, а родственники погибшей библиотекарши были ни при чём... Я же не знал, что Чигин остался живым...

Сам Моргунов сначала и сбил меня с панталыку, когда в «рыбный день» сказал, что Сенин брат из тюрьмы так и не вышел. Хотя я всё равно допускал версию, что если Викентий на свободе, то он и мог подсылать к Бончу девок, чтобы отравить его: сначала «лахудру», потом Нелли или Нонну – кого-то из них. Оказалось – Нонну.

Обидным было то, что заказчик преступления и его исполнительница оставались безнаказанными. Михаил был прав – прямых улик для того, чтобы полиция начала расследование смерти Арсения Бруевича, так и не появилось: то что послышалось пьяному Мишке от подвыпившей Нонны – к делу не пришьёшь...

Но что меня ещё поразило во всей этой истории: какой же Михаил живучий и непотопляемый! Ни в огне не горит, ни в воде не тонет! Ни фугассом его не удавишь, ни спиртным с таблетками не отравишь! Я поделился с ним этими своими наблюдениями в ответном письме, в шутку добавив: «Если бы я не видел своими глазами, что вытворяли с тобой на “Живых шахматах” в Муйне, то посчитал бы тебя земным воплощением Михаила Архангела :)».

Моргунов ответил: «А что со мной вытворяли в Муйне? Видеозаписей не осталось – их уничтожил пожар. Так что все свои домыслы и галлюцинации оставь при себе».

«Так вот у кого был повод сжечь «Фабрику игрушек» после всех унижений на «шахматной доске»!» – написал я ему и тут же пожалел об этом: рассерженный Мишка сообщил мне, что переслал адрес моей электронной почты мистеру Редхеду, который меня разыскивает.

Я всегда знал, что Моргунову нельзя доверять...

«Письмо счастья»

Только сел удалять свой аккаунт, как на почту мне упало письмо от Редхеда, то бишь Мельдоньича. Оно было приветливым и радушным. Он писал, что прекрасно знает, что это именно я поджёг «Фабрику» в Муйне, но зла на меня не держит. Более того, он даже благодарен мне за то, что таким, пусть и изуверским, способом я помог ему вырваться из лап вьетнамских спецслужб. Иначе по милости

Ивана Лыкича Минова он был бы вынужден горбатиться на них до конца жизни. Мельдоньич и сам готовил план своего побега, но устроенный мною пожар пришёлся ему только на руку.

Теперь он рад, что разыскал меня. Нас, мол, связывает с ним не только множество вместе пережитых трагических событий, но и светлых минут, и он очень хотел бы возобновить нашу «дружбу». Мистер Редхед приглашал меня к себе в Соединённые Штаты Америки, в компанию SpaceX – он теперь здесь очень важный человек. Писал, что мне ничего не угрожает и не о чем беспокоиться: он снова будет рад видеть во мне своего коллегу. У меня, мол, имеется богатый опыт работы с биороботами, а кроме того, я всегда восхищал его как полиглот, так что он сможет посодействовать моему включению в одну из интернациональных экспедиций на Марс. В общем, сулил золотые горы.

Я прекрасно понимал, что это замануха. Но снова и снова перечитывая его текст, приходил к мысли, что если бы Мельдоньич хотел уничтожить меня, то не стал бы посылать письмо с приглашением в Америку, а просто пробил бы меня по адресу и заказал, как Чигин Бруевича.

Воскрешая в памяти, при каких обстоятельствах мы познакомились с учёным в Ульяновске, а потом ездили с ним в Лашман и жили бок о бок в Муйне, я злился на него, но в то же время лицо моё нет-нет да озаряла добрая улыбка. Уж не подвержен ли я стокгольмскому синдрому?

Чем больше вспоминал, тем всё сильнее светлое и хорошее вытесняло из моей памяти самые жуткие моменты. Вспомнилась и фраза, что я произнёс, улетая из Вьетнама: «Какой, с божьей помощью, оборот!»

Может, действительно, судьба посылает мне шанс? Неужели сбудется детская мечта о космосе? Ведь все мальчишки в детстве грезили о нём. Я уж и думать забыл, а тут такой поворот!

А что? Марсианином я ещё не был...

Стихи по кругу

Мария ПРОКОФЬЕВА
Подмосковье

Песня незрячего

Полюби меня, небо, как я люблю
Твою высь ненасытным зрачком.
Вот опять в отраженье твое смотрю
В славном зеркале Волги речном.

Полюби меня, солнце, как я люблю
Освещенный тобой восток
И другую, западную зарю,
Где кончается твой поход.

Полюби меня, море, как я тебя,
Обними как родную дочь,
Изумрудами и серебром горя,
Сними мне каждую черную ночь.

Помирись со мной, ночь. Видишь, я мирюсь
С твоей бархатной темнотой,
И уж если я с тобой остаюсь,
Награди хоть одной звездой.

.

Ночное стихотворение

Все спокойно в этом мире.
Самолет идет на взлет,
Обещая пассажирам
Комфортабельный полет.

Все спокойно в этом доме.
В детской тикают часы,

Чуть шевелятся в альбоме
Лунно-белые листы.
Все спокойно в этом баре.
Бармен отдохнуть прилег.
Деревянными ногами
Стулья смотрят в потолок.

Все спокойно в этом храме.
Дверь закрыта на засов.
Лишь мелькают меж столбами
Ризы хмурых образов.
Все спокойно в этом свете.
Самолет уже летит,
Повернулись на бок дети,
Бармен на диване спит.
Все спокойно, все в порядке…
Почему ж так страшно мне,
Если просто ложка звякнет
В чашке чая на столе.

Иван МАЛОВ

Художник. 1945-й

Послевоенный тёплый вечер.
Солдат, уставший от ходьбы,
Вошёл в село, женою встречен
У ветхой крайней городьбы.

Глядели вдовы – счастья судьи –
На радость редкую четы
И на плетни склоняли груди,
Как переспелые плоды.

Глаза печальных вдов уральских
Седые видели виски.
Крещенским снегом – не по-майски! –
Его скрипели сапоги.

Он мыслил кистью передать:
В тылу в трудах, в тревогах мать,
Жену, односельчан в России
И старика-отца в ночном…

О замыслы, холсты живые
О подвиге в краю родном!..

Елена ГАЛИАСКАРОВА
Красноярск

Морская сказка

В подводных теремах русалки спят,
В морской пучине спрятан дивный клад –
Чарует ночь таинственными снами...
Вдруг чаек крик нарушит тишину,
Затронет сердца тонкую струну
И эхом разлетится над волнами.

Морская пена к берегу бежит;
На суше мелким жемчугом лежит,
И в ней мелькают блики, как алмазы.
Хоть нет прекрасней водной синевы,
Милей мне зелень листьев и травы...
Блестят морские звёзды, будто стразы.
В глубокой бездне, где царит покой,
Растёт кораллов ярких лес густой –
В их очертаньях скрыты тайны моря.
Кораллы словно древний дух создал,
Чтоб жили безмятежно между скал
Узорных рыбы в радости и горе.

Так и любовь, как море, что зовёт,
Таит в себе огонь и вечный лёд
И верой душу наполняет снова.
А после боли, что, как шторм, прошла,
Забвенье дарит, не оставив зла,
Чтоб сердце стало к чувствам вновь готово.

Виктор ЛЯПИН
Кстово

Кафе «Стекляшка»

...Дешевый ужин. Выбивает пар
из двери. И уборщицы с посудой,
подвыпившие, девочке разутой
лодыжки согревают. Занят бар

бутылками с портвейном, коньяком,
вчерашним сыром, хлебом, шоколадом.
И барменша, невыразимым взглядом
соотносима с богом, под хмельком
вливает хмель в подставленный стакан.
И на подносе замер таракан.

Ночной старик в углу напился. Дал
напиться и случайному соседу.
Мороз. Метель. И сбился гость со следу.
И помутнел потресканный кристалл.

Пантера, волк, сова... Нет, не сова.
Образованье тщетное. Да ладно!
Машина полицейская надсадно
Ревет, буксуя. Девочка, едва

дыша от холода, от дома к дому
плывет, не замечая, что за ней
в сиянье безнадежном все быстрей
бежит пантера по двору пустому.
...Впечатывая лапы в след ступней.

* * *

Боже мой, как всё переменилось –
выставлен подрамник листопада;
солнце принимается, как милость;
ливень обязателен для взгляда.

Накатили сумерки Гарреля,
акварели пятен и разладов.
Свечки клёнов алым загорелись
в тёмных, восковых, живых окладах.

Жарких дней у мороси не спросишь.
Открывая окна с влажным плеском,
смотрим, как выгуливает осень
листья в златотканных перелесках.

Над обрывом в золоте метельном
девочка купает добермана.
...Ястребы куда-то улетели,
лодки потерялись за туманом...

Надежда БЕСФАМИЛЬНАЯ

г. Льгов, Курская область

На озере Чарском

Над водой, по лесной оторочке
Опустевшее лето звенит,
Дремлют в травах всклокоченных кочки,
Спят во мху разомлевшие пни.

Но испуганно ящерка порскнет
Из-под ног и исчезнет в кустах,
Где скучают грибов переростки
На литых толстопятых ногах.

Днями раньше, на всходе, на взлёте,
Под плетёной накидкой черник
Юный выводок их благородий
Не заметил заядлый грибник.

Не изъедены слизнем и червем,
Пересилили засуху дней…
Но в глазах твоих вскинутся черти,
Но азарт твой булата острей.

И охотничьим звоном заразным
Колокольчик зайдётся внутри.
…Смотрит ящерица безучастно,
На грибные безумства твои.

Срежешь их, будто скосишь поляну,
И, сойдя по тропе золотой,

Опрокинешься в воду торфяную
Цвета чайной заварки спитой.

Только зной, затяжной, несентябрьский,
Прикипает к твоим берегам,
Только утка качается в ряске
И читает тебя по губам.

Сентябрь 2024.
Озеро Чарское Нижегородской области

На приволье, на дерзкое, терпкое

Ну подумаешь – с горочки, страху-то!
Вот возьму и совсем не умру.

Посмотри, как вздымается пахота
На пригретом весеннем юру,
Как зелёная бровка топорщится
Вдоль упрямой межи полевой
И вживляется почка под кожицу –
Вдохновенно на крепкий подвой,
На приволье, на дерзкое, терпкое,
Что весною – да прямо под дых...
Что ни вздумаю я, что ни сделаю –
На двоих поделю, на двоих.
Просмеялись_жituху_проплакали,
Продолжай, да попробуй исправь...

По наезженной трассе, по травке ли,
Хоть по речке рассерженной, вплавь.

Кстово, 2024

Ноябрь в Кадницах

А давай задержимся, побудем,
По оврагам спустимся к воде
Вниз, где к Волге боком жмётся Кудьма
И проулки дремлют в темноте.

Где бредёт ноябрь по околотку,
На глаза и ноги поослаб,
А давай столкнём на воду лодку,
А давай полюбим эту хлябь.

Пусть на горке старый храм возденет
На вечерню звон, как божий перст,
Будем в зиму плыть по запустенью
В неотвязной мороси небес.

Пусть хвосты прижмут в лощинах волки
И оставят эту радость нам –
У замерзшей до костяшек Волги
Разметать снега по берегам.

Вёсла крепки – лодочка руката! –
И краёв за устьем не видать…
Колокольни звон да в небе ястреб,
Тишь да гладь, да божья благодать.

Кадницы, Нижегородская область, ноябрь 2025

Валерий МУХИН
Псков

Душа поэта

Над Соротью Михайловские рощи,
Облюбовали живописный холм,
Где до сих пор стоит, простого проще,
Опального поэта скромный дом,

Где произнёс его печальный житель,
Вдали от воли суетной большой:
«Поэзия, как ангел утешитель
Спасла меня, и я воскрес душой...»

С тех пор, подобно голосу свирели,
Слова живут во всех концах земли.
Кому-то, может, сердце отогрели
И, может быть, кого-нибудь спасли...

Пусть мир устроен «грозно и прекрасно»,
Но, сохраняя душу в чистоте,
Наверно, жизнь ты прожил не напрасно,
Когда она – служенье Красоте!

Свирель

Там, ветру в дар, на тёмну ель
Повесил звонкую свирель.
А.С. Пушкин

С этой поры и в жару, и в метели
Ветер играл на волшебной свирели.

Ветер носил в непроглядные дали
Песни восторга и песни печали.

Словно на крыльях, по ветру летели
Лёгкие звуки певучей свирели.

Слушала песни земля молодая,
Слушали люди, смеясь и рыдая.

Слушали сосны и слушали ели
Чистые звуки чудесной свирели.

Слушали звери и слушали птицы,
Слушали чистые эти страницы.

Песни коснулись влюблённой души:
Слушай звучанье – и сказкой дыши...

Андрей АЛЬПИДОВСКИЙ

* * *

Я пасусь здесь на лугу, я пасусь.
Не ловите – убегу, унесусь!
Не найдёте на меня хомута!
Разве только – глубина омута…
А и бегал я в лугах заливных
Во далёких временах, во иных.
Заболотило луга – всюду ил.
И дорогу я туда позабыл.

Потому я кручу выше искал,
Да навстречу мне – звериный оскал.
Вот и бил копытами – по клыкам,
И побитым ускакал – в облака.

Я пасусь здесь в облаках, я пасусь.
Надо мной – Отец и Сын Иисус,
И, конечно, Дух Святой – надо мной,
И не надо мне лужайки иной…

О Маленьком принце

На далекой планете или на астероиде
Выросла роза на радость мальчику.
Смысл не ищите, глубоко не ройте,
Мальчик-принц полюбил гордячку.

Укрывал от ветра, поливал из лейки,
Делал вид, что боится её колючек.
А роза считала самонадеянно,
Что она – единственная и потому всех лучше.

Но мальчик однажды улетел с астероида,
Странствовал между планет – бродяга.
Встречал честолюбца, торговца-пройду,
Короля и фонарщика – честного трудягу.

Оказался в пустыне, на большой Земле.
Приручил Лиса, поговорил со змеёй.
Вспомнил о розе, тоскующей во мгле,
И понял, что приручил и её.

А значит, что стал за неё в ответе,
И должен вернуться, от гусениц спасти.
Но так случилось, что звездный ветер
Тело его не мог унести.

Чтобы увидеть цветка лепестки,
Как договаривались, к змее сделал шаг,
И от укуса её в пески
Упал, но взлетела его душа.

Получается, что если хочешь взлететь,
Надо сначала упасть ниц,
Покинуть телесную тесную клеть,
Как когда-то Маленький Принц.

Валерий ФОКИН

п. Разбойный Бор, Кировская область

Без шоу в ночь на Рождество

Погано жить в эпоху перемен –
ждать сто ответов на один вопрос.
Мне не простил какой-то шоумен
того, что до него я не дорос.
А вятская моя глубинка спит,
и я ложусь (хоть в праздник да тверёз)
и знаю, что Господь меня простит
за то, что я её не перерос.

Дошло!

Не отдам отчаянью ни дня,
сила воли – выше нет богатства:

три реанимации меня
научили, как за жизнь держаться.

Снова крепость обретай, рука,
прежней воли собирай остатки...
«Жизнь неотвратимо коротка!» –
понял я лишь на восьмом десятке...

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ
Москва

Постхокку

Дерево
Переросло солнце
И завяло в темноте.

Наталья ОСТАФИЙЧУК
г. Семёнов, Нижегородская область

Будем

Шаг за шагом,
Метр за метром,
В кутерьме из разных судеб,
Заплетая километры
Нас с тобою жизнь рассудит.

Были правы
Иль неправы,
Нас опять разносит ветром,
А вокруг всё слева, справа
Километры, километры.

Руки тянутся
Друг к другу,
Не хватает сантиметра,

Чтоб сомкнулось всё по кругу,
Чтоб исчезли километры.

В этой жизни
Состоявшись,
Обдуваемые ветром,
Мы с тобой пойдём обнявшись
Шаг за шагом, метр за метром!

Сергей ЖЕНИХОВ
Шахунья, Нижегородская область

В родном селе

У нас, под козырьками крыш,
слова такие льются!
Что час,
И два,
И три сидишь,
боясь пошелохнуться.

К стене приткнешься, как репей,
и внемлешь речи дивной:
что ни словечко, то припев,
что ни рассказ – былина,
что ни рассказчик, то артист!

В родном селе, у речки
живу – улавливаю смысл
людского просторечья.

Александр РЫЖКОВ
Рыбинск

* * *

Когда клубок мотаю по стране,
Москва мне представляется вокзалом.

Не чувствуя себя провинциалом,
Иду не глядя – всё знакомо мне.

Неполный час и пара пересадок,
Казалось бы, простая часть пути,
Но как по кольцевой ты не крутись,
Московский час оставит отпечаток.

Итоги первой половины дня –
Проделана дорога до столицы,
Прочитаны билетные страницы,
В дальнейший путь зовущие меня.

Хватает дня добраться до Урала.
Не хватит жизни написать строку,
Подобную прощальному платку,
Парящему над суетой вокзала.

* * *

Коварство крымского кагора
В Керчи привязано мостом.
Закат опять поранил горы,
Мотают облака бинтом
Мои таврические раны,
Когда в крови гуляет мёд.
Где вы, поэты, хулиганы?
Волошин ваши камни ждёт.
Пусть стройка всюду в Коктебеле,
И пыль строительных ветров
Легла крахмалом на постели
Отстроившихся номеров.
Я забираю в чемодане
Свой сувенир солёных слов,
Чтоб на другом меридиане
Он стал длиннейшим из мостов.

Коктебель, 2025

Екатерина ГРУШИХИНА
Красногорск, Московская область

Птица-Тройка

Пробираешься к Богу болезнями, войнами, блокпостами,
Окропляешь бумагу стихами, корпишь над текстом, –
Спрыгнет ангел Господень с небес и, взмахнув перстами,
Осенит промозглый ноябрь знаменьем крестным.

На Тверской бульвар огни снизошли с Парнаса,
Вот идешь, а вослед эпиграмму бросает Пушкин,
А по правую руку Герцен скандирует басом:
– Сколько лет на свете мне жить осталось?
Молчит кукушка.

На Тверском бульваре скамейки стоят рядами,
Кто на них не сиживал только за три столетья.
Алексей Максимович, слышу ваш голос – пламень,
Буревестником гордо, я вас заклинаю, рейте!

Упаси, Господь, от потопа, тюрьмы и глада.
В Петербурге тем временем всё и светлей, и лучше.
Николай Васильевич Гоголь, дыша на ладан,
Воскрешает, из мёртвых своих соплеменников, души.

Развязалась над Петербургом времени пуповина,
Птица-Тройка взмывает и имя – Святая Русь ей.
Прозорливый пиит, с головы капюшон откинув,
Светоносен стоит, а в руках – негорящая рукопись.

Публицистика

ЗВЕЗДА В ЗЕНИТЕ

Беседа с писателем Борисом ЛУКИНЫМ* – отцом солдата, погибшего при освобождении Мариуполя

– Расскажите о детстве Ивана. О его увлечениях, кем он хотел стать? Где учился?

– Сейчас я работаю над книгой «Жил-был сын». На ваш вопрос лучше отвечать отрывками из этой книги. Что-то уже написано. Что-то будет ещё написано, кстати, благодаря и нашей с вами беседе.

Рассказывать о детстве Ивана коротко – всё равно что делать стихотворение из поэмы. На первый взгляд – обычный мальчик: активный, крепкий, рано начал читать, любил подвижные игры, любил своих сестёр, много времени проводил с нами – родителями, и всё же был немного другим. Хотя бы потому, что родился в многодетной семье. Наша семья – воцерковленная, как это принято говорить. И он жил с церковью с самого рождения. Многие годы – каждое воскресенье, каждый праздник. Для нас это было обычным, а для нашего окружения, для того окружения, в котором он рос, – странным. С одной стороны жизни ребёнка – культ книги, уважение членов семьи к отцу-писателю, встречи с большим количеством писателей и деятелей других видов искусств, с самого детства. Этот круг становился для него привычным. А с другой стороны, для него

* Поэт, критик, переводчик, издатель. Родился в 1964 году в Горьком. В разные годы был редактором «Литературной газеты», завлитом МХАТ им. М. Горького, преподавал в школе и театральном институте. Член СП России.

столь же обычны мальчишки на улице, с которыми он играет в футбол или войнушку, ребята из команды, сокашники. Но их он не всегда понимал, поведение сверстников расходилось с тем, чему мы учили сына.

В нашей жизни было много чудесного, по моему ощущению и пониманию бытия. Об этих чудесах я рассказывал Ивану во время его взросления. Одно из первых чудес, которое было связано с его судьбой и с благополучием семьи – день Крещения. Тогда, в августе 1998, страну накрыл кризис. Выдался выходной день. Спустя почти полгода жена настояла сделать важное, постоянно откладываемое мною на завтра – покрестить сына. Я поехал в Благовещенский Нижегородский монастырь, тогда восстанавливавшийся. Так как я помогал восстановлению обители, то был знаком с настоятелем. Попросил его помочь. Он отправил со мной священника, чтобы дома провести крещение младенца. Так получилось, что у моего товарища родилась дочь чуть позже Вани. Мы одновременно покрестили двух младенцев, а товарищ мой стал Ваниным крёстным. Когда праздничное застолье у нас закончилось и я возвращался со священником в монастырь, он признался, что родной брат настоятеля монастыря и что прилетел всего на один день из Сибири на какой-то соборный съезд настоятелей монастырей России. Затем рассмеялся и сказал: «Видимо, это промысел Божий, если именно ради вашего мальчика я пересёк всю страну».

После крещения, буквально через несколько дней, Ваня начал болеть. И болел до самого Рождества следующего года. Мы лечили его, но ложиться в больницу не хотели. Решили, что съездим в Углич на родину жены, и если до Крещения Господня сын не выздоровеет, то жена ляжет с ним в больницу. Ехали мы через Варницкую обитель. В тот период в этой обители монахи жили в землянках, на территории монастыря были дома-бараки для бывших осужденных, и только-только начиналось движение к восстановлению подворья. Это был январь 99-го года. Нас встретил один из насельников. Затем долго водили по территории будущего монастыря, рассказывая, каким он будет, с полной уверенностью, что иначе быть не может.

Когда мы прощались, то оставили вспоможение, у машины монах догнал нас и подарил икону, которая в дальнейшем сыграет тоже свою роль в судьбе семьи. На иконе были святые мученики Гурий, Самон и Авив, известные как покровители супружества, брака, счастливой семьи.

Ваня выздоровел после посещения Варницкого монастыря и путешествия в машине с иконой. И эта болезнь больше к нему уже никогда не возвращалась.

Ну и, конечно, нельзя не вспомнить, почему мы назвали сына Иваном. Моего папу звали Иван Петрович. Сын, о котором я мечтал после рождения нескольких дочерей, без сомнения, мог быть только Иваном. Отцу моему на момент рождения Вани было почти восемьдесят лет. Когда я приехал к нему в гости и начал накрывать праздничный стол, а он знал, что жена беременна, то поинтересовался о ней. Я ответил: «Галя родила». Посмотрел он на меня и спросил: «Кого»? – «У тебя внук». – «Как назвали?» – «Иван». У папы из глаз потекли слёзы.

За время СВО я не первый раз рассказываю об Иване, поэтому понял, насколько важно не отделять его от ребят, с которыми он вместе вступил в бой. Параллельно с книгой о сыне я продолжаю работу над сбором материала для книги о героях мариупольского «дома Павлова», участниках разведрейда в глубокий тыл противника к «Азовстали» в самом начале боевых действий в Мариуполе, когда до освобождения города было ещё трудных 2 месяца. Познакомившись с их биографиями, я понимаю, что это были неординарные люди. Судьбы многих из них похожи на судьбу сына. И часть того, чего достиг сын к 23 годам, достигли многие его товарищи. Просто они жили в других городах и сёлах, в других регионах России до того, как пошли служить в морскую пехоту 810-й бригады в Севастополе. И поэтому они немного медленнее двигались по своей судьбе. Иван продвигался стремительно. Параллельными курсами шла работа над физическим, нравственным, эстетическим воспитанием. Над этим работала его мама, я и, конечно, окружение. Поэтому он добился больше того, чего успели ребята из его мирной и армейской жизни. Но каждый из них имел тот же самый потенциал. Тот же самый, несомненно.

Что означают мои слова о том, что его охват был шире и развитие шло по нескольким направлениям? Возьмём обычное подростковое состояние среднего звена школы.

Иван одновременно учился в музыкальной и художественной школах, профессионально занимался спортом в школе олимпийского резерва. И всё это происходило одновременно. Он приобретал навыки самодисциплины, ведь надо всё успеть. Формирование личности происходит именно в этот юношеский период, когда ты стремишься быть лучшим и постепенно узнаешь, что можешь быть одним из лучших, ведь на каждом направлении ты прикладываешь максимальные усилия, чтобы достичь результата. Этот результат сразу не виден, он будет заметен через год-два, в некоторых случаях через пять лет, но только таким образом, когда ты приучил себя работать и каждую свободную минуту ты продолжаешь работать. Или ты бежишь поиграть в футбол, или садишься читать книгу, или слушаешь любимую музыку, сам играешь на гитаре, или общаешься с родителями и их гостями, или просто слушаешь их разговор, потому что этот разговор даёт новые направления к развитию.

Можно ли всё, чем занимался Иван во время учёбы в школе, назвать увлечениями? Конечно, все подростки ищут себя, формируя себя, подготавливая базу для будущих уже взрослых поступков и взрослых занятий и профессий. Так что у Вани закладывался широкий спектр за счёт спорта, музыки, живописи, любви к литературе и искусству. Что он мог выбрать, куда пойти, можно охарактеризовать даже несколькими словами. Представьте, во время службы в армии он успел записать диск своих песен, в выходные дни добираясь на автобусе из Севастополя в Симферополь в студию звукозаписи. Увлечение ли это? Нет, это одно из направлений его жизни. Когда начал играть в театре и кино – увлечение ли это? Это поиск себя. Были ли разочарования в этих исканиях? В своё время он очень много сил отдал спорту. Потом пришёл период, когда нужно было больше внимания уделять творческой составляющей, и он увлёкся музыкой, театром, кино. Он и сам гордился своими успехами. И мне было, чем гордиться.

В один из моментов театр и кино на актёрской стезе его разочаровали. Несколько сезонов работы в серьёзных театрах: в Большом, в «Геликон-опере», доказали ему – это не его путь, что с бóльшим интересом он занялся бы режиссурой, драматургией, к чему он и стремился последующие годы своей жизни.

Почему Ваня оказался в Литературном институте? Наверное, всё-таки потому, что к этому моменту у него уже были публикации в различных журналах России. Написано было не так много, но для юноши он уже довольно часто писал. Так работают лишь увлечённые своим делом подростки. Его очерк, посвящённый писателям Михаилу Дудину и Евгению Войскунскому, был замечен, его перепечатывали в различных изданиях несколько лет.

В журнале «Подъём» известный российский критик Вячеслав Лютый написал об этом очерке:

> Редактируя материал для номера, я удивился тому, с какой деликатностью и уважением автор рисует своих героев. Воспитанный в литературной семье, он изначально чувствовал возрастную и творческую дистанцию между этими именами и своим собственным. И тогда, отметив такое редкое для нынешней литературной молодежи свойство, я подумал, что Ивану стоит пожелать некоей художественной дерзости.
>
> Важно понимать, что художник может сложиться наилучшим образом, когда в нем параллельно растут талант и воля, которая в какой-то степени есть отражение его личности. В Иване Лукине такая воля крепла незаметно для окружающих. И если сегодня мы можем посетовать на то, что он как писатель, кажется, не сложился, то во многом подобные слова будут свидетельством нашей близорукости. Думаю, что Иван Лукин стал человеком во всех отношениях зрелым.

Уважительное отношение к маститым писателям было подмечено верно. Это у нас с ним было семейное понимание, что плохой человек не может быть хорошим писателем.

Один из первых больших рассказов Ивана «Письмо» был напечатан в конце 2021 года в Вологде, в сборнике произведений участников фестиваля им. В.И. Белова.

Со сценарием по «Письму» был принят в Союз писателей Москвы. Готовился к съёмкам первого короткометражного фильма.

Я не хотел, чтобы Ваня пошёл учиться в Литературный институт. Одновременно он поступал в несколько университетов на филологические и журналистские факультеты, в театральные вузы. Но в последний момент всё-таки остановил свой выбор на Литературном институте. За три года учёбы пришли новые успехи в творчестве, а параллельно – очередное разочарование в среде, в которой он оказался. Литературный институт до начала СВО, как и многие творческие вузы, был насквозь пропитан либеральным антироссийским духом.

В черновиках Ивана есть несколько строчек, показывающих направления его мыслей к моменту ухода в армию: «Родился в Москве, вырос в области Рузской, гордился что русский…»

– Что формировало его характер? Примеры? Литература?

– Вопрос простой и сложный одновременно, потому что в этом случае спрашиваю себя: «А как сформировалась моя собственная личность?» Так, опираясь на знания о себе, могу немного порассуждать и о сыне.

Читать Ваня начал рано. Чуть ли не с первых дней жизни – с книгами, читали у его кроватки мама, я, сёстры. Даже подушка у него была в форме книжечки со стихами из «Руслана и Людмилы»… Где-то ближе к шести годам Ваня начал читать сам. А научился по своей любимой книге «Остров сокровищ». Как вы помните, главный герой там – смелый авантюрный подросток, принявший решение без оглядки на свои юные годы. Ступенькой в формировании личности был образ этого героя.

У Вани в комнате много книг. И это не все книги, которые он прочитал, а только часть. Подростковые и детские книги перекочевали в комнату младшей сестры – Полины. Друзья по школе удивлялись, что у него так много книг, действительно в его поколении дети читают мало. Иван без книги просто не жил. Любая свободная минута была занята книгой. Книги о войне, о разведчиках, о путешественниках,

справочники, энциклопедии, которые я ему дарил и дарили гости – наши друзья. Всё это позволяло ему не только расширить свой кругозор и лучше учиться, но и откладывало в памяти какие-то поведенческие моменты тех героев, о которых рассказывалось в этих книгах.

С малых лет Ваня становился свидетелем моих встреч с коллегами-писателями. Многие приезжали к нам в дом. Такие, например, прозаики, как Николай Лугинов, Владимир Карпов, Дмитрий Ермаков, Ильдар Абузяров, поэты и артисты не только из России, но и из-за рубежа. Или мы ездили в гости к прозаику-фронтовику Евгению Львовичу Войскунскому, поэту Олегу Николаевичу Шестинскому. Всё это, конечно, не проходило мимо впечатлительного юноши.

В 2024 году в Якутии сняли фильм об Иване. В фильме народный писатель Николай Лугинов воспоминает о нём, внимательно слушающем нашу беседу. Разговор в тот период шёл о герое его книги – Чингисхане, а я обращался к Николаю Алексеевичу – «наш генерал».

Детство советского поэта и прозаика Олега Шестинского прошло в блокадном Ленинграде. И одна из книг, которую он нам подарил, была о том периоде. Конечно, Ваня читал его книгу, хорошо знал все истории из неё, писал по ней сочинения в школе.

Евгений Львович Войскунский, участник Великой Отечественной войны, замечательный рассказчик стал для нашей семьи практически дедушкой, потому что был лишь на три года моложе моего отца. Мы несколько раз в год ездили всей семьёй к нему, общались. Итогом этого общения стало первое серьёзное произведение Вани, очерк «Два писателя и соловьи», одним из героев которого был Евгений Львович, вспоминающий историю дружбы с поэтом Михаилом Дудиным. История драматическая и трагическая, потому что события происходили в 1941 году во время эвакуации с Гангута, где они вместе служили. Ваня в очерке рассказал и про историю создания стихотворения Дудина «Соловьи», опираясь на фронтовую переписку писателей.

Вспомню ещё раз отца – Лукина Ивана Петровича, ветерана Великой Отечественной. Ваня с таким почтением всегда расспрашивал меня о дедушке и сам потом всем

рассказывал о нём, показывая ордена и медали на уроках мужества в школе. Так что семейная традиция деда и прадеда, кавалера ордена Ленина – высшей награды СССР, несомненно, оказала влияние на формирование его личности. Несколько раз мы ездили с ним на родину предков, в село Неледино. Отличный, хотя и незавершенный очерк сына есть в его книге «Я НЕБО».

Мы говорим о личности. А личность без духовности, без формирования души – по крайней мере однобока, если вообще может состояться. Сын вырос, можно сказать, при церкви Архангела Михаила. Она находится совсем недалеко от дома, из окна видно. Мы с ним часто жили и в Крыпецком монастыре, где я работал над книгами об истории обители. Один из рассказов Ивана о поездке был написан в годы студенчества в Литературном институте.

Однажды, вернувшись из монастыря, Иван спросил, что я думаю о ситуации на Донбассе. Мы тогда долго разговаривали, стоя у подаренной сыну настоятелем монастыря картины с изображением осенней Крыпецкой обители. Иван загорелся идеей уйти на Донбасс добровольцем. Что я мог ему тогда сказать, ведь такого поворота событий никто не мог предугадать, да и о реальной ситуации на фронте в подробностях было известно не так много.

В продолжение нашего общения я начал обзванивать знакомых и коллег, которые недавно вернулись с Донбасса, расспрашивал, уточняя обстановку из первых уст. Многие советовали прежде всего пройти хотя бы начальную военную подготовку, и курсы стрельбы, первой медицинской помощи также не помешали бы.

День шёл за днём. Первый пыл пойти добровольцем немного поутих. Сын погрузился в учёбу, готовился к съёмке фильма по своему сценарию, появились предложения по работе в театре. Было не то время, чтобы уезжать… Всё это отложило его отъезд на неопределённый срок. Но по прошествии некоторого времени, сын твёрдо сказал, что уходит в армию. Отговаривать его и в этот раз я не стал, хотя бы потому что всё в руках Божиих.

Картина с видом Крыпецкого монастыря висит в нашем доме на прежнем месте, при входе в комнату сына. Дорога

на картине, вся в бликах от луж, ведёт к храму вдоль погоста и домов с кельями братии, в одном из которых жил монах Вассиан, молельник о семье нашей. Много раз мы с Иваном ходили по этой дороге во всякое время года на службы и ко Святому источнику. Имя сына – раба Божия Иоанна, вписано во многовековую монастырскую Неусыпаемую псалтырь, вместе с православными россиянами и воинами со времён Иоанна Грозного, теперь «За упокой».

Церковь наложила свою ни с чем не сравнимую печать на его душу и приучила думать, что он не один, а над нами существует сила, которая в переломный период жизни, когда погибла мама, ещё раз доказала, что на всё воля Божья, ведь икона, подаренная нам во время болезни Ивана в Варницком монастыре замироточила, и мироточила несколько лет до самой гибели мамы, как бы предупреждая нас, что сколь не ищи счастья земного, спасения и благополучия, всё решает Господь.

Великий пост в 2022 году начался 7 марта, в день отправки подразделений морской пехоты на Мариуполь. Я отправил Ивану Великий покаянный канон преподобного Андрея Критского. По словам сослуживца сына, снайпера, который находился с ним в одном бэтээре, они читали его с телефона по очереди первые часы марша.

В моей книге «Поединок» есть стихотворение «Сон», а в нем такие строки «Где-то там была Москва, / легковесна на слова / и дела свои. / Нет ни Волги, ни Оки // Помнишь домик у реки , / Церковь на крови? // Не успели отмолить / даже краешка земли. / – Нас спасли зачем? / Ты смотри не в даль, а ввысь. / Ты молись, сынок, молись. / Нам не до речей...».

– У вашего сына есть стихи, посвященные войне на Донбассе? Эти события глубоко тронули его? Была ли связь с сыном после 24 февраля 2022 года?

– Конфликт в Новороссии не оставил сына равнодушным. У него есть стихотворение «Баллада о Скрипаче» (а главный герой её – воин-скрипач), написанное после встречи с ровесником по дороге в Псков. Парнишка-доброволец возвращался домой после контузии из ДНР. Помню, что, будучи ещё в дороге, он прислал мне сообщение,

в котором рассказывал, как всю ночь в поезде проговорил со своим ровесником.

Позже, сразу же после возвращения писателя Юрия Юрченко из плена у хохлов осенью 2014 года и излечения в московском госпитале, Ваня помогал мне проводить видеомосты с Новороссией, где Юрий рассказывал о своей фронтовой истории, а мы все – поэты Москвы, ДНР и ЛНР – читали стихи. Своими ровесниками в Литинституте сын был очередной раз непонят. Редко кого тогда в России интересовали подобные истории…

«Баллада о Скрипаче» живёт теперь своей жизнью и оказывает влияние на души нового поколения. На презентации книги сына одна из присутствовавших женщин рассказала про своего внука, который, прочитав балладу (а главный герой её – скрипач), принял решение тоже научиться играть на скрипке. Это ли не чудо?

Тема войны была в творчестве сына с самого начала боёв на Донбассе, а с первого дня СВО, находясь на фронте, он присылал написанные отрывки-наброски, замыслы, планы, готовые стихи. Вот несколько из присланных отрывков и текстов:

* * *

Сестра, знаю ты по ночам плохо спишь
Переживаешь за нас неспокойных
Которые вроде бы мирные

* * *

И в перекрестье прицела
Я разгляжу все твои синяки
И добавлю ещё один

* * *

Я видел смерть она была вот здесь
На расстояньи вытянутых пальцев
И чувствовал дыхание судьбы
Иль это крыльями махал мой ангел.

* * *

Вечные вечные горы
Грозные грозные птицы
Старые старые споры
За то – где пролегают границы

После небольшого для подразделения Ивана перерыва в боевых действиях, направленного на переформирование (810-я бригада вернулась в первых числах марта в Крым из освобожденного Мелитополя), был получен новый приказ, и 7 марта 2022 года морские пехотинцы отправились освобождать Мариуполь. Все три дня передышки мы старались общаться с ним обо всём, что нас обоих так волновало. Главным был вопрос: как долго продлится СВО? Идти ли на Мариуполь? Но для этого было важно понять зачем всё *это*? И когда он сам определил для себя роль нашего защитника, тогда стало понятно: дороги назад нет. Потому что это отказ от всех жизненных принципов, которые и формировали его личность. Одним из них был: если не я, то кто же? Каждый из нас понимал, что Ваня единственный продолжатель рода в семье…

После гибели Ваня будет сожалеть, придя в один из снов своей подруги, что «не сдержал слово, данное отцу, не вернулся домой, даже позвонить не смог». Такой привет от него из другого мира был мне передан. Это был не единичный случай.

Сейчас я понимаю, что сын, уже увидевший смерть друзей и мирных, ощутивший, что такое артобстрел и работающая авиация, многое не договаривал. Хотя он не скрыл про эмоциональный подъём в первые дни СВО, когда маршевые колонны следовали из Крыма в сторону Херсона, а над головой летели ракеты, ревели вертолёты и штурмовики… а вокруг был враг, который до сих пор считается «братским народом».

Потом от сослуживцев я узнал о потерях на марше в Мелитополь, о проблемах со связью, питанием и отсутствием воды в дороге.

– В каких войсках он служил и почему решил отправиться на СВО?

– Помню тот летний жаркий день, когда Ваня, отбросив в сторону уговоры приятелей и подруг, поехал в военкомат. Часов пять заполнял там различные анкеты. Он смеялся, что, если бы даже захотел, наврать в этих анкетах невозможно – дойдя до 150-го вопроса, уже не помнил, что было в предыдущих анкетах психологов

и спецслужб. Вернулся домой он с лёгким сердцем. Сказал, что перезвонят, хотя ему полушутя говорили, что у них не Большой театр, не Союз писателей, и предлагали вернуться к привычной для него деятельности. Ваня же ответил, что принял решение всерьёз, но уйдёт в армию только в десант или морскую пехоту. Через несколько дней из военкомата не перезвонили. Я, шутя, сказал Ване, что скорее всего про тебя забыли. Так что – набери-ка сам, узнай, что и как. Ему ответили – приезжайте, как раз есть представители морской пехоты. Но если сегодня не успеете, то уже через 2-3 месяца, раньше не получится. Мы живём почти в 100 километрах от Москвы. Сын прибыл на комиссию вовремя. Из трёх флотов Тихоокеанского, Балтийского и Черноморского мы выбрали службу в Севастополе. Оказалось, что утром следующего дня его ждут в военкомате. Будет отправка новобранцев.

Так Иван отбыл в Крым и стал матросом 810-й отдельной гвардейской бригады морской пехоты. Я присутствовал на Присяге. Не прошло и двух месяцев, как сын принял решение заключить контракт. Свободное место было только в десантно-штурмовой роте, куда он и перевёлся со срочной службы. А осенью 2020 года сын ушёл в разведроту на должность пулемётчика, и дальнейшая его жизнь шла между тренировками на полигонах и выполнениями заданий в различных регионах и редкими отпусками.

Переживал ли я за сына? Да. Несколько бессонных ночей перед его отправкой в Карабах в составе миротворческого контингента стали в итоге поэмой «Точка опоры». Тема этой поэмы (войны в мирное время) очень не понравилась редактору сайта «День литературы» и через несколько дней после публикации с оскорбительными нападками на меня была удалена . Но написано, значит, не вычеркнешь. Поэму можно прочитать в книге «Отец солдата» и в журнале «Дон».

Часто задаваемый вопрос «Почему он отправился на СВО?» имеет несколько ответов. Во-первых, к моменту начала военных действий сын был уже почти профессиональным военным. На контракте. Во-вторых, боевое братство, которое Ваня никогда бы не предал. И самое главное:

после первых боёв он стал ощущать угрозу семье, если победа над укронацистами не будет одержана. Об этом он говорил мне во время нашего кратковременного общения. Такая вот мудрость и прозорливость.

Есть ещё один немаловажный момент. Мужчинам в молодости (сын погиб в 23 года) свойственно свободолюбие, сопровождаемое тягой к риску, отсюда повышенная пассионарность, как бы мамы ни пытались делать из взрослых парней вечных малышей. Не случайно мальчишки всегда стремились к путешествиям или сбегали на фронт.

– Как он физически и морально справлялся с тяготами войны?

– Вы объединили две темы в одном вопросе… Разделю. Физически временами было трудно, потому что даже при специальной подготовке невозможно по нескольку суток жить без воды и еды, не спать, находясь всё время под огнём противника. А психологически невыносимо впервые увидеть погибшего товарища, в атаке и при зачистке допрашивать или уничтожать врага, вытаскивать командира из-под огня, прикрывать отход, пытаться «отгонять» танк почти голыми руками, чтобы не подъезжал вплотную к дому, где дислоцируется твоё подразделение.

Легко ли выдержать недельный марш в БТР без возможности помыться-побриться, а по прибытии к месту дислокации, поспав всего лишь 2-3 часа в холодном доме морозной ночью, уйти разведрейдом в глубокий тыл противника и оказаться в окружении? К такому никакие психологические тренировки никогда не подготовят.

А вообще, это обычная ситуация для солдата на фронте. Иван никогда не жаловался, просто рассказывал, подшучивая над собой в том случае, если по какой-то причине с чем-то не справился. Например, неверно выбрал одежду перед многокилометровым марш-броском на полигоне в пустыне или не успел поменять берцы ко дню начала войны.

И всё же по дому Ваня скучал.

Вот цитата из его письма мне, где он рассуждает о ситуации, в которой оказался в армии, где практически не имел личного пространства.

Игры, где сталкиваются человек с человеком, как я понял, меня совсем не привлекают. Даже те же шахматы. С тобой бы я сыграл. С кем попало не хочется вообще. Всё сильнее начинают проявляться неприятные свойства человека и снова появляется насилие. Мне больше по душе наблюдение и рассуждение, помощь.

Извини за грустное и тяжёлое письмо. Очень скучаю по тебе, сильно ощущаю связь между нами. Хочется снега и нормальной русской зимы, бани. Тарковского на телевизоре. Разговора за вином. Заварного чая. Думаю о тебе каждый день. Всем привет! Обнимаю.

Надо учитывать, что это были мысли контрактника в мирное время, обучившегося, если не всему в своей профессии, то почти всему, ожидающего возможности творческого воплощения всего задуманного. С началом СВО появилась уже не игровая (турнирная, соревновательная) составляющая воинской службы, 24 февраля 2022 года армейские подразделения столкнулись с реальными боевыми действиями, формат и мощность которых оказались неожиданными. После фронтовых реалий мысли сына изменились.

И он, и его сослуживцы (до сих пор продолжающие сражаться на фронте) – из поколения, которое приучали ждать только счастливые финалы своих жизненных историй. Как это ни странно, только реалии войны внесли кардинальные изменения в их внутреннее убеждение об обязательном благополучном исходе, особенно после освобождения Мелитополя и Бердянска.

– Расскажите, при каких обстоятельствах погиб сын.

– До декабря 2023 года я и сам знал об этом очень мало. Почти полтора года вся информация была такой: «Во время неудачного прорыва из окружения утром 14 марта 2022 года Иван Лукин погиб от пули снайпера, когда прикрывал отход своих боевых товарищей в Мариуполе».

В ноябре 2022 года меня нашёл спецназовец Фугас, участник разведрейда, и пригласил приехать к ним в расположение, познакомиться с бойцами.

Я знал к этому времени, что 13 марта 2022 года группа морпехов 810-й бригады и спецназовцы «Грачи» 346-й

бригады были отправлены в разведку на «Азовсталь», чтобы определить возможность освобождения мостов, соединяющих левый и правый районы Мариуполя.

Именно от спецназовцев я узнал тогда многие ранее неизвестные детали того разведрейда.

Оказавшись в окружении в мариупольском «Доме Павлова», после суток почти беспрерывных встречных боёв, потери большей части техники, появления первых «200» и «300», стало ясно, что группа прорыва за парнями выслана не будет, а значит, им надо прорываться самостоятельно.

Это было так. Ранним утром 14 марта 2022 года подразделение распределилось по оставшимся на ходу машинам, внутри и снаружи, и началось движение. Противник открыл шквальный огонь со всех направлений из различного типа оружия. Из-за скопления во дворе горящей техники прорыв оказался невозможен. Была подана команда к отходу. Отход прикрывали пулемётчики, находившиеся на броне. Трое из них, в их числе мой сын, погибли почти одновременно, так и оставшись лежать на бэтээре до момента переноса их тел внутрь «Дома Павлова» через несколько часов.

15 марта 2022 года, после сообщения командующему группировки о том, что уже треть разведгруппы – раненые и погибшие, группа эвакуации, благодаря подвигу морпеха Рокота-12, всё же прорвалась к окружённым. Рассказ Рокота-12 об эвакуации был неоднократно показан по ТВ, а я опубликовал его в книге «Мариупольская эпопея».

Так в моей судьбе появилось два дорогих мне человека – спецназовец Фугас и морпех Рокот-12, эвакуировавший тело сына из «Дома Павлова» к месту дислокации наших подразделений в Мариуполе.

– Какие изменения произошли с вами после этой трагической потери?

– Вопрос трудный… В марте 2025 года на открытии мемориала в «Доме Павлова» в Мариуполе журналист Первого канала тоже спросил: «Было ли мне больно, когда я узнал о судьбе сына?», а ещё: «Как я переживал его гибель?» В тот момент я не был готов к такому разговору,

но в итоге собрался и прочитал стихотворение, в котором есть строки:

Но не всё я сделал, видно,
коль отцом солдата стал...
И теперь мне чести сына
уронить никак нельзя...

А про боль? Думаю, всё очевидно.

До войны так получалось, по крайней мере мне так казалось, что взрослеющий Ваня в некотором смысле живёт с оглядкой на меня. В общем-то это нормально для подростка. Но на момент начала военных действий я понял, что он достаточно самостоятельный в выборе своей жизненной позиции и самое важное: в понимании того, что он делает и зачем делает…

Потеря для меня была трагична не только как для отца, потому что у меня он – единственный сын, не только, но и как потеря наследника, в котором я ждал продолжение того, что сам не успею сделать. Ваня творчески был одарён во многих направлениях как актер, музыкант, певец, поэт, драматург и прозаик. И несомненно, эти его таланты нашли бы воплощение, останься он жив.

Война и боль потери добавили понимание мною задач в жизни. Как только Ваня оказался на фронте, литературные и культурные новости отошли для меня на десятое, двадцатое, тысячное место, т. е. та жизнь, которой я жил прежде как профессиональный писатель, стала мне чужда, я изменил вектор своих литературных предпочтений. Меня стало интересовать в этой жизни только то, что было посвящено теме войны и судьбам людей на войне.

Конечно, и до начала спецоперации эта тема присутствовала в моём творчестве. Именно поэтому ещё в 2015 году появился триптих «Меланхолия», посвящённый теме Донбасса и Новороссии. Я был в этой теме очень плотно, общаясь с коллегами с тех территорий, где шла война, с товарищами, которые активно помогали Новороссии. А некоторые даже воевали.

Но именно с февраля 2022-го я стал одним из тех, кто оказался на фронте всеми мыслями. Ваня погиб 14 марта

2022 года, я об этом не знал до середины апреля, но все эти дни я писал ему письма и рассказывал о том, чем живу и что мне снится.

Я писал ему:

Ваня, опять всю ночь был с тобой в бою. Какое-то здание в несколько этажей, я двигаюсь за тобой тенью. Ты меняешь позиции для ведения огня, потом участвуешь в тушении пожара, вытаскиваешь какие-то вещи из горящих комнат, выводишь мирных людей. И это продолжается несколько дней. Я уже не то чтобы боюсь ложиться спать, но, если честно, не хочется засыпать.

Такая была между нами связь.

Когда в апреле 2022 года в Севастополе в штабе 810-й бригады мне сообщили о гибели сына, я начал встречаться с его однополчанами и собирать информацию о событиях тех дней. Мне стало понятно, что эта тема никогда меня не покинет, пока я не расскажу о том, где был сын со своими товарищами, как они воевали, почему попали в окружение и погибли, пока не увековечу их имена в памяти потомков. Эти парни в тот момент были профессиональными военными, умелыми, обученными ведению боевых действий, но они, всё же, были двадцати-двадцатипятилетними мальчишками, оказавшимися лицом к лицу со смертью, перед выбором жить или умирать, защищать Отечество или снять с себя эту ответственность. В тот момент не говорили о патриотизме, трусости и предательстве. Просто между человеком и государством был контракт – такое бизнес-поручительство, по которому он, этот человек, считался солдатом, обязанным защищать Отечество. К этому контракту был добавлен маленький нюанс, который назывался Присяга. И Присяга решила многое в судьбе этих парней. Они её не нарушили и пошли в бой. Иногда думаю, а почему такую Присягу не принимают государственные служащие? Почему не принимают высшие начальники государственных ключевых корпораций? Тогда в случае нарушения Присяги это было бы не просто мошенничество или какая-то профессиональная недоработка, а предательство интересов страны.

Удивительно наблюдать на скамье подсудимых в военное время бывших сотрудников Минобороны, получающих минимальные сроки за масштабное воровство и предательство интересов государства, а рядом с этим четыре года продолжают воевать и погибать честные граждане – добровольцы и мобилизованные на войну своим Отечеством.

Стихи, которые стали появляться у меня буквально в первые дни начала военных действий, были для меня самого неожиданны. Стихи вообще не от разума, это не просто слова. Так изменилось направление моего творчества. В давнишнем моём интервью Захару Прилепину я сказал, что пишу о счастье, но с февраля 2022 года я начал писать о гордости за сына и чести, о боли, утрате и победе – для того, чтобы осмыслить, что происходит с нами сейчас, со мной, с миллионами других отцов и матерей, жён, сестёр, братьев, которые переживают за своих близких, находящихся в самом пекле, на линии боевого соприкосновения.

Результат: появились книги стихов «Отец-солдата» и «Великий Пост». Параллельно с ними с апреля 2022 года писались главы очерка, тогда он назывался именно так: очерк «Поезд Москва – Севастополь и обратно». Трудно было предположить, что в итоге получится, но я решил записывать всё, что происходит со мной и со страной, что вижу в людях. Очерк разрастался. И в течение 2022 и 2023 годов была написана книга – документальная повесть «Мариупольская эпопея».

Цикл очерков завершился этой книгой, потому что моя встреча в декабре 2023 года с участниками обороны «Дома Павлова», спецназовцами, с людьми, которые плечом к плечу воевали с сыном, с единственным выжившим из боевой четвёрки человеком – Фугасом, стала точкой в моём понимании тех событий, но одновременно и началом моей работы над новой книгой о героях мариупольского «Дома Павлова» и собиранием информации об их судьбах.

Я посещал Севастополь, Мариуполь, Донецк, Луганск, встречался с боевыми товарищами сына, участвовал в мероприятиях, связанных с увековечиванием памяти героев. Первое такое событие – похороны сына.

Ваня «нашёлся» 4 мая, спустя почти два месяца после гибели, а 8 мая 2022 года мы его похоронили с воинскими почестями в нашем селе. Ваня был одним из первых погибших военных в Москве и Подмосковье. Человек юный, человек талантливый. На похоронах присутствовали представители правительства Московской области, военкомы Московской области и Москвы, депутаты, руководители нашего района. Для меня же важным было другое, что приехало много товарищей по различным поприщам сына: спортсмены, актеры, сокашники, писатели и студенты. И, конечно, родственники со всей страны.

В июле 2022 года улице в нашем селе было присвоено имя Гвардии матроса Ивана Лукина. И мы теперь живём на улице имени сына. Перечислять все моменты, связанные с этим временем, и как они на мне отозвались – это надо писать ещё одну книгу. Самое главное, что я понял после гибели сына, что те случайные люди, казавшиеся единомышленниками, люди как из среды писателей, так и просто знакомые в большинстве своём оказались чужими, равнодушными, а иногда и враждебно настроенными и ко мне, и к подвигу сына. Вы не подумайте, что их было много. Хотя бы потому, что круг моего общения достаточно узок. Намного больше было людей, с которыми мне было сердечно, трогательно общаться – с военкорами, с людьми, которые помогают фронту, с самими военными, с неожиданно появляющимися людьми, желающими чем-то помочь и помогавшими во многом.

А ещё – в моей жизни появились волонтёры. Да и сам я был им в первые два самых тяжёлых и дезорганизованных года войны. Я счастлив, что, когда объявлял сборы, коллеги писатели, знакомые и знакомые знакомых переводили деньги в помощь бойцам. Считаю успехом и то, что мне удалось доказать донецким военным, что не все российские волонтеры работают на откатах. Почти год мне при поддержке добрых людей удавалось собирать средства и помогать фронту: для танкистов Первой танковой бригады ДНР – антенны и усилители для РЭБ, отличный 3D-принтер с материалами для эфпивишников, а морпехам 810-й бригады – внедорожник, запчасти для автотранспорта, генераторы и многое другое.

Недавно, во время очередной поездки в ДНР и ЛНР в Дни республик, я познакомился с политологом Сергеем Михеевым и узнал, что́ такое волонтерское движение сегодня на примере работы его фонда. Сам видел, как почти в любом населённом пункте случайные прохожие его узнают и просят принять деньги, а он, абсолютно спокойно, помогает им сделать вспоможения на сайте фонда. К сожалению, мне такой финансовый объём по-человечески был не под силу, поэтому в 2024 году я стал просто помогать другим таким же известным и уважаемым мной людям, как, например, военкор Сергей Филатов или морпех Рокот.

А ещё в моей жизни появились новые люди, во-первых, единомышленники, во-вторых, приложившие усилия в той или иной мере для поиска тела сына или увековечивания его памяти. Почти со всеми я продолжаю общаться. Это и родственники однополчан сына, например, мама спецназовца с позывным «Фугас», занимающаяся иконописью, подарила в мариупольский храм икону Архангела Михаила, а я передал её настоятелю в день открытия мемориала у «Дома Павлова». Народный артист РСФСР Александр Яковлевич Михайлов, с которым мы познакомились во время концерта в Мариуполе 10 сентября 2022 года, где он читал в музыкально-поэтической композиции мои стихи, посвященные сыну и морпехам – освободителям города, дружественно продолжает общение все годы войны.

Нельзя не отметить, что есть некоторое привыкание и усталость в обществе от темы войны, да и герои обороны «Дома Павлова» погибли почти четыре года назад. Как будто в другой жизни это было. Но каждый раз, когда вслед им уходят на Небеса новые участники этого разведрейда, опять всё внутри просыпается. В моей новой книге будут и такие стихи, где в последней строке в общем строю перечисляются побратимы, погибшие в 2022–2025 годах.

* * *

Когда сообщают, что кто-то погиб из знакомых,
Обыденность дня сразу резко меняет свой смысл.
А всё потому, что я с ними, такой же, я – ровня,
Хоть каждый почти мне по возрасту сын.

Простите, родные, вина моего поколенья
Легла вам на плечи отцовской шинелью войны.
Молюсь о погибших (даруй им, Господь, Воскресенье!):
Гал, Рыжий, Бобёр, Лари, Чёрный и Ваня – мой сын...

* * *

Перебираю позывные.
Сопоставляю с обликом.
Вы все – по-прежнему живые,
Живая вы – история.
Живые даже те – что пали,
А я полгода вас всё звал.
Тот в располаге дал мне спальник.
А этот от растяжки спас.

Такие вот изменения произошли в моей жизни за эти военные годы.

– Есть ли какие-то задумки, чтобы сохранить память об Иване и важных для нашей страны событиях – СВО?

– После издания отдельной книгой документальной повести «Мариупольская эпопея», после встреч с однополчанами сына я понял, что они ждут более подробного рассказа о мариупольском «Доме Павлова». Необходимо полнее, масштабнее охватить ситуацию – да так, чтобы обо всех ребятах, а не только о некоторых узнала страна. Постепенно собираю для этого материал. Непросто оказалось разыскивать данные о бойцах, узнавать подробности. Думаю, что воз был бы и ныне там, если бы мне не посчастливилось познакомиться с ребятами из спецназа, которые в декабре 23-го пригласили меня к себе в расположение и сейчас продолжают общаться, присылая вспоминания, фото- и видеоматериалы, биографии погибших, помогают найти контакты их родственников. Удалось составить список всех спецназовцев, участвовавших в этом рейде. Уточнить список разведчиков морпехов. Пока есть проблемы со списком участников обороны в «Доме Павлова» из десантно-штурмовой роты под командованием Струны.

Что ещё сделано? Три года мы шли к тому, чтобы открыть мемориал в Мариуполе.

Благодаря морпеху с позывным Рокот-12 удалось познакомиться с неравнодушными людьми в Дагестане, откуда он сам родом. Они изготовили мемориальную плиту и доставили её в Мариуполь. Там в марте 2025 года произошло открытие мемориала у «Дома Павлова». Присутствовал глава Мариуполя, приехали спецназовцы, родственники погибших, Первый канал сделал информационный ролик. О «Доме Павлова» ещё раз услышала вся страна, впервые это произошло в феврале 2023 года в Лужниках, но быстро забылось... Речь не идёт о том, что не было других боёв в Мариуполе.

Дело в том, что в марте 2025 года Мариуполе открыт первый мемориал воинам, погибшим при освобождении города, и начата работа по увековечению памяти российских бойцов. Важно, чтобы имена их знали уже сейчас. Для нас – живущих – важно. Не случайно так часто к мариупольскому «Дому Павлова» приезжают действующие военные, они-то хорошо знают, насколько скоротечна память человеческая, особенно на войне.

К третьей годовщине разведрейда на «Азовсталь» мне удалось свести воедино рассказы участников и восстановить хронологию событий. Получилось сделать небольшой ролик, помогал в этом ТГ-канал «Морпехи Севастополя», и теперь любой желающий может его посмотреть и понять, что же происходило в те дни в Мариуполе.

Я рад, что и Министерство спорта Московской области не осталось в стороне – в сентябре в Подмосковной Рузе прошёл первый Всероссийский детско-юношеский турнир по водному поло памяти гвардии матроса Ивана Борисовича Лукина. Это первое подобное спортивное соревнование в России в память о погибшем спортсмене, участнике СВО.

Есть две мечты. Первая – что короткометражный фильм по сценарию сына «Письмо» будет всё же снят при моей жизни. Ведь это прекрасный материал для дипломных работ выпускников-режиссёров российских киношных вузов. Вторая – надеюсь, что наша с дочерью пьеса «Современники» о судьбах бойцов-освободителей Мариуполя и трагедии мирных жителей заинтересует театры страны.

Продолжаю работать над книгой о сыне «Жил-был сын». Вообще не так просто вспоминать о любимом человеке. И когда я сам вспоминаю, понимаю, насколько трудно тем родственникам, к которым я обращаюсь за информацией для книги о мариупольском «Доме Павлова», чтобы они прислали фотографии, повспоминали истории из жизни. Ведь когда мы вспоминаем погибшего, он оживает в наших рассказах. А потом, когда ты этот рассказ заканчиваешь, тебе надо опять учиться жить и осознавать заново то, что его больше нет рядом.

В финале подарю вам одно из неопубликованных стихотворений сына.

* * *

Ждал звезду когда смотрел на небо
Загадал чтобы упала в руки
Самая высокая
Но она всё не падала не долетала
Далеко до меня так или мне до неё
Я устал руки сложены как в молитве
Но не слышит не видит место приземления она
И уже не одна спета песня
Не одна жизнь прожита
Где же ты звезда падающая с неба
Когда же ты станешь моя
Я пишу эти строки подгоняя себя напрасно
Ведь мой путь к тебе не запятая и не тчк
Но звезда не умеет читать
Она стынет на небе
Мерцает искажённая километрами снов
Я жду когда упадёт она с неба
Приземлится в руки
И тогда я ей всё расскажу.

Беседу вёл Андрей Авраменков

Театр

Николай ПАВЛОВ

«НА ДНЕ» В 1902 ГОДУ

Алексей Максимович Пешко́в многим обязан Нижнему Новгороду и прежде всего своим рождением на улице Ковалихе, на протяжении которой «шесть гористых съездов или прилегающих к ней улиц, откуда в особенности весною и осенью, а летом в дождливое время, сливается всякая нечистота…»* Но и город обязан многим Максиму Горькому – все-таки 50 лет жили под его псевдонимом, с 1932 Нижний Новгород стал Горьким. В то советское время благодарный город создал Литературный музей, в котором рассказывалось об уважаемых гражданах города – П. Мельникове-Печерском, В.Г. Короленко, художнике А.О. Карелине, фотографе М.П. Дмитриеве, музыканте В.Ю. Виллуане. Но больше всего экскурсий и бытийных материалов было посвящено писателю Максиму Горькому.

Музей взрослел, пополнялся новыми экспонатами и постепенно превратился в Государственный ордена Почёта музей А.М. Горького. Он располагается в трех зданиях: собственно литературный музей, старый купеческий особняк с парадным входом, мраморной лестницей, аванзалом

* Цитата из обращения жителей к власти имеет продолжение: «причем является падаль мелких животных – куриц, собак, кошек и тому подобных, которые водою приносятся в Ковалиху и гниют в прорытой посредине оной канаве». Одним из подписантов этой жалобы был и дед Алёши Пешкова Василий Каширин.

и Белым залом с лепными потолками, с богатой экспозицией о жизни и творчестве Максима Горького; музей детства А.М. Горького «Домик Каширина» и Музей-квартира А.М. Горького на улице Семашко (Мартыновской).

Дом с красильней в начале Почтового (Успенского) съезда купил дед Василий Каширин в 1852 году у дальних родственников, и трехлетний Алёша всего несколько месяцев, с августа 1871 года по весну 1872-го, там жил вместе с овдовевшей матерью. После раздела имущества усадьба перешла к сыну деда. Алёшин дядя Яков беспробудно пил и уже через четыре года, окончательно разорившись, продал дом виноторговцу Федору Иванову. Теперь дом стал винной лавкой под названием «Взойдём – отдохнём». Потом в ней торговали пивом, а после в пивной в революционное лихолетье самовольно обосновались волжские босяки-крючники. Во времена НЭПа там снова открылась пивная. Вот в этом доме, не без влияния художественного произведения Максима Горького «Детство», 1 января 1938 года открылся музей, фактически музей-фантазия на тему жизни мещан в царской России. Но надо сказать, что Алексей Максимович перед смертью, в 1936 году прислал реставраторам планировку комнат, а создателям удалось собрать и некоторые подлинные вещи в комнаты дедушки Василия и бабушки Акулины.

В шестикомнатную квартиру с телефоном в доходном доме губернского секретаря Н.Ф. Киршбаума на Мартыновской семья Максима Горького поселилась в сентябре 1902 года, возвратившись из ссылки в Арзамас. «Снял квартиру… тысяча рублей. Паркетный пол! Ух!»

Благосостояние писателя росло, и в 1903 году он увеличивает жилплощадь – теперь уже снимает весь второй этаж. Одиннадцать комнат. Ух!

Но в 1904 году писатель покидает родной город – позвала Италия, да и «великая мутила» (по определению Немировича-Данченко) актриса М.Ф. Андреева, член РСДРП(б).

4 августа 2022 года в этой одиннадцатикомнатной квартире, уже давно ставшей музеем, открылась выставка

«Время драмы», посвященная писателю Максиму Горькому и 120-летию первой постановки пьесы «На дне», которая сделала его знаменитым не только на родине. Составители выпустили даже карточную колоду «На Горькаго дне», посвященную первой постановке. На коробочке открытка 1902 года.

«Время драмы» … Время драмы?

Да, это время начала нового века, двадцатого от Рождества Христова, было удивляющее – Россия забеременела Революцией.

В январе 1901 года «за учинение скопом беспорядков» 183 студента Киевского университета были отданы в солдаты; 27 февраля 1901 года студент Карпович убивает министра просвещения Боголепова; 4 марта у Казанского собора в Петербурге студенты устроили демонстрацию протеста против «временных правил» отдачи студентов в солдаты. Участников разогнали полиция и казаки, были убитые и раненые.

Горький не выдержал, не мог оставаться в стороне от событий – в конце марта он пишет произведение под названием «Весенние мелодии». Пернатое царство, в котором узнаваемо определяются все слои общества, чирикает о текущем моменте, а молодой чижик «вдохновенно поёт товарищам где-то слышанную им песню о Буревестнике». Цензура запретила печатать этот опус, но по глупости разрешила напечатать только песню. Удивительно быстро, уже в апреле «между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный». И кричит! И в этом крике жажда бури! И ветер воет, и гром грохочет!

– Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

– Пусть сильнее грянет буря!»

По недосмотру цензуры эту прокламационную песню чижика напечатали в журнале «Жизнь». Спохватившись, журнал прикрыли, а Горького выслали в Арзамас под гласный надзор полиции.

В мае под Петербургом из-за низкой оплаты взбунтовались рабочие, 8 рабочих было убито, погибли и полицейские. В марте 1902 года начались беспорядки на Полтавщине и не только: крестьяне разграбили больше сотни имений, а в довершение бед Балмашёв, один из 183 киевских студентов, вернувшись из армии, убивает министра внутренних дел Сипягина. Это произошло 15 апреля 1902 года, а через месяц, 16 мая в России содеялась первая политическая казнь нового столетия.

Горький сравнил общественное настроение того времени «с настроением зрителей в театре после первого акта драмы, сильно заинтересовавшей их».

Вот таким было «время драмы» под названием «На дне».

Писатель начал работать над пьесой в 1901 году в Нижнем, а закончил в середине июня 1902-го в Арзамасе. И уже в августе в Арзамас приезжает Станиславский. Горький читает ему пьесу с пылу с жару, и Станиславский сразу же заявляет, что он будет играть главного героя – Сатина. Максиму Горькому было не занимать материалов для изображения героев пьесы, этой «пены гнева» будущих революционных бурь – насмотрелся. В конце века население Нижнего Новгорода насчитывало всего-то 80 тысяч человек, а летом во время ярмарки наезжало всякого люда до 300 тысяч. Журналист «Нижегородского листка» M. Pacatus («Безмятежным» пока еще называл себя Алексей Пешков, не Горький, но уже Максим – «величайший») написал тогда сотни статей по физиологии ярмарочного города, только о Промышленной выставке 1896 года с её театрами, ресторанами и кабаками было написано 107 статей и 18 рассказов. Прототипы Барона, Сатина, Актера и, без сомнения, вора Пепла, Татарина, босяка Кривого Зоба были ему хорошо известны.

Константин Сергеевич Алексеев, впрочем, уже 15 лет как Станиславский, возвратившись в Москву, собрал труппу, и, прочитав пьесу, все отправились на Хитров рынок входить в образы. В то время Хитровка была своеобразным трущобным районом, в котором обитали нищие и жульё всех марок. Москвичи их так и на-

зывали «хитровцы». Приехав в Москву, автор и сам прочитал свое произведение актерскому коллективу, в отдельных местах смахивая влагу – он был от природы слезлив.

Руководителя МХТ Владимира Ивановича Немировича-Данченко по прочтении пьесы увлекла мысль, что даже на самом дне жизни, на дне безнадёги герои пьесы сохраняют чувство юмора и силу духа.

Художник Виктор Андреевич Симов (1858–1935), передвижник, в живописи соратник Левитана, Серова, Поленова, работал в МХТ с момента образования. Декорации Симова, его трехмерное оформление места действия со множеством бытовых деталей, подсказанных автором в своих ремарках, задники сцены – продолжение мыслей режиссёра, он, собственно говоря, третий режиссёр спектакля.

Мастера-таланты, понимавшие, даже в чем-то не соглашаясь, намерения и мысли друг друга, работали потрясающе быстро – уже через три месяца, 18 декабря 1902 года, состоялась премьера. Спектакль имел оглушительный успех. После премьеры «Стон стоял. Было почти то же, что на первом представлении “Чайки”. Такая же победа… Главная-то красота спектакля та, что не сгущали краски, было всё просто, жизненно, без трагизма. Декорации великолепны. Театр наш снова вырос», – это Ольга Леонардовна Книппер-Чехова пишет своему мужу. И ещё, тоже 20 декабря: «…После первого представления мы все кутили в “Эрмитаже”. Было очень непринуждённо, просто, без речей, т. е. без серьезных. Были все наши, была Икскуль*, Батюшков, Леонид Андреев с супругой, Бунин, Найденов, Скиталец, Крандиевская».

---

* Икскуль – Варвара Ивановна Икскуль фон Гильденбанд (1850–1928) писательница, общественный деятель. Батюшков Федор Дмитриевич (1857–1920) – внучатый племянник поэта, филолог и педагог. Найденов (Алексеев) Сергей Александрович (1868–1922) – драматург. Крандиевская Анастасия Романовна (1866–1938) – писательница, мать поэтессы Натальи Васильевны Крандиевской-Толстой.

Бунин, Л. Андреев, Скиталец в представлении не нуждаются.

Позже и Бунин вспоминал:

...Выпивши, Андреев говорил мне, усмехаясь, как всегда в подобных случаях, гордо, весело и мрачно, ставя точки между короткими фразами твердо и настойчиво:

– Заглавие – всё. Понимаешь? Публику надо бить в лоб и без промаху. Вот Горький написал «На дне». Показывает мне. Вижу: «На дне жизни». Глупо, говорю. Плоско. Пиши просто «На дне». И всё. Понимаешь? Спас человека. Заглавие штука тонкая.

Содержание пьесы «На дне» и рассуждения героев, ставшие крылатыми словами, обрели известность в предреволюционные годы не только благодаря Станиславскому и Немировичу-Данченко. Всё в том же 1902 году в издании товарищества «Знание» (СПб., Невский, 72), в серии «Дешевая библиотека» тиражом в несколько тысяч экземпляров был напечатан текст драмы. Перед перечислением действующих лиц написано: «Посвящаю Константину Петровичу Пятницкому». К.П. Пятницкий был директором-распорядителем издания и близким другом Алексея Максимовича, таким близким, что, бывая в 1902–1904 годах в Санкт-Петербурге, он останавливался и жил у него в квартире. Но к 1908 году отношения испортились, как говорится, по идейным соображениям.

Рассматривать и пояснять философский смысл пьесы «На дне», её значение для приближения грядущих бурь, означает утверждать истину, уже утвержденную столетними упражнениями десятков, а то и сотен литературоведов, и потому такая задача автором вовсе и не ставилась. Рассказать простым русским языком о людях, создавших шедевр – а как иначе назвать спектакль, оживавший на сцене Московского художественного театра почти 2000 раз? Отдать дань уважения коллективному творчеству – вот что было задумано.

Действующие лица и исполнители. 1902 год.

Подвал, похожий на пещеру… Тяжелые каменные своды, закопчённые, с обвалившейся штукатуркой. Большая русская печь, дверь в кухню. Между печью и дверью у стены кровать, закрытая грязным ситцевым пологом. Везде по стенам – нары. У левой стены – деревянный обрубок с тисками и маленькой наковальней – рабочее место.

И всем этим «богатством» владеет *Михаил Иванович Костылев, 54 лет, содержатель ночлежки. (Червонный валет.)* Роль этого домовладельца в 1902 году исполнял Георгий Сергеевич Бурджалов (1869–1924).

Владелец ночлежки, невероятно жадный старик, в 50 лет женившийся на двадцатилетней и, как следствие, молодая жена изрекает: «Он в меня как клоп впился… четыре года сосёт! А какой он мне муж?» Костылев в первый раз и на сцене-то появляется в поисках жены у любовника, появляется не без основания. Вот такого человека, которому постоялец ночлежки говорит: «Издохнешь скоро, а всё о полтинниках думаешь», играет тридцатилетний актер, играет, добиваясь точности в каждом жесте, убедительности интонаций. Но не только талантливой игрой замечателен Георгий Сергеевич Бурджалян, русифицировавший свою фамилию. С первого дня основания театра до своих последних дней он был, можно сказать, сорежиссёром Станиславского. Именно ему было доверено следить и управлять целостностью спектакля «На дне» во время действия – следить за правильностью хода спектакля, согласованностью действий актеров, временем выхода персонажей и т. п. Человек высокой культуры, он коллекционировал фотопортреты, открытки, книги, которые потом стали экземплярами музея МХАТа. С 1921 года до ухода из жизни Георгий Сергеевич Бурджалов был руководителем 4-й студии МХТ.

Василиса Карповна, жена Костылёва, 26 лет. (Пиковая дама.)

Образ и характеристики молодой жены владельца ночлежки не надо выдумывать – Максим Горький сфантазировал эту молодую мещанку и рассказал о её сущности словами своих героев. Почти все действующие на дне лица высказались о своей хозяйке, и мы узнали, что она «серьезная бабочка», «баба лютая», что «она… хуже черемиса!»* Что в ней души нет, что своего даром не отдаст. По словам любовника «ей – денег надо… и воли надо… а воля ей – чтобы развратничать». Но в то же время она и красивая, и умная, и ловкая, и хитрая.

---

* *Черемисы* – до революции так несколько уничижительно называли марийцев.

Вот такая пиковая дама, и воплотила её на сцене Елена Павловна Муратова (1874–1921). Елена Павловна играла, можно сказать, свою ровесницу, но это было, наверное, непросто для неё – Елена была антиподом Василисы. Дочь правоведа, дворянина, счастливое детство провела в имении отца, но отец разорился и умер, а потому девушка окончила московский Николаевский сиротский институт, созданный по указу Николая I для детей благородных родителей. После началась другая жизнь, но всё же девушка окончила училище у Немировича-Данченко, и всё дальнейшее существование актрисы было связано с МХТ. Она была первой исполнительницей многих ролей, поставленных в театре, преподавала на сценических курсах МХТ, но времени было отведено ей мало – Елена Павловна Муратова ушла из жизни в 47 лет.

Следующий член семьи хозяев – *Наташа, сестра Василисы, 20 лет*. Сестра Василисы непохожа на нее, как будто они и не родные, – Наташа добрая, милосердная, робкая и сострадательная, в её нравственной чистоте никто не сомневается. Она очень одинока – «идти некуда… я знаю… думала… Только вот… не верю я никому… А идти мне некуда…» Видимо, Горький не знал, что делать с этой героиней своего рассказа – слабый человек на дне должен погибнуть, а Горькому не хотелось её убивать, и Наташа у него просто исчезает. По ходу пьесы сестра в ярости опрокинула на неё кипящий самовар, Наташа оказалась в больнице. А в дальнейшем из разговора мы узнаем, что из больницы она давно вышла, вышла и пропала! Нигде её нет…

Сатин: «Значит – вся вышла».

Воплотила на сцене эту слабую девушку Мария Федоровна Андреева (1868–1953), член ВКП(б) с 1904 года. Об этой артистке не только на сцене столько сказано, столько написано и наговорено, что становиться в очередь её биографов нет ни малейшего желания. Главная роль в жизни Андреевой – гражданская жена автора пьесы. Алексей Максимович ушел из семьи, оставив Екатерину Павловну наедине с двумя детьми и партией эсеров, а с Марией Федоровной уехал в Петербург, а потом в «Го-

род желтого дьявола», в страну «погони за долларами». В бездуховном мире Запада, в гнетущей атмосфере острова Капри и полуострова Сорренто они прожили не один год. Вернемся, однако, в трущобы Нижнего Новгорода. Последний член семьи хозяев ночлежки – дядя сестер *Медведев, полицейский, 50 лет*.

Абрам Иванович Медведев – городовой (так называли при царе участковых), блюститель общественной морали, «строгости и закона-порядка». При этом он – крыша для вороватого зятя, ведь Костылев и краденое сбывает. Абрам не зол, скорее дружелюбен с обитателями ночлежки, а к торговке пельменями даже испытывает нежные чувства. Главная реплика, крик души полицейского, звучит в первом действии: «Эх, служба! И зачем разнимают людей, когда они дерутся? Они и сами перестали бы… ведь устаешь драться… Давать бы им бить друг друга свободно, сколько каждому влезет… стали бы меньше драться, потому побои-то помнили бы дольше…»

Пожилого полицейского играл молодой Владимир Федорович Грибунин (1873–1933). С детства влюбленный в театр, актер до поступления в МХТ успел послужить в армии, да к тому же и комплекция, габариты оказались подходящими для роли. Изображал городового не утрируя, спокойно, так что Немирович-Данченко в письме Чехову писал про его исполнение: «чудесный тон у Грибунина». Не выпячиваясь, служил артист искусству и театру, а, будучи человеком компанейским, кроме участия в постановках в паре с Москвиным организовывал и театральные капустники. 35 лет в Художественном театре – 55 ролей.

Васька Пепел, 28 лет. (Бубновый король.)

Мужику под тридцать, а он всё ещё «Васька». А потому как сызмальства вор, шпана. «…Всегда говорили мне: вор Васька, воров сын Васька! …Родитель всю жизнь в тюрьмах сидел и мне тоже заказал… Я когда маленький был, так уж в ту пору меня звали вор, воров сын…» Лихой парень, два раза уже в тюрьме сидел, но говорит просто, не по фене ботает. А что касается морали и жизненных устоев, то философия проста: «В совесть я не верю… А куда они – честь и совесть? На ноги, вместо сапогов,

не наденешь ни чести, ни совести... Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть…»

Бубновый король в колоде – Петр Алексеевич Бакшеев (1886–1929, настоящая фамилия Баринов). В актерской среде был хорошо и заслуженно известен, к тому же и женат был на дочери Шаляпина, но только будучи артистом МХТ в 1911–1919 годах и заграницей, в составе так называемой «Качаловской группы», был Васькой Пеплом. Во времена первой постановки ему было лишь 16 лет, и он только мечтал стать артистом.

Поначалу в роль шпаны, мелкого жулика вживался Алексей Петрович по фамилии Харламов (1876–1934). Он окончил кузницу кадров МХТ – Московское филармоническое театральное училище, предтечу ГИТИСа, и с 1898 по 1903 год играл у Немировича-Данченко. Именно он и был первым исполнителем роли Васьки Пепла. Но уже с 1904 года работает в театрах Риги, Киева, Ростова и, наконец, надолго обосновался в Одессе. Темпераментный, умный, красивый (у него даже голос был красив) Харламов играл разнохарактерные, но как правило главные роли, а в последние годы жизни занимался педагогической работой.

Клещ, Андрей Митрич, 40 лет; Анна, его жена, 30 лет. (Валет и дама треф.)

Вспомним ремарку автора: «…У левой стены – деревянный обрубок с тисками и маленькой наковальней». Это уже полгода рабочее место слесаря Андрея Митрича. В те далекие времена рабочий день обычного заводского трудяги частенько начинался со стакана водки «для крепости рук», за обедом выпивался стакан «для аппетиту», а после работы – «с устатку». Но Клещ не пьет, он не алкаш, не спился пока, но угрюмый, злобный характер довёл трудолюбивого и, в общем-то, честного работягу до деревянного обрубка в ночлежке. Вот и сидит, «скрипит напильником», чинит самовары да ключи подгоняет к замкам.

А ещё автор подсказывает художнику-оформителю: «У стены кровать, закрытая грязным ситцевым пологом». На постели лежит и кашляет Анна: «Душно мне…трудно…» Она медленно умирает, все понимают, что это её последние дни, сопереживают – торговка угощает пель-

менями, Актер помогает выйти подышать свежим воздухом, и только от мужа ни малейшего сочувствия. «Побои… обиды… ничего кроме не видела я… ничего не видела!» – и продолжает: «Не помню – когда я сыта была… Над каждым куском хлеба тряслась… Всю жизнь мою дрожала… Мучилась… как бы больше другого не съесть… Всю жизнь в отрепьях ходила… всю мою несчастную жизнь… За что?»

В.И. Качалов вспоминал, как Горький читал пьесу им, актерам: когда

> стал читать сцену, где Лука напутствует и утешает умирающую Анну, мы все притаили дыхание, до того это было трогательно и глубоко «пережито». Наступила абсолютная тишина. Голос Горького задрожал и пресёкся. Он остановился. Замолчал, смахнул пальцем слезу, попробовал продолжать, но через два слова опять замолчал, сурово и даже сердито сгоняя платком слезу...

Понятно, что задумкой писателя было показать мерзопакостность дна семейной жизни у отбросов общества. Анна умирает, у мужа с нарицательной фамилией Клещ в кармане всего 40 копеек, и он продает инструменты, чтобы оплатить похороны. Нет теперь на деревянном обрубке наковальни, но Митрич всё же со словами «Ненавижу я всех!» сидит и чинит Алешке-сапожнику гармонь.

Починил и Сатин ему говорит: «Теперь – выпей!» После стакана водки, Клещ: «Ничего... Везде – люди... Сначала – не видишь этого... потом – поглядишь, окажется, все люди... ничего!»

40-летнего слесаря Митрича играл 25-летний Александр Леонидович фон Фессинг, придумавший себе сценическое имя Загаров. Он окончил Московское филармоническое училище у Немировича-Данченко, предварительно поучившись на биофаке Брюссельского университета. Но, видимо, жизнь насекомых его не заинтересовала. С 1898 года до 1906-го – актер МХТ. Александр Леонидович пробовал себя не только на актерском поприще – в 1909–1910 годах он главный режиссер театра Корша в Москве, в 1911–1916-м – актер и режиссер Александринского театра в Петербурге. Но в 1917 году взыграла кровь молодецкая – папа немец, но мама – украинка,

и А.Л. фон Фессинг-Загаров возглавляет первый театр независимой Украины в Киеве – ставит все пьесы Леси Украинки и пьесу «Закон» тогдашнего премьер-министра «незалежной» Украины В.К. Винниченко. Из западной «незалежности» в 1926 году вернулся на Украину советскую и до 1941 года, до последних дней, работал в театральных городах от Киева до Владивостока.

В МХТ помнили всегда не только Александра Леонидовича в роли Клеща, но и Леонида Александровича фон Фессинга, его папу, маленького отставного полковника, который, будучи инспектором театра со дня основания, перед каждой репетицией с немецкой пунктуальностью (он был из херсонских немцев) освежал сцену из пульверизатора хвойным экстрактом.

Об Анне, несчастной жене слесаря Клеща, в первом спектакле 1902 года рассказала Маргарита Георгиевна Савицкая (1868–1911), жена Бурджалова. Нижегородка – родилась в заволжском городке Семенове, в дворянской семье. Окончив все то же училище у Немировича-Данченко была приглашена им в новый театр, и Станиславский одобрил его выбор: «Восхитительна… Выйдет толк». Толк вышел – за время, отпущенное судьбой, она сыграла много ролей в пьесах А.Н. Островского, А.П. Чехова, Максима Горького, модных тогда Г. Ибсена и М. Метерлинка. Но это все, что мы знаем о человеке Маргарите Савицкой – не успела написать мемуары.

Короткая жизнь, отданная театру.

На карте *дамы треф* изображена другая актриса – Нина Николаевна Литовцева (1878–1956).

Удивляет появление талантливой ученицы Немировича-Данченко, выпускницы его класса 1898 года, в Художественном театре лишь в 1901 году, скажем только, что злые языки в театре говорили: театру так нужен Василий Качалов, что пришлось взять и его жену. На основные роли она претендовать не могла – все уже расписаны. Ролей приходилось ждать.

Не вдаваясь в подробности особенностей характера Нины Николаевны, ни в историю её героической борьбы с болезнями, ни в богемность семейных отношений, за-

метим лишь, что в начале 1900-х она была только артисткой и женой великолепного Качалова, хотя её педагог отзывался о ней как об «актрисе хорошей, умной, с нервом, но лишенной обаяния».

В театральном жаргоне есть такое слово «ввод» – это когда актер исполняет роль, предназначенную для другого актера. В самых первых постановках «На дне» Литовцева претендовала лишь на «ввод» Наташи, а роль Анны она исполняла гораздо позже, когда в 1919 году отрезанная гражданской войной от Москвы кочующая мхатовская «Качаловская группа», отступая вместе с Белой армией, давала спектакли в Харькове, Екатеринодаре, Ростове, Одессе и, наконец, в Евпатории. Далее, до 1922 года – в Европе.

Талантлив Горький в создании женских портретов. Вот и *Настя, девица, 24 лет* запоминается. Девица – многосмысловое понятие. Вспомним Пушкина: «Три девицы под окном пряли поздно вечерком» и увидим невест на выданье. А у Горького девица – проститутка, мечтающая о чистой любви. Что такое любовь – ей подсказывает затрепанная книжка под названием «Роковая любовь». Читает и слезы текут – жалеет то ли Гастона, то ли Рауля, то ли свою выдуманную чистую любовь. Поплачет, поплачет и напьется. «Жизнь моя… я – одна… я – таковская! Пускай уж я… погибаю, – всё равно! Я никуда не гожусь… и нет мне ничего… нет ничего…» Вот и «накрашивает себе рожу» и «душу хочет подкрасить… румянец на душу наводит» (это уже по выражению Бубнова).

Такую девицу надо было воссоздать на сцене Ольге Леонардовне Книппер, девице, в замужестве ставшей Чеховой.

О.Л. Книппер-Чехова (1868 –1959).

Маленькая Оля с детства играла в домашних спектаклях, в юности – в любительских, но осознанно стремиться к профессиональной деятельности попробовала в начале 1890-х. После смерти отца, противника артистической богемности, она пыталась поступить в студию знаменитого в то время актера Малого театра Александра Ленского – тот не принял. Тогда она поступила в Московское императорское театральное училище, но прозанималась только

один месяц – отчислили как не сдавшую «проверочный» экзамен. Правда у Ольги было другое мнение о причинах.

Но, как она писала о себе, «всякий раз, когда я действительно что-то хотела в своей жизни… я всегда добивалась успеха и никогда не жалела, что шла своим путем». Добилась успеха и в отношениях с Владимиром Ивановичем Немирович-Данченко – в 1895-м (ей уже 27 лет) поступила на его трёхгодичные курсы, а по окончании сразу же, естественно, была принята в труппу нового Художественного театра. Время создания спектакля «На дне» было непростым в её личной жизни – знакомство с Чеховым и теплая переписка привели к браку: 25 мая 1901 года они обвенчались. Свадьбу молодые не афишировали, да и брак был недолгим, но счастливым. Хотя жили они далеко друг от друга – Антон Павлович лечился в Крыму, а Ольга Леонардовна не покидала московскую сцену. «Мы идеальные супруги, ибо не мешаем друг другу заниматься любимым делом», – писал ей больной писатель.

Любимым делом в 1902 году была работа над ролью проститутки Насти. Позже Ольга Леонардовна вспоминала о том, как Максим Горький помогал ей в работе над ролью:

Учил меня очень старательно, как делать «козью ножку» из бумаги и сыпать туда махорку, которую Настя должна курить. Ещё предлагал он не то в шутку, не то наивно: «Давайте, тётечка, я вам девицу из ночлежки пришлю, она у вас поживёт». Но я от девицы отказалась и в знаменитую экспедицию на Хитров рынок с нашими актерами не пошла.

Помогали Ольге Леонардовне и актеры, знакомые с проститутками не по наслышке.

Они показывали, как ходят проститутки по улицам, разыгрывали целые сценки – диалоги с девицами из ночлежки. Вот подходит такая «Настя», протягивает негнущуюся руку лопаточкой и голосом, сиплым от перепоя, говорит угрюмо: «Дай пятачок опохмелиться...» и т. п. Постепенно я выработала себе и этот сиплый, с хрипотцой, надтреснутый голос, и деревянную руку и прочее.

Надо добавить, что позже, во время вынужденной эмиграции, Ольга Книппер играла и Василису («от то-

ски»). Кстати, именно тогда, в начале двадцатых, Ольга Леонардовна впервые стала на афишах Книппер-Чеховой, для привлечения зрителей, которые всегда «клюют» на знаменитость.

Последний женский образ в перечне действующих лиц вызывает скорее улыбку, чем сострадание. *Квашня, торговка пельменями, под 40 лет.*

Сколько торговок «под 40 лет» на бесшабашных ярмарках в Нижнем видел Алексей Максимович – трудно передать. На ярмарочных улицах в Канавине торговали вразнос всем: квашеной капустой, рыбой, икрой, медом, грибами-ягодами, а уж всякой выпечки – тёртых калачей, пирогов и сладостей – сколько душе угодно. Конечно, у простого заезжего люда и пельмени спросом пользовались. Думается, своей торговке пельменями Горький не зря присвоил прозвище Квашня, ведь квашня – это бочка, в которой бродит тесто; вот и героиня, видимо, по задумке женщина не худенькая, этакая многоопытная «бой-баба», «свободная женщина, сама себе хозяйка».

По каким-то неизвестным причинам из всех действующих лиц только торговка не попала в карточный фотоальбом. А зря – играла её выдающаяся актриса Мария Александровна Самарова (1852–1919), которая училась у легендарного Ивана Васильевича Самарина, почему в знак уважения к его таланту и перестала быть Грековой. В МХТ пришла уже зрелой актрисой и сразу стала востребованной. В двадцати спектаклях Самарова была первой исполнительницей, а вот в карточный альбом составители не включили.

Но в начале века по заказам театров профессиональными фотографами отснимались пока еще не кино, а целые спектакли на фото, портреты артистов в гриме выпускались на открытках большими тиражами. Полюбуемся и мы на г-жу Самарову, замешивающую пельменное тесто. Есть в ней что-то «увесистое, сочное». Станиславский писал: «М.А. Самарова – в молодости очаровательная, худенькая и пикантная женщина, а под старость очень полная, маститая, смелая по лепке образов и их трактовке, всегда с большим талантом, юмором и умом».

В 1902 году ей всего лишь 50, пока ещё не «очень полная», но уже и не «худенькая», «смелая по лепке образов» Мария Самарова-Грекова создает шедевр.

За несколько лет до создания пьесы, в 1897 году Алексей Максимович, пока еще не Горький, написал небольшую повесть «Бывшие люди». Тоже ночлежка, тоже спившиеся босяки, и, хотя сюжетная интрига иная, не покидает ощущение, что читаешь черновик пьесы «На дне». Действующие лица в повести – люди, но бывшие… Вот и на сцене Художественного театра великие актеры тоже живописуют нам лица бывших людей.

Бубнов, картузник, 45 лет, бывший владелец мастерской.

Уже в ремарках действий-картин Горький штрихами рисует портрет этого в прошлом человека. Действие 1-е: Бубнов, сидя на нарах, соображает как же ему скроить верх фуражки из старых распоротых брюк; действие 2-е: Бубнов играет в шашки; действие 3-е: в окне у земли – рожа Бубнова (не лицо, а рожа); в середине 4-го: входит Бубнов – в одной руке связка кренделей, в другой – несколько штук воблы, под мышкой – бутылка водки*, в кармане пиджака – другая.

Картузник из тех алкашей, которые допьяна не могут напиться, но вечером всегда навеселе. Утром же, с похмелья, у них вместе с хмелем выходит и злость. Про себя он говорит не без рисовки: «Такое житьё, что как поутру встал, так и за вытьё… А как начну я запивать – весь пропьюсь, одна кожа останется… и ещё – ленив я. Страсть как работать не люблю!»

Первым Бубнова играл Василий Васильевич Калужский (1869–1931). Родом из купцов, став актёром, он решил,

* Бутылка в царское время была немного другая. Хотя метрическая система и была введена в России в 1898 году, она была необязательной, и водку традиционно мерили, отталкиваясь от ведра (~ 12,3 л). Бутылка, 1/20 ведра, имела в себе 0,61 литра. Были ещё и «сороковки» – 1/40 ведра, «шкалик», «мерзавчик» и т. д.

Так что Пепел на украденные часы мог выпить 25 тогдашних бутылок водки, а на выпрошенные 5 копеек босяк мог в захудалом кабаке заглотнуть «мерзавчик» (естественно разбавленный), «зашибиться хмельным» без закуски.

что фамилия звучит неартистично, и убрал на театральных афишах первые две буквы. Станиславский (тоже ведь из купцов) знал Лужского с детства и считал, что у него «блестящий дар имитатора». Но не только воспроизводителем воли автора и режиссёра был Василий Васильевич Лужский, он и сам был прекрасным режиссёром – совместно с В.И. Немировичем-Данченко заслуженный деятель искусств поставил 20 пьес, и Владимир Иванович очень ценил в сорежиссёре «острую наблюдательность, богатство жизненной фантазии, типичных житейских подробностей…» Да и административные способности делали Василия Васильевича Лужского незаменимым участником в руководстве МХТ.

Барон, 33 года.

У этого бывшего человека уже нет ни имени, ни фамилии, просто барон, но уже как кликуха. А фамилия была и «старая фамилия… времени Екатерины дворяне… вояки!», но «всё уже было! Прошло…» Теперь он шаромыга и пьяница, живущий случайным заработком у торговки Квашни да попрошайничеством на «мерзавчик» у проститутки Насти, своей сожительницы. Спившегося барона Максим Горький рисовал с натуры – с бароном Петром Бухгольцем, сыном генерал-майора из остзейских немцев, он познакомился в нижегородской ночлежке, куда часто приходил к своему двоюродному брату Каширину.

Исполнял роль спившегося барона-босяка Василий Иванович Качалов (1875–1948). Василий Иванович тоже не лыком шит – сын священника, происходил из шляхетского рода Шверубовичей, но ему вежливо посоветовали взять сценическое имя Качалов – ведь Шверубович у тогдашней публики был созвучен с Рабиновичем, Абрамовичем, Канторовичем и иже с ними.

В своих воспоминаниях о встречах с Горьким и о работе над ролью барона Василий Иванович Качалов рассказывает, что Алексей Максимович прислал ему фотопортрет Бухгольца. Что-то ему понравилось в облике – форма головы, цвет коротко остриженных волос, выражение глаз, наивных и недоуменных. Но всё остальное мало что говорило фантазии актера – барон, видимо, знал, что его

будут фотографировать и для этого действа побрился и надел чужой нерваный костюм. Скромный чистый барон не понравился Качалову – он хотел создать образ спившегося хулигана и сутенёра, лохмотника и шаромыги.

Помогли мне живые модели, те подлинные босяки, которых я встречал на московских улицах около «питейных заведений», церквей и кладбищ. Но больше всего помогли мне в моей работе живые модели из подлинных «аристократов», с которыми я специально ближе знакомился для моего Барона и мысленно переодевал их в босяцкие отрепья. Например, грассирование (букву «р») я взял у графа Татищева... и у камер-юнкера Нелидова... Кроме грассирования ещё хриплый, гортанный и высокий тембр голоса и манеру публично «маникюрить» свои ногти, в задумчивости и на большом серьёзе наводить на них глянец обшлагом пиджака. У князя Барятинского я взял «гвардейскую походку» и манеру ковырять мизинцем в ухе. Так, с миру по нитке, собирал я и лепил внешний образ. Ну, а внутренняя сущность Барона, всё его поведение – это всё дано в пьесе автором.

Талант актера сделал Барона – Качалова одним из главных действующих лиц, хотя Горький после чтения пьесы актерам говорил о себе, что барон ему не удался. Качалов становится ведущим артистом МХТ, и Станиславскому, исполнявшему роль Сатина, наверное, трудно было сказать: «Подумайте о том, чего мне стоило уступить первенство актера – Качалову…»

Двух действующих лиц, Сатина и Актера, автор объединил словами: «приблизительно одного возраста: лет под 40». Но объединяет их ещё и то, что они оба законченные алкоголики, босяцкие интеллектуалы и авторитеты.

Сатин.

Этот босяк самый умный среди обитателей ночлежки. Станиславский ещё в Арзамасе, впервые слушая Горького, осознал важность этой роли в пьесе и застолбил для себя место в спектакле. Уже тогда, в Арзамасе, Горький рассказал ему о прототипе карточного шулера и пьяницы: сестра этого босяка была замужем за чиновником, растратившим казенные деньги. «Сатин» достал ему деньги, а негодяй родственник вместо благодарности стал говорить, что он

нечист на руку. Вот тогда в порыве бешенства «Сатин» и ударил зятя бутылкой по голове, убил его и загремел на каторгу. Когда вернулся из ссылки «ходил с распахнутой голой грудью по Нижнему Новгороду с протянутой рукой и на французском языке просил милостыню у дам, которые ему охотно подавали за его живописный, романтический вид».

И вот он уже на сцене – режиссер и теоретик сценического искусства воплощает на практике своей игрой «систему Станиславского». Теперь он «искренний и добрый забулдыга» Сатин – говорит пьяно, говорит то, что думает, говорит, может, грубо и обидно, но правдиво. Уважают и слушают: «Клещ, который собирался влезть на нары, теперь заслушался Сатина – хотя и не всё понимает. Барон слушает с подобострастием. Настя – с истинным чувством и сентиментальностью… Сатин говорит пьяно-вдохновенно, сидя на столе. Чувствуется талантливый человек – пьяный кабацкий оратор» – это цитата из режиссёрских пометок самому себе.

Как претворил свои идеи в жизнь великий реформатор можно понять из рецензий в прессе, в том числе и заграничной. Вот как писала либеральная немецкая газета Nationalzeitung в 1906 году после гастрольного показа «На дне» в Берлине:

> Его Сатин незабываем. В этом оборванном, всегда подвыпившем пролетарии скрыто нечто от могучей необъятности великой России. Рука трепещет в воздухе, широкий жест царит в пространстве. Это внешнее впечатление. Мы чувствуем душу этого человека: однотонную, но с почти необъятным горизонтом... Во всяком случае: этот человек – гений. Другие – способные художники, даже очень способные, которые окружают гения.

А на карте *трефовым королём* и показан такой «очень способный художник», который тоже играл Сатина, но позже, хотя и был по словам Вадима Шверубовича (сына) «грузен, мясист, тяжел и очень неэлегантен», – Николай Осипович Массалитинов (1880–1961). К.С. Станиславский и Вл.И. Немирович-Данченко пригласили его в МХТ в 1907 году после окончания Московской театральной

школы (ныне училище М.С. Щепкина). В 1919 году он в составе «Качаловской группы» уехал из России и назад не вернулся. В эмиграции руководил Пражской труппой «невозвращенцев», а с 1925 года жил в Болгарии, в Софии. Там в 1932 году уже режиссером поставил «На дне», там же и закончил свой жизненный путь.

Теперь *Актер*.

Нельзя сказать, что эта роль второстепенна, нет. Именно Актер и ставит последнюю точку в драме, но это потом, а в завязке, когда автор своей ремаркой знакомит исполнителей с героями, он «на печке, невидимый, возится и кашляет». Человек бывший, пропивший память, забывший тексты своих ролей, с трудом вспомнивший своё сценическое имя Сверчков-Заволжский и что когда-то играл могильщика в «Гамлете», – вот кто теперь Актер. Но Лука рассказывает ему что-то невнятно-фантастическое о лечебнице организмов алкоголиков где-то в Сибири: «Превосходная лечебница… Мрамор… мраморный пол! Свет… чистота, пища… всё – даром!» И слабохарактерный пропойца загорается мечтой: «Мраморный пол, да! Я её найду, вылечусь и… снова буду… я на пути к возрождению… как сказал… король… Лир!» На пути к возрождению он даже целый день не пил и заработал два пятиалтынных, но… Лука уехал к хохлам, и Актер вернулся на землю, то бишь на печку, опять возится и кашляет, а потом «быстро слезает с печи, подходит к столу, дрожащей рукой наливает водки, пьёт и – почти бежит в сени». Ушёл!

Играл Актера Михаил Аполлинарьевич Громов (1871–1918), «полуталант» по оценке Станиславского, и для этого полуталанта тоже не нашлось лечебницы с мраморными полами – в 1906 году он покинул театр. Ушёл!

Теперь о второстепенных героях.

Татарин, крючник.

Татары – термин собирательный. Не различали при царях татар по самоназваниям – все были татарами: и башкиры, и ногайцы, и чечены, и азербайджанцы… Просто были сибирские, алтайские, кавказские, крымские, казанские да астраханские. Репутация у них была неплохая – хоро-

шие торговцы, превосходные исполнители, трудолюбивые и добросовестные, трезвые – пьянство им Коран запретил. В полуазиатской стране Горький просто не мог забыть про татар. Асан, князь – так называют обитатели ночлежки спокойного и рассудительного грузчика-волгаря. Но в компании босяков татарин и в карты играет, а в конце пьесы и запил: «Ну, шайтан Бубна… подноси вина! Пить будим, гулять будим, смерть пришол – помирать будим!» Бубнов: «Наливай ему, Сатин!»

Татарина Асана изобразил Александр Леонидович Вишневский (1861–1943), и исполнение этой роли считали шедевром актера. Вишневский (Вишневецкий), как и Чехов, был родом из Таганрога, и знакомы они были с детства, с гимназии.

Думал ли двоешник и безобедник Чехов, что будет писать такие хорошие пьесы, а двоешник и безобедник Вишневский так хорошо играть, и двоешник и безобедник Сергеенко их смотреть?

– писал их одноклассник Чехову. Это когда Вишневский играл в «Чайке» и «Дяде Ване». А вот после представления «На дне» Мария Николаевна Ермолова писала Вишневскому:

Ты победил, Назареянин![*] Я начинаю делаться горячей поклонницей Художественного театра. После «На дне» я не могла опомниться недели две... Не могу отделаться от этих ночлежников, они сейчас все как живые передо мной – вы, вы не актеры, а живые люди!

Приятель и товарищ по работе Татарина, тоже крючник со странным прозвищем – кличкой *Кривой Зоб*.

Спокойный и благодушный любитель пить и петь добавлен автором в пьесу, как и Татарин, для колорита. Возможно, и роль писалась Горьким специально для актера по фамилии Баранов.

Николай Александрович Баранов начал свою карьеру в церковном хоре, потом стал петь в ресторане, а в МХТ

[*] Слишком сильно сказано о триумфе показа пьесы, слишком эмоционально – ведь Назареянин это Христос, победивший грех и смерть. Но гипербола – прием литературный.

с первого дня. Но недолго – до октября 1903 года. Успех, и не малый, пришел к актеру после «Мещан», пресса кричала: «Вот он – самородок из народа, от земли, которого мы искали! Вот он – второй Шаляпин!» И у таланта поехала крыша – мужик купил себе цилиндр, перчатки, модное пальто и начал бранить русскую культуру – слишком мало показалось бравурных рецензий, в Париже было бы больше! И конечно же, вспомнил былое – запил. Это все из воспоминаний Станиславского.

Его лечили, вылечили, простили... потому что он талант... Потом он стал неаккуратен, начал манкировать, якобы по болезни, и даже однажды без предупреждения не пришел на спектакль. Пришлось проститься с ним. Потом он ходил оборванцем по Москве, декламировал на улицах громоподобным голосом какие-то напыщенные стихи и монологи, ревел на верхних могучих нотах. Городовые водили его в участок... Потом его встретил кто-то на большой дороге в одном нижнем белье, и, наконец, он скрылся... Где он теперь, талантливый милый бродяга с детским сердцем и умом? Должно быть, погиб... от славы, не перенеся успеха. Мир праху его!

Нет у артиста ни даты рождения, ни даты смерти.

Вжился в роль и *Алешка, сапожник, 20 лет.*

Двадцатилетний пьяница и поскольку сапожник – пьет в стельку. Буйный парнишка «лег, понимаешь, среди улицы, играет на гармонии и орёт: ничего не хочу, ничего не желаю!» – рассказывает ночлежникам городовой Медведев. Поместил, видимо, Горький Алешку в ночлежный коллектив для количества, показать, что и молодые люди на дне имеют место. Опять же и гармошка пригодилась – под музыку можно петь: «Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно».

В роли Алешки выступил Александр Иванович Адашев (1871–1934).

Актер уже вкусил успеха, выступая в провинции в главных ролях, а вот надежды на лидерство в труппе Станиславского и Немировича-Данченко не оправдались. Видимо, это не устраивало амбициозного артиста, и в 1906 году, продолжая играть второстепенные роли,

он организовывает Курсы драмы. До поры до времени дела шли успешно: на этих курсах Станиславский излагал молодёжи свою систему и плоды воспитания материализовались, и получили имена Вахтангов, Михаил Чехов, Гиацинтова, Бирман… Но в 1913 году курсы распались из-за скандала: Адашев был обвинён в нарушении норм нравственности. Что за этим стоит – история умалчивает.

Адашев уехал в Киев, продолжая актерствовать и заниматься педагогической деятельностью.

В середине первого действия на сцене появляется *Лука, странник, 60 лет*. Далеко не последнее действующее лицо по своему значению, по важности несомого смысла.

В те далекие времена разных «проходящих и странствующих» много было, да и сам Алексей Максимович бродягой походил по Руси в молодости, вот со знанием дела и пишет в ремарке: входит «Лука с палкой в руке, с котомкой за плечами, котелком и чайником за поясом».

Лука говорит людям ровно то, что они хотят услышать: умирающей Анне обещает, что Господь взглянет на неё кротко-ласково и отведёт в рай; Актеру сулит новую жизнь после лечения, а Насте – настоящую любовь. Сатин называет его «мякишем для беззубых». Но и сам утешитель лишен душевного покоя, какой-то невысказанный грех заставляет его снова и снова брать в руки посох.

Пепел: «Куда теперь?»

Лука: «В хохлы… Слыхал я – открыли там новую веру… поглядеть надо… да!»

Зрителям понравился этот божий старичок в исполнении молоденького Москвина с наклеенной бородой.

Иван Михайлович Москвин (1874–1946) был учеником В.И. Немировича-Данченко. До прихода в труппу МХТ в 1898 году он уже пару лет играл в московском театре Корша в водевилях и комедиях да и в «Ревизоре», в «Горе от ума». Он любил свои комедийные роли и в капустниках МХТ, придуманных Немировичем-Данченко, был главным заводилой. Капустник провели на новый 1903 год, потом на десятилетие театра, а 9 февраля

1910 года впервые состоялся платный капустник с продажей билетов в пользу наиболее нуждающихся артистов. Это было весело: в театре убирали в партере кресла, для зрителей ставили столы с «выпить-закусить», незанятые артисты и ученики работали официантами. Когда все рассаживались, зал погружался в темноту и неожиданно для всех взрывался звуками: «трубы, барабаны, духовые визжали, цимбалы звенели, гремел театральный гром с раскатами. Летели серпантины и конфетти». (Станиславский). А ставили пародии на оперетки, и Рахманинов дирижировал, а плутни героев «выдавал по глупости слуга при балагане – И.М. Москвин был угадывателем мыслей, который в состоянии гипноза открывал злобы дня и пикантные секреты театра».

Но не капустники сделали артиста знаменитым, а «великолепный Лука-Москвин», целитель души, человек, дарящий надежду слабым. «Москвин играет публикой, как мячом…» – это Горький после спектакля.

Не терпится сказать, что роль Луки стала наследственной в семье Москвиных – младший брат Михаил, ставший Тархановым, убегая от славы брата, тоже играл Луку во МХАТе, но в 1923 году.

Иван Михайлович Москвин в 1943 году после смерти В.И. Немировича-Данченко стал до конца своих дней директором МХАТа.

Пьеса «На дне» в предреволюционную эпоху имела колоссальный успех – трудно даже подобрать подходящий эпитет. Необычность персонажей – отбросы общества, вор, проститутка – люди, о которых в приличном обществе старались не говорить, – диалоги героев с социально-политическим подтекстом – всё это возбуждало зрительскую аудиторию. А ведь в драме даже сюжета нет – действие распадается на мелкие детали, элементы, эпизодики, разговоры…

Лев Толстой даже сказал Сулержицкому: «Горький ходит, смотрит на людей, записывает, всё запоминает и докладывает какому-то своему невидимому страшному богу, а бог у него – урод». Нет в пьесе завязки, кульминации, раз-

вязки, если не считать развязкой последние слова: «Эх… испортил песню… дур-рак!» Считается, что изображение босяцкого дна – символическая драма столкновения идей. Идей? В ночлежке?

В 1903 году в журнале «Новое время» критик Безобразов опубликовал мнение босяков о пьесе:

Действующие лица всё время ведут философские разговоры, рассуждают о смысле жизни. У нас таких разговоров не бывает, да и большинство «хитровцев» к ним не способны, когда мы сидим вместе, мы обсуждаем наши ближайшие нужды: как достать бутылку водки или кусок колбасы. Разговариваем о том, что «предстоит дождь», это на нашем языке означает полицейский обход. Рассказываем, где и как мы вчера пили, или кого-то обыграли, а с кого-то сняли сапоги.

Но исследователи творчества пролетарского писателя (а их пруд пруди) считают, что, хотя автор и называл действия картинами, в этих картинах спрятаны целых три философические мысли.

Философия Бубнова: «По-моему – вали всю правду, как она есть!»

А философия Луки – святая ложь, ложь во спасение, ложь из жалости к людям. И он отвечает Бубнову: «Вот… ты говоришь – правда… Она, правда-то, – не всегда по недугу человеку… не всегда правдой душу вылечишь…»

Какова же третья правда-философия?

«Человек может верить и не верить… Это его дело! Человек свободен… и за всё платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум – человек за всё платит сам, и потому он – свободен! Человек – вот правда!»

И конечно же, заученное в школе продолжение вдохновенной речи-лозунга пьяного убийцы и шулера Сатина: «Всё – в человеке, всё для человека! Существует только человек, всё же остальное – дело его рук и его мозга! Чело-век! Это – великолепно! Это звучит… гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть… не унижать его жалостью… уважать надо! Выпьем за человека, Барон!» – так и хочется продолжить: «А т-ты... м-меня… ув-важа... ешь?»

В понимании Сатина (а возможно, и Горького) Человек – это все люди, это не Я, а Народ, Человечество, и ему требуется «правда».

А потом наступило время, о котором мечтал Буревестник.

В июне 1918 года, уже Гражданская бушевала, МХТ приехал в Нижний, и выставка «Время драмы» рассказала и об этом визите. «Нижегородский листок», ставший тогда «Рабоче-крестьянским», объявил об этом горожанам. После спектакля артисты подошли к дому А.М. Горького на Мартыновской и сфотографировались. Из «первопроходцев» на увеличенном групповом портрете запечатлены Василий Качалов, Ольга Книппер, Елена Муратова; а также и молодые актеры Петр Бакшеев (Пепел) и Орлова, Вера, а не Любовь, игравшая Наташу вместо Андреевой. Артисты ещё не поделились на уехавших и оставшихся.

Новый, 1919 год Качаловы встречали у Станиславских и, прощаясь после праздничного ужина, Лилина, потупя взор, призналась, что пирог-то был с кониной. Новый быт заставлял действовать, на идею Л.Д. Леонидова об организации гастролей на юг летом все смотрели как на бегство от голода и люмпенов. И вот часть актеров во главе с Качаловым и Ольгой Книппер организовалась и вместе с детьми отправилась на гастроли, на сытый юг. Для начала уже в Харькове они ели, ели и ели. А потом, нося фирменную марку МХТ, гастролировали три года и уже не только на юге России – труппа отступала вместе с Белой армией.

Эти годы для театра, оставшегося в Москве, Станиславский назвал трагедией – театр делал вид, что существует, но «кругом царила халтура». «Многое старое было признано отжившим и ненужным потому только, что оно старое, а новое – прекрасным, но только потому, что оно новое» (Станиславский). Спектаклей не ставили, и виноваты в этом были не актеры – ведь в Москве оставались и Станиславский с женой, и Грибунин, и Москвин, Лужский, Вишневский, Бурджалов… «Мы ничего не выпускаем. Виной этому не артисты, а рабочие. С ними сделать

ничего нельзя. Хамство и воровство такое, что потомки не поверят, если б записать».

Потомки верят – виновато было время, Время Трагедии.

«Наконец, после трёх лет разлуки, наши зарубежные товарищи вернулись к нам. Правда, они были не в полном составе, но зато приехали наиболее необходимые и талантливые».

Начиналась новая жизнь.

В артистической уборной Вишневского висел большой портрет Максима Горького с дарственной надписью: «Татарину – Вишневскому. Пускай всякий закун верх тармашками». Написано то ли специально с татарским акцентом, то ли во хмелю, но это и не важно. «Пророчество Горького сбылось», – написал Вишневский. Действительно все пошло вверх тормашками, то бишь головой вниз, и в театр пришел новый зритель – «непосредственный» и «неизбалованный».

1922 год. Буревестник, крылом волны коснувшись, улетел к жирным пингвинам, лечиться. Не навсегда, но надолго.

Далекое – близкое

Михаил ЧИЖОВ

УГОЛКИ НИЖНЕГО. ГРЕБЕШОК

1

Совершенно искренне убеждён, чтобы успешно заниматься изучением того или иного места (края, города, района, посёлка, деревни, дома), то есть краеведением, нужно эту местность любить. Лучше всего, чтобы любовь была связана с самыми прекрасными воспоминаниями. А что лучше может быть детских лет! Недаром Лев Толстой сказал: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминания о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений».

Или как говорил в поэме «Возмездие» Александр Блок:

> Сотри случайные черты –
> И ты увидишь: мир прекрасен.

Счастливое детство «стирает случайные черты» с того места, где прошли эти юные годы. И редкой исключительностью веет от местности, которую признаешь редкой по красоте и значимости не только ты, но другие люди. И тогда смело и со знанием дела можно возразить на упрёк: «Каждый кулик своё болото хвалит».

Какими видами открывается пейзажный раздел книги «Андрей Осипович Карелин. Творческое наследие»? Фотографиями с Гребешка! Первая из них называется «Вид на Нижегородскую ярмарку с Гребешка». Группа горожан разного возраста и разного пола застыла от восхищения на

бугре крутой Гребешковской горы, один из мужчин подпирает плечом глухой дощатый забор усадьбы Башкирова. Все они, и стар и млад, глядят в завораживающую даль, в которой легко просматривается окский остров Гребнёвских песков с многочисленными павильонами, полными железоделательных товаров, на чистой воде сотни баркасов, шаланд, пароходов, а то и просто лодок. За Окой виден Староярмарочный собор, бесчисленное число однотипных павильонов, старый ещё ярмарочный дом, а справа – только что воздвигнутый новый ярмарочный собор Александра Невского, стоящий на Стрелке двух великих рек Европы. За всем этим благолепием на самом горизонте видна серая лента Волги.

Вторая фотография также сделана с Гребешка и называется она «Вид от Муравьёвской башни на собор Александра Невского». Десять фотографий! Тут и «Гребешковский откос», и «Жандармский овраг», и триптих «Гребнёвские пески и Канавино», и «Вид от Благовещенского монастыря на Оку и ярмарку».

Я родился на Гребешке 79 лет тому назад. Гребешок – это плоское, небольшое по площади высокое плато над Окой с вмятиной в центре, похожей на кратер. Это углубление местные называли Коротайкой. При достаточной степени воображения эту гору можно легко представить вулканом с жерлом, потухшим миллионы лет назад. Там, внутри этой горы, видимо, находится до сих пор великая твердь, которую никак не могут разрушить воды, успешно промывшие вокруг Ярилы-Гребешка глубочайшие овраги, да и русло реки Оки тоже. Будь по-другому, то добралась бы вездесущая вода, а пока нет – стоит незыблемо Гребешок.

Раньше я считал и где-то читал, что название Гребешок кому-то пришло на ум при осмотре «петушиного гребня» с Муравьёвской башни («часозвонни»), называемой в народе «дылдой». Её соорудили по приказу начальника (именно так – начальника) Нижегородской губернии Муравьёва Александра Николаевича (1856–1861 – годы губернаторства), поборника освобождения крестьян от крепостной зависимости и бывшего декабриста. Муравьёв

многое сделал для развития ярмарки, её обороты за годы его губернаторства удвоились. С ярмаркой связаны и причины строительства на крутом Гребешке башни. Наверху её установили огромный часовой циферблат и соответствующими большими стрелками, чтобы они были видны от ярмарки, то есть с другого берега Оки, но… Время по этим часам определить было невозможно из-за дальности расстояния и постоянной дымки над рекой. Звон часов? Расплывался он над просторами бесследно. Неприятности с башней на этом не закончились: из-за оползневой нестойкости грунта башня «поплыла» – дала трещины. И во избежание несчастных случаев от падения башни её полностью разобрали.

Однако название Гребешок гораздо древнее. Николай Филатов (1938–2004) в книге «Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке» пишет: «В 1622 г. возле Благовещенского монастыря существовали три небольшие слободки – в 3, 12 и 13 дворов. Четвёртая, в которой тогда насчитывалось 7 дворов, “ставилась ново” на “Гребешке”, или “Ярилиной горе”» и ссылается на «Русскую историческую библиотеку» (РИБ) СПб. 1878–1915. Т. 1-32. РИБ – это серия сборников документальных источников и литературных памятников, издававшаяся Археографической комиссией в 1872–1927 годах. Выходил обычно по одному тому в год. В отдельных томах под редакцией членов комиссии печатались памятники и акты, относящиеся преимущественно к XVI, XVII и XVIII векам русской исторической жизни. Всего было выпущено 39 томов.

2

Почему это место Дятловых гор называлось ещё Ярило? В Большой Советской энциклопедии (БСЭ) Ярило (Ярила) описан как бог солнца, весны, плодородия и любви из мифологии восточных славян. На этой горе посадские люди проводили весенние празднества, посвящённые приходу весны, с плясками, песнями, хороводами. Девушки выбирали красивого, светловолосого и светлоглазого парня, сажали на коня. На голову Ярилы водружали венок из весен-

них цветов, в руки вкладывали колосья злаков. Где Ярило пройдёт – будет хороший урожай, на кого посмотрит – у того в сердце разгорается любовь. Во многих песнях, присказках люди обращаются к Яриле с просьбой о тёплом лете и хорошем урожае. В некоторых областях России, особенно южных, эти гуляния с выпивкой и другими факторами для «расслабухи» проводились до начала XX века.

Нижегородские священники и прежде всего монахи Благовещенского монастыря, что находился и находится под самой Ярилиной горой, борясь с языческими пережитками, обращались с увещеваниями к посадскому люду, жаловались митрополиту и патриарху на их широкое распространение, просили построить на Ярилиной горе церковь. Что и было сделано в середине XVII века. Деревянную церковь воздвигли в честь святого Николая-чудотворца. Но в 1712 году (Н. Храмцовский «История и описание Нижнего Новгорода», с. 207) во время почти сплошного пожара церковь сгорела, и в 1715 году на месте прежней, деревянной, построили каменную. Главный престол освящён в честь иконы Божией Матери Одигитрии, а придельные в трапезной, в память сгоревшей церкви, – во имя св. Николая и мученика Феодора Тирона. В народе церковь звали просто Никольской. От имени церкви пошли названия двух улиц на Гребешке: Старо-Никольская (Чернышевского) и Ново-Никольская (Соревнования). Храмцовский пишет о Никольской церкви: «В этом храме особенно замечательна по древности своей икона Нерукотворного спасителя, пожертвованная из дома купцов Щепетильниковых...». Всё пропало за годы советского атеизма. То строим, то ломаем! И так вечно в России.

Топоним «Гребешок» сохранился в названиях двух улиц – Гребешковской (ныне Ярославской) и улицы вдоль Похвалинского съезда – Гребешковский откос. Здесь священник Никольской церкви построил себе небольшой одноэтажный рубленый дом, который в 1934 году купили мои родители. Так наша семья появилась на Гребешке.

В январе 1930 года Никольскую церковь на Гребешке («На Грядах») закрыли. Свердловский райсовет города Нижнего Новгорода в августе 1930 года (с 1935 года район

был разделён на Куйбышевский и Мызинский) передал здание церкви Всероссийской фирме «Союзкино» для размещения курсов киномехаников. Через три года церковь стали разбирать на кирпичи. Но не гонения на церковь и священнослужителей стали причиной продажи личного дома священника Никольской церкви. В 1930 году стали строить Канавинский мост через Оку неподалёку от Гребешка, а на месте пяти домов (в том числе и священника) запланировали построить 4-этажный дом для рабочих и ИТР строителей моста. Сын священника, видимо, был не последним человеком в городских властных кругах и нажаловался прокурору. Был суд, и стройку многоквартирного дома отменили.

Газета «Горьковская коммуна» от 12.06.1930 негодовала: «Безобразное положение на правом берегу Оки. Из-за того, что не освобождены дома на Гребешке, Капстрой вынужден свернуть работы на Похвалинском съезде. Работы проводятся уже не в две, а в одну смену». Газета предупреждала, что, если через несколько дней дома, подлежащие сносу, не будут освобождены, Капстрой в этом месте вообще работы прекратит. «На территории бывшей ярмарки есть помещения, в которых можно разместить выселяемых из домов на Гребешке», – предлагала газета.

Несмотря на благоприятное решение суда, шаткость положения домов, внесённых в список сносимых, сохранялась, и предприимчивый сын продал дом отца, который к тому времени от переживаний скончался. Спустя 26 лет городская власть нашла в запасниках неосуществлённый проект – пять частных домов с Гребешка перевезли на городскую окраину в Приокском районе. Въезд на Гребешок между улицами Ярославская и Гребешковский Откос в 1959 году украсился четырёхэтажным угловым домом из силикатного кирпича.

Кстати, мои родители да и многие гребешковцы знали, что улица Ярославская названа не в честь знаменитого города на Волге, а переименована в 30-е годы XX века – годы яростной борьбы с православием – в «честь» богоборца Е.М. Ярославского. Но я нигде не могу найти документальных подтверждений. В эти годы в г. Горьком были уничто-

жены десятки замечательных церквей (1924–1934 гг. – время правления первого секретаря крайкома А.А. Жданова). Чести главного богоборца был в эту пору удостоен Миней Изральевич Губельман (Емельян Ярославский). В 1922 году «неистового Емельяна» назначили председателем Комиссии по проведению отделения церкви от государства (Антирелигиозной комиссии). В 192-м он возглавил Центральный совет Союза безбожников СССР. И скорее всего за его «заслуги» и была переименована улица Гребешковская, тем более что именем его невесты Ольги Генкиной, погибшей в 1905 году в Шуе Ивановской области, названа улица в Горьком. Кто о ней мог помнить 30 лет, кроме несостоявшегося супруга Минея Губельмана (1878–1943)? Но все эти улики косвенные. Жители Гребешка сами стёрли ненавистное имя из всех справочников, сменив в разговорах окончание «ого» на «ая».

3

В начале 50-х годов XX века на Гребешке было всего три полностью кирпичных здания. Это обычный жилой дом № 12 (доходный дом купца Ремизова) по Ярославской, Каратаевский приют и средняя школа № 40. Кстати, она построена на части сада Башкировской усадьбы в 1932 году. Остальные дома деревянные и полукаменные.

О Каратаевском дворянском приюте надо рассказать подробнее. Он образован в 1879 году, когда встал вопрос: куда девать массово обнищавших бывших помещиков, не желавших, надо прямо сказать, работать ни в качестве чиновников, ни на другой стезе. До реформы 1861 года их в буквальном смысле кормили крепостные крестьяне. Но крестьян освободили, и помещики оказались не у дел. На Гребешке издавна находилась усадьба дворянки Екатерины Дмитриевны Каратаевой (урождённой Роштейн). Перед смертью она завещала свою усадьбу (землю, дом, сад) создаваемому приюту обнищавших дворян. Её брат переоборудовал усадьбу: пристроил 2-этажный дом с тёплым переходом в прежний дом сестры, в память ее построил домашнюю церковь в честь Святой великомученицы

Екатерины. Старый дом и остатки церкви выходят на Старо-Никольскую, а новое здание, достроенное до четырех этажей, – на Гребешковскую (Ярославскую).

Известно, например, прошение от матери русского лётчика Петра Нестерова, которая, овдовев, потеряла все возможные средства к существованию и просила принять её в приют. В приюте в основном были женщины престарелого или пожилого возраста числом около семидесяти. В годы Первой мировой войны здесь жили также эвакуированные дворяне с захваченных немцами территорий, а не только нижегородцы. Дети из закрытых училищ, как тот же Пётр Нестеров, могли в каникулы навещать своих родителей, и им предоставлялась комната для ночлега.

В 1918 году всех купцов-меценатов и других богатеев большевики раскулачили, и пожертвования на содержание приюта, само собой, прекратились. Приют приказал долго жить. Печальная, верно, была картина, когда немощных стариков и старух выгоняли на улицу в прямом смысле. Как-то по случаю, мама, бывало, вспоминала рассказы одной старой жительницы Гребешка, которая ходила к нам за коровьим молоком. Она рассказывала, что некоторых приютских старух сердобольные коренные жители Гребешка забирали к себе. Видимо, одна из приютских старух поведала окружающим, что Максим Горький некоторое время в 1898 году жил с семьёй на Гребешке. То временно квартировал в доме № 4 по Гребешковской улице, то в доме № 14 на Ново-Никольской (А. Елисеев. «А.М. Горький в Н. Новгороде», ВВКИ, 1974). В этот год он близко сошёлся с писателем Иваном Рукавишниковым, непутёвым сыном первого «миллионщика» (по словам М. Горького) Нижнего Новгорода. Прекрасное палаццо его отца до сих пор украшает Верхневолжскую набережную. В этом палаццо они встречались, распивали «Смирновскую», и Пешков возвращался на Гребешок после этих возлияний весьма «задумчивым». Якобы за любовь к «горькой», он и получил псевдоним «Горький». Но мало ли вредного могут сказать обиженные бывшие дворянки из приюта, тем более о знаменитых пролетарских писателях?!

Итак, после выселения насельников приюта в этом прекрасном здании размещались всевозможные советские организации, а именно: сельскохозяйственная школа, затем школа подготовки авиационных специалистов – летчиков, штурманов, техников по обслуживанию самолётов, потом в годы Великой Отечественной войны с 1944 года согласно постановлением СНК СССР в городе Горьком было организовано Горьковское военно-морское подготовительное училище на базе существовавшей с 1940 года военно-морской спецшколы. Разместили училище в здании Каратаевского приюта на Гребешке, который украсился бравыми курсантами в бескозырках и флотских бушлатах. Среди воспитанников училища нужно отметить будущего вице-адмирала В.М. Буйнова, контр-адмирала В.П. Денисова. Кроме них был генерал ракетных войск Н. Красов. Но училище просуществовало в здании Каратаевского приюта всего лишь три года. Только спустя годы я уточнил название и происхождение названия ложбины в центре Гребешковской горы – Каратайка от фамилии Каратаев.

В 1946 году согласно Постановлению ЦК КПСС в Горьком наряду с некоторыми другими областными центрами была создана Партийная школа (ПШ), о чём радостно сообщала газета «Горьковская коммуна» от 28.11.1946. В 1947 году будущих моряков в количестве 600 курсантов отправили в Энгельс Саратовской области, а в бывшем Каратаевском приюте разместили партийную школу. Причина? В Горьком хронически не хватало крепких кирпичных зданий для размещения административных органов, а в Энгельсе после выселения в степи Казахстана в 1941-м поволжских немцев они пустовали.

В периоды выборов в те или иные Советы депутатов трудящих в партийной школе, ставшей с 1952 года Высшей (ВПШ), в целях агитации бесплатно крутили кинофильмы, и мы, ребятишки, охотно бегали в ВПШ по вечерам смотреть их. К 1962 году ВПШ съехала в новое, специально построенное для неё здание на проспекте Гагарина, а в здании после ремонта и надстройки двух этажей разместилась градская больница № 38. Она до сегодняшнего дня там квартирует.

При Никольской церкви работала церковно-приходская школа, в которой учились грамоте дети простых гребешковцев. Старостой прихода и благотворителем школы был старший сын Матвея Башкирова – Николай. С закрытием церкви закрылась и школа. В 30-е годы советская власть, выполняя заветы «культурной революции», построила в Благовещенской слободе (в неё входил и Гребешок) сразу две школы – № 40 на месте части усадьбы Матвея Башкирова и № 42 на Похвалинском съезде возле входа в Благовещенский монастырь. Теперь в школе № 42 располагается семинария. Обе школы походили друг на друга, словно близнецы: типичный авангардный стиль первых лет советской власти. Двухэтажные, с огромными окнами, словно распахнутыми навстречу знаниям. У школы № 42 не было никакой школьной территории, но у сороковой школы была небольшая площадка для занятий физкультурой, которую мы изредка использовали для игры в футбол. Попасть на неё было посложнее, чем на стадион «Динамо»: летом там сидели строгие сторожа. Самая печальная особенность футбола на этой площадке заключалась в том, что мяч при неудачной срезке мог улететь через высокий забор под гору, к Оке. А Гребешковская гора – это о-го-го какая горища! Игроки сразу же определяли виновника и кричали: «Автора, автора!» Окский склон в ту пору хотя и был гол, как бритая голова модника, но найти мяч среди развалин Предтеченской церкви и бурьяна на улице Гаршина было весьма непросто. Другие игроки от безделья влезали на забор и, обмениваясь обидными шуточками, зорко следили за неудачником, из последних сил вползающим с мячом на край горы.

В 1961 году среднюю школу № 40 преобразовали и сделали специализированной: физико-математической, подобные школы были только в Москве и Ленинграде. О такой школе в закрытом городе, коим был Горький, как-то особо не распространялись. В 1966 году для «математиков» построили новое здание на Варварке (тогда ул. Фигнер), а в здании школы № 40 разместилось трамвайно-троллейбусное управление (ТТУ), переехавшее из Ярмарочного дома, когда его стали освобождать от горисполкома к 750-летию города.

Ещё одна личность, жившая на Гребешке, заслуживает нашего внимания. Это купец I гильдии, мукомол Матвей Емельянович Башкиров, чья паровая мельница успешно работала под горой. Он выкупил в феврале 1892 года у мещанки Сусловой усадьбу на Новоникольской улице. Усадьбу он расширил и построил деревянный 2-этажный дом, оштукатурил его и украсил богатой лепниной. Дом до сих пор глядит с крутой горы на Оку. Сам Матвей Башкиров был попечителем Каратаевского приюта и домовой церкви при нём, а также детского приюта графини Ольги Кутайсовой, что был на Новобазарной площади (ныне пл. им. Горького). В то время среди купцов появился девиз: «Жертвуй и попечительствуй». Главный дом приюта Кутайсовой (Дашковой) на площади Горького ныне спрятан за зданием бывшего авиационного техникума (потом здесь были Совнархоз, министерство промышленного развития Нижегородской области).

Известно, что на стыке XIX и XX веков усадьба знаменитого мукомола и мецената Матвея Башкирова стала местом светской жизни Нижнего Новгорода, где проходили званые вечера и домашние концерты. Главный дом посещали известные люди и гости города. Во время проведения Всероссийской художественно-промышленной выставки 1896 года здесь побывал с визитом бухарский эмир Сеид-Абдул-Ахан, пожаловавший учёному В.И. Тимирязеву, барону Д.Н. Дельвигу и М.Е. Башкирову золотые звезды, усыпанные драгоценными камнями.

И ещё мне вспоминается заметка из «Комсомольской правды» в восьмидесятые годы XX века. В ней изложена история находки бриллиантов при ломке кирпичного фундамента сарая усадьбы Башкирова в Казбекском (Гребешковском) переулке.

4

Николай Храмцовский пишет в книге «История и описание Нижнего Новгорода»: «С верхней частью города слобода (Благовещенская. – М. Ч.) соединяется съездами Никольским и Гребешковским; первый идёт от западной

стороны монастыря, второй начинается от водочного завода; но оба съезда неудобны, особенно последний: он идёт по острому отростку горы, называемой Гребешком». И ещё Храмцовский говорит о Гребешке следующее: «Прежде эта часть города, во времена патриаршества, также принадлежала к Благовещенской слободе». Теперь по Гребешковскому съезду идёт бетонная лестница, заканчивающаяся у восстановленной недавно церкви Иоанна Предтечи (не путать с церковью Рождества Иоанна Предтечи, что возле Ивановской башни Кремля), в 50-е годы XX века лестница была деревянной и шла дальше – к Ромодановскому вокзалу, полностью закрытому в 1974 году. В 1953 году я с мамой уезжал от него на Украину через Харьков.

Разглядывая фотографию Карелина «Жандармский овраг», трудно себе представить, что к началу 50-х годов прошлого века не осталось в овраге не то что домов, но и ни единой доски! Гребешковцы называли этот овраг Ярильским, не подозревая, откуда растут ноги этого названия. Трудно вообразить смелость этих жителей, не боящихся оползней. К чести советской власти все эти жильцы были переселены из оврага в тридцатые годы до Великой Отечественной войны. А в годы войны, в период острой нехватки дров и всего, что горело и давало тепло, древесина была из оврага вытащена и использована по назначению. В 50-е годы в овраге не осталось ничего ценного, хотя мы, пацаны, собирали кости да, если повезёт, цветные металлы, которые охотно принимал старьёвщик, всё лето державший свой домик на колёсах на Гребешке. Из костей на заводах делали пуговицы.

По дну Жандармского оврага тёк полноводный ручей, более похожий на малую речку. Мы, мальчишки, устраивали на ручье запруду и купались в жутко ледяной воде, испытывая свои возможности и споря, кто дольше в ней продержится. Вода, по словам Храмцовского «чистая, лёгкая, приятна на вкус; её доставляли для употребления императрице Екатерине II, когда государыня изволила быть в Нижнем в 1767 году. Её величество нашла, что вода этого ключа не уступает невской».

О Жандармском (Ярильском) овраге упоминает и Максим Горький в своей автобиографической повести «В людях», рассказывая, как полоскал выстиранное бельё в ручье, о котором я написал выше. Дубовая полоскательница для белья и ручей сохранялись до 1965 года, когда ручей к 20-летию Победы в Великой Отечественной войны спрятали в трубы, а по дну оврага проложили узкую дорогу. В нулевые годы уже XXI века над этой узенькой дорогой проложили магистраль к метромосту. М. Горький, кстати, ошибался, утверждая, что корыто для полоскания белья было устроено в самом низу оврага. Нет, оно находилось в полугоре на левой стороне, где бил ключ. В овраге мальчишки как-то наткнулись на самодельную пещеру с обитой жестью дубовой дверью. Это был воровской схрон, от которого мы бежали сломя голову. Видимо, были и другие землянки, давшие М. Горькому тему для рассказа «Отшельник».

Кстати сказать, когда Предтеченскую церковь в 1980 годы перестраивали под заселение «Волжского Государственного бассейнового управления водных путей и судоходства» (не путать с ВОРПом), то обнаружили там водоотводы, сделанные из дуба, благодаря которым церковь не сползает с Окского склона вот уже 400 лет.

В связи с оползнями вспоминается работа крестьянина Петра Егоровича Бугрова, бывшего крепостного, без какого бы то ни было образования, решившего в начале 40-х годов XIX века проблему оползня, грозившего Георгиевской башне Нижегородского кремля и откосу рядом с ней. Вот как описывал Владимир Даль, создатель «Толкового словаря живого великорусского языка», процесс устройства дренажа: «… Поднял всю толщу перевороченной земли на десятки сажен, где по глиняному пласту струились во множестве обильные родники, покрыл весь простор этот сплошным накатом брёвен по направлению ската ключей, накатал сверх ещё другой и третий ряд брёвен поперёк и опять вдоль исподнего ряда, засыпал режу землёй, сделал и сгладил откос, который стоит и по сей день».

Все коренные нижегородцы знают и видят, что стоит Георгиевский откос уже почти 200 лет! Из инструментов – лопаты да тачки.

5

При всём при том на Гребешке не было ни единого магазина, даже хлебного. За хлебом гребешковцы ходили (или, как тогда говорили, «бегали») на Решётку. Магазинчик был в полуподвале двухэтажного полукаменного дома на углу Обозной и Малой Покровки. Название «Решётка» происходит от наличия на этом месте жандармского поста со шлагбаумом («решёткой»). Конюшни полка жандармов располагались где-то в районе улиц Малой Ямской и Большие Овраги вблизи многочисленных отрогов Монастырского оврага.

За продуктами нужно было идти чуть дальше: на угол Обозного переулка и Ильинской улицы, в Кирилловский магазин. Двухэтажный дом этот и магазин в нём с царских времён принадлежали купцу Александру Кириллову. С тех пор название осталось за купцом, хотя всё вышеназванное национализировали. Идти в эти два магазина нужно было мимо сквера у истоков двух оврагов: Жандармского и Гремячего. Последний иногда называют Монастырским, по нему в 30-е годы XIX века проложили Похвалинский съезд.

И Гремячий и Жандармский (Ярильский) овраги начинаются в одном месте – месте нынешнего сквера перед Обозной улицей. Рассматривая карту Нижнего Новгорода за 1859 год, можно заметить, что на месте этого сквера был пруд. В 30-е годы XX века его засыпали, для укрепления насыпного грунта (опыт с Звездинкой был) разбили сквер и установили гипсовый памятник В.В. Куйбышеву. Куйбышев – знаковая фигура для г. Горького, он как председатель Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР сыграл решающую роль по определению места строительства будущего Горьковского автомобильного завода (ГАЗ). Даже центральный район г. Горького назван в 1935 году Куйбышевским. Район включал в себя всю территорию от улицы Свердлова (Большая Покровка) до правого берега Оки. В 1956-м название района упразднили.

6

«Что ни город, то норов, что ни деревня, то обычай». «Во всяком подворье своё поверье». В этих русских поговорках заключено всё то многообразие говоров, традиций, привычек, профессиональных предпочтений жителей населённых пунктов, что характерно для многонациональной и многоликой России. Нижний Новгород, которому исполнилось 804 года со дня основания, не исключение.

Например, у жителей его есть поговорка «Мы на море живём». Совсем недавно, комментируя запись в материале о родниках Нижнего Новгорода, одна молодая особа написала, что её бабушка, коренная нижегородка, утверждает, что Нижний Новгород «стоит на воде». Эту легенду использует Николай Храмцовский, рассказывая о ручье в Почаинском овраге, берущем своё начало от улицы Малая Покровка: «Есть предание, что при последнем времени ручеёк этот так будет изобилен водами, что затопит весь Нижний». Оврагов в Нижнем Новгороде великое множество, через большинство их в центре города устроены дамбы, часть засыпана полностью и так, что трудно рассмотреть и определить бывший овраг. Таковы дамбы на Большой Покровской у бывшего здания Дворянского собрания (бывший дворец культуры им. Я. Свердлова). Дамба на Варварской улице у концертного зала «Юпитер». Лыкова дамба на улице Добролюбова. К числу полностью засыпанных относятся Звездин овраг с двумя в нём прудами: Звездиным и Дюковым. Таков, например, овраг, на котором стоит здание Политехнического университета им. Р.Е. Алексеева (ранее Политехнический институт им. А.А Жданова, а ещё ранее Индустриальный институт). Во второй половине 60-х годов XX века (я в то время учился в нём) стены пошли трещинами, их укрепляли металлическими уголками. В разговоре с прорабом я выяснил, что институт стоит на засыпанном овраге. Потом этот факт отметила Ольга Наумова в книге «100 биографий домов Нижнего» Этот овраг хорошо виден и на фото А.О. Карелина «Церковь Троицы на Старой Сенной площади».

Однако на карте от 1859 года он никак не обозначен. Может быть, это был не «полноценный» овраг, а ложбина на крутом берегу?

Если читать Храмцовского, то убеждаешься в большом количестве оврагов и дамб. «Дамб, или земляных мостов, семь: Лыкова через Почайну, Варварская, Покровская через Ковалихинский ручей, две Петропавловских и Осторожная через овраги. <…> Прудов шесть: Чёрный (с садом) между улицами Алексеевской, Осыпной и Ошарской; Острожный близ тюремного замка; Звездин в Ковалихинской осыпи; Петропавловский у Новой Петропавловской улицы; Покровский близ Покровской дамбы и Мироносицкий у церкви Жен Мироносиц». То есть, по сути, в каждом овраге наличествует пруд, и не один. Мироносицкий пруд сохранялся и в 50-е годы прошлого века. Мы мальчишками ватагой, возвращаясь после футбола на стадионе «Динамо», заходили на этот пруд, чтобы смыть эмоции после просмотренного матча.

До 1839 года улица Большая Покровская заканчивалась у перекрестка с Малой Покровской, так как мешали Покровские пруды, покрывавшие всю нынешнюю площадь Горького (Новая, Арестанская, Новобазарная, площадь 1 Мая). Император Николай I, посетивший Нижний Новгород в 1834 году, приказал кардинально перестроить Нижний Новгород и прежде всего продолжить улицу Б. Покровскую. Не буду упоминать всех архитекторов, принявших участие в разработке проекта, но в конечном итоге через заболоченную площадь была проложена дамба, разделившая гигантский пруд на два. Правый, начинавшийся после дома Улыбышева, был засыпан полностью мусором и землёй, свозимой на подводах из оврага Гремячий, переделываемого в Похвалинский съезд. Нижний пруд превратился в два: Звездин и Дюков, засыпанные уже в начале XX века. Так образовались бульвар Звездинка со сквером в центре, стадион «Водник» и Чёрный пруд.

При упоминании Похвалинского съезда необходимо затронуть тему трамваев и фуникулёров. Она стала животрепещущей во время проведения художественно-промышленной выставки 1896 года, организованной на пу-

стырях в заречной части. Нужно было решить проблему доставки посетителей от выставки в исторический центр, к прекрасному кремлю и знаменитому Откосу. За реализацию проекта трамвайного сообщения взялась известная немецкая компания «Сименс и Гальске». Но, изучив рельеф нагорной части, немецкие специалисты отказались от строительства трамвая в верхнюю часть города. Тогда инженер и предприниматель из Санкт-Петербурга Рафаил Карлович Гартман предложил построить две отдельные трамвайные линии по верхним и нижним улицам города и соединить их двумя фуникулёрами: Кремлёвским и Похвалинским. Всё было просто и логично: посетитель выставки на трамвае через плашкоутный мост через Оку добирался до Кремлёвской и Гремячей горы, пересаживался на фуникулёр, поднимался, любуясь уникальными видами города и Заволжья, в гору. Наверху ещё раз пересаживался, уже на трамвай нагорной части, из окон которого открывалась панорама исторической части древнего города. Изюминкой Кремлёвского элеватора (так нижегородцы называли фуникулёры, отдавая дань зерновым элеваторам) стал отказ от электрической тяги: два вагончика (по 24 человека в каждом), соединённых тросом, двигались навстречу друг друга за счёт силы тяжести, создаваемой водой в резервуарах под вагонами. Наверху, в кремле они наполнялись, а внизу – опорожнялись. Время подъёма на высоту в 51 метр составляло полторы минуты. Похвалинский элеватор был на электрической тяге, для чего по проекту архитектора П. Малиновского было построено здание электростанции, значительно украсившее площадь перед Канавинским мостом. Оно было уничтожено.

В первое десятилетие советской власти трамваи усовершенствовали, они уже могли самостоятельно подниматься в гору по двум съездам: Похвалинскому и Зеленскому. Надобность в дорогостоящих фуникулёрах отпала. Их закрыли в 1927 году, а трамвайное движение успешно развивалось, пока в конце нулевых годов XXI века один из «бравых» мэров Нижнего Новгорода не приказал выдрать рельсы с Похвалинского съезда. Зачем?

Лишь пожилые люди и те, кому 80 и старше, помнят о прекрасном здании электростанции у Канавинского моста, оно было первой крупной самостоятельной работой П.П. Малиновского. Кроме прямой функции, здание использовалось как вестибюль Похвалинского фуникулера. Главный дом из красного кирпича с полукруглым фасадом и крышей, напоминающей крыши пагод, но с закруглёнными основаниями, всегда привлекал внимание горожан. Налаживать выработку электроэнергии к выставке 1896 года в Нижний Новгород приехал знаменитый русский создатель радио Александр Попов. В годы Великой Отечественной войны в этом здании располагался филиал завода «Красное Сормово», производивший генераторы для танков Т-34, и назывался он «Электропривод», а то и просто 238-й завод.

Зачем его было уничтожать в 80-е годы XX века? Вопрос риторический. Установили бы на дом мемориальную доску, извещающую, что здесь работал русский инженер Александр Попов, создатель радио, и водили бы сюда экскурсии школьников и студентов, знакомя их с выдающимся прошлым родного города. А уже в нынешнее время взорвали громадные хранилища для зерна и муки на Башкировской мельнице, что на улице Черниговской. Выдрали рельсы на Похвалинском схезде, и по нему прекратили ходить трамваи. Когда же глав города «более всего любовь к родному краю будет томить, мучить и жечь»? (Из стихотворения С. Есенина «Стансы», 1924 г.)

7

В ноябре этого года в Сети я наткнулся на полемику нижегородских краеведов и историков на тему количества и качества «коровьих взвозов», то есть спусков к Волге и Оке на водопой крупного рогатого скота. Однако коровы не очень любят холодные обжигающие струи быстротекущей воды. Им по нраву прогретая вода проточных прудов, потому-то их так много в Нижнем Новгороде. По оценке Николая Храмцовского их шесть только в нагорной, исторической части, а согласно схеме от 1859 года, когда выш-

ла его книга «Описание города», их больше. Можно рассмотреть на схеме пруды возле Обозной и Студеной улиц, не упомянутые Храмцовским. До сих пор сохранились пруды на Щёлоковском хуторе, у деревень Новопокровская, Кузнечиха, Бешенцево, Ляхово.

В конце XX века на улице Одесской (район Малой Ямской) работал пункт заправки газовых бытовых баллонов. И как-то в 1999 году, меняя пустой баллон на заправленный, я услышал мычание коровы. Областной центр с более чем миллионом жителей и… коровы!? И это несмотря на строгий указ (1955) Никиты Хрущёва, запрещающий держать крупный рогатый скот в областных городах. Вот она, сила привычки, сила любви к животным и природе! И на Гребешке было много сараев с большими сеновалами и тёплыми рублеными хлевами для содержания коров. По крайней мере, родители мои держали корову.

В связи с этим рождается косвенное подтверждение месту рождения Козьмы Минина. Есть такое исконно русское слово «прасол». «Прасол – поясом опоясан, сердце пламенное, а грудь каменная», – говорит старая русская поговорка.

Современные словари и даже словарь Даля неполно истолковывают это слово как «торговец мясом». Но прасол – это не только торговец мясом, он откармливает бычков (телят), выращивает их на убой. В силу этого и появилась улица Телячья (Гоголя) в Нижнем Новгороде, именно Телячья, а не Коровья или Козья. Храмцовский сообщает даже о «Телячьей слободке» на этом месте, очень близком к оврагам. Их множество: Гремячий, Ярильский (Жандармский), Почаинский, Сергиевский, Успенский. Выращивание бычков требовало очень много питьевой воды и сена (кормов), которые можно было найти в оврагах, склоны которых покрыты травой. Лично я помню склоны Жандармского (Ярильского) оврага, покрытые цветущим шалфеем. Недаром Храмцовский прямо указывает:

За укреплением, или старым острогом нижегородским, в слободе Благовещенского монастыря, в приходе Рождества Иоанна Предтечи жил этот, до того времени безвестный человек, о котором впоследствии сказал великий вития – Златоуст Российской

Церкви: «Его же память в благоговении и вечном прославлении почитаема быть заслуживает.

Что подразумевал Храмцовский под *старым острогом*, мне неясно.

Возникшая под влиянием краеведа Кирьянова (1918–2007) гипотеза о балахнинском происхождении Козьмы Минина нашла аргументированное опровержение Б.М. Пудалова, сделанное на Миниских чтениях в 2007 году. И действительно, считать, что добытчик соли из заштатного городка Нижегородчины переехал в Нижний Новгород и за короткий срок в совершенстве овладел навыками и знаниями выращивания бычков, то есть профессией сугубо противоположной, несколько наивно. А тот факт, что Минин был говядарём, ни у кого не вызывает сомнений. Кроме того, маловероятно, чтобы новичка выбрали земским старостой.

Борис Пудалов, справедливо полагая, что соледобытчики Балахны были небедными людьми, констатирует, что отъезд семейства Мины в Нижний Новгород был бы заметен и нашёл бы отражение в переписке того времени. Цитата:

> Их отъезд из Балахны привел бы, по законам того времени, не к уменьшению тягла с посада, а к перераспределению наложенного на балахнинцев оклада оброчных и иных платежей в казну. Это неминуемо вызвало бы протесты посадской общины и длительную тяжбу, сопровождаемую обширной перепиской. Между тем, в сохранившихся документальных источниках нет никаких следов ни переезда Мины с детьми из Балахны в Нижний, ни тяжбы с посадом, ни челобитных о перераспределении тягла.

Не буду останавливаться на других аргументах Пудалова, так как считаю, что экономический аспект, им найденный, самый решительный и верный. Во все времена экономика (хозяйственная жизнь) есть самая важная сторона жизни любого общества и единичного человека.

Вот таков Гребешок и его округа.

Александр ЛУШИН

ТАЙНЫ АПТЕКАРСКОЙ СЕМЬИ ЭВЕНИУСОВ:
рубеж XVIII–XIX веков

Мы сегодня заметно ощущаем действительный все более пробуждающий всплеск непраздного интереса к родной нижегородской истории. На фоне этой набирающей силу волны энтузиасты в краеведении сегодня обратились к истории многих нижегородских семей и родов, оставивших заметный след в общественной и культурной жизни нашего города. На улице Студеной появился так называемый «Дом Эвениуса», принадлежавший во второй половине XIX века одному из нижегородских аптекарей. До 1880 годов члены семьи Эвениусов владели добротным зданием с аптекой на Варварской улице. Но, видимо, вести прежний образ жизни Николаю Васильевичу Эвениусу уже было не по средствам, и родовое здание с аптекой перешло в руки И.Ф. и П.Ф. Ремлеров. Переезд в непрестижную мещанскую часть города за окраинную Полевую улицу, скорее всего, свидетельствует об упадке благосостояния Н.В. Эвениуса, имя которого уже не встречалось более в списке городских аптекарей и членов Нижегородского врачебного общества. Дом на улице Студеной не указывался в качестве частной аптеки. Обычный городской сюжет. Но в истории первых нижегородских поколений семьи Эвениусов на рубеже XVIII–XIX веков были весьма интересные факты и события.

В начале 1780-х годов в Россию «на ловлю счастья и чинов» приехал гезель аптекарский (помощник аптекаря)

Георг Гейнрих Христиан Эвениус, сдавший экзамен в медицинской коллегии и получивший место городского аптекаря в Нижнем Новгороде. Себя на русский манер он стал предусмотрительно именовать Егором Христиановичем. Со временем предприимчивый аптекарь стал владельцем собственного каменного дома под частную (партикулярную или вольную) аптеку на улице Варварской.

Примечательно, что весьма быстро Е.Х. Эвениус вошел в круг нижегородской культурной элиты, среди которой также были члены местной масонской ложи «Совершенного согласия», входившей с 1783 года в состав «Великой провинциальной ложи» и упоминавшейся в 1786 году в знаменитом «Венском журнале франкмасонов». Документального подтверждения о посвящении Е.Х. Эвениуса в нижегородскую масонскую ложу не имеется. К сожалению, список членов ложи «Совершенного согласия» не сохранился, но имя нижегородского чиновника С.А. Москотильникова в историю русского масонства вписано документально. Есть косвенные свидетельства его близкого знакомства с семьей Эвениусов.

Можно также предположить, что Е.Х. Эвениус приехал в Нижний Новгород из Германии с масонской грамотой и рекомендательным письмом, как это было в практике масонских лож того времени. В XVIII веке в Германии было немало масонских лож. Влиятельным с XVII века был промасонский орден розенкрейцеров «Злато-розового креста», в который входили многие представители немецкой научной и культурной элиты. Основными целями в доктрине розенкрейцеров были *радикальные реформы педагогики* и этики, а также открытие *универсального лечения (панацеи) от всех видов болезней*. Розенкрейцеры активно интересовались медициной.

Следует теперь особо отметить, что с конца 1770-х годов в России действовала ложа розенкрейцеров, которой руководил профессор И.Г. Шварц, осуществлявший связь между российскими и германскими ложами. Он состоял в должности инспектора Педагогической (учительской) семинарии при Московском университете и оказывал протекцию молодым немцам, приезжающим в поисках

материальной выгоды на службу в Россию. Постепенно в Санкт-Петербурге возникали немецкие масонские ложи, работавшие на немецком языке, естественно, состоявшие из представителей в основном одной нации, которые последовательно и основательно заполняли ряды чиновничества. Молодые педантичные немцы по прибытии в Россию быстро вступали в масонские ложи, в которых приобретали себе богатых и влиятельных покровителей, с помощью которых начинали уверенно строить карьеру и приобретать полезные знакомства.

Примечательно, что президентом медицинской коллегии с 1775 по 1800 год, когда сдавал экзамен Е.Х. Эвениус, являлся сенатор и камергер, член Российской академии наук А.А. Ржевский, один из самых видных и влиятельных российских масонов второй половины XVIII века, в окружение которого входил упомянутый профессор И.Г. Шварц. Оба состояли в розенкрейцерской ложе в высоком «теоретическом градусе» посвящения. И как мы ранее отметили, именно медицина и педагогика были в поле особых интересов этой мистической ложи, то есть куда конкретно на хорошие места направлять понаехавших немецких «собратьев» было заранее определено.

И все-таки интересно было бы узнать, каким образом прибывший в русский город аптекарь, совершенно не знакомый с русским национальным духом и культурой, так основательно в нем утверждается и приобретает немалый земельный участок в престижной дворянской части Нижнего Новгорода. Вряд ли он мог тогда самочинно выразить денежную благодарность кому-либо из поспешествующих оказать ему подобную любезность городских влиятельных чиновников.

Такое быстрое внедрение в городскую дворянскую среду можно было бы косвенно объяснить благожелательным отношением к Е.Х. Эвениусу со стороны местной власти, так как нижегородский губернатор генерал-поручик И.М. Ребиндер являлся членом одной из санкт-петербургских масонских лож. Вице-губернатор П.В. Елагин, скорее всего, тоже состоял в столичной ложе, «великим мастером» которой был его родственник крупнейший

российский масон второй половины XVIII века И.П. Елагин. Масонские связи и знакомства играли в то время немалое значение.

Прямое отношение Е.Х. Эвениуса к масонству подтверждается его поведением, когда в 1812 году при эвакуации из Москвы в Нижний Новгород прибыли многие члены масонских лож, особенно из Московского университета во главе с его ректором И.А. (И.Х.А) Геймом. Среди профессоров университета нашли приют в Нижнем Новгороде видные масоны М.Я. Мудров и Х.А. Чеботарев. Кроме этих представителей масонского ученого сообщества в Нижнем Новгороде вполне уютно обосновались такие влиятельные масоны, как поэт В.Л. Пушкин и историограф Н.М. Карамзин. Примечательно, что почти все они вошли в близкое общение с семьей Эвениусов. Студент-медик Э.Г. Эртстрем в своих воспоминаниях восторженно отмечал, что масоны-профессора Московского университета были радушно встречены «несравненным аптекарем Эвениусом», который предложил: «Вы можете распоряжаться всей моей кассой!» Более того, Е.Х. Эвениус не только усердно помогал ученым «вольным каменщикам» в финансовом плане, но и постоянно опекал их в различных жизненных ситуациях.

Его близкое знакомство с чиновником соляной конторы Михаилом Михайловичем Аверкиевым, в доме которого на Осыпной улице напротив кремля удобно проживал Н.М. Карамзин и почти ежедневно бывали В.Л. Пушкин и многие люди культуры из московской дворянской элиты, тоже позволяет предположить именно о беседах в масонском духе того времени. Историк отечественного масонства А.И. Серков полагает, что второй российский центр «свободного (вольного) каменщичества» (первый в Санкт-Петербурге) в 1812 году переместился именно в Нижний Новгород.

Егор Христианович (Георг Христиан) Эвениус был к этому времени членом санкт-петербургской ложи «Петра к истине», действовавшей с 1810 года на немецком языке, так как в нее входило более 450 в основном представителей немецких фамилий, занимавших различные должности на

российской государственной службе и имевших немалое влияние в чиновничьей среде. Этим отчасти и объясняется его внимательное и трепетное отношение к эвакуированным в Нижний Новгород московским масонам. Следует отметить, что в масонской системе существовали строгая иерархия и хорошо отлаженные секретные каналы связи. Кроме того, масонские ложи объединялись в союзы, а так называемые «братья» имели между собой добрые личные отношения.

Ректор Московского университета И.А. Гейм в масонской иерархии занимал видное место как член высшего «Капитула благотворных рыцарей» одной их масонских систем и «вольного каменщика» 3-й степени в ложе «Александра тройственного спасения». В последнюю масонскую ложу входили поэт В.Л. Пушкин и профессор М.Я. Мудров. Вполне возможно, что масонские собрания могли проходить в доме Эвениусов на Варварской улице. В 1812 году в Нижнем Новгороде кроме члена нижегородской соляной конторы Д.Е. Полоченинова, состоявшего еще с 1780 года в ложе «Нептуна», Е.Х. Эвениус был масоном раннего времени посвящения и, следовательно, имел в сообществе «вольных каменщиков» несомненный достаточный авторитет.

Примечательно, что в это время в отцовском доме проживал младший сын Александр (Август) Егорович Эвениус, 1795 года рождения, студент медицинского факультета Московского университета, позже в 1814 году получивший диплом кандидата медицины и хирургии и оставленный для практики в Мариинской больнице. Этот факт тоже немало свидетельствует о необычайно щедром и внимательном отношении Е.Х. Эвениуса к масонской московской ученой профессуре в период нижегородской эвакуации. Кроме всего, влиятельный в научных кругах И.А. Гейм мог оказать протекцию молодому студенту в дальнейшем карьерном продвижении по службе.

В 1817 году Егор Христианович состоял членом созданной при его участии нижегородской масонской ложи «Вновь возженного светильника при трех колоннах». Вместе с ним в ложе состояли его сыновья – Иван Егорович

и Христиан Егорович. Это было именно в традициях масонских семей, в которых с раннего возраста сыновей воспитывали в лоне масонского религиозно-нравственного учения. В ложе числились 15 нижегородских дворян и чиновников, занимавших различные должности в органах управления и имевших значительное влияние в местном дворянском обществе. По некоторым сведениям, собрания нижегородской ложи тайно продолжались до 1827 года в доме «мастера» (обрядоначальника) этой ложи надворного советника чиновника солевозной экспедиции А.В. Сверчкова. Другим возможным адресом масонских собраний был дом отставного гвардейского полковника Б.И. Белавина, имевшего в ложе должность «2-го надзирателя», и кроме того состоявшего в столичной ложе «Блого». Кстати, его брат В.И. Белавин являлся руководителем в Нижнем Новгороде тайных декабристских управ «Союза спасения» и «Союза благоденствия». Члены нижегородской масонской ложи, кроме сыновей Е.Х. Эвениуса, были масонами с первых лет XIX века и состояли иногда в двух или трех ложах.

Вернемся теперь именно к семейству Эвениусов. Христиан Егорович, родившийся около 1786 года, наследовал отцовскую профессию аптекаря (провизора), владел аптекой и являлся с 1819 года членом Санкт-Петербургского фармацевтического общества, даже немного занимался в Нижнем Новгороде благотворительностью, чтобы на всякий случай иметь подобающую его социальному уровню приличную репутацию.

Иван Егорович, родившийся в 1790 году, обучавшийся в Московском университете, в это время служил чиновником в Совете (дирекции) путей сообщения в чине титулярного советника, но приезжал в Нижний Новгород периодически в отпуска, а в 1820–1821 годах проживал в городе, так что, несомненно, участвовал в собраниях нижегородской ложи.

В нижегородской масонской ложе «Вновь возженного светильника при трех колоннах» братья Х.Е. и И.Е. Эвениусы состояли, судя по масонским спискам, до 1822 года, когда масонские общества в России были запрещены.

В 1810–1820 годах Иван Егорович Эвениус занимал в российском масонском сообществе и на гражданской службе высокое положение. Главноуправляющим ведомства путей сообщения, где он служил, являлся герцог А.Ф. Вюртембергский, почетный член Академии наук, влиятельный член пяти масонских лож, в том числе высшего «Капитула Феникса». Возможно, и оказывал покровительство «брату» по масонскому сообществу, что в то время было общепринято, и нередко именно масонство способствовало успешному продвижению по службе. Кроме нижегородской ложи И.Е. Эвениус состоял с 1819 года в санкт-петербургских масонских ложах «Елизаветы к добродетели» и «Орла Российского», занимая в ней должность «2-го надзирателя», в ложе «Сфинкса» в 4-й степени масонства.

В 1822 году И.Е. Эвениус уже как «1-й надзиратель» ложи «Орла Российского» подписал 6 июня диплом (грамоту) о посвящении в масонство нижегородского чиновника М.М. Аверкиева, того самого, в доме которого в 1812 году проживал Н.М. Карамзин и постоянно собиралось избранное литературное общество. Кстати, теплые дружеские отношения семей Аверкиевых и Эвениусов только укреплялись, причем М.М. Аверкиев последовательно продвигался по чиновной карьерной лестнице вверх. В 1843 году статский советник И.Е. Эвениус вышел в отставку из особенной канцелярии Главного управления путей сообщения.

Для Христиана Егоровича Эвениуса особо важной стороной масонской деятельности является его посвящение в мае 1820 года в санкт-петербургскую ложу «Трех светил», в которой изначально состоял важный чиновник нижегородской солевозной комиссии Ф.Ф. Франкен как член-основатель этой ложи в 7-й масонской степени. Примечательно, что в солевозной комиссии служили несколько членов нижегородской ложи. Поддержка влиятельных масонов была для Х.Е. Эвениуса весьма полезной во всех отношениях в практическом смысле.

Александр Егорович Эвениус в 1819 году был посвящен в 1-ю степень масонства в ложе «Петра к истине»,

в которой состоял его отец Е.Х. Эвениус с самого начала работы этой ложи. Возможно, что протекцию в удачном карьерном продвижении молодому врачу оказывали также по масонской линии. Известно, что он был лечащим врачом графа М.А. Дмитриева-Мамонова, масона, учредителя промасонского «Ордена русских крестовых рыцарей», почетного члена Московского университета. С ним его познакомили в Москве офицеры А.М. Пушкин и И.М. Бибиков, находившиеся в Нижнем Новгороде в 1812 году, будущие члены «Ордена русских крестовых рыцарей». Кстати, уставной документ ордена был напечатан в типографии Московской медико-хирургической академии в 1816 году. С 1822 года после официального запрещения деятельности масонских лож и всяких тайных обществ А.Е. Эвениус в масонских списках не значился. Примечательно, что в 1829 году генерал-майор от кавалерии И.М. Бибиков был назначен нижегородским гражданским губернатором и, вероятно, мог сохранять в памяти добрые чувства к гостеприимному семейству Эвениусов, но вряд ли их демонстрировал, так как еще в 1822 году решительно отмежевался от масонского прошлого и всяких тайных обществ.

В дальнейшем А.Е. Эвениус сделал значительную научную и педагогическую карьеру в российской медицине. Он стал профессором и потом деканом медицинского факультета Московского университета, почетным гоф-медиком императорского двора, одним из основателей практической отечественной офтальмологии, медицинским инспектором московских лечебных заведений ведомства императрицы Марии Федоровны в чине действительного статского советника. Оставил значительное научное наследие в области офтальмологии и хирургии. Выслужил своими колоссальными достижениями в медицине чин тайного советника.

Есть упоминания о том, что в сентябре 1828 года доктор медицины VIII класса Е.Х. Эвениус был назначен директором городского казанского училища. Городские врачи приравнивались по Табели о рангах по соответствующей выслуге лет к чину коллежского асессора, дававшего пра-

ва на потомственное дворянство. Если это упоминание соответствует истине, то данное назначение состоялось, скорее всего, по протекции давнего приятеля семьи Эвениусов масона С.А. Москотильникова, который с 1827 года занимал важную должность чиновника по особым поручениям при казанском гражданском губернаторе. Еще в 1780-е годы он был членом казанской масонской ложи «Восходящего солнца» и соответственно нижегородской ложи «Совершенного согласия».

Таким образом, можно полагать, что в некоторых центральных и провинциальных российских масонских ложах начала XIX века нижегородская семья Эвениусов была достаточно активна, как, впрочем, и в общественной жизни Нижнего Новгорода.

Тем не менее, существует еще одна весьма интересная в историческом плане ситуация, связанная с тем, что Е.Х. Эвениус был близко знаком с родным братом члена нижегородской ложи масона Б.И. Белавина – В.И. Белавиным. Отставной офицер В.И. Белавин являлся с 1818 года руководителем нижегородской управы «Союза благоденствия». В нижегородской декабристской организации состояли до пяти местных дворян, имена которых во время следствия не были названы и потому остались не известными. Исследователи общественного движения начала XIX века обращают внимание на то, что многие члены политических декабристских организаций одновременно состояли в одних и тех же масонских ложах, что позволяло в их интересах действенно влиять на общественные настроения.

Можно предположить, что Е.Х. Эвениус был осведомлен о деятельности местного тайного дворянского общества, существовавшего параллельно с нижегородской масонской ложей «Вновь возженного светильника при трех колоннах», одним из основателей и членом которой он с 1817 года являлся. Тем более что «наместный мастер» (руководитель) нижегородской ложи М.П. Белявский состоял в одной масонской ложе «Елизаветы к добродетели» с лидерами тайного «Союза благоденствия» нижегородцами князем С.П. Трубецким и Н.М. Муравьевым,

владельцами имений в Нижегородской губернии князем С.Г. Волконским и (по жене) князем Ф.П. Шаховским. И, кроме всего, что особенно важно, членом этой масонской ложи, в которой было немало участников тайного политического заговора (будущих декабристов), являлся И.Е. Эвениус. После неудачной попытки государственного переворота 14 декабря 1825 года один из влиятельных покровителей Эвениусов чиновник Ф.Ф. Франкен покончил жизнь самоубийством, что, несомненно, повлияло на их отход от любых негласных форм общественной жизни.

Вот такая занимательная история первых членов семьи аптекарей Эвениусов, во второй половине XIX века тихо сошедшей с арены кипучей общественной и культурной жизни Нижнего Новгорода.

Виктор ШИМОЛИН
Минск

Я ВСПОМИНАЮ ДОМ СТАРИННЫЙ...

Образ поэта Максима Богданович в работах фотографа Максима Дмитриева

В этом году исполняется 135 лет со дня рождения Максима Адамовича Богдановича (Максіма Адамавіча Багдановіча, 1891–1917) – белорусского поэта, публициста, литературоведа, одного из создателей белорусской литературы и современного литературного белорусского языка. Знаменательная страница летописи его короткой жизни – пребывание в Нижнем Новгороде, подарившее поэту знакомство с фотографом Макимом Дмитриевым.

Фотографическая коллекция Литературного музея Максима Богдановича в Минске сохранила для потомков уникальные изображения поэта. Авторство одного из них, анонимное, оспаривается. На снимке изображен Максим в гимназической фуражке и мундире. Автор фотографии отошел от канонов салонного портрета, а запечател характер визави в приподнятом эмоциональном состоянии. Что, по нашему убеждению, так характерно для творческой манеры нижегородского фотографа Максима Дмитриева.

При этом отметим, что фотографий с изображением поэта и его семьи в начале прошлого века было сделано немало в нижегородский период его жизни, когда в круг близких друзей Богдановичей входил и упомянутый выше мастер портретного жанра.

Фотографическое наследие Дмитриева, по некоторым подсчетам, насчитывало на рубеже минувших веков свыше тысячи изображений. До наших дней дожило лишь несколько

сотен, которые хранятся в залах и фондах Русского музея фотографии в Нижнем Новгороде в виде фотоальбомов, а также в семейных частных коллекциях, разбросанных по всему свету. Остальные погибли безвозвратно в огне революций, катастрофах гражданской и Отечественной войн.

Но вернемся к истории неподписанного портрета белорусского поэта.

На протяжении многих лет мне довелось собирать архивные материалы о жизни и творчестве наиболее известных российских фотографов конца XIX – начала XX. В числе наиболее известных можно назвать минчанина по происхождению Моисея Наппельбаума, петербуржцев Сергея Прокудина-Горского и Карла Буллу, и нижегородцев Александра Карелина и Максима Дмитриева, и некоторых других, внесших новации в развитие фотографического искусства, заложивших основы фотожурналистики. У каждого появились тысячи учеников, перенявших бесценный опыт мастеров.

Довольно подробно о пионерах фотографического творчества и результатах исследований рассказано в моих очерках, научных статьях и учебных пособиях по фотожурналистике, из которых я бы выделил «Основы фотожурналистики», изданных в 2009 году в Минске.

Отмечу, что жизнь и творчество вышеназванных корифеев фотографии объединяло чувство патриотизма, желание принести пользу Отечеству, отразить реальную картину окружающей действительности. А потому память о них по праву вошла в истрические хроники и летописи.

Вспомним Андрея Осиповича Карелина (1837–1906) из Нижнего Новгорода, члена Французской национальной академии искусств, основоположника художественной фотографии в России, коллекционера и общественного деятеля.

Назовем и имя Сергея Михайловича Прокудина-Горского (1863–1944), который стал первым мастером русской цветной фотографии. В свое время по указу царя Николая II Сергею Михайловичу выделили целый вагон-фотолабораторию, в котором он совершал вояжи по многим губерниям Российской империи; побывал и в Витебской, плавал по Волге, добрался до Средней Азии, где ему позировал

эмир бухарский. Итогом странствий стала серия работ под названием «Россия в цвете». Творческая жизнь Прокудина закончилась в эмиграции, в Париже, а его работы хранятся ныне в одном из американских музеев.

Моисей Соломонович Наппельбаум (1869–1944) из губернского Минска прославился психологическими портретами российской культурной элиты Серебряного века, а также советских вождей, деятелей культуры, искусства и науки. Доподлинно известно, что 5 октября 1905 года Моисей Наппельбаум покинул свой салон, чтобы создать первый и единственный репортажный снимок Курловского расстрела в Минске на Привокзальной площади.

Творчество нижегородца Максима Дмитриева (1858–1948) заслуживает особого внимания, поскольку на протяжении ряда лет связано с белорусской семьей Адама Богдановича и его знаменитого сына Максима, волею обстоятельств, переселившихся в российскую глубинку, в древний Нижний Новгород из Гродно в 1896 году.

Данное обстоятельство предопределило знакомство Адама Егоровича – народовольца, просветителя, ученого и писателя – с однодумцами.

Богданович-старший вспоминал: «Отправляясь в Нижний – город мне совершенно незнакомый – я запасся по пути в Минске рекомендательными письмами от приятелей и товарищей-народовольцев к литературным и общественным деятелям в Нижнем».

Кроме установления новых дружеских и творческих связей, Адам Богданович, став мужем Александры Волжиной, породнился с Максимом Горьким, который взял в жены сестру Александры – Екатерину Волжину.

Резонно предположить, что в круг друзей Адама Богдановича не мог не войти и всемирно знаменитый к тому времени фотограф, тезка его сына, Дмитриев.

Адам Богданович встретился с ним по протекции Горького, которого Дмитриев боготворил, часто общался, беспрестанно фотографировал. По просьбе писателя снимал на натуре множество местных маргиналов, люмпен-пролетариев, способствуя созданию типажей к предстоящей постановке горьковской пьесы «На дне».

Об авторитете и небывалом мастерстве фотохудожника Максима Дмитриева свидетельствует множество фактов и ярких примеров: самодержец всероссийский Николай II доверил увековечить на фотографии себя и свое семейство именно Максиму Дмитриеву во время посещения Нижегородской выставки 1896 года.

Веским подтверждением фотографической славы Дмитриева служит коллекция наград, полученных на международных фотовыставках. Копии завоеванных золотых и серебряных медалей владелец нижегородского ателье размещал на фотографических паспарту. В перечне иных раритетов: Почетный диплом Голландской всемирной фотографической выставки в Амстердаме 1895 года, а также золотая медаль, кстати, единственная в России, Парижской всемирной фотографической выставки «по художественному отделу профессиональных фотографов за 1892 год».

Портретный образ фотографа Максима Дмитриева воссоздаст Адам Богданович в одном из посланий Максиму Горькому много лет спустя, 28 сентября 1926 года:

> В прошлые приезды я с ним не встречался: он жил на Щелоковом хуторе, где у него пятьдесят ульев пчел. А на этот раз встретил его в фотографии. Грузен. Борода поседела, но шевелюра столь же роскошная и чуть-чуть подернулась проседью. Маслянистые глазки несколько более припухли, – признак финозированной породы. Был очень рад моему приходу, долго вспоминал прошлое и на радостях предложил снять меня на память. Таким образом я причтен к знаменитостям, вроде Короленко, М. Горького, Шаляпина, Менделеева, разных генералов и советских комиссаров, с тою только разницею в мою пользу, что меня он снял бесплатно.

Письмо подтверждает наш вывод о знакомстве известного фотомастера и семьи Богдановичей в период их жизни в Нижнем Новгороде. Акцент в письме указывает на давние дружеские отношения, личное общение, общность взглядов и совпадение духовных интересов.

Подтверждением могут служить редкие сохранившиеся работы Дмитриева. Например, фото из музейного архива – семейный портрет Пешковых и Богдановичей. Н. Новгород, 1899 года. Фотограф расставил участников съемки симме-

трично, а в центре композиции разместил светлые «пятна» – фигуры сестер Волжиных в модных одеяниях того времени, на «фоне» стоящих рядом друзей: Максима и Адама.

Еще одним подтверждением традиций групповых фотосъемок служат воспоминания Адама Богдановича о своем друге Максиме Пешкове-Горьком:

По извечному обычаю новый, 1899-й год мы встречали у Щербаковых, на М. Покровке тремя объединенными семьями: Щербаковых, Пешковых и моей семьи, – встречали дружно и весело. Пили очень умеренно. Пели немало, но плоховато, тосты посильно остроумные, смех дружный, музыка хорошая. Под конец снимались группой при свете магния. А. М. был очень оживлен, изобретателен, весел и остроумен, шалил с детьми и подростками.

О фотографе Адам Егорович не упоминает. На мой взгляд, групповой портрет – работа Максима Дмитриева.

Дмитриев, фотографируя Богдановичей, не мог не обратить внимание на одного из членов семьи – задумчивого подростка, в глазах которого светился божий дар поэзии. То редкое природное явление, которое отец поэта Адам Егорович называл «внутренним светом мысли и чувства».

Давая характеристику сыновьям в письме к Екатерине Пешковой, Адам Егорович отмечал оттенки их характеров и пристрастий:

Максим много читает. А Лев весь погрузился в математику. Максим занимается гуманитарными науками, пишет белорусские стихи. Пишет красиво, не без таланта, и даже считается новатором в бледной белорусской литературе. Лева грубоватый, Максим более нежный и женственный.

Наблюдательность и природная чувствительность сближает мировоззрение двух Максимов – поэта и фотографа.

Оба, например, любовались картинками природы – пейзажами.

В воспоминаниях А. Силоамского приводится такое откровение Дмитриева:

Бывало, облюбую где-нибудь интересное местечко, в верстах в пяти-семи от города, думаю, надо бы снять. Потом выбираю подходящую погоду, денёк с облачками, утречком или к вечеру.

Погружаю на рессорную ручную тележку камеру, объектив, треногу, тройку двойных кассет с пластинками, брезент на случай дождя и... айда, впрягайся, Максим Петрович, езжай на съёмку.

Не сиживал дома и Максим Богданович. На берегах великой русской реки Максим осознал величие и многообразие мира, удивлялся волжским просторам. А в глубине души хранил память о покинутой родине. Не потому ли одно из своих ранних стихотворений, написанных на белорусском языке, он назвал «На чужыне» – «На чужбине»?

Знакомство с Дмитриевым укрепило духовные силы и веру Максима в приоритетах добра, справедливости и свободы как основах взрослой жизни. Немалую роль в этом сближении сыграло знакомство юноши с фотоальбомом Максима Дмитриева «Неурожайный 1891–1892 год в Нижегородской губернии». Современники назовут подвиг земляка «вехой в истории российского фоторепортажа».

В докладе министра внутренних дел царю за 1892 (особенно неблагоприятный и неурожайный) год сообщалось: «Только от недорода – смертей до двух миллионов православных душ».

Объектами фотосъемок становятся разоренные голодом и нищетой деревни, павшие от голода люди. Фоторепортер без устали фиксировал гуманную работу врачей и сестер милосердия, земских деятелей, помогающих голодающим и больным тифом крестьянам и их детям. Сделанные им фотографии поражали воображение современников своей правдивостью и безыскусностью. Благодаря фоторепортажам Дмитриева весь мир узнал о бедствии и откликнулся со всей добросердечностью. Во многом благодаря фотографиям Дмитриева удалось организовать сбор и передачу продовольствия населению пострадавших районов Поволжья.

Фотограф Дмитриев любил работать с Максимом Горьким. «Работать» следует понимать, фотографировать при каждом удобном случае.

Нижегородский мастер создал немало запоминающихся портретов писателя, по поводу одного из них Адам Богданович заметил:

Превосходный мастер своего дела М. П. Дмитриев... залучив к себе популярного писателя, снимал его многократно, в разных

видах и позах, и изготовлял множество карточек для продажи, и также больших портретов для своих многочисленных выставок в витринах... В этой «иконографии» М. П. Дмитриев затмил соперников: он сам бывал нередким гостем на Канатной, и его жена Анна Филипповна, женщина представительная и красивая, вошла в число близких знакомых семьи Пешковых.

У нижегородского фотографа было особое чутье на таланты.

Наш вывод лишь подтверждает факт о близком знакомстве Богдановичей с Дмитриевым, который как наблюдательный фотограф и психолог – знаток человеческих душ, не мог не обратить свой взор на впечатлительного юношу, а в его душе не могло не родиться желание отразить его образ.

Вернемся к портрету Максима Богдановича, копия которого хранится в минском Литаратурном музее Максима Багдановича.

На голове – форменная гимназическая фуражка с кокардой. В глазах Максима задумчивость, явно нехарактерное состояние для салонной фотосъемки. Фотопортрет не имеет авторства, однако, на наш взгляд, это несомненно работа Максима Дмитриева. Убедиться в этом нам помогают другие работы мастера, выполненные в аналогичной манере.

Сравним этот портрет Максима с более поздним, сделанным уже в Ярославле, где он окончил мужскую гимназию (1908–1911) и Демидовский юридический лицей (1911–1916). Взгляд на объект съемки ярославского мастера отличается от дмитриевского. Фотограф ярославский расположил гимназиста в позицию ¾ и, выждав момент, завершил съемку средним планом. Однако и этот постановочный метод сохранил для потомков ценное изображение юноши, его мужественный взгляд и горделивую осанку. Фотомастер с оригинальной фамилией, Александр фон Свейковский, прекрасно справился с задачей. Максим на его паспарту выглядит повзрослевшим, более собранным и серьезным.

План изображения юного Максима Богдановича в Нижнем – крупный, кстати, излюбленный Максимом Дмитриевым. На наш взгляд, это единственный снимок из немногих

сохранившихся, в которых фотографу удалось зафиксировать настроение и раскрыть внутренний мир поэта.

А теперь представим: вот Максим покидает салон Александра фон Свайковского. В его руках свеженькое паспарту. Юноша долго всматривается в собственное изображение, и в его душе рождаются строки нахлынувших воспоминаний, которые он тут же или немного времени спустя начертал на картонном обороте снимка:

Я вспоминаю дом старинный,
На тихой улице фасад,
И небольшой уютный сад,
И двор просторный и пустынный…

Доказательство авторства того или иного фотографа проистекает из опыта и анализа творческого почерка. Светописные работы каждого отличаются характерным авторским стилем «письма», включающим излюбленные жанры, темы, композиционные приемы: планы, ритмы, нюансы, форматы, виды освещения и многое другое.

Притягательность фотопортрета таится в силе зафиксированного психологического образа, который воздействует на сознание, содержит визуальную информацию о герое снимка, раскрывает его характер. Отличительная особенность фотоизображения заключена в синтезе документальности и художественности. Редкие, чудом сохранившиеся снимки Максима Богдановича дополнили и обогатили его поэтический образ во многом благодаря знакомству поэта с прославленным нижегородским фотографом Максимом Дмитриевым, а также с ярославским его коллегой, не менее талантливым с удивительной фамилией, в которую вкралась немецкая аристократическая частица «фон». Чего не сделаешь ради рекламы!

Будем же благодарны каждому светописцу, кто запечатлел образ белорусского поэта. Научные сотрудники Русского музея фотографии в Нижнем Новгороде пообещали отыскать в местных архивах доселе неизвестные портреты белорусского поэта, выросшего на русской земле. Пожелаем им удачи!

Марина ГОРЕВА

ЧТО ПОТЕРЯЛА «РОССИЯ»

(Все совпадения событий и названий случайны)

Начну рассказ, как обычно мы, будучи детьми, рассказывали в лагере страшилки перед сном. А это и есть, пожалуй, самая настоящая страшилка.

Итак, в одной большой-пребольшой стране был большой-пребольшой город. В этом городе был большой-пребольшой проспект, и на нем стоял большой-пребольшой кинотеатр. Назывался он также, как и страна, где происходили события, о которых наш рассказ, – «Россия».

В кинотеатре было много-премного залов, и в каждом шел какой-нибудь хороший фильм. Дети и взрослые любили этот кинотеатр, и в выходные, а особенно в каникулы и отпуска, проводили там все дни. Каким счастьем было начать утро с «Неуловимых мстителей», потом посмотреть «Москву – Кассиопею». Сбегать домой, быстро пообедать и назад в кинотеатр. Потолкаться возле касс, выбирая, какой фильм посмотреть, услышать, словно музыку, в соседнем зале хохот до упада – там показывают «Кавказскую пленницу».

Посмотреть смешную и добрую комедию, передохнуть немного и, настроившись на серьезный лад, идти смотреть фильм про войну «А зори здесь тихие…» – ну, как про войну, скорее про любовь к жизни, про отчаянную храбрость молоденьких девчонок, почти школьниц, разве что чуть-чуть постарше. Переживать за героинь весь фильм, а в конце расплакаться, жалея их, еще и пожить не успевших, зато успевших стать героями. А через какое-то время

успокоиться наконец и вдруг понять, что мы теперь живем за них и благодаря им.

А на следующее утро – снова бегом в кино, потому что огромный кинотеатр под названием «Россия» приглашал не просто в свои кинозалы, а открывал целый мир человеческих историй, чувств и поступков – «Свадьба в Малиновке», «Пираты XX века», «Табор уходит в небо», «Человек-амфибия», «Мачеха», «Офицеры», «Даурия», «Всадник без головы», «Гусарская баллада», «В бой идут одни старики», «Белое солнце пустыни»… Как радостно и волнительно было входить в этот волшебный мир, зная, что тебя здесь не обманут, не предадут, не обидят…

И выходя после киносеанса и поднимая глаза к небу, видеть, как над всем этим чудесным миром грез и жизненной правды гордо реют шесть заглавных букв, больших-пребольших, до самого неба – «РОССИЯ».

Сколько поколений мальчишек и девчонок приходили сюда, чтобы научиться дружбе и любви, храбрости и верности! И потом, подражая любимым киногероям, совершали настоящие большие и маленькие, важные для страны и своих близких поступки и делали жизнь лучше и счастливее.

Но жизнь долгая, и в ней случаются не только светлые истории и добрые финалы. Бывает подуют холодные ветра, налетит буря, пойдет ледяной секущий дождь, и станет все вокруг мрачно и неопределенно. А бывает, ветер внезапно усилится, завоет, закрутит, собьет с ног, сорвет с места и унесет что-то важное, что не успел укрепить и сохранить.

Тогда беда.

Вот так однажды резко испортилась погода в большой-пребольшой стране – и не то чтобы настал сезон дождей или выпало много снега и все дороги замело. Нет, непогода словно испытывала людей, их чувства и отношения, дома, города, даже природу на стойкость и выносливость неистовыми ветрами и ледяным холодом. Гнулись и ломались деревья, проваливались под тяжестью снежных шапок крыши и мосты, обвисли и приходили в негодность

обледеневшие провода, под порывами ветра срывались одиночные конструкции и легкие постройки.

И однажды от шквалистого порыва ветра с крыши кинотеатра сорвало букву Я. Случилось это посреди долгой и жестокой непогоды, когда день и ночь теряют границы, когда мрачные небеса укрывают от света и радости целую страну, когда из-под одеяла нет сил вылезти, а из дома носа не высунуть…

Люди пытались выживать в этом новом сумеречном мире и не сразу заметили, что надпись на крыше изменилась – была «РОССИЯ», а стала «РОССИ». Но, когда вокруг тебя вихри, ледяные дожди, молнии и песчаные бури, кто будет задирать голову к небу, чтобы посмотреть, под каким названием ты нынче живешь.

Долго стояла непогода, меняя по своему желанию окружающий мир. А потом ветра стихли, буря улеглась, дожди прекратились. На улицах еще было полно всякого мусора, но люди стали выходить из домов – ведь сегодня погода была немного лучше, чем вчера. А завтра, дай бог, будет лучше, чем сегодня. Значит, жить можно!

Кто-то, переждав непогоду, отправился на завод, кто-то в институт, кто-то за хлебом, а кто-то захотел сходить в кино, чтобы почувствовать вкус прежней счастливой жизни. На заводе, в институте, в булочной почти ничего не поменялось. А вот большой-пребольшой кинотеатр…

…его просто не было!

Нет, само здание осталось на том же месте, даже буквы на крыше сохранились, правда не все. А точнее, одной буквы не стало. И все сразу изменилось.

Исчезла загадочная темнота кинозалов, где жили, дружили, любили, сражались и совершали подвиги герои, на которых мы хотели быть похожими. Вместо добрых, веселых, грустных, умных и смешных фильмов теперь можно было смотреть дешевые комедии, где самым смешным было, когда герою попадали тортом в лицо или пинали его под зад, а еще пошлые любовные истории, где героев любили за толщину кошелька, а героинь за пышный бюст и глубокое декольте, или ужастики, где от обилия крови

зрителей мутило, как во время морской качки, и было не страшно, а скучно и противно. Но больше всего было фильмов про бандитов, продажных полицейских, и не всегда было понятно, кто из них кто.

А чтобы было не так скучно смотреть это кино, во время киносеансов теперь можно было жевать попкорн и запивать его газировкой. И во время показа фильмов слышались чавканье и бульканье.

В некоторых кинозалах фильмов не показывали, там теперь стояли прилавки с каким-то барахлом и шла бойкая торговля. Рядом с трусами, часами, носками и кальсонами продавали кухонные комбайны и «волшебные» терки, средства от и для тараканов, чудодейственные кремы и от всего помогающие таблетки… В фойе торговали мебелью, в подвале – автомобилями, во дворе шубами из ненастоящего меха и дубленками то ли из кошачьих, то ли собачьих шкур… В боковом коридоре втюхивали «очень породистых кошек», рядом продавали пирожки с подозрительной начинкой, прямо на проходе на табурете сидел человек и предлагал заграничные туры...

Одуревшие от шума, духоты, подделок и мошенничества, люди выскакивали на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха, увидеть солнечный свет и послушать тишину. Многие поднимали глаза к небу – возможно, даже хотели помолиться, но застывали в горьком прозрении: на крыше бывшего большого-пребольшого кинотеатра громоздилась надпись «РОССИ». Под этой вывеской новая жизнь наступила безвозвратно.

Кто-то скажет: а что делать – все-таки РОССИЯ часть территории потеряла.

А кто-то, потрясенный, прозреет: как много в жизни может изменить всего одна буква!..

Книжная полка

Александр ГРАДУСОВ

СЛОВАРЬ ЖИЗНИ

О книге Н.Ю. Русовой «Дама сдавала в багаж…»

В минувшем году вышла новая книга кандидата филологических и доктора педагогических наук, профессора кафедры русского языка Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина – Натальи Юрьевны Русовой – «Дама сдавала в багаж…» (Русова Н. «Дама сдавала в багаж… Страницы биографического тезауруса». – М.; СПб.: «Руграм» / «Пальмира», 2025. – 401 с. (Серия «Пальмира – мемуары»)).

Несколько слов об авторе. Н.Ю. Русова – автор 210 научных работ, 36 учебных пособий (из них «Как стать грамотным» выдержало 8 (!) изданий), научно-популярных книг («От аллегории до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению», «Текст. Культура. Образование», «Тайна лирического стихотворения. От Державина до Бродского: комментарий поэтических текстов», «Кванты русской культуры: культурологический комментарий поэтических текстов», «Лексикон власти: словарь-тезаурус политических ассоциаций», «Тридцать третья буква на школьном уроке, или 33 стихотворения Иосифа Бродского»), а также мемуаров «Книги, годы, жизнь: автобиография советского читателя» (М.: Новое литературное обозрение, 2022).

В «Даме…», по слову автора, собран «объемистый багаж воспоминаний, размышлений и эмоций», накопившийся

за прожитые годы. Именно этот «багаж» и обусловил название книги известной маршаковской строкой. В аннотации читаем:

Задумав собрать в книгу свои воспоминания, Наталья Юрьевна Русова, лингвист по профессии, выбрала необычную форму тезауруса – словаря, организованного не по алфавиту, а по смысловым полям. <...> Каждая глава этой книги посвящена одной из семантических категорий – родным, близким, времени, пространству, культуре, эмоциям, событиям и деталям – и состоит из небольших эссе. Все вместе они превращаются в своего рода калейдоскоп памяти, а потому и читать эту книгу автор предлагает так же, как рассматривать узоры в калейдоскопе, – не от начала до конца, а свободно листая страницы в поисках чего-то яркого, за что вдруг зацепится взгляд, открывая заинтересовавшую главу, чтобы завороженно любоваться хитросплетениями человеческой жизни.

Размышляя в предисловии о способе представления информации, автор пишет:

...Тезаурус... – это словарь, «входом» в который служат не буквы алфавита, а широкие и объемные категории... В сущности, к огромному словарю-тезаурусу сводится всё человеческое знание, а также та совокупность информации, которую в течение жизни накапливает каждый отдельный человек: так сказать, тезаурус мира и тезаурус личности. И если попытаться организовать пространство собственной памяти в виде отдельно запечатленных мыслей, фактов, лиц, событий, эмоций и прочего, то в итоге получится не что иное, как словарь твоей жизни – биографический тезаурус.

Такими «словарными статьями» в «Даме…» стали 8 глав («Родные», «Близкие», «Время», «Пространство», «Культура», «Эмоции и чувства», «События», «Детали»), каждая из которых, в свою очередь, дробится на небольшие эссе – размышления-зарисовки.

О.И. Наумова в своей рецензии на «Даму…» отмечает:

В разных эссе автор идет разными литературными путями: от общей характеристики какого-либо понятия до конкретных историй из собственной жизни и наоборот – начинает с конкретных примеров и выходит к интересным обобщениям.

Многие главы (особенно те, что посвящены родословной линии автора) по сути являются страницами художественной прозы, продолжающей лучшие литературные традиции, которые были заложены ещё русскими классиками. Другие главки-эссе (например, в разделе «Детали») представляют собой маленькие, законченные «рассуждения на заданную тему» с яркими примерами из жизни, расширяя и раскрывая перед нами авторский мир.

Книгу Н.Ю. Русовой отличает необычная интеллектуальная насыщенность, концентрация мысли – по принципу «словам тесно, а мыслям просторно», логичность подачи материала, способность просто говорить о сложном. Все это, вместе взятое, обеспечивает легкость восприятия непростых по сути, глубоких обобщений и умозаключений.

В ходе чтения выявляются новые неожиданные подробности давно известного: с детства знакомые вещи, факты, образы, люди, явления часто предстают с необычной стороны, нового ракурса. Жизненные обобщения и выводы масштабного характера сочетаются в «Даме…» с тонкими филологическими наблюдениями: «Изумляет роль обычного суффикса “-к-” в знаменитом лирическом отступлении о женских ножках в пушкинском “Онегине”».

«Дама….» наполнена многочисленными цитатами, которым автор придает большое значение: «…цитата – это намек, цитата – это сигнал, цитата – средство вызвать рой ассоциаций». Цитаты в книге Н.Ю. Русовой – это лучшие строки классической русской и зарубежной литературы, философии, культуры и просто близких людей. Так, автор вспоминает любимую поговорку своего отца, которую тот «часто повторял, когда что-либо (или кто-либо) ему особенно нравилось: “Культура! А где культура, там и прогресс…”»

Многие страницы воспоминаний пронизаны веселым, добрым юмором, и, читая их, смеешься от души (см., например, авторские «думы» о названии главы «Дяди и тетки»).

Рассказ о ключевых жизненных этапах освещен мудрым и спокойным пониманием всего, что и называется словосочетанием «человеческая жизнь». Неслучайно

некоторые фразы «Дамы…» обладают ярко выраженной афористичностью:

– «…любовь – всегда счастье, всегда подарок» (да, подарок и счастье, пусть иногда и недолговечное, как «мимолетное виденье», но остающееся в душе навсегда);

– «…первая любовь практически всегда не складывается, заканчиваясь на печальной щемящей ноте»;

– «Вся мировая культура, наука, искусство, религия зиждутся на интересе к окружающему и, в свою очередь, призваны этот интерес пробудить»;

– «…без потерь обретений не бывает»;

– «…истинной пробой на человеческую доброкачественность является совместная работа…»

Отдельного слова заслуживают юношеские стихи Н.Ю. Русовой. Эти стихи о любви – трогательные, нежные, добрые, проникновенные, грустные:

> Как могла я жить еще вчера,
> О тебе не слыша и не зная?

В некоторых строках звучит сжимающий сердце драматизм душевных переживаний лирической героини:

> Не примят ничьею ногой
> Снег вечерний пред старой скамьею.

Помнится, лекции Н.Ю. Русовой в педагогическом университете по методике преподавания литературы всегда отличались строгой логичностью, аргументированностью выводов в сочетании с простотой и доступностью изложения. И вдруг – такой тонкий душевный лиризм.

Одна из особенностей книги – синкретизм стиля: точная научная терминология, объясняемая четко и доступно, математическая логичность построения текста соседствуют с лирическими страницами – о семье, родственниках, друзьях, учениках, четвероногих питомцах, – рисующими красоту настоящих душевных отношений.

Так, воспоминания о любимом Атосе – черно-рыжем эрдельтерьере – пронизаны щемящей минорной нотой, но не траурной, черной, а просветленной, согретой душевным теплом и привязанностью к своему питомцу. Сколько искренней сдержанной грусти и горечи сосредоточено

в мысленном обращении хозяйки к ушедшему четвероногому любимцу!

Еще одна особенность эссеистики Н.Ю. Русовой – наполненность множественными литературными реминисценциями и отсылками к произведениям художественной литературы и других видов искусства.

В «Даме…» представлены размышления обобщающего характера над фундаментальными жизненными вопросами, сводные характеристики ключевых понятий из разных жизненных и научных сфер. Так, о значимости уроков литературы автор пишет следующее: «Уроки литературы интегрировали в себе всё: живую историю страны, этику, философию, психологию, художественную культуру».

Н.Ю. Русова верно подмечает основную особенность изучения любого художественного произведения: «…анализ текста, на котором базируются классические филологические штудии, допускает и требует не одной, а нескольких интерпретаций, а последние по природе своей субъективны».

В книге находишь для себя удивительные «откровения»-находки – например, об А. С. Пушкине: «… Его жизнь, в сущности, прекрасное произведение искусства, выполненное им самим – по своей воле, но в согласии с высшими предначертаниями». Подтверждением этому звучат пушкинские строки – напоминание о философски-смиренномудром отношении к жизни:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

А вот – о Марине Цветаевой: «Вулкан искренности и страстей в блеске безусловного поэтического гения».

Творчество, по мнению Н.Ю. Русовой, играет необыкновенно значимую роль в увековечении человеческой жизни: «Именно в творчестве реализуется присущее всем нам стремление остаться, задержаться хотя бы на парутройку мгновений среди живых, не исчезнуть без следа и памяти».

Современное состояние человеческого мировосприятия Н.Ю. Русова характеризует следующим образом: «…фрагментарное клиповое мышление отбивает… умение свободного оперирования элементами собственного знания и опыта». «Водопад разнородных сведений, ежедневно обрушивающийся на каждого из нас, затормаживает рефлексию и резко затрудняет формирование собственных незаемных убеждений…»

Отличительной чертой книги является ее жизненная правдивость. Чувствуется, что автор пишет только о том, что было на самом деле, в чем уверен, что лично пережил, передумал, перечувствовал, прочитал, увидел сам – и это необыкновенно располагает и к самому тексту, и лично к автору. Все выводы и умозаключения – научные и общечеловеческие – кажутся естественными, ненатянутыми, не надуманными и «сконструированными» специально, искусственно, а вполне закономерно вытекающими из изложенных фактов и собственного жизненного опыта: «…Никто еще не опроверг известное утверждение, что только практика остается критерием истины», – подчеркивает Н.Ю. Русова.

«Дама…» – словно глыба знаний: профессиональных, интеллектуальных, общекультурных, общечеловеческих, поэтому ее чтение предполагает немалый общекультурный кругозор, образованность – без них некоторые вещи могут уйти «за кадр», остаться совсем или не до конца уясненными.

По мере чтения воспоминаний испытываешь благодарность к автору за открытие истин, которые неосознанно чувствовались и раньше, но витали где-то в воздухе не до конца оформленными: «…Воспитывайте в себе способность на поступок!», «…Без постоянной мысли о смерти невозможна полноценная жизнь…», «Тщательность всматривания в детали повседневной жизни свидетельствует об остроте ощущения смертности и глубине ее осознания».

И еще одна особенность «Дамы….», о которой нельзя не упомянуть: в тексте многократно звучит нижегородская

областная и городская топонимика, позволяющая лучше узнать и понять родной край.

* * *

В день выхода «Дамы…» Н.Ю. Русова написала вот такое стихотворение, которое, на наш взгляд, не просто неразрывно связано со всей книгой, но и одновременно является второй формой «выражения» самих воспоминаний:

К выходу книги «Дама сдавала в багаж…»

Отпущена «Дама» в безжалостный свет,
Ни бантика уж не поправишь в наряде…
Как примут её? Прилетит ли ответ?
Прочтут? Пролистают? Не кинут и взгляда?

Как тщательно я собирала багаж,
Как долго решала проблему отбора!
Сегодня распахнут до дна саквояж,
До спрятанного за подкладкой узора.

Словарь? Картотека? Мозаика? Склад?
Простит ли читатель причудливость формы?
Но поздно. Багаж не получишь назад,
И поезд отходит с последней платформы…

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Сергей ШУСТОВ

Метеорит

В саду, где пели птицы,
Где тропочки из плит,
Ядром Аустерлица
Упал метеорит!

Он плиты раскурочил,
Везде огонь и дым,
Всё повредил, короче,
Падением своим!

Хозяева газонов
За постом пишут пост,
Что труд пяти сезонов
Ушел коту под хвост.

И, кстати, сам котяра
Вмиг сгинул без следа,
Не выдержав удара
Небесного ядра.

И гуси все в испуге,
И огород в дыму…
Однако все в округе
Завидуют тому,

Что в камешке порядком
Металлов высших проб!

Какие, нахрен, грядки?
Какой, к чертям, укроп?

Что краше его нету,
Что он такой один –
Все говорят пришельцу
Космических глубин.

За сколько? – все толкуют, –
Куда бы отнести?
А он лежит-тоскует
По Млечному Пути…

Подсчеты

Всё в жизни можно подсчитать –
Как сумму множества деталей,
Включив в житейские счета
Всё, что беспечно не считали:

Музеев сколько посетил,
И сколько было дней рожденья,
И сколько в стены ты забил
Гвоздей в момент переселений.

Букетов дамам, пуль врагам,
И тропок тайными дворами,
И чашек кофе по утрам,
И стопок водки вечерами…

Поездок в дальние края,
Разладов с близкими своими,
И сколько разного зверья
От вас узнали свое имя…

Вся арифметика видна…
Но как-то грустно оттого лишь,
Что жизнь, увы, всего одна –
И с этой цифрой не поспоришь!

Завтра и вчера
(про носки)

Надев носок с большой дырою,
Ты делать вывод не спеши –
Я вам завесу приоткрою
Над тайником людской души.

Не стоит жить с таким прицелом,
Что завтра лучше, чем вчера:
Еще вчера носок был целым.
А тут пожалуйста – дыра!

Надеть другой? Без дыр? По моде?
Ты им печально не тряси!
Он будет завтра непригоден,
А нынче он вполне носим.

Не жди, что завтра вдруг медали
Дадут, зовя куда-то ввысь…
Бери от жизни то, что дали –
И этим фактом насладись!
И помни: с дьявольской игрою
Поглотит время нас, поверь,
Большою черною дырою, –
И станет хуже, чем теперь.

Тщетность

Как шарик об стенку, как рыба об лед,
Я тщусь постепенно пробиться вперед.
Как птице без крыльев, как бочке без дна,
Вся тщетность усилий сполна мне видна!

Как кошка с собакой, как гусь и свинья –
Мы парой везде – альтер эго и я.
Как мышь и крупа, словно два сапога,
Внутри друг у друга – еще два врага.

В пирах или битвах, но вечно с собой
Я бьюсь, как в оркестре фагот и гобой.
Баран на ворота, на камень волна –
В попытках все ж сделать из мухи слона…

Как гриб от грибницы, как с яблони плод –
Увы, не сломать генетический код.
Из грязи в князья, из копейки пятак –
Нельзя. Нипочем. Ниоткуда. Никак.

Про бобра

(Из цикла «О зверях»)

В рационе у бобра
Только ветки и кора.
А слывет, однако, парень
Ярким образцом добра!

Где – зубами, где – мозгами,
Не бросая «на потом»,
Строит-ладит дом руками.
Ну и кое-где – хвостом.

И, заметьте, у бобра
Нет: ни пуха, ни пера,
Ни айфона с домофоном,
ни плакатов с микрофоном,
ни тарелки, ни розетки,
ни программы, ни газетки,
ни авто и ни манто –
что при нём – и только то!

Полагая жить трудом,
Строит бобр добротный дом.
Темной ночью, ярким днем
Бобр работает при нем,
Без летучек,
Без получек,
Без каких-то модных штучек…

Даже в займы не влезая
И не пользуясь огнем…

Что же мы-то со слезами
Всё правительство клянём?!

Об античности
(о приземленном)

Не верь, не сверкали отнюдь красотой
Античные греки.
Средь них попадались и с рожей простой,
И даже калеки.

Неправда, что в Риме культурный народ
Любил афоризмы.
Там чистили чаще себе пищевод
При помощи клизмы.

Не верь, что науки с искусством цвели
В ромуловском Риме.
Там будто бы даже великий Вергил
Налево калымил.

Когда ты стоишь, обратив взор туда,
Где зиждется вечность,
В сужденьях твоих, словно в пиве вода,
Не к месту беспечность.

Игорь ШВЕДОВ
Саратов

Вопиющая несправедливость

Я на Пушкина в сильной обиде!
Взял и раньше, чем я, написал
Обо всём, что я сам знал и видел,
И о том, что не видел, не знал.

Вот и чешешь в раздумье макушку:
Коль удачную строчку родил, –
Сразу скажут: «Ты прямо как Пушкин!»
Я б за это сравненье убил!
И Есенину, Тютчеву, Блоку
Я бы тоже сказал пару фраз…
Хоть сонет, хоть частушки, ей-богу,
Всё придумано было до нас.
Напиши о берёзе, о розе,
Сразу тени ВЕЛИКИХ встают!
(Хорошо, что я холоден к прозе:
Там вообще продохнуть не дадут).
И не спорьте со мною напрасно,
Над моею не смейтесь бедой;
Если б не было классиков разных,
Я в поэзии был бы звездой!

Взаимодействие

Я стихи послал в журнал,
А журнал меня послал.

Недоразумение

Я народным был поэтом,
Но народ не знал об этом.

Ай да дедушка!

Солнце спряталось за тучку.
На окраине села
Дедушка погладил Жучку.
Та потомство принесла.

Александр Николаевич Кензин

Бабка спряталась за Жучку,
Жучка юркнула в кусты…
Если дед погладит ручкой –
На нос лезут животы.

Небеременных в округе
Нет почти что никого.
Солнце спряталось в испуге –
Вдруг погладит и его!
Разбежались в небе тучки;
Всяк дрожит – и стар и мал.
Не свезло, однако, Жучке –
За околицей догнал.

Благодетель

...И карасей помилуй, Боже.

Я слишком много их ловлю,
Пускай срываются почаще.
У побывавших на краю
Своё понятие о счастье.
Николай Зиновьев

Закинув удочку свою,
Жалею рыбку, но ловлю…
Куда мне столько их, о Боже?!
И клёв как бешеный! Но всё же:

Когда б не удочка в руке
И не оборванные снасти,
То рыба, что опять в реке,
Не знала б ничего о счастье.

Эдуард КУЗНЕЦОВ

РАЗРЫВ, РАЗВОД…

(Не совсем серьёзные интерпретации)

Рано или поздно почти к каждому человеку приходит любовь. Имеется в виду любовь взаимная, когда два человека испытывают друг к другу неизменное притяжение. К сожалению, не всякая, даже самая пылкая любовь оказывается вечной.

Сатирики в своё время приложили немало усилий, чтобы развод прежде влюблённых людей выглядел очень несимпатичным поступком: миниатюры в стихах и прозе периодически появлялись на страницах газет и журналов под рубрикой «Сатира и юмор». Почти всегда они вызывали ироническое отношение, их не воспринимали всерьёз. Н. Журавлёв в те достопамятные годы показал, как шаблонно выглядели такие публикации: он представил, как бы на тему разводов отозвались разные издания.

Женский журнал «Труженица»:

...И тут она поняла, что всему, что было, пришёл конец. Не было больше дома, семьи, очага, уюта. Несчастная Анастасия! Она подняла голову и посмотрела в его сторону. Совсем недавно этот человек был или казался родным. А теперь...

Серьёзный еженедельник «Литературный четверг»:

...Третий день бушевала пурга... Время скрашивали чаем и историями. Первым начал богатырского сложения человек, с глазами, в которых затаилась какая-то грусть:

– Смешно, быть может, всё это покажется, даже банально... Жену мою звали Настя, Анастасия. Хорошая, славная женщина;

нет-нет, я ни в чём её не виню. Но что-то вдруг пробежало между нами...

Примерно то же наблюдалось и в поэзии.

С. Швецов «Бракоразводная лирика» (по страницам литературно-художественных журналов):

Немало лириков сейчас,
Гонясь за темой очень модной,
Усиленно снабжает нас
Поэзией бракоразводной.

Конечно, есть авторы, о которых можно сразу подумать: вот они-то просто обязаны написать про разрушенную любовь, ведь она вполне согласуется с центральной темой их творчества. Весь строй их лирики подталкивает к активному внедрению в эту тематику; к ним можно отнести Э. Асадова, Р. Казакову, Л. Щипахину, Н. Доризо… Их сопровождает отряд пародистов, находящих в их произведениях те болевые точки, что становятся потом стержнем их миниатюр.

При разводах едва ли ни основным объяснением считается классическая формулировка – не сошлись характерами. Два человека, настроенные на разные волны, не могут обрести единство, несмотря даже на пылкую любовь одного из них (и такое случается). На первый взгляд, парадоксальная ситуация нашла чёткое отражение в пародии В. Завадского на Е. Евтушенко:

Вы делали не то, да и не там!
Тем, что меня так падко вы любили,
Меня убили вы, да-да, убили!

Другая ситуация, когда большие надежды на взаимные чувства оказываются не в силах преодолеть бытовые проблемы, обобщена В. Скворцовым:

Мне женщину надо горячих кровей,
Такую, чтоб жарко в снегу!
Ты жить не умеешь без кухни своей,
А я без любви не могу.

Случается, что отношения заходят в тупик и любые чувственные подвижки грозят безоговорочным крахом.

С. Швецов:

Любимый мой! Меня ты лучше брось.
Должна тебе признаться честно:
Мне очень трудно жить с тобою врозь,
Ещё труднее жить совместно.

Нередко причиной развода становится неверность супругов. Что говорить об измене, когда уже одна ревность может навсегда нарушить надёжные отношения. Соблазн подстерегает в равной степени каждого из пары, но, конечно, чаще претензии предъявляются мужской половине. Но и в этом случае, по мнению, например, И. Алексеева, ответственность можно списать на прекрасный пол:

О, женщины! Только по вашей вине
Мужчины подвержены блуду –
Всё то, что обычно у них на уме,
У вас, как известно, повсюду.

Естественно, изменившим рано или поздно приходится придумывать какие-то оправдания – от серьёзных до курьёзных. Именно к таким можно отнести предполагаемое объяснение В.Фёдорова, придуманное от его имени Л. Лазаревым, С. Рассадиным и Б. Сарновым:

– Не изменяй!
Ты говоришь любя.
– О, не волнуйся,
Я не изменяю.

Но, дорогая,
Как же я узнаю,
Что в мире нет
Прекраснее тебя?

Последствия измены бывают разными – от угрозы отплатить подобным же образом (как в пародии Г. Медведовского на И. Лысцова):

…А заведёшь себе, сударка, дролю –
Я десять молодаек заведу,

– до трагической развязки, как в цикле В. Смирнова «Воротился ночью мельник…»:

…Ладно, спать ложись, не мельтеши.
Если твой Амур коснулся тела,
Тень Отелло мне велит:
– Души.

Есть и традиционный вариант развязки: подача заявления в суд.

С. Швецов:

Сегодня от соседей я узнал,
Что неверна мне стала Дуся.
Оповещаю всех через журнал*,
Я скоро с Дусей разведуся.

Впрочем, такое равнодушное отношение встречается редко; в большинстве случаев накал страстей бывает необычайно высок. Как говорится, от любви до ненависти один шаг, поэтому у бывших влюблённых негативные чувства друг к другу порой зашкаливают. Особенно это касается женщин: их впечатления бывают столь остры, что в своих претензиях они не особенно выбирают выражений, чтобы заклеймить бывших любимых.

В. Карташов «К бывшему»:

Наша жизнь нас радует нечасто
Чистотой и нежностью сердец.
В этом мире все достойны счастья!
Но не ты – скотина и подлец!

Не менее взволнованно (и озлобленно) высказывается И. Лиснянская в пародии В. Лифшица:

Ах, вы пройдохи, прощелыги,
Толкующие про любовь!
От Ленкорани и до Риги
Не попадайтесь мне любой!
Вы мне отвратны, скоморохи,
Прохвосты, изверги, рвачи!

---

* В середине прошлого века в Советском Союзе в прессе печатались обязательные объявления о расторжении брака: «Такой-то, проживающий там-то, возбуждает дело о разводе с такой-то, проживающей там-то. Дело подлежит рассмотрению в народном суде такого-то города».

Во все эпохи
Ваши вздохи
Смущают дурочек в ночи.
Я вас насквозь сегодня вижу,
Повадка ваша мне гадка,
Я вас, пижоны, ненавижу
От волоска до ноготка!

И если ненависть с каких-то позиций можно оправдать, то такое необычное чувство, как любовь-ненависть, вызывает неоднозначное восприятие. Оно, как ни странно, встречается не так уж и редко, примеры можно найти и в жизни и в литературе. В. Матвеев в пародии на В. Фёдорова:

О, как ненавижу!
Ну, кто ты?!
И так, ненавидя, люблю,
Что вымажу дёгтем ворота
И окна тебе разобью…

Это уже воспринимается как болезнь – с неадекватной реакцией, с непредсказуемыми поступками. И. Шкляревский в пародии В. Анищенко:

Я люблю тебя несправедливо…
Я тебя ненавижу! Однако,
Привязался к тебе, как собака,
Потому что тебя я люблю.

Любовь вперемешку с ненавистью в одинаковой степени присуща и мужчинам и женщинам. О. Берггольц в пародии Л. Лазарева, С. Рассадина, Б. Сарнова из цикла «О странностях любви»:

Зачем ты взял меня такую?
Я зла, колюча, неверна!
Тебя любя, тебя ревнуя,
Я вся другому отдана.

Понятно, что такое чувство вряд ли способно принести радость; оно словно качели – то взлёты, то падения, то восторг, то отчаяние. Л. Румарчук в пародии П. Хмары:

…Я стараюсь, я каюсь, я маюсь,
Но не в силах себя одолеть:
Посмотрю правым глазом – влюбляюсь,
Гляну левым – противно смотреть.

Что мне делать – уж я и не знаю:
Нету сил – понимаю сама –
Полюбить всё, что так презираю,
И презреть, что люблю без ума!

Само собой такие страсти не могут продолжаться долго – рано или поздно наступит кризис: или разрыв, или что-то более трагическое. Правда, со временем может произойти и нечто более естественное: банальное охлаждение чувственного накала, превращение его в будничные отношения. В какой-то степени такой перелом ощущают многие прежде яростно влюблённые: со временем страсть перетекает в обычную семейную прозу. Но и она не гарантирует полной стабильности, примитивные ощущения быстро приводят к краху. Что уж говорить о быстро текущих романах…

Д. Ратгауз в пародии Авеля:

Без четверти семь я её полюбил,
А в семь под мелодию вёсел
В гондоле я с нею реку бороздил
И в семь с половиною бросил.

Быстрые расставания – гарантированный итог случайных встреч, бездумных отношений.

М. Дубиновский:

Повстречались – апрелили,
Целовались – не думали,
Расставались – не верили…
Вспоминаю – не дура ли?

Примитивные ощущения, принятые за любовь, со временем тают, испаряются, оставляя ощущение досады, упущенных возможностей, пролетающей мимо жизни.

Ю. Симонов:

…На исходе января
Стынет кровь, сердца грубее…

Ты уж мне до фонаря
И до лампочки тебе я.

Именно на такой стадии отношений прозвучал жестокий совет А. Вознесенского. Для людей ожесточившихся, прошедших все стадии мучительных нестыковок, он выглядит, несмотря на всю символику, вполне оправданно:

Вы прошлой любви не гоните,
Вы с ней поступите гуманно –
Как лошадь её пристрелите.
Не выжить. Не надо обмана.

Ну а для ещё сомневающихся, не окончательно уверенных в мрачном финале размолвки, есть другой совет – на этот раз Е. Винокурова:

Когда уходит женщина, скажи:
– Не уходи! – и задержать попробуй.
На плечи руки смело положи…

Но даже сам поэт сомневается в удаче:

…Когда ж уйдёт, то, свесившись в пролёт,
Кричать: «Прошу, вернись!» – уже не надо.

Стойко принимать удары судьбы рекомендуют и М. и В. Кашаевы в пародии на И. Лиснянскую:

…Ну а коль суждено иначе,
Разлучит нас злодейка судьба,
Не нахмурюсь я, не заплачу,
Лишь устало скажу: «Труба!».

Итогом совместных неурядиц становится разрыв отношений, а у супружеских пар – развод. Это всегда комок обид, комок претензий; для кого-то трагедия, сравнимая с потерей близкого человека. Однако восприятие развода разными сторонами может быть прямо противоположным. Г. Овечкина:

Копаясь в каверзном вопросе,
Венчающим любви финал,
Он гордо думает, что бросил,
Она считает: «Потерял!».

Для кого-то развод действительно перестройка всего организма и слом жизни, а для кого-то очередной эпизод в череде привычных событий.

Г. Териков:

Пусть уже много раз
Мне не везло с мужьями,
Снова пойти готова в ЗАГС,
Сердце моё – не камень.

Да и само решение о разводе иной раз становится проформой, давно надоевшей проблемой.

М. Бобков:

Жена сказала мужу: «Разводись!
Зачем нам жить, коль стали мы врагами?»
Ответил муж: «Лапуля, улыбнись!
Я за развод обоими рогами!».

Но вот развод или разрыв состоялся, и что – все вопросы оказались решены? Отнюдь. Это только начало новых переживаний: рана остаётся на долгие годы (или на всю оставшуюся жизнь). Те чувства, что обуревали до развода, приняли другую окраску и ещё долго будут напоминать о себе. Как правило, проблемы с завершением развода не заканчиваются, начинаются проблемы бытовые – размен квартиры, делёж имущества, выплата алиментов…

Для некоторых развод просто не укладывается в сознании: противоречит всему сложившемуся укладу жизни. Это какая-то тупиковая ситуация.

Т. Жирмунская в пародии М. Владимова:

Синхронно ели щи и суп,
И сны смотрели параллельно…
Но вдруг –
Разлад,
Развод
И суд.
Размен квартир – и всё отдельно…

Редко бывает, когда одна половина (из-за чувства вины или из-за высоких нравственных устоев) уходит, оставив всё другой половине. Чаще бывает по-другому. Тут уж

чувствам нет места в небесах, тут – полное и безвозвратное приземление, если не сказать, падение.

М. Левин:

А что развод? Всё та же канитель!
Живём-то ведь пока что не на небе.
Сначала мы делили с ней постель,
Теперь взялись за остальную мебель…

И. Кохановский в пародии М. Владимова:

Как лужниковская арена
Галдит весь день бюро обмена…
Как роды
споры разрешаются…
Вот эти двое
разъезжаются,
Была счастливая чета,
Да вот не вышло ни черта…

Тут-то и начинают проявляться не самые лучшие качества бывших влюблённых: обстоятельства к тому подталкивают.

Л. Максимова:

Я себе оставлю комнату,
Кухню, мелочь, туесок…
А тебе – любую сторону:
Север, запад, юг, восток…

А. Лебедев в пародии О. Захарова:

Нас некогда связующую нить
Стихия рвёт без всяких сантиментов!
… И в этот час как можешь говорить
Ты о каких-то пошлых алиментах?!

Разрыв может разрушить и последующую самостоятельную жизнь каждого из недавнего союза. Тут могут случиться самые неожиданные (и трагические) последствия, например, как в пародии А. Иванова на Э. Асадова:

…Сейчас он лежит в больнице, лечится от запоя,
А чем она занимается, мне даже стыдно писать.

Будни после развода вряд ли могут ощущаться победой в неравной схватке. Обстоятельства, предшествующие разводу, диктуют нахлынувшие впечатления. Вот злость, рождённая ревностью (Н. Коржавин в пародии Л. Лазарева, С. Рассадина, Б. Сарнова):

Ты шла к другому, от меня уйдя.
А он не стоил моего ногтя…

Иди-иди! Ползи. И с ним живи.
Но знай: где нет меня – там нет любви!

А вот ревность, рождённая злостью.
О. Косова:

– Как? Ты вернулась к мужу? Я слыхала,
Вы разошлись, рассорившись вконец.
– Должна ж была я наказать нахала –
Счастливым слишком выглядел, подлец.

Для некоторых, решившихся на развод, немаловажно предощущение свободы. Как будто обрубаются концы, крепящие к надоевшему причалу, и открываются безбрежные просторы свободного плавания. Во многих случаях это ошибочные ощущения: полной свободы не бывает и возможно, что впереди ожидает почти то же самое.
А. Юдахин в пародии А. Пьянова:

…Хотя из брачной кутерьмы
Я вышел зол и непреклонен,
Свободен, словно вор в законе,
Который вышел из тюрьмы…

У женщин тоже бывает чувство эйфории после принятия окончательного решения о разрыве, когда она убеждает себя в правильности своего поступка и в невозможности вернуться назад.
П. Градов:

Она уже уверена,
Что счастье впереди.
Она уже потеряна,
Назад её не жди…

Кто-то воспринимает суету разводов как обыденность.
Н. Глазков:

Над ним невзгода не нависла,
Везло ему и ДО и ПОСЛЕ,
Он счастлив был, когда женился,
И счастлив был, когда развёлся.

А для кого-то прерванные отношения воспринимаются, как великолепная возможность ощутить душевное ликование.
А. Кушнер:

Быть нелюбимым! Боже мой!
Какое счастье быть несчастным!

Жизненные коллизии запутаны, многослойны и порой не поддаются анализу: в чём причина, кто виноват, почему жизнь не задалась?
Г. Териков:

Был у меня прекрасный муж,
Не ворчун, не нахал.
Он был хозяйственный к тому ж,
Но сбежал, но сбежал.

Оценить ситуацию и до и после развода порой достаточно затруднительно, тем более, когда аналитические способности участников не на высоте. Самые элементарные поступки они не способны разложить по полочкам, разобраться в случившемся, дать отчёт происшедшему.
С. Швецов:

И он меня любил и я его.
Довольны были всем и я и Вася.
Скажите, люди, отчего
Я всё же с Васей развелася?

М. Левин:

Специалист по части брачной
Поведал горестный секрет:
Женат два раза неудачно –
Одна ушла, другая – нет.

Нанесённая рана не всегда благополучно затягивается, и никакие разводы не могут решить проблем и принести спокойствие и умиротворённость.

С. Ванетик:

Разошлись, разъехались, расстались,
Расплевались, но не расплелись,
Не отклеились, не развязались,
Не порвали, хоть и развелись…

Так и жили, мучая друг друга,
До конца отпущенных им лет.
Думали следы укроет вьюга…
Нет!

Хотя порой случаются и благополучные разрешения непростых вопросов: всё зависит, в конечном итоге, от действующих лиц драмы, от их восприятия друг друга и всей ситуации. Тут большинству так не хватает многого и в том числе чувства юмора, способного помочь взглянуть на происшедшее по-иному.

Н. Старшинов:

Вроде жизнь наладилась сполна.
Я вступил на ясную дорогу:
Дочка вышла замуж, и жена
Тоже вышла замуж, слава богу!

С. Занозин:

Сколько мы с близкими нам людьми
Ссорились, цапались.
Не обижайте тех, кто вас любил:
Они и так уже вляпались.

Чувство юмора порой позволяет разрядить напряжённую обстановку, увидеть за кажущейся глобальной трагедией всего лишь один из частных (и частых) случаев. Так довольно напряжённую реплику из стихотворения А. Лебедева:

К чему слова? Я больше не вернусь.
Ложится тень на наши поцелуи,

– шутливо прокомментировал О. Захаров:

Уже я не вернусь к тебе, мой друг,
Не допущу ещё одной промашки.
Накрыла тень касанье наших рук,
Задуло ветром наши обнимашки.

Я ухожу. Запри за мною дверь.
Метелью гасит искру между нами.
А поцелуи? Где они теперь?
Их смыло разрушительным цунами!

Не так уж часты примеры вечной любви или хотя бы длительного сохранения некогда пылких чувств. Как сказано В. Дагуровым:

Любовь – явление не частое,
Но коль случилось – то несчастное…

Пожалуй, многие из живущих на земле могли бы с этим согласиться. Для некоторых любовь вообще как недуг и хворь, как напасть и наказание.

А. Малин:

О, как любовь, друзья мои, страшна!
Сбивает наземь и сжигает даже.
С любой бронёю справится она.
Пишу об этом с дрожью в фюзеляже.

И тем не менее: люди влюбляются, женятся, растят детей… Жизнь берёт своё, и, конечно, разрывы и разводы поджидают далеко не все пары, немало счастливых семейств проживает всю жизнь в любви и согласии. Но, вступая в любовные отношения, неплохо бы сознавать простую истину, мудро сформулированную И. Губерманом:

Семья – театр, где не случайно
У всех народов и времён
Вход облегчённый чрезвычайно,
А выход сильно затруднён.

Семейное чтение

Олег ВИЗЕР
Мензелинск, Татарстан

ТАЙСОН

(Основано на реальных событиях)

Тайская кошка – животное с изумительными небесно-голубыми глазами, цвет которых тайцы считают наградой богов за верную и преданную службу в буддистских монастырях и при королевских дворах. Вся история существования породы овеяна многочисленными легендами. Даже в современном Таиланде свято верят в то, что кошка способна отгонять злых духов и приносить в дом мир и покой. Очень умная, нежная и ласковая, и в то же время бесстрашная и преданная, тайская кошка – это настоящее чудо природы, созданное, чтобы приносить людям счастье.

Кот дремлет на подоконнике; изредка приоткрывая глаза, наблюдает за вознёй хозяев: те собирают вещи, пакуют их в большие коробки, при этом чересчур шумно разговаривают, ликуют, будто с часу на час должен прилететь волшебник и исполнить их заветную мечту. Прислуга тоже задействована, помогает. Куда, интересно, они собираются? Коту хотелось подойти, рассмотреть всё поближе, обнюхать чемоданы и сумки; принять непосредственное участие в сборе вещей, оказать, так сказать, «эффективную» помощь, но его всё время прогоняют – мешается, видите ли, под ногами. Что ж, ясно одно, судя по собранным вещам: на улицу выходить придётся. А как не хочется покидать тёплое, уютное место, каким является этот дом.

Снаружи пасмурно, слякотно и сыро – бр-р-р! Осень окончательно вступила в свои права: бабье лето позади, ещё два дня – и сентябрь сменит октябрь. Вот если бы уехать туда, где тепло, – это куда ни шло. Они часто катаются по жарким местам и его таскают с собой (куда ж без него, он их любимец). Единственное, что ему не нравится во время таких путешествий, так это утомительные, тошноворотные перелёты в чреве железных птиц, которых он ненавидит сильнее, чем холод. Но ничего не поделаешь: если надо будет лететь, никуда ему не деться: хозяева никогда не оставляют его, когда уезжают далеко и надолго.

Кот приподнял голову, внимательнее посмотрел сначала на уже собранные в коробы вещи, а потом на те, что остались неупакованными, и задумался: «Если они собираются уезжать, то почему не складывают его собственные предметы первой необходимости, которые обычно берут с собой: тёплый домик, мягкий коврик, миска, поводок, любимая игрушка, хм… А таблетки от укачивания где, а сухой корм? Всё лежит нетронутым. Может, поездка планируется не сегодня?» Кот положил голову на передние лапы, вздохнул: вся эта суета ему не нравилась. Обычно, отправляясь в тёплые края, они не берут с собой много вещей: пару чемоданов, пару сумок, и всё. Что происходит? Неужели собираются переезжать в другое место? Не хотелось бы. Ему нравится здесь жить, он привык к этой усадьбе. Тут огромная территория, есть где летом разгуляться.

Что ж, ему ничего не остаётся, кроме как мириться с неведением и ждать, чем всё закончится. Он же кот и не может спросить. Человеческий язык ему непонятен, но по знакомым звукам некоторых слов, которые на протяжении утра произносят хозяева, по радостному детскому «ура», ему ясно одно: в ближайшее время какая-то поездка всё-таки намечается. Причём, судя по счастливым глазам и улыбкам, все домочадцы о-очень хотят покинуть этот дом. Кроме разве что прислуги.

Ладно, придёт время – всё выяснится. И кот уснул, подёргивая усами.

Семья бизнесмена Игната Абросимова последние дни пребывает в приятных хлопотах: продажа дома, оформление

различных документов, переезд на новое место жительства за границу. Все счастливы, все на взводе в предвкушении новой жизни в тёплой стране. И если не считать иногда возникающих между супругами споров по поводу того, что из вещей необходимо брать с собой, а что выкинуть или просто оставить новым хозяевам, всё вроде идёт нормально.

После полудня, когда все ценные вещи были собраны и приготовлены к отправке в питерский морской порт контейнеровозом, приезд которого ожидался с минуты на минуту, вдруг возникла проблема: что делать с котом?

В последние дни Игнат так закрутился в связи с переездом, что у него совсем вылетел из головы питомец, которому нужно было сделать все необходимые для переезда документы: оформить ветеринарный паспорт, получить международный сертификат и купить билет. Теперь никак не успеть – завтра утром встреча с покупателем, закрытие сделки; потом передача бизнеса партнёрам, а вечером они улетают. Игнат был в отчаянии: как объяснить детям, что кот с ними не едет? Они расстроятся, да и Римма, жена, тоже не будет довольна. Как он мог умудриться забыть про него! Кота, конечно, жалко, как-никак он живёт с ними восемь лет, и все к нему привязаны. Но переносить поездку и сдавать купленные билеты он не собирается. Да это и невозможно: послезавтра его ждут в Испании для окончательной сделки купли-продажи нового дома. Нет, заниматься усатым уже некогда. Да, собственно, и бог с ним, это не первый и не последний кот. Приедут на новое место, приобретут другого.

Но что делать с этим? Игнат спешно перебирал в уме все возможные варианты. Новым жильцам не оставишь, они не сторонники живности в доме; и так воротили нос, узнав про то, что в доме живёт кот: всё ходили по комнатам, принюхивались к посторонним запахам, морща лбы. Может, в приют для животных отдать? А почему нет? По крайней мере, у него там хоть крыша над головой будет да какая-никакая кормёжка – худо-бедно проживёт в тепле и с голоду не помрёт. А там, смотри, повезёт, кому приглянется, – приютят. Так, пожалуй, он завтра и сделает: по пути, когда поедет к нотариусу, заскочит в приют.

Дети, понятное дело, визжали в истерике, когда узнали, что кот с ними не едет, что его отвезут в приют для домашних животных.

– Это гостиница такая, милый, – успокаивала Римма младшего сына, Егора. – Ты помнишь отель в Эмиратах?

Малыш, вытирая щёки от слёз, неохотно кивнул:

– Помню.

– Вот такой точно отель у него будет и в приюте. Не переживай, малыш.

– Там тоже, как в Эмиратах, шведский стол есть? – спросил Павел, старший сын.

– Да, – сухо ответила мать и с укором посмотрела на мужа.

– Ага, из креветок, икры и колбасы будет стол, – съязвила дочь.

– Вита, перестань! – мать недовольно посмотрела на дочь.

Но никакие заверения взрослых о том, что коту будет лучше в «кошачьем отеле», не могли успокоить детей. Весь день они хныкали, доставая родителей бесконечными просьбами взять любимца с собой. Но взрослые оставались непоколебимы: животное с ними не едет. Всё, эта тема закрыта.

Кот в недоумении наблюдал за раздором в семье, понимая одно: речь идёт о нём – уж слишком часто звучит его имя. Весь вечер он находился в центре внимания точно таком же, как когда был маленьким. Дети с нескрываемой жалостью брали его на руки: тискали, целовали, гладили, разговаривали с ним без умолку. И отчего-то плакали. Подобное происходило однажды, когда он приболел. Но почему они жалеют его сейчас, он понять не мог. Кот слизывал с их заплаканных лиц – и со своей шерсти – падающие гроздями слёзы непомерного горя. Ему и раньше был знаком этот солёный вкус – не раз приходилось жалеть детей языком, когда они расстраивались, – но сегодня в их слезах присутствовал какой-то посторонний, непривычный привкус: тревожный такой, терпкий и зловещий, как ночной лес за высокой оградой усадьбы, куда он ни за какие вкусняшки не согласился бы пойти.

В чём, интересно, проблема?

Таисия Волкова – киоскёр. Она полжизни проработала в газетном ларьке, расположенном неподалёку от станции метро «Алексеевская», что на проспекте Мира, на одноимённой остановке общественного транспорта.

О, сколько всего – и плохого и хорошего – за долгие годы работы женщина повидала на этой остановке; сколько разных по характеру людей прошло мимо витрин её киоска: и вежливых, и грубых, и весёлых, и грустных. Всякое здесь случалось: и драки бывали, и споры, и ссоры. Даже на киоск покушались, и не раз, стёкла били, лично её оскорбляли, грозили расправой; а сколько грубости и хамства она наслушалась, сколько бескультурья насмотрелась, уж и не сосчитать в памяти. Бывало, приходилось милицию-полицию вызывать, чтобы урезонить разбушевавшуюся подвыпившую молодёжь или остудить пыл недовольных обслуживанием грубых, неадекватных покупателей.

Лица людей – Таисия видела их сотни тысяч. Многие из них, в разный период времени, становились ей знакомыми: это лица, прежде всего, постоянных покупателей, которые каждый день приобретали свежие газеты и журналы, и лица людей, ожидающих по утрам автобус, чтобы уехать на работу.

Автобусная остановка тоже меняла свой вид вместе со временем: в семидесятых это была пустынная платформа с торчащим посередине дорожным знаком «Остановка автобуса»; в восьмидесятых на платформу установили павильон – невзрачное подобие летней беседки, – обшитый тонкими листами железа, вечно ржавеющими и срывающимися с креплений при каждом сильном порыве ветра; в начале девяностых построили кирпичную остановку, закрытую с трёх сторон, облицованную картинами из керамической мозаики в стиле соцреализма (к тому времени уже неактуальному), изображающими героев социалистического труда на фоне пшеничных полей, лесов, гор и заводов. В начале нулевых годов, унылую и выщербленную, с треснутой и отколотой мозаикой, разобрали и её. И только недавно, к юбилею Победы, установили современный автопавильон с удобной деревянной скамьёй, с трёх сторон закрытый прозрачными стенками из оргсте-

кла , в одной из которых находится встроенный рекламный стенд с подсветкой, автоматически меняющий плакаты.

Газетные киоски как неотъемлемая архитектурная часть городской среды раньше всегда располагались почти на каждой остановке для общественного транспорта и в самых оживлённых местах. Это в последние годы они исчезают с остановок, по-видимому, изжив себя; от ларьков нынче избавляются из-за дороговизны арендного места, а может, по причине нерентабельности: электронные СМИ вроде как вытесняют печатные. Вместо газетных на остановках теперь возводят холодные, серого цвета, тоскливые киоски по продаже проездных билетов, которые не притягивают к себе внимание, а скорее настораживают пассажиров, заставляя их думать о проездных билетах и кошельке.

Время меняло и название киосков. За время работы Таисии сменилось три названия: «Союзпечать», «Газеты и журналы», «Роспечать».

Будучи, так сказать, в центре событий, какой киоскёр не любит наблюдать за жизнью города через витринные окна своего павильона, плотно заставленные всевозможной мелочью: календариками, брошюрами, блокнотами, сувенирами, брелоками для ключей, наборами авторучек и воздушных шариков. Через узкие полоски свободных пространств, образованных между товарами, у продавца имеется возможность тайно, как хищнику из засады, видеть всех и всё, имея угол обзора в сто восемьдесят градусов, в то же время оставаясь малозаметным для окружающих. Благодаря своему «укрытию», киоскёр видит то, чего многие не замечают. В поле его зрения невольно попадают такие детали, на которые пешеходы в сутолоке не обращают внимания. Вот, например, пассажир, только что вышедший из троллейбуса, выбросил проездной билет мимо урны. А вот парень стоит, облокотившись о стенку остановки, курит с надменным видом и сплёвывает на тротуар. Можно на сто процентов быть уверенным, что и окурок он выбросит не в урну, а на проезжую часть. У того пожилого мужчины развязался шнурок на ботинке, а у той девушки испачкался подол платья сзади. Но никто им не укажет

на это – все либо равнодушно проходят мимо, либо делают вид, что не замечают, либо, как во-он те подростки, смеются над девушкой, тыча в её платье пальцами. Чуть поодаль, возле магазина одежды, нервная мамаша ни за что отшлёпала ребёнка: тот недалеко отбежал от неё только лишь для того, чтобы спугнуть стаю голубей. Всего лишь. Теперь малыш громко плачет.

Мало кто знает киоскёров в лицо. Это потому, что днём их увидеть снаружи затруднительно из-за множества товаров, расположенных на витрине. Чаще ларёчников узнают по голосу. Только с наступлением сумерек, когда внутри становится темно и трудно отсчитывать сдачу, киоскёр включает свет, и тогда его персона вполне различима. Вообще, киоск – потаённое место. При покупке, делая заказ, покупатель большею частью говорит со своим отражением в стекле витрины, так как единственное место – крохотная форточка-портал в виде квадратного проёма для передачи информации и товара почему-то всегда в киосках располагается на уровне пупка гражданина среднестатистического роста. На вопрос, к примеру, «осталась ли свежая “Комсомолка”?», покупателю зачастую приходится приседать или сгибаться в три погибели, чтобы заглянуть в окошко, а то и вообще просовывать туда полголовы, дабы чётче расслышать ответ продавца или рассмотреть приобретаемый товар. Как правило, у ларёчников выработана аналогичная привычка: они также приближают свою голову как можно ближе к окошку, чуть ли не ложась грудью на стеллаж, тем самым как бы облегчая покупателям общение с ними; и тогда их лица видны даже издали.

Автобусная остановка помимо своего прямого назначения – посадки-высадки пассажиров – выполняет и другие полезные функции: укрывает людей – не только ожидающих транспорт – от непогоды; здесь делают передышку возвращающиеся с прогулки или из универсама пожилые люди; здесь назначают даже свидания. Влюблённых нетрудно определить по пышным букетам цветов, которые они держат в руках, и в нетерпеливом ожидании спутницы мечутся, вышагивая по остановке туда-сюда, приподнимаются на цыпочки, чтобы поверх мешающих им голов

толпы ожидающих лучше разглядеть номера маршрутов подъезжающих автобусов. К сожалению, любовь зла, и не все дожидаются партнёров. Сколько раз можно было наблюдать, как несчастные, так и не дождавшись возлюбленных после многочасового ожидания, осторожно опускали – всё ещё продолжая с надеждой оглядываться на прибывающие автобусы – увядающий букет в урну и, недовольные, уходили прочь, разочарованные (на некоторое время) в любви.

Газетные киоски, они как оазисы в пустыне, только наоборот – в весеннюю распутицу, в осеннюю непогоду, в лютые зимние морозы или вьюгу своим мягким светом изнутри, особенно праздничными разноцветными переливами гирлянд в новогодние вечера, заставляют продрогших пассажиров и прохожих завидовать тому, кто находится внутри этого миниатюрного строения, в такие минуты более всего напоминающего уютный сказочный домик гномов. В ненастную погоду каждый ожидающий свой автобус человек с вожделением смотрит на тёплые окна киоска, мечтая оказаться внутри.

Каких только историй не помнит Таисия Волкова, связанных с автобусной остановкой. Но подобно той, какая случилась этой осенью, она на своём веку припомнить не может.

Игнат пообещал Римме, что по дороге в офис заедет в приют и определит туда кота. Он взял ничего не подозревающего красавца под мышку, вышел из дома и направился к ожидающему у парадного входа «гелендвагену». Сел на заднее сиденье и выпустил из рук животное.

– В офис, – скомандовал Игнат водителю.

После его отъезда Римма с трудом успокоила ещё больше растроганных расставанием с котом детей. Пришлось пообещать им, что, как только они обоснуются на новом месте, каждому из них они с папой купят по котёнку, да хоть по два. С горем пополам дети вроде как смирились с печальной участью своего любимца, поверив обещанию.

На улице моросил дождь со снегом. Всю дорогу кот обеспокоенно смотрел по сторонам, искоса поглядывая

на хозяина, который пребывал в каком-то задумчивом и скованном состоянии и редко смотрел на него, а когда смотрел – то смотрел как на врага. Коту это не нравилось. Не радовал его и тот факт, что поводок и ошейник остались дома.

Подъезжая к столице по Новорижскому шоссе Игнат обратился к водителю:

– Езжай через Садовое на проспект Мира... Поедем через ВДНХ. Там скажу, куда дальше.

Подъезжая к метро «Алексеевская», Игнат подался вперёд, что-то разглядывая впереди через лобовое стекло; и, что-то заметив, после некоторого замешательства приказал водителю остановиться на автобусной остановке. «Не буду тратить время на ерунду. Есть важнее дела», – решил Игнат и взял кота на руки. Джип, скользя колёсами по снежной кашице, взял вправо и затормозил. Остановка была безлюдна, автобус, видимо, только что забрал пассажиров и уехал. Игнат быстро открыл дверь и выскочил из машины вместе с животным.

Скучающим взглядом Таисия смотрела на нескончаемый поток машин через мокрые от дождя стёкла киоска, думая о своём, когда чёрный джип, поравнявшись с ларьком, начал резко останавливаться, скрежеща тормозами. Не успела машина полностью остановиться в заездном кармане автобусной остановки, как задняя дверь открылась, и мужчина в чёрном деловом костюме буквально выпрыгнул из неё. «Стошнило, что ли?» – подумала киоскер. Прикрываясь от ветра и дождя натянутым на голову воротом пиджака, мужчина перепрыгнул через лужу на бордюр, вбежал в автопавильон и положил – скорее, бросил! – на скамью какой-то округлый предмет серого цвета, похожий на продовольственный пакет; и бегом вернулся к машине. Запотевшее и мокрое стекло боковой стенки остановки не позволяло Таисии разглядеть – что оставил там мужчина. Не успела за мужчиной закрыться дверь, как джип, пробуксовывая на мокрой дороге, рванул вперёд и умчался, оставляя за собой туманный хвост завихрения. Ещё секунда, и машина исчезла из виду, слившись в общем автомобильном потоке.

То, что сначала Таисии показалось пакетом, зашевелилось, и в размытом пятне ясно проявилось очертание животного – кота. Он стремглав спрыгнул со скамейки и бросился вслед за убегающим хозяином, но резко остановился – широкая лужа преградила ему путь. Он застыл в нерешительности, наступив в неё передними лапами, и тут же отпрянул назад, приподнимая и брезгливо стряхивая с них воду; щурясь от ветра и острых мокрых снежинок, кот жалобно мяукнул вслед уезжающему в джипе хозяину. Некоторое время он беспокойно осматривался по сторонам, не зная, куда себя деть, прижимал уши к голове, пугаясь громкого шума машин. Определив, что позади, на скамейке, на которой его оставил хозяин, менее ветрено и сыро, он вернулся и запрыгнул на неё, стал оттуда смотреть в направлении, куда уехал хозяин.

Съежившись от ветра, кот внимательно всматривался в проносящиеся автомобили, выискивая среди них знакомую машину. Может, хозяин за чем-то отъехал и скоро вернётся? Множество одновременно работающих двигателей, сигналы машин, шум брызг из-под колёс, – эти громкие городские звуки пугали кота, и без того охваченного страхом от неожиданно грянувших на него непредвиденных обстоятельств. Но, будучи наделённый природой терпением, он сел, нахохлившись, спрятал под себя как можно ближе друг к другу лапы и стал ждать возвращения хозяина.

Люди с сочувствием наблюдали за красивым, ухоженным котом, жалели его, подходили, гладили, разговаривали с ним, спрашивали, что он здесь делает, кого ждёт. Но в ответ кот только щурился от мороси и всё смотрел, смотрел на поток машин, в ту сторону, куда уехал любимый хозяин в своей тёплой машине. Он не боялся людей, нет, но в данный момент они ему мешали – отвлекали от наблюдения. Их тёплые – даже горячие по сравнению с поверхностью скамейки – руки на несколько секунд передавали ему своё тепло, пока ласкали, и коту это нравилось; но как только гладить переставали, холод снова обуревал его, а только что приглаженная мокрая шерсть вновь остывала и охлаждала тело ещё сильнее.

Шли минуты, а хозяин не возвращался.

Десятки людей сменяли друг друга на остановке, и все без исключения обращали свой взор на одиноко сидящего на скамейке кота. Даже проходящие мимо по тротуару пешеходы бросали любопытные взгляды на него через прозрачную заднюю стенку. К нему подсаживались, пытались взять на руки, посадить на колени, чтобы согреть, но он не желал ничьей помощи. Он противился бесконечным попыткам поднять его, постоянно вырывался из добрых объятий и возвращался ровно на то место, на котором его оставили (будто боялся, что, переместись он на метр в сторону, вернувшийся за ним хозяин не сможет обнаружить его).

Шли часы, за котом никто не возвращался. Но он не отчаивался, не паниковал и не покидал скамью, веря, что за ним обязательно вернутся. Ох, если бы не пронизывающий осенний ветер и этот противный дождь со снегом, он бы чувствовал себя намного увереннее и мог бы ждать здесь хоть целый день, хоть всю ночь, даже под дождём и снегом.

Коту симпатизировали все, даже те, кто этих животных недолюбливает; и уж точно всем, кто на него смотрел, было жалко бедняжку. Пассажиры, пока ожидали автобусы, обсуждали кота, строили догадки: чей это кот? как он здесь оказался? домашний он или бродячий? потерялся или его забыли на этой остановке? Кто-то заметил свежую полоску примятой шерсти на его шее – вероятно, от ошейника, – тем самым сделав вывод: животное домашнее. Да ни у кого и не вызывало сомнения, судя по ухоженной шерсти и плотному телосложению, что животное содержалось в хороших условиях.

Таисия отпустила последнего покупателя, закрыла окошко изнутри и приложила к стеклу табличку «Перерыв». Вышла из киоска, подошла к скамейке, чтобы лучше разглядеть животное.

Это был красавец, каких вживую она отродясь не видела. На первый взгляд он был похож на кошек сиамской породы. Но чем дольше Таисия рассматривала его, тем сильнее в нём проявлялось нечто большее: магическое,

нестандартное и настолько великолепное, что женщину наполняло доселе незнакомое ощущение – перед ней не обычное животное, а разумное существо в облике кота. Его выразительные, лимоновидной формы умные глаза имели необыкновенный небесно-голубой цвет, который создавал разительный контраст на фоне грязно-серого городского осеннего пейзажа вокруг. Удивительные раскосые глаза завораживали своей ясностью и красотой – в их синь хотелось смотреть бесконечно. Туловище имело светлый кремовый окрас; лапы, хвост, уши и маска на мордочке – чёрный. При этом окрас пятен не имел чёткой границы и не был сплошным, а плавно, по мере приближения к туловищу, расходился на полосы, постепенно переходя от тёмного к светлому оттенку: иссиня-чёрный на лапках, ушах и кончике хвоста перетекал в тёмно-коричневый, дальше – в карамельный и, наконец, – в лиловый. Непревзойдённый красавчик! И всё бы в облике кота было идеальным, если бы не та нескрываемая грусть во взгляде, с которой он смотрел на окружающий мир. Глаза без слов выражали единственную эмоцию – печаль, а из их глубины, казалось, вот-вот донесётся отчаянный крик души о помощи.

«Как можно такую красоту, – недоумевала расстроенная Таисия, – взять и выбросить на улицу?»

Весь день кот просидел на одном месте, игнорируя знаки внимания подходивших к нему людей, не обращая внимания на их разговоры, расспросы и мнения. Каждый второй человек пытался растормошить его, заглянуть ему в глаза, но кот оставался непоколебим; только лишь разрешал гладить себя, потому что не мог позволить себе отвлечься от наблюдения, – кроме проезжающих по проспекту машин, его ничего не интересовало.

Когда начало смеркаться, в сердце кота закралась тревога. Ночь – пора отдыха у людей; в тёмное время суток они спят – он это знает. За долгие годы жизни среди людей его организм перестроился под такой же режим сна – бодрствования, какой у человека, и теперь он с удовольствием спит вместе с хозяевами большую часть ночи, но... Его не очень-то прельщала перспектива просидеть тут до утра – в такой тоске и таком холоде он ни разу в жизни не оказывался.

И вдруг, при виде пассажиров, приезжающих на автобусах, ему пришло на ум, что за ним не обязательно должен вернуться именно хозяин и именно на машине, – ведь есть хозяйка, дети, которые тоже могут за ним приехать на одном из таких автобусов. От этой мысли коту стало немного теплее, он даже приободрился. Теперь, когда прибывал очередной автобус, он отвлекался от наблюдения за дорогой и переключал всё внимание на поток пассажиров, выходящих из салонов. Принюхивался к ним, отыскивая в воздухе знакомые запахи, приглядывался, выискивая родные лица. Один за другим прибывали автобусы, троллейбусы и маршрутки, высаживали пассажиров, но хозяев, к сожалению, среди них не было.

Уже полностью стемнело, и город вспыхнул миллионом огней, засветился, как днём, когда к коту подсели девочка с мамой. Девочка сняла перчатку и стала боязливо гладить кота по спине, а потом принялась уговаривать родителя забрать его с собой. Хотя маме котик тоже пришёлся по душе, взять его с собой у них не получилось. Кот спокойно относился к происходящему, пока сидел на ногах у девочки. Но когда его решили куда-то нести, он вырвался из рук, спрыгнул на брусчатку и, озираясь по сторонам, спрятался под скамейкой. Подъехавший автобус увёз маму с дочкой. Одиноко стоящий единственный человек на площадке не показался коту опасным, и он снова запрыгнул на скамью, удобно устроился на привычном месте и продолжил наблюдение за машинами.

Наступающая ночь – а вместе с ней и неясность, что его ждёт впереди, – удручала кота. Ветер усиливался, и мелкие капли, распылённые завихрениями воздуха, теперь залетали внутрь пространства павильона, оседая на шерсти кота. Почти весь промокший, он пытался облизывать самые мокрые места, чтобы хоть на немного избавиться от влаги, но очередные капли мороси тут же ложились на только что подсушенную языком шерсть.

Свет в газетном киоске погас. Из него вышла женщина, опустила на окнах жалюзи, закрыла дверь на ключ и подошла к коту. Вынула из сумки пакетик, развернула его и высыпала содержимое под скамейку: пару колец варёной

колбасы, кусочек хлеба с маслом и куриную косточку – свои остатки еды после обеда. Она погладила кота, поговорила с ним, осторожно взяла двумя руками за туловище и опустила рядом с едой, но тот только понюхал гостинцы, с благодарностью посмотрел на киоскёршу, а есть не стал. Таисия ещё некоторое время уговаривала красавца съесть хоть кусочек, но тот даже не облизнулся, а неторопливо вернулся на своё место. Он следил за машинами, а женщина своим телом закрывала ему обзор: ему приходилось приподниматься и заглядывать, вытягивая шею, за её туловище, чтобы видеть ту часть улицы, где скрылась машина хозяина. Таисия это заметила, улыбнулась и отошла чуть в сторону. Спустя минуту, она села в подъехавший троллейбус и уехала в том же направлении, в котором уехал «гелик» Игната.

Таисия ехала домой и думала о коте. Весь день она наблюдала за ним, видела, как его пытались накормить: кто куском пиццы, кто хот-догом, кто просто куском хлеба, а он, преупрямый, отказывался от еды, хотя и был с утра голодный. Тревожное состояние и напряжённое ожидание хозяина не оставляли места мыслям о пище. Он боялся, что проглядит хозяина, пока будет есть; переживал, а вдруг тот его не заметит, проезжая мимо остановки, или не узнает в сумерках, а то и вовсе перепутает с каким другим котом. Киоскёрша видела, как кота безуспешно пытались забрать с собой. Потому и сама не стала даже просто на руки его брать, не то что попробовать увезти в тепло своего дома. Она наивно надеялась, что за котом и правда могут вернуться – вдруг сердце хозяина сжалится. А ещё ей очень хотелось, чтобы кот ночью всё-таки перешёл в другое, более тёплое и укромное место.

Время шло, людей на улице становилось всё меньше; автобусы прибывали реже; из полупустых салонов редко выходили пассажиры; остановка опустела. Заметно поредел и поток машин на проспекте, отчего коту стало легче рассматривать каждую машину в отдельности: он успевал разглядывать лица пассажиров, сидящих в машинах. Но сколько он не напрягал зрение, сколько не вглядывался, ни знакомого джипа, ни любимых лиц так и не увидел.

Наступила полночь, опустели тротуары, редкие машины проезжали по проспекту; люди в квартирах погасили свет; оставался гореть только приглушённый дежурный свет в учреждениях и бизнес-центрах, а за котом так никто и не приехал. Судорожно дрожа, он до утра просидел на одном месте, не сомкнув глаз, ни разу не дотронувшись до еды, накануне оставленной добрыми людьми. Щурясь от ветра и распылённых в воздухе капель, он всю ночь смотрел на дорогу и в пятом часу утра встретил первый автобус с двумя полусонными одинокими пассажирами внутри. Прибытие автобуса оживило кота – он почувствовал начало дня, а значит, скоро проснутся все люди. А когда полностью рассветёт, за ним приедет хозяин. Обязательно приедет. Ведь они не смогут прожить без него, потому что очень сильно любят его.

В то время как кот неподвижно сидел ночью на скамейке, Таисия, лёжа в постели, невольно вспоминала про него, оттого долго не могла уснуть, всё переживала: как он там? где он? нашёл ли его хозяин? А может, доверился кому и сейчас в добрых руках? Она молила Господа, что бы его там не было, когда она утром приедет на работу.

Но кот был.

Он сидел на том же месте и уставшими глазами, наполненными печалью, следил за проезжающими мимо машинами. От грязевого душа светлая шёрстка на туловище посерела; мордочку покрывал лёгкий слой снежинок – кот заметно дрожал от холода. За ночь температура воздуха понизилась до +4 градусов, и коту, привыкшему к теплу, было не то чтобы некомфортно, – он еле сдерживал неуёмный порыв желания взять сию же минуту и рвануть с места, убежать прочь от этого холодного места. Но самозабвенная любовь к человеку, природная безраздельная преданность и верность не позволяли ему покинуть остановку. Хозяин сильно расстроится, если, вернувшись сюда, не обнаружит его. Да и остальных членов семьи он сделает несчастными.

Когда полностью рассвело, а улицы снова наполнились людским и автомобильным потоками, кот приободрился; к нему вернулась уверенность и смелость. Он даже не-

слышно мурлыкнул, но как-то неумело, хрипло, потому что мышцы груди, скованные холодом, делали дыхание затруднённым и сбивчивым; и кот больше не стал понапрасну тратить силы на преждевременное ликование.

С болью в душе Таисия наблюдала за бедным котом весь следующий день. Она проклинала бездушных хозяев, которые бросили животное и уехали. Такой собачьей преданности у котов она ещё не знала. «Как, скажите на милость, как от такой верности можно отказаться! – не укладывалось у неё в голове. – Как можно взять и выбросить такую прелесть на улицу, в холод и голод. Кто они, эти бездушные люди? Не мучает ли их сейчас совесть?»

Весь день преданный котик ждал хозяина. Подходившие к нему люди совершенно не интересовали его. Как и накануне, всё своё внимание он сосредотачивал только на проезжающих автомобилях. Мельком оглядывая взглядом прохожих и не находя среди них родных лиц, он возобновлял наблюдение за машинами. И почти всегда подолгу смотрел в одну точку – на дорогу, уходящую в даль проспекта, в надежде, что увидит там остановившуюся машину, которая начнёт сдавать задним ходом и, подъехав к автобусной остановке, остановится напротив него; затем откроется дверь, и он увидит любимое лицо хозяина, вернувшегося за ним; тот позовёт его, похлопав по бедру, он подбежит, запрыгнет к нему на колени, прижмётся всем телом и замурлыкает, запоёт, но уже чисто, без фальши и хрипов, и по-настоящему радостно; и помчатся они обратно домой… в уют, любовь и тепло – в загородный дом на Новорижском шоссе.

Известно: кошки обладают способностью геолокации. Брошенные за сотни километров от дома они находят обратный путь. Что касается тайцев, то эти породы кошек особенно привязаны не столько к месту обитания, сколько к самому хозяину. Преданность, как ни у какой другой породы, у тайской проявляется очень ярко в условиях разлуки с человеком, которому они верны. Ради хозяина тайцы готовы преодолевать все невзгоды. Они могут ждать его неделями, несмотря на плохие погодные условия и нехватку пищи, не страшась окружающих

опасностей. А опасности, если ты находишься на чужой территории, подстерегают на каждом шагу. Хотя зачастую животные понимают, чувствуют горе сородичей, оказавшихся в беде, и редко трогают обездоленных чужаков, волею судьбы вторгшихся на их территорию, позволяя тем некоторое время оставаться «в гостях» в ожидании своей участи. Так, к брошенному на остановке коту не раз подходили местные собаки и коты, но близко не приближались: стояли поодаль, сочувственно смотрели на него, принюхивались. Чуя, видимо, в воздухе запах непомерного горя, исходящий от несчастного, понимали плачевное положение, в котором тот оказался, и уходили от этого места, не видя опасности.

За котом никто не вернулся и к вечеру второго дня.

Он так ни разу и не притронулся к еде, которую в течение дня ему оставляли под скамейкой сердобольные люди. Всё смотрел, смотрел на машины. А если какая из них останавливалась у тротуара – чаще это были такси, – привставал, навострив уши, ожидая, что из неё выйдет хозяин.

На третий день кот так и не покинул скамейку: так же, как и вчера, провожал и встречал пассажиров, так же неустанно следил за автомобильным потоком. И не было человека, у которого бы не щемило в груди, глядя на верного кота. Даже самый отъявленный негодяй с чёрствым сердцем и циничной душой не мог равнодушно пройти мимо животного, преданно ожидающего своего хозяина.

Хотя в последующие дни установилась сухая погода и перестал моросить дождик, комфорта коту это всё равно не прибавило: температура воздуха не поднималась выше +10 градусов, а закрытый лишь с трёх сторон автопавильон не мог достаточно укрыть его от вездесущего холодного ветра. Октябрь – не самое лучшее время года для теплолюбивого домашнего кота, тем более такой породы. Будь это не Россия, а родина предков – какая-нибудь южноазиатская страна, ему бы проще было переносить томительное ожидание на улице. Но в таких суровых условиях он вряд ли долго протянет на этой остановке, сам вид которой уже вызывает озноб.

Кот ждал хозяина и третий, и четвёртый, и пятый день; и ждал его спустя неделю, вторую… И когда прошёл месяц, верный кот продолжал сидеть на том же месте и неусыпно ждать, неутомимо всматриваясь в лица водителей и пассажиров проезжающих мимо машин. Истощённый, со слипшейся от сырости и дорожной грязи шерстью, как часовой, он не покидал свой пост наблюдения, несмотря на холодный октябрьский, а по ночам уже морозный, воздух.

Без пищи, конечно же, кот вряд ли долго протянул бы. Спустя неделю как его оставили на остановке, он, слава богу, понемногу начал есть, постепенно восстанавливая силы и работу желудка. Но и тогда не мог надолго отвлекаться от проезжей части, занимаясь едой, – потому ел спешно, урывками, беспокоясь, как бы не оказаться вне поля видимости хозяина, проезжающего мимо, пропустить которого он боялся больше, чем холодной или голодной смерти.

За это время кота дважды хотели забрать. Однажды его взяла женщина и увезла на троллейбусе. Таисия вздохнула было облегчённо – кот, наконец-то, обрёл пристанище. Но через дня три красавец вновь вернулся на злополучную остановку, устроился на той же скамейке и продолжил ожидание. Недавно его хотела забрать молодая парочка. Но далеко они с ним не ушли, кот вырвался из рук и вернулся на место.

Прошёл октябрь; близился к концу ноябрь.

Два месяца кот жил на остановке, не отлучаясь от неё дальше, чем на три метра. Тут же ел, тут же справлял естественные надобности. Не было в районе такого человека, который бы не знал или хотя бы не слышал о верном коте. За всё время ожидания он так никому и не позволил приютить себя. Благо хоть с удовольствием принимал еду, которую ему приносили работники из близлежащих гастрономов. Особенно нравились ему рыбные гостинцы из магазинов «Камчатские продукты» и «Красная икра». Сотрудники салона красоты, аптеки, ломбарда, банка тоже не оставляли его без внимания, подкармливали красавчика. А продавщица зоомагазина, который расположен напротив, через дорогу, подарила миску и целый мешок сухого

«Вискас», попросив Таисию хранить его в киоске и выдавать корм порциями; сотрудники «Л'Этуаль» принесли подстилку на скамью – старый плед; а менеджер «Кулинарной лавки братьев Караваевых» ежедневно угощал молочком, сметанкой и творожком.

Никто не мог спокойно смотреть на кота, на его безграничную преданность хозяевам, не испытывая жалости, не ощущая комка в горле. Со временем люди начали привыкать к этой грустной картине с котом на скамейке. «Наш Хатико», – так прозвали его местные жители.

В последний день осени Таисия, преисполненная чувством сострадания, не выдержала, позвонила в редакцию одного из столичных телеканалов, рассказала о брошенном хозяевами котике, попросила предпринять что-нибудь, чтобы спасти верного бедняжку от погибели. Наступала зима, а кот даже не думал сдаваться и покидать скамейку. Ударят морозы, он не выдержит: замёрзнет, помрёт.

На следующий день приехали корреспондент и оператор – молодая девушка и мужчина средних лет, – отсняли короткий репортаж, взяли интервью у Таисии, у сотрудников соседних предприятий и у пассажиров. В тот же день все жители города узнали о нем из короткого сюжета «Верный кот», который показали по телевизору в вечерних новостях.

Игнат в тот день, когда отрёкся от друга, вернулся домой глубокой ночью. Подвыпивший. Дети спали, жена ещё нет – ждала его. Он переступил порог дома, понуро опустив голову, холодно поцеловал Римму, молча скинул верхнюю одежду и прошёл в столовую.

– Что-то случилось? – Она поспешила за ним.

– Я так и знал, чёрт возьми! – выругался он и стукнул кулаком по столу – вилка на тарелке со звоном подпрыгнула. – Знал, что на них нельзя положиться…

– Что произошло?

– Отказ, вот что!

Жена рухнула на стул как подкошенная.

– Сделка отменилась! Они передумали. Кошачий запах им, видите ли, мешает. Гады! Всё, дорогая, договор

расторгнут, дом они не покупают! Мы никуда не едем... По крайней мере в ближайшее время.

Римма нервно гладила его плечо, не находя слов утешения. Она была шокирована известием и не могла поверить, что они остаются; что все сборы, все хлопоты, связанные с переездом, оказались напрасными. Вдобавок, они опростоволосились: не взяли с покупателей предоплату.

– Распаковываемся, – сухо сказал он, вышел из-за стола и направился в спальную комнату.

– Как кот? Отвёз? – спросила Римма.

– Отвёз, – буркнул он, не оборачиваясь, и скрылся за дверью.

Полночи ни ей, ни ему не спалось: каждый переживал неприятные события по поводу случившегося. Они в Испании присмотрели дом на Средиземноморском побережье, внесли задаток – крупную сумму, – а тут на тебе – отбой! Малого того, что потеряны деньги задатка и деньги, заплаченные за транспортировку вещей, – потеряно время!

Билеты на самолёт пришлось сдать. Контейнеры с вещами отозвать обратно.

И с этого дня в семье Абросимовых всё покатилось наперекосяк.

Спустя неделю протекла крыша в доме, и дождевая вода три дня заливала полы в детской на втором этаже, испортив всю мебель. После того как они избавились от кота, младший сын скучал по нему и плакал ещё месяц: каждый день просил отца съездить в приют и забрать его обратно. Позже купленные два котёнка ненадолго отвлекли детей от воспоминаний о прежнем любимце. Но самим котятам, увы и ах, дом Абросимовых не понравился: как сговорившись, они сбежали из усадьбы спустя две недели.

Егорка стал бояться темноты. Его пугал новый полированный шкаф в детской комнате. Особенно по ночам. Днём малыш пугался собственного отражения на полированных дверцах шкафа, а ночью ему мерещилось, что в нём кто-то живёт. У дочери начались проблемы с учёбой: скатилась с «ударницы» в троечницы. Днями напролёт лежит, слушает всякую муть по музыкальному каналу, танцует

под песни крашеных японских мальчиков – больше ничего, кажется, её в жизни не интересует.

Игнат стал раздражительным, на всё реагирует отрицательно: дети не слушаются – орёт на них, жена на минуту дольше задержится в ванной комнате – крик. До этого весёлый, наполненный детским смехом и гомоном, уютный и беспечальный дом за несколько недель обратился в заброшенный старинный особняк, окутанный гнетущей тишиной: таким он стал пустым и холодным. Люди в нём, казалось, одичали, перестали общаться друг с другом, все чада и домочадцы были предоставлены самим себе. Не стало долгих посиделок за ужином, как раньше, рассказов, бесед в семейном кругу; всё реже они собирались у экрана телевизора, чтобы посмотреть кинопремьеру. Никуда вместе не ходили, не ездили. Всё в доме постепенно стало умирать: и предметы, и атмосфера. Лишь маленький Егорка всё ещё был слышен: его смех оживлял дом, когда он смеялся, играя с подаренной игрушкой, пока та не надоедала: проходил день-другой, и новый подарок его уже не интересовал. И он начинал плакать. Всё чаще Егор засыпал в постели родителей – страшный шкаф не давал ему покоя. По вечерам, перед тем как ложиться спать, он заливался плачем, тыкая пальцем на дверцу шкафа, неразборчиво объясняя, что в нём живёт огромная кошка с мордой, как у их кота. Только, по словам малыша, кот стал совсем не такой, каким был раньше, а злой, с красными глазами и облезлой, грязной шерстью. Побороть страх он не мог даже при включенном свете. И даже когда к нему в комнату переселили брата Павла, страх перед темнотой у малыша не прошёл.

Дабы исправить печальное положение, наладить порядок и в своей голове, и в доме, Игнат, утомлённый свалившимися на него неурядицами в бизнесе и раздором в семье, к кому только не обращался за помощью. Астрологи, рекомендованные знакомыми, толком не ответили, что́ происходит с ним, – ничем не помогли. Маг-ясновидящая, к которой он ездил за тридевять земель, только выкачала из него деньги, определив причиной всех несчастий тот факт, что его семью покинул некий ангел-хранитель

и что отныне их дом не принесёт никому из домочадцев ни покоя, ни радости. А вот как вернуть это самое счастье, что надо для этого сделать, ведьма, одетая в цыганский пёстрый халат из атласной ткани, так и не сказала. Лишь одно посоветовала: «Жди, золотой мой, другого хранителя другого очага».

У Риммы день рождения 1 декабря. На семейный праздник были приглашены близкие родственники и некоторые друзья по бизнесу. Предполагалось, что вечеринка несколько развеселит, растормошит семейство, привнесёт тёплую атмосферу в дом, сплотит членов семьи. Но, к сожалению, и тут не обошлось без эксцесса.

В самый разгар торжества, когда они дружной компанией вовсю веселились и танцевали, надо ж было со своими поздравлениями позвонить давней подруге Риммы – Кристине. Бог с ними, с её поздравлениями: ну поздравила бы, и всё. Так ей же не терпелось сообщить новость: на городском канале, мол, их кота показывают; и поторопила именинницу, чтобы та скорее включила телевизор. И хотя у Игната в груди что-то тревожное ёкнуло, он, всё же, с энтузиазмом поспешил взять в руки пульт и включить телевизор, потому что нисколько не сомневался, что оставленного кота кто-то давно подобрал. Возможно, сейчас покажут нового хозяина, который вместе с ним выступает на какой-нибудь выставке кошек. Как никак их питомец умный, породистый.

Но то, что демонстрировалось на экране, – особенно то, о чём говорилось в комментарии репортёра, – заставило всех гостей забыть о трапезе, притихнуть и в недоумении открыть рты. Пока шёл репортаж, в доме царила гробовая тишина. Только Егорка единожды нарушил её, воскликнув: «Тасён, Тасён!» – и заплакал.

Игнат, не досмотрев до конца ролик, удалился из зала. Когда репортаж закончился, Римма взяла пульт и вернула запись последних новостей, чтобы повторно, с самого начала посмотреть сюжет.

На экране снова появился павильон автобусной остановки. На скамье, крупным планом, кот. Закадровый женский голос комментировал:

– Примерно в конце сентября, как рассказывают очевидцы, к остановке подъехала машина. Из неё выбежал мужчина, оставил на скамейке кота и уехал. С тех пор и днём и ночью, в дождь, снег и холод животное сидит и ждёт, когда за ним вернётся хозяин. В огромных голубых глазах грусть и тоска. Благо всё это время люди на остановке попадаются сердобольные: кто поесть принесёт, кто поласкает, прижмёт к себе, согреет. О грустной судьбе пушистого красавца знают в городе немногие.

«Он всё время здесь, – рассказывает пожилая женщина, поглаживая кота. – Уже два месяца как. Может, хозяйки уже нет, кто его знает».

«Мы не знаем его имени, к сожалению. Но называем его Хатико. Он наш русский Хатико», – пояснила продавщица из магазина косметики.

– Рядом с остановкой расположен газетный киоск, – продолжала репортёр. – Его работник рассказала, что местные жители уже два раза пытались приютить кота. В первый раз женщина забрала его домой, а тот сбежал и через три дня опять появился на остановке. Другим потенциальным хозяевам повезло ещё меньше: они взяли кота на руки и хотели унести, но он снова проявил характер – уже через пару метров вырвался и вернулся к месту обитания и ожидания. Единственное, на что кот согласился, – принять в дар ошейник, который ему принесла местная жительница, узнавшая о нелёгкой кошачьей судьбе. Скорее всего, несчастное животное привезли издалека, иначе кот уже нашёл бы дорогу домой. Увидит ли хозяин репортаж – одному богу известно. А преданный кот по-прежнему ждёт и с тоской провожает взглядом проезжающие автомобили. В маленьком сердце живёт надежда, что за ним обязательно вернутся...

Римма выключила телевизор.

Никто из присутствующих и на этот раз не проронил ни звука: все переваривали увиденное и услышанное. Малыш весь в слезах подбежал к маме и уткнулся лицом ей в ноги, заплакал. Вернулся Игнат. Под давлением дюжины пар укоризненных взглядов он, пряча стыдливые глаза, как нашкодивший пацан, подошёл неуверенной походкой

к столу, взял бутылку коньяка и дрожащей рукой стал разливать спиртное в рюмки.

– Что ж, может, продолжим... – Игнат едва скрывал волнение в голосе. – Как-никак всё-таки... день рождения...

Никто ему не ответил. Старшие дети, не глядя на отца, удалились по своим комнатам. Один за другим гости молчаливо поднялись из-за стола, поблагодарили хозяйку за угощение, ещё раз пожелали ей здоровья, оделись и покинули торжество. Лишь родители ненадолго задержались, чтобы на прощанье сказать имениннице пару лестных поздравительных фраз.

– Я думал, он отвёз кота в приют, – траурным голосом произнёс тесть своей жене и, обращаясь к невестке, уточнил: – Ты была в курсе?

Та отрицательно покачала головой.

Родственники разошлись, попрощавшись только с детьми и виновницей торжества. Вечер закончился в полной тишине, если не считать нытья расстроенного сынишки. Перед тем как уйти к себе в спальню, Римма остановилась в дверях, посмотрела на мужа, сидящего в кресле спиной к ней, и голосом, полным арктической холодности, произнесла:

– Как можно быть таким… столько лет. А я не замечала... Репортаж отсняли вчера. Мы надеемся, что он всё ещё там… ждет.

Игнат промолчал. Он просидел в кресле перед выключенным телевизором часа три и осушил бутылку виски, прежде чем до него дошёл весь смысл: и высказанного напоследок женою, и сказанного когда-то гадалкой – про талисман, про хранителя очага… И, заплетаясь в ногах, он торопливо направился в гараж.

Путь в город составлял 214 километров, плюс по городу немного. Итого – где-то 225. Вдребезги пьяный, он завёл джип и помчался в город, рассекая зимнюю ночь светом галогеновых фар. Нарушая скоростной режим, правила обгона и ещё десяток пунктов ПДД, Игнат за час с небольшим добрался до столицы,и в седьмом часу утра припарковался в заездном кармане остановки, на которой когда-то оставил кота.

Скамейка была пуста – кота на ней не было. Игнат почувствовал ком в горле, дышать стало трудно. Паническое состояние охватило его разум. Он же был уверен, что кот ждёт его. Как же так?

Людей на остановке тоже не было. Воскресное утро было тихим и малолюдным. Игнат вышел из машины, подошёл к остановке, огляделся вокруг и сел на скамейку, опустив голову. На брусчатке, между ботинок, увидел хлебные крошки, кусочки засохшего сыра и колбасы, а под скамейкой обглоданные косточки – кот был здесь недавно. Мужчина оглянулся, в надежде найти его поблизости, позвал «кис-кис», но кот не появился. Редкие прохожие, проходя мимо, с недоумением смотрели на странного мужчину.

С каждой минутой остановка оживала, наполнялась людьми. Джип, оставленный посреди дороги, да в придачу на остановочной площадке, создавал помехи подъезжающим рейсовым автобусам, заставляя водителей нервничать, объезжать его и сигналить, чтобы Игнат убрал машину, проехал хотя бы чуть вперёд. Но Игнат не то что бы игнорировал «просьбы», он вообще никак не реагировал на происходящее вокруг под действием изрядно выпитого спиртного. Ему было совершенно наплевать, что его машина мешает общественному транспорту; да и вообще ему на всё и всех в данный момент было на-пле-вать, потому что у него случилось великое горе: он потерял своего любимого кота! Ему вспомнился день, когда впервые он увидел его котёнком. Кличку долго придумывать не пришлось – слово само вертелось на языке: название породы было созвучно с именем великого американского боксёра-тяжеловеса, что и повлияло на безоговорочный вариант: его нарекли – Тайсон. И не зря. Он, как и великий чемпион, оказался выносливым, смелым и сильным духом котом. Мужчина захныкал, как ребёнок.

Через полчаса, когда начал брезжить рассвет, из подъехавшего автобуса вышла грузная женщина. Игнат вытер слёзы и проводил её взглядом. Женщина подошла к газетному киоску, подняла жалюзи, открыла дверь и вошла внутрь – в киоске загорелся свет. Некоторое время мужчи-

на наблюдал за киоскёршей: та сняла пальто, повесила его на плечики, принялась раскладывать на прилавке газеты. И тут он вспомнил телерепортаж, в котором показывали этот самый киоск и её – эту продавщицу. Он поднялся и, шатаясь, поковылял к ларьку, постучал в окно. Женщина – это была Таисия Волкова – открыла форточку.

– Ссдрассьте, – неживым языком промямлил Игнат.

– Пока закрыто. Раскладываю свежую прессу. Подождите немного, – ответила киоскёрша и закрыла окошко.

Игнат настойчиво продолжал стучать. Женщина открыла окошко и повторила сказанное ранее.

– Хде... кот? – спросил он, с трудом выговаривая слова. – Пжаста, скажите, хде кот?.. Нужен...

Женщина плотно закрыла окно, исчезла за стеллажами. Открылась боковая дверь, Таисия выглянула на улицу, с опаской разглядывая пьяного мужчину.

– А зачем он вам?

– Мне нужно… забрать… Хте он? Мой кот, мой хороший котик…

Таисия не на шутку испугалась: в такие руки вернуть кота – да не в жизнь. Пусть хоть убьёт – она не позволит случиться такому.

– Его вчера приютил какой-то мужчина, – ответила она.

– Хто?.. Хте-е он живёт? Хто забрал, пжалуста, мой… мой талисман, – чуть не плача, бормотал Игнат. – Вы не знаете, хто забрал Тайсона?

– Нет, – коротко ответила Таисия и быстро закрыла дверь. Постояла немного, переводя дыхание, и продолжила раскладывать свежую прессу, моля Господа, чтобы пьяный мужчина поскорее убрался отсюда. Не хватало ещё, чтобы он оказался тем самым хозяином кота.

Игнат ещё некоторое время стучал в дверь киоска, пытался вызвать на разговор продавца, но та не реагировала на него, продолжая свою работу. Собравшиеся в ряд несколько автобусов сигналили джипу, припаркованному на остановке.

Игнат посмотрел на пустую скамью, и тут в его глазах вдруг запрыгали огоньки; улица закружилась, дома поплыли. Теряя равновесие, он направился, рыдая и всхлипывая,

к своей машине. Если сию минуту он не сядет, то упадёт точно.

Подходя к «гелику», Игнат увидел размытый силуэт человека в форме, который стоял рядом с настежь открытой водительской дверью, закрывая собой вход в салон. Незнакомец представился, приложив руку к шапке, назвал своё звание, должность и имя, и сообщил о нарушении пункта 12.4 ПДД…

– Чё?.. – переспросил Игнат, хотел было вцепиться в лацкан куртки офицера, но, потеряв координацию, попятился, попятился назад, размахивая руками, запутался в собственных ногах, споткнулся и рухнул спиной на асфальт, ударившись затылком о бордюр... и потерял сознание.

В течение двух месяцев Таисия терпеливо приучала кота не бояться газетного киоска. Несколько раз даже приглашала его войти внутрь. Здесь, в тепле, он хоть иногда отогревался бы, спал. Но все попытки оказывались тщетными: кот Таисию слушался, подходил к павильону, но в открытую дверь войти наотрез отказывался. В конце концов терпение смотреть на замерзающего кота у женщины лопнуло. В тот первый день зимы, когда по её просьбе приезжали телевизионщики, она решила действовать незамедлительно и без сантиментов.

Вечером, закончив работу, она, как обычно, закрыла киоск и подошла к коту (как бы попрощаться с ним и оставить на ночь еду). Кот спрыгнул со скамьи, стал тереться о её сапоги. Таисия нагнулась, бесцеремонно взяла его на руки, постояла с ним некоторое время, поговорила и быстро вбежала в открывшиеся двери только что подъехавшего микроавтобуса. К её удивлению, кот даже не сопротивлялся, пока она усаживалась на свободное место, и покорно оставался сидеть на коленях всю дорогу, с превеликим удовольствием разглядывая в окно ночной город. Убегать, похоже, он не собирался вовсе. Судя по тому, как ему нравилось ехать в транспорте, становилось понятно, что его часто возили в машине. Тут Таисия впервые услышала – а скорее, почувствовала кончиками пальцев, прижатыми к груди кота, – как тот мурлычет.

Он мурлыкал от счастья.

Дело в том, что как только репортёры отсняли сюжет и уехали, кот вдруг услышал до этого не знакомые ему звуки: до его ушей донёсся переливный звон буддийских ритуальных колокольчиков, такой нежнейший и спокойный, что сердце животного сразу наполнилось умиротворением, и он почувствовал эйфорию. В голове как будто что-то выключилось – всё недавнее прошлое мигом забылось, стёрлось из кошачьей памяти. Он разом позабыл про обиду и боль, про верность и преданность, а главное – забыл, зачем он здесь находится, что делает на этой скамейке. Льющаяся отовсюду волшебная мелодия поведала ему о том, что нет больше никакого очага, нет любимого хозяина. Да и был ли он на самом деле, этот дом с хозяином, кто его знает теперь.

Кот ехал и радовался неизвестности, в которой – он почему-то был в этом уверен – его ждут счастливые приключения. И будет там тепло и добро. А ещё – там, впереди, – его ждёт Тот, ради которого он будет жить!

У Таисии появилась уверенность, что коту… – ах да, теперь ей известно его имя! – что Тайсону понравится её скромный уютный коттедж в Мытищах. И красавица кошка сибирской породы – Ласка, понравится тоже.

Альберт ЮСУПОВ

СКАЗКИ

Дебют

Зелёный фрак сидел безупречно. Кузьма Кузьмич ещё раз разгладил все складочки, расправил усы и надел зелёную шляпу. Из только что родившейся капельки росы на Кузьму Кузьмича смотрел серьёзный солидный кузнечик.

Кузьма Кузьмич остался очень доволен своим видом, едва сдержав желание подпрыгнуть высоко-высоко и сделать сальто-мортале. Это вчера он мог скакать на лугу. Это вчера он в последний раз играл с бабочками в догонялки. С сегодняшнего дня Кузьма Кузьмич – настоящий капельмейстер! Более ни у кого не возникнет желания фамильярно крикнуть при встрече: «Привет, Кузька!».

Пора! Кузьма Кузьмич вышел на улицу, притворил за собой дверь с лаконичной табличкой «Кузьма Кузьмич Прыгунов. Дирижёр». Табличка была намного старше Кузьмы Куьмича и передавалась по наследству, поскольку в династии дирижёров Прыгуновых всех мальчиков называли Кузями. И для каждого Прыгунова наступал день дебюта.

Подхватив футляр с дирижёрской палочкой, Кузьма Кузьмич степенно направился к берегу пруда, не забывая по пути вежливо здороваться с божьими коровками и раскланиваться с жуками-хрущами.

У пруда пахло согретой жарким солнцем водой, с нотками тёмного ила и сладковатой осокой. Водомерки состязались в скорости, лихо скользя по туго натянутой поверхности воды. Над ними стайками кружились мошки и комарики в озорных хороводах. Лягушки и караси нахально пользовались всеобщим весельем для утоления голода.

Ветерок изредка нежно ерошил маленькую заводь, и водомерки с радостным визгом скатывались с водяных гребней. Над далёким лесом солнце начало мягко усаживаться на зелёные верхушки берёз.

Все на месте, все в сборе. Самое время.

Кузьма Кузьмич, вскочил на высокую травинку, достал дирижёрскую палочку, постучал ею: «Так-так-так!», призывая всех ко вниманию, и сделал первый взмах.

На мгновение всё смолкло.

«Плюхххххх… плюхххх…» – минорно начали караси.

«Кваааа… кваааа… ква-ква-кваааа…» – присоединились к ним лягушки.

Коротенький ритмичный пролог, и, повинуясь взмаху палочки маленького маэстро, сплочённо вступает духовая группа:

«Бжжжжжжжжыыыыыуу… бжжжжжжжжыыыыыуу… бжжжжжжжжыыыыыуу…» – ускоряли ритм жуки-тромбонисты.

«Зззууууу, зззууууу, зззууууу, зу-зу-ззззуууууууу», – дружно в лад дудели трубачи-комарики.

Солнце, завороженное мелодией, стало закатываться в своё ночное ложе, погружаясь в слегка колышущееся море далёкого леса. Казалось, мохнатые ладони деревьев нежно укрывали его одеялом из белых пушистых облаков.

А музыка нарастала, подчиняясь движениям палочки. Скрипки и альты сверчков пели многоголосым хором, иногда срываясь на дружное пиццикато.

«Шурх-шурх-шурх, шурх-шурх-шурх», – стремительно наращивали общий ритм маракасы стрекоз.

И на самом пике крещендо раздалось «Чувить-чувить-чувиииить!» – соловей вступил в свою сольную партию. Оркестр замолк.

– Фью-фью-фью, чвик-чвик-чвик, – заливался соловушка.

Солнце уходило ниже, ниже и ниже. От пруда едва уловимо потянуло прохладой.

– Ить-ить-ить, трррррррииоо, трррррррииоо, чввиииииииииииии!

На самом излёте самой высокой ноты послушный жесту Кузьма Кузьмича луговой оркестр слаженно вступил в финал.

Оранжевая макушка солнца, ещё мгновение назад видневшаяся над лесом, скрылась за его верхушками в тот самый миг, когда Кузьма Кузьмич сделал финальный взмах своей палочкой. И ветерок, терпеливо ждавший своего часа, провёл своей лёгкой ладонью по колокольчикам: «Динь-динь-динннннь».

День закончен. Солнышко ушло спать до утра.

– Браво-браво-браво! Всем спасибо! Все молодцы! Завтра жду всех в то же время, попрошу никого не опаздывать! – Кузьма Кузьмич раскланялся и весело поскакал к дому.

Засыпая, кузнечик смотрел на висящий на стене огонёк светлячка, улыбался и думал, что у него самая лучшая в мире работа – исполнять колыбельную для солнца. Ведь если солнышко не будет отдыхать, оно устанет и перестанет дарить своё тепло обитателям луга и пруда. А без него вся жизнь остановится.

«От моей дирижёрской палочки зависит весь мир! Надо хорошенько выспаться, завтра ещё раз повторить партитуру, и ни в коем случае нельзя опаздывать…» Кузьма Кузьмич погладил светлячка, уже погасившего свет, повернулся на правый бок и закрыл глаза.

Уже почти засыпая, он подумал, что можно будет завтра днём немного поиграть на лугу с бабочками в салки. В самый-самый-самый последний раз.

Где играет паутинка?

Ваааа-ленннн-линнн... Ваааа-ленннн-тиннн... Паучок Павел в задумчивости перебирал нити своей паутины. Звук был чистый, ровный. Глупая муха чуть было не порвала несколько нитей. В другое время Павел непременно съел бы её в наказание и в назидание оставшимся бестолковым подружкам, но нити уцелели, и освобождённая жужжалка упорхнула восвояси, не веря своей удаче.

Как правило, Павел закусывал попавшей в его паутину мошкарой, только если при этом рвались нити (особенно этим отличались большие малохольные мухи, которые совершенно не смотрят, куда летят). Или когда застрявшая

муха жужжала так противно и фальшиво, что Павлу казалось, что сейчас лопнет его голова.

Другие пауки посмеивались над такой избирательностью Павла и, наверное, неодобрительно обсуждали при разговорах:

– Что за блажь!.. Паук плетёт паутину, ловит в неё мух и тем добывает себе пропитание. Так заведено в паучьем роду испокон веков. Главное, чтобы паутина была крепкой. Порвалась – заштопал, и спи дальше.

Павлик свою паутину любил. Каждая ниточка имела своё звучание, и любое перемещение по паутине превращалось в неповторимую мелодию. Задорную и жизнерадостную во время игры в классики или догонялки с другими паучками. Грустную и лиричную, когда вместе с Павликом перебирал нити его паутины лишь лёгкий ветерок, заглянувший в траву по какой-то своей ветряной надобности.

Это были минуты, когда Павлик мечтал стать великим музыкантом. Ему казалось, будь у него другое имя, он обязательно стал бы всемирно известным!

«Павлик... Что за имя для музыканта! Совершенно неподходящее. Смешно даже... Музыкант Павлик. Звучит, словно об землю плюхнулся... Совсем другое дело Валентин! Вааа-леннн-тиннн. Точно луговой колокольчик качнулся в полуденной тиши. Если бы только Павлика звали Валентин. Тинннн... Тинннн...»

– Прошу, прощения. Можно вас отвлечь? – раздался голос.

На соседнем стебельке лисохвоста, прямо под пушистым колоском, сидел кузнечик в солидном зелёном фраке и приветливо улыбался.

– Еще раз прошу прощения, что отвлекаю вас, но не смог проскочить мимо. У вас прекрасный стиль игры, напоминающий арфу. Это огромная редкость в наше время... Я был бы счастлив, если бы вы дали согласие играть в нашем оркестре.

Павлик растерялся.

– Позвольте представиться, Кузьма Кузьмич Прыгунов. Дирижёр. Ваше имя? – продолжал зелёный гость.

– П-п-п-павлик..

– Павел? Какое красивое и благородное имя! Вы хотите играть в нашем оркестре? Когда сможете приступить к репетициям?

– Я?.. Я хочу! Я готов! Но... я не музыкант... Я даже не знаю ноты...

Кузнечик задумался. В голове у Павлика пронеслась мысль: «Ээээх... Не судьба... Не дано мне стать музыкантом... И имя еще дурацкое...»

– Ну-у-у... в таком случае... – заговорил после паузы Кузьма Кузьмич.

Сердце Павлика упало в ожидании печального известия...

– В таком случае не будем терять времени, прямо сегодня начнём занятия. Жду вас через четверть часа на берегу пруда. До скорой встречи!

Кузнечик учтиво поклонился и ускакал, оставив паучка в остолбеневшем состоянии. Павлик постоял ещё несколько мгновений неподвижно, не веря своим ушам. Придя в себя, он бросился со всех ног к пруду.

К моменту появления кузнечика Павлик успел уже решить, что Кузьма Кузьмич просто пошутил, что никто никуда не придёт и что всё произошедшее недавно просто приснилось.

Однако ровно через пятнадцать минут припрыгал Кузьма Кузьмич с объемистой папкой. В ней оказались ноты.

– Приступим, – сказал он, приветливо пожав лапку Павлику.

– Эти полоски называются нотный стан. На него кружочками наносятся ноты. Чем выше располагается кружочек – тем выше нота, то есть тоньше её звук. В музыке всего семь нот: до, ре, ми, фа, соль, ля , си. Начнем изучать с первой октавы. Слышите, как гудит шмель? Это до первой октавы. Слышите: до-о-о-о-о. Можете повторить?

– Конечно! – Павлик быстро натянул на ближайшей травинке нить паутины и дёрнул её лапкой: «до-о-о-о-о».

– Замечательно! А сейчас послушайте, как гудит пчела. Слышите? Ре-е-е-е-е. Повторите.

Павлик мгновенно натянул ещё одну нить и тренькнул: «ре-е-е-е-е». Но получилось не совсем то, что нужно. Больше было похоже на «бе-е-е-е». Павлик тут же расстроился.

– Не надо расстраиваться, надо настраиваться! – пошутил кузнечик. – Настройте вашу струну так, чтобы получилось правильное ре.

К концу занятия наш паучок сплёл небольшую музыкальную паутину из семи чисто звучащих нот и во-

всю разучивал гаммы: до-ре-ми-фа-соль-ля-си-и-и, си-ля-соль-фа-ми-ре-до-о-о-о.

День за днём Павлик под руководством Кузьмы Кузьмича осваивал эту новую и очень интересную науку с мелодичным названием – сольфеджио. Ноты, октавы, аккорды, длительность, темп. Упражнения становились всё сложнее. Одновременно разрасталась музыкальная паутина, натянутая между двух изогнутых травинок, становясь похожей на большую арфу.

Очень мешали мошки, то и дело залетавшие в переплетение нитей и расстраивающие звучание паутины. Павлику постоянно приходилось отвлекаться на настройку тональности или перетяжку порванной струны. Никакие угрозы или уговоры не помогали. Мошкариная братия давала честное мошкариное слово Павлику и Кузьме Кузьмичу держаться подальше от мест занятий и тут же забывала данное слово, с весёлым жужжанием бросаясь вдогонку за очередным солнечным зайчиком.

Тогда другие пауки, поначалу очень скептически относившиеся к увлечению их сородича, собрались вместе и за один вечер соорудили вокруг луговой музыкальной школы паутинный кокон, окончательно положив конец мошкариному произволу. Более того, некоторые паучки наравне с Павликом стали посещать уроки музыки, чему он и кузнечик были только рады.

В день премьеры Павлик, почти не спавший от волнения ночью, раньше всех прибежал на берег пруда, скрупулёзно проверил звучание каждой струны, замечая краем глаза, как другие пауки внимательно проверяют состояние защитных сетей. Никакой крылатый озорник или случайный вредитель не помешает вечернему выступлению!

Кузьма Кузьмич, по обыкновению, появился минута в минуту. Поздоровался со всеми, достал свою дирижёрскую палочку и постучал, призывая всех к вниманию.

Взмах! Музыка полилась, зажурчала, зазвенела, волнами растекаясь над полянкой и прудом. Павлик сосредоточенно наблюдал за жестами маэстро, ожидая сигнал к началу своей партии.

Вот, кузнечик сделал предупредительный жест, паучок внезапно вспомнил его название – «ауфтакт» – и тронул струны.

Дальше было просто волшебство. Павлику казалось, что его лапки сами, повинуясь какой-то неведомой силе, извлекают ноты и аккорды, светлой струйкой вливающиеся в облако музыки над вечерним оркестром. Всё вокруг пело, жужжало, звенело, сливаясь в единый мелодичный хор. Зрители были в восторге!

После заката Павлик сидел в центре своей домашней паутины, смотрел на звёзды, слушал, как нотой ля третьей октавы звенит запоздалый комарик, запутавшийся в нитях.

Он думал о том, что, оказывается, совсем не важно, какое у тебя имя. Главное мечтать и стремиться к цели. И тогда всё получится.

Кстати... Надо сбегать отпустить комарика. Иначе никому спать не даст. Да и дома его, наверное, заждались…

Лунный джаз

Барабанщик заяц был виртуозом. Одно его портило в глазах Кузьмы Кузьмича – непонятная склонность отступать от партитуры и играть полнейшую отсебятину, отдалённо напоминающую прописанную в нотах партию. Как руководитель оркестра он не единожды делал зайцу замечания, впрочем, прощая серому нечастые выходки за его талант , искренне не понимая причин таких поступков.

Заяц же назвал свои проделки импровизацией, барабаня подчас совершенно фантастические вариации произведений из репертуара оркестра.

Вот и сегодня на лопоухого что-то нашло. Мало того что он вступил не вовремя, так ещё и самозабвенно стучал нечто непонятное. Кузьма Кузьмич взмахом остановил репетицию, грозно развернувшись шагнул к куцехвостому озорнику и... проснулся на полу.

Барабанный бой не прекращался. Кто-то бесцеремонно стучал в дверь.

Морщась от назойливого грохота, кузнечик накинул халат и в полусонном состоянии направился к входу. От-

ворив дверь, он наконец полностью раскрыл глаза и чуть было снова не упал в обморок. Над головой, словно от сотрясения, кружились огоньки, истошно вереща:

– Караул!

– Трагедия!

– Небывалое!

– Явление!

– Всё!

– Пропало!

Остатки сонливости растворились в этой свистопляске, и Кузьма Кузьмич скомандовал:

– Стоять! Молчать!

Два светлячка с мерцающими от волнения огоньками застыли в воздухе.

– Рассказывайте толком, что случилось?

Перебивая друг друга, то и дело порываясь сотворить воздушный кульбит, нежданные гости рассказали небывалую историю:

Луна прослышала про ежевечерние концерты для уходящего на отдых солнца и совершенно неожиданно обиделась! Скоро рассвет, всем ночным обитателям пора укладываться на дневной отдых, а луна напрочь отказывается уходить с небосклона без концерта. Неспящие жители опушки попробовали исполнить какую-нибудь мелодию, но ничего не получилось. Каждый старался изо всех сил, при этом не слушал других, и получился жуткий кошачий концерт. И тогда решили пригласить маэстро...

Кузьма Кузьмич ошарашенно посмотрел на небо. Над вершинами деревьев, в первых, ещё немощных лучах уже просыпающегося солнца, висела огромная оранжевая луна, похожая на возмущённый апельсин.

– Скорее!

– Летим!

– Без вас!

– Никак!

– Все!

– Ждут!

– Вас!! – хором закончили свой рассказ светлячки.

На знакомом берегу пруда взволнованно жужжало, ухало и стрекотало скопление ночных обитателей округи. Кузьма Кузьмич привычно запрыгнул на любимую травинку, взмахнул своей дирижёрской палочкой и застыл...

Что и как исполнять!? Музыканты – незнакомые...Репертуар – не изучен... Коллектив – не слажен... Кошмар! Ужас!! Бедствие!!!

А новоявленные оркестранты затаив дыхание смотрели на маэстро, в ожидании чуда. Казалось, даже луна затаила дыхание и слегка убавила накал багрового оттенка своего лица.

Кузьма Кузьмич расправил плечи, решительно вскинул голову и взмахнул своей дирижёрской палочкой. Первыми по его сигналу вступили светлячки: «Трррррреннннь, трррреееенннь, трррреееенннь», – негромко и нежно понеслось над поляной. «Фрррррр... фрррррр... фррррр...» – присоединились к увертюре ночные бабочки. «Ухууу, ухууу, ухуууууууу», – подключился филин.

Ка-ко-фо-ни-я! Музыка звучала нестройно, не в лад, словно музыканты не слышали друг друга. Каждый исполнял свою партию в своём собственном ритме и тональности, а всё вместе создавало впечатление слона, пытающегося развернуться в тесном музыкальном магазине.

Лик луны начал чернеть, словно тень от огромной широкополой шляпы наползал на него. Казалось, катастрофа неминуема...

Ритм... Нужен ритм – осенило маэстро! А с ним мог помочь только...

Через минуту, получив чёткие инструкции, два друга-светлячка летели в сторону леса. Чёрная тень неумолимо наползала на зловеще-багровый диск ночного светила...

– Уважаемый артём, – обратился кузнечик к слегка косому спросонья зайцу. – Я приношу глубочайшие извинения, что потревожили вас в столь неурочное время, но у нас есть сложности, с которыми без вас не справиться! Могли бы вы задать нам ритм? Нужно что-то ритмичное, но лиричное.

Лопоухий барабанщик кивнул, в один прыжок подскочил к любимому звонкому пню и выдал разминочное «Тара-тара-бара-бумс!». На мгновение задумался. Погладил лапкой узорчатый спил. Через мгновение над зеркальной

гладью затаившего дыхание пруда понеслось «Бумс! Тири-тири-тириба-бумс! Буру-буру-буруба-бумс!»

Кузнечик закрыл глаза, поймал ритм и заново взмахнул палочкой...

Снова затрещали светлячки, зашелестели бабочки. Кузьма Кузьмич словно нанизывал звуки ночных музыкантов на ось ритма, в то же время выплетая невиданный доселе узор из сольных партий ухающих сов, кваканья лягушек, стрекота козодоев.

Кошмарное пятно, покрывавшее луну, стало уходить, унося за собой багровый оттенок озаряющий небо. Тучки вспушились нежной периной, предвкушая скорый отдых ночной странницы на их мягких боках. А над поляной расстилалась неслыханная доселе мелодия из свитых воедино сольных партий, больших унисонов и ритма ударных.

Чистое белое лицо ночного светила стало полупрозрачным. Луна накрылась ближайшим облачком и исчезла с утреннего неба до вечера, до новой своей смены.

Маленький маэстро в последний раз взмахнул палочкой, нарисовав в воздухе букву «о» и резко развёл лапки в стороны. Выступление закончено.

Усталые, но довольные музыканты разлетались, разбегались, распрыгивались по домам.

– Спасибо!

– Маэстро!

– Вы!

– Просто!

– Волшебник!

Два светлячка в своей неизменной манере облетели подиум и ужужали куда-то в траву, Кузьма Кузьмич не успел даже спросить, как их зовут.

Вокруг начиналась утренняя суета дневных обитателей опушки. Солнце, поднимаясь, рассыпалось тысячей ярких искр в капельках утренней росы. Кузнечик устало шагал к своему домику и думал о том, что импровизация не такая и плохая штука. Иногда можно позволить себе выйти за границы камерной музыки и сыграть нечто неповторимое.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Юлия ПИСКУНОВА
Новосибирск

I. Лохматые стишата

* * *

Как солнце слон мечтал сиять,
тепло зверятам раздавать.
Слону сказало солнце:
– Отныне будешь слонцем!
Наш слон от счастья просиял
и счастье это раздавал.
Заглядывал в оконце:
– Сейчас вам светит слонце!

* * *

«Крокодилы ходят лёжа.
Лёжа ходят крокодилы.
И поэтому я тоже
лёжа в школу уходила:
на кровати левой, правой
я по воздуху ступала...»

Не дошла до школы Клава –
лапок было слишком мало!

* * *

Лягушка лягушке сказала на ушко:
– Ты очень красива, мила – просто душка!
Но всё же скажу, как подружка – подружке:
слизни из зубов-ка застрявшую мушку!

* * *

Купили два бобра
два антикварных бра.
Довольные бобры
включили дома бры.

* * *

Свинка спинку в бане
потереть не может.
Что же, свинка станет
бегать с грязной кожей?

* * *

– Давайте перейдем на «ты», –
сказала выхухоль другой, –
осмотрим берег с высоты
и полюбуемся рекой.

И выухоль взяла под руку
подругу:
– Что же, скрасим скуку!

В норе, как будто в тронном зале
две тыхухоли танцевали.

Мария ПРОКОФЬЕВА

Подмосковье

Карандашики

Карандашики цветные
Жили в банке на столе,
Рисовали и чертили
Все, что нужно было мне:

Карты, схемы, диаграммы,
Стрелки, абрис и пунктир.
По линейке, по программе
Вот, что каждый начертил:

Черный – цифры и значки,
Красный – галочки, крючки,
Желтый клетки штриховал,
Синий стрелки расставлял.

Карандашики цветные
Раз отправились в поход.
Точилки взяли запасные
И в кармане бутерброд.

Лесом шли, по речке плыли.
На пригорке был привал.
Рисовать обед решили…
Вот что каждый рисовал:

Красный – красный костерок,
Чёрный – черный котелок.
Желтый кашу малевал,
Синий воду подливал.

Карандашики поели,
Заточились и пошли,
И в походе две недели
Рисовали что хотели:

Синий – синие моря,
Желтый – желтые поля,
Красный – красный в поле мак,
Ну а черный – просто так.

Саше

Ангел в кухню залетел,
Ангел блинчик захотел.

Съел один, два, три, четыре
И остался в нашем мире.

Леве

В каменном веке каменный мячик
Пнул со всей дури не каменный мальчик.
Понял тут мальчик, что в каменном веке
Рано в футбол играть человеку.

Нина НОСОВА (ПРЫТКОВА)

Ай да чудо!

Есть у нашей мышки
Серые штанишки,
С дырочкой под хвостик.
Ходит мышка в гости!

Ай да чудо-мышка,
Мышка-шалунишка:
Нюхала покупки –
Семечек скорлупки.

Вместе нам не тесно,
Вместе месим тесто.
По-соседски дружим,
Делим сытный ужин.

А в часы досуга
Радуем друг друга –
Взяв цветастый фантик,
Шью на хвост ей бантик!

ЗЕМЛЯКИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск сороковой (№ 1, 2026)

Главный редактор *О. А. Рябов*
Составители *Андрей Иудин, Олег Рябов*

Шеф-редактор *Андрей Иудин*
Макет *Арсения Костромина*
Дизайн обложки *Геннадия Щеглова*
Корректор *Наталия Петрищева*

В оформлении обложки использована
работа *Ивана Билибина* «Иван-царевич на распутье»

Подписано к печати 02.06.2026. Выпущено в свет 29.06.2026.
Бумага 60x84 17/16.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,9. Тираж 1000 экз.
Свободная цена.

16+

Учредитель и издатель ООО «Книги»
Адрес редакции: 603057, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 24/2,
ООО «Книги»
Тел. (831) 412-16-04

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13